63 31215
ms-r-16

1941
Включено
в
каталог

Проверено
1939 г.

63.3(2)5
Г-16
2518
Инв.
80
1965
91
Ин. № 80763

Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ

80763

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ:

Н. О. АННЕНСКАГО, В. Я. БОГУЧАРСКАГО, В. И. СЕМЕВСКАГО
и П. Ф. ЯКУБОВИЧА.

ЧАСТЬ I.

БИБЛІОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Съ 29 портретами.

92
5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1907.

92
5

3606

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Страшный призракъ мрачнаго застѣнка отошелъ въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Но забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Сколько было всѣхъ такихъ страдальцевъ, въ точности пока неизвѣстно, такъ какъ архивныя розысканія открываютъ все новыя, прежде совершенно неизвѣстныя, имена. Составители настоящей «Галлереи» даютъ на первый разъ 30 біографическихъ очерковъ и 29 портретовъ: къ сожалѣнію, портрета І. В. Поджіо розыскать не удалось.

Считаемъ долгомъ принести глубочайшую признательность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя своимъ трудомъ, доставленіемъ карточекъ, біографическихъ свѣдѣній и пр. содѣйствовали составленію и изданію книги.

Шлиссельбургская крѣпость.

Великихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ
Слѣды не пропадаютъ...

Лонгфелло.

I.

Въ борьбѣ съ оппозиціонными элементами русское самодержавіе всегда отличалось необычайною суровостью... Достаточно припомнить дѣятельность тѣхъ учрежденій, которыя издавна стояли у насъ на стражѣ самодержавнаго строя: „Преображенскій приказъ"... „Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія"... „Тайная экспедиція..." „Третье отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи"... и, наконецъ, современныя намъ и вполнѣ аналогичныя учрежденія: „департаментъ государственной полиціи", „корпусъ жандармовъ" и такъ называемая „охрана", съ ея безчисленными отдѣленіями, раскиданными по всей Россіи, и съ еще болѣе многочисленными агентами—явными и тайными.

Какъ теперь, въ наши дни, такъ и въ прежнее, далекое отъ насъ время русское правительство въ борьбѣ съ своими врагами всего чаще и охотнѣе прибѣгало къ помощи тюремныхъ казематовъ. Безпокойные люди, которые рѣшались выступать противъ произвола и тиранніи самодержавной бюрократіи, которые осмѣливались поднимать свой голосъ за права и свободу народа, изнывавшаго подъ игомъ абсолютизма въ нищетѣ, рабствѣ и невѣжествѣ,—немедленно же запирались въ каменные мѣшки, въ тѣсные, сырые, душные казематы.

Среди крѣпостей и тюремъ такого рода первыя мѣста при-

надлежатъ Шлиссельбургу и Петропавловкѣ. Страшный, кровавый слѣдъ оставили эти тюрьмы въ исторіи русскаго народа!

Остановимся на первой изъ нихъ.

„Шлиссельбургская крѣпость—тюрьма историческая, имѣющая и древнюю, и новую исторію, и даже новѣйшую", — читаемъ мы въ одной заграничной брошюрѣ. „Старая исторія ея еще хранится въ матеріалахъ, сложенныхъ въ архивахъ. Она блистаетъ нѣкоторыми историческими именами и вращается въ публикѣ въ видѣ отрывочныхъ, часто полулегендарныхъ разсказовъ, въ которыхъ Шлиссельбургская тюрьма рисуется обыкновенно мѣстомъ, гдѣ замуровываютъ въ каменные мѣшки людей для того, чтобы свѣтъ забылъ объ ихъ существованіи" [1]).

Разсказываютъ, напримѣръ, что одинъ изъ такихъ узниковъ, „заключенный въ началѣ царствованія Николая I-го и выпущенный на свободу послѣ 35 лѣтъ заключенія, никакъ не хотѣлъ повѣрить, что въ Россіи царствуетъ уже не Николай I, а Александръ II, котораго онъ зналъ ребенкомъ и все еще считалъ таковымъ, такъ какъ, вступивъ въ эту живую могилу, онъ какъ бы замеръ въ ней", потерявъ счетъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счетъ своихъ собственныхъ лѣтъ, проведенныхъ во мракѣ крѣпостного каземата [2]).

По нашему мнѣнію, исторія Шлиссельбурга естественнымъ образомъ распадается на три главные періода: первый—отъ момента завоеванія крѣпости до постройки *старой* шлиссельбургской тюрьмы. Въ теченіе этого періода лица, заточаемыя въ Шлиссельбургъ, томились въ башняхъ и каменныхъ мѣшкахъ крѣпости.

Второй періодъ обнимаетъ время, когда функціонировала старая шлиссельбургская тюрьма, главнымъ образомъ—XIX-й вѣкъ, до начала семидесятыхъ годовъ. И, наконецъ, третій, послѣдній періодъ слѣдуетъ считать съ момента постройки *новой* шлиссельбургской тюрьмы, т.-е. съ 1884 года вплоть до великой русской революціи 1905 года, когда ворота Шлиссельбургской крѣпости, подъ напоромъ освободительнаго движенія, должны были раскрыться, и изъ нихъ вышли на свѣтъ божій посѣдѣвшіе въ казематахъ борцы „Народной Воли".

За время перваго періода исторіи Шлиссельбургской крѣпости въ башняхъ ея, въ качествѣ колодниковъ, нерѣдко то-

[1]) „Могила русскихъ борцовъ — Шлиссельбургская крѣпость". Carouge—Genève 1900 г.

[2]) Тамъ же.

мятся знатные вельможи, когда-то всемогущіе временщики [1]), ближайшіе родственники государей, члены царской семьи, царевна, царица и, наконецъ, свергнутый съ престола императоръ.

Одно время въ Шлиссельбургской крѣпости находилась въ заточеніи первая жена Петра Великаго—Евдокія Федоровна Лопухина. Сосланная первоначально въ 1698 года въ Суздальскій Покровскій монастырь, она была противъ воли пострижена въ монахини, подъ именемъ инокини Елены. Протестуя противъ насилія, произведеннаго надъ нею, бывшая царица отказывалась подчиниться монастырскому режиму, носила свѣтское платье и продолжала называться прежнимъ своимъ именемъ Евдокіи.

При ссылкѣ въ монастырь она обречена была на всевозможныя лишенія и нужду: при ней не было опредѣлено никакой прислуги, а на ея содержаніе не было назначено ни одной копѣйки. Государь-деспотъ осудилъ свою жену на тяжкую долю простой, рядовой монахини. Между тѣмъ, она была молода, красива и жаждала власти, вліянія, любви и участія. При постриженіи ей было всего 25 лѣтъ и, по свидѣтельству историковъ, она находилась въ полномъ расцвѣтѣ красоты и здоровья.

На этой почвѣ разыгрывается ея романъ съ пріѣзжавшимъ въ Суздаль по дѣламъ службы генералъ-маіоромъ Глѣбовымъ, романъ, за который его герой и героиня жестоко поплатились. Глѣбовъ былъ преданъ „лютой казни", а именно посаженъ на колъ, на которомъ онъ и умеръ, а Евдокія Федоровна сослана въ бѣдный захолустный Ладожскій монастырь подъ строжайшій надзоръ. Однако, она пробыла здѣсь недолго. Вступившая на престолъ послѣ смерти Петра Екатерина I-я видѣла въ ней опасную соперницу, и вотъ, по указу Екатерины, Евдокія Федоровна перевезена была въ Шлиссельбургъ, гдѣ и содержалась „въ самомъ тѣсномъ заточеніи".

Здѣсь ее видѣлъ камергеръ Берхгольцъ во время посѣщенія крѣпости герцогомъ голштинскимъ. „Въ 1725 году,—пишетъ Берхгольцъ,—обозрѣвая внутреннее расположеніе Шлиссельбургской крѣпости, я приблизился къ большой деревянной башнѣ, въ которой содержится Лопухина [2]). Не знаю—съ намѣреніемъ или нечаянно, вышла она и прогуливалась по

[1]) Такъ, напримѣръ, Бирона, во время суда надъ нимъ, содержался въ Шлиссельбургской крѣпости вмѣстѣ съ своимъ семействомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ Пелымъ.

[2]) М. И. Семевскій: «Авдотья Федоровна Лопухина». «Русскій Вѣстникъ», 1859 г., май, книжка вторая, стр. 261—262.

двору. Увидя меня, она поклонилась и громко говорила, но словъ, за отдаленностью, нельзя было разслышать".

Такимъ образомъ, изъ словъ Берхгольца можно вывести заключеніе, что Лопухина, несмотря на „тѣсноту заточенія" въ Шлиссельбургѣ, все-таки имѣла возможность выходить изъ своего заточенія, прогуливаться по двору и даже обращаться къ случайнымъ посѣтителямъ крѣпости. Изъ того же источника мы узнаемъ, что бывшая царица сидѣла въ большой деревянной башнѣ. Это послѣднее указаніе опровергаетъ ту легенду, которая до сихъ поръ сохраняется среди обитателей Шлиссельбургской крѣпости и по которой Евдокія Федоровна, будто бы, содержалась въ той же каменной башнѣ, въ которой позднѣе сидѣлъ Іоаннъ Антоновичъ и которая теперь извѣстна подъ именемъ Свѣтличной.

Одновременно съ Евдокіей Федоровной въ Шлиссельбургѣ томилась въ заточеніи царевна Марія Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича. Она сидѣла въ одной изъ Шлиссельбургскихъ башенъ, въ которой и скончалась въ 1723 году. Иностранные писатели того времени увѣряли, что царевна умерла отъ голода [1]). Вся ея вина состояла въ томъ, что она была уличена въ сношеніяхъ и перепискѣ съ Евдокіей Федоровной въ то время, когда послѣдняя находилась въ ссылкѣ въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Ужасныя условія, которыми обставлено было заточеніе въ Шлиссельбургѣ императора Іоанна Антоновича, болѣе или менѣе извѣстны въ обществѣ, поэтому мы не будемъ здѣсь распространяться на эту тему. Напомнимъ только, что малюткой, когда ему было лишь два мѣсяца отъ роду, онъ былъпровозглашенъ императоромъ, но въ слѣдующемъ же году свергнутъ съ престола Елизаветой Петровной и обреченъ на вѣчную ссылку, а нѣсколько позже на вѣчное, пожизненное заточеніе.

Безпримѣрно-печальна судьба этого человѣка! Вся его жизнь, буквально, съ колыбели и до могилы, прошла сначала въ ссылкѣ, а затѣмъ, съ четырехлѣтняго возраста, въ стѣнахъ каземата, въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи, причемъ онъ совершенно лишенъ былъ всякаго общенія съ людьми, даже съ самыми близкими ему по крови. Ни одного года, ни одного дня въ теченіе всей своей жизни онъ не располагалъ собой по своему собственному усмотрѣнію, не пользовался свободой, ни разу не испыталъ, ни разу не ощутилъ въ своей душѣ радости жизни, счастія.

[1]) Тамъ же, стр. 258.

Все свое дѣтство съ четырехъ лѣтъ онъ провелъ въ полномъ одиночномъ заключеніи на далекомъ, суровомъ сѣверѣ, въ г. Холмогорахъ Архангельской губерніи, а затѣмъ въ 1756 году, когда ему было уже 16 лѣтъ отъ роду, тайно, въ глухую ночь, вывезенъ былъ въ Шлиссельбургъ и заключенъ тамъ въ особомъ секретномъ казематѣ, подъ именемъ „извѣстнаго арестанта". Тайна, которою было окружено его заточеніе въ Шлиссельбургѣ, была настолько велика, что даже самъ комендантъ крѣпости не долженъ былъ знать, кто такой этотъ таинственный узникъ.

Никто не могъ его видѣть, никто не могъ вступать съ нимъ въ разговоръ. Его имя было извѣстно только тремъ офицерамъ стерегшей его команды. Но имъ строжайше было воспрещено отвѣчать на вопросы императора-арестанта и, особенно, сообщать ему о томъ, гдѣ онъ находится. Іоаннъ Антоновичъ не получилъ никакого образованія, такъ какъ было строго воспрещено учить его чему бы то ни было. Несмотря однако на этотъ запретъ, еще въ Холмогорахъ, одинъ изъ тюремщиковъ—Миллеръ—сжалился надъ нимъ и обучилъ его грамотѣ. Но это не могло принести особеннаго облегченія несчастному узнику, такъ какъ книгъ для чтенія не было. Во время его пребыванія въ Шлиссельбургѣ ему давали исключительно только книги священнаго писанія: Библію, Прологъ, Псалтырь и т. д.

Однако, несмотря на всѣ эти мѣры, Іоаннъ зналъ свое высокое происхожденіе и называлъ себя государемъ. Его смерть была не менѣе печальна, чѣмъ жизнь. Какъ извѣстно, онъ былъ убитъ карауливщими его офицерами при попыткѣ подпоручика Мировича освободить его изъ тюрьмы. Въ это время ему было 24 года. Убійцы дѣйствовали въ этомъ случаѣ согласно данной имъ инструкціи. Палачи, которые отняли у него свободу—отняли и жизнь.

Печальная участь Іоанна Антоновича чуть было не постигла и другого русскаго императора—„помазанника Божія"—Петра III-го, послѣ сверженія его съ престола. Екатерина II-я, воцарившись вмѣсто своего супруга, рѣшила заточить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Съ этой цѣлью тамъ было уже приготовлено особое помѣщеніе. Планъ этотъ не былъ осуществленъ только потому, что Алексѣй Орловъ и князь Барятинскій, въ угоду Екатеринѣ, разомъ покончили съ экъ-императоромъ, собственноручно задушивъ его.

II.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что башни и казематы Шлиссельбурга въ первый періодъ его существованія наполнялись исключительно представителями родовитой знати, придворными вельможами и членами императорской фамиліи. Напротивъ, главную массу заключенныхъ въ первый періодъ составляли все-таки представители народной массы, русскаго крестьянства.

Это будетъ вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, что то было время, когда самодержавіе все крѣпче и сильнѣе затягивало петлю на шеѣ народа, особенно же крестьянства. Недовольство народа, между прочимъ, выразилось въ религіозныхъ движеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ раскола. Возникнувъ на религіозной почвѣ, расколъ, подъ вліяніемъ общественныхъ условій того времени, вскорѣ же осложнился политическими и соціальными элементами. Особенно много тревогъ доставила правительству та часть раскола, которая получила названіе безпоповщины и которая объявила русскаго императора антихристомъ, а чиновниковъ и духовенство — слугами антихриста.

Въ борьбѣ съ расколомъ правительство пустило въ ходъ все, что только могло изобрѣсти человѣческое звѣрство для устрашенія, паники и террора. Безпощадныя пытки, безчисленныя мучительныя казни, костры, эшафоты слѣдуютъ длиннымъ, безконечнымъ рядомъ. Въ то же время не были, конечно, забыты и шлиссельбургскіе каменные мѣшки и казематы, въ которые нерѣдко замуровывали раскольниковъ и сектантовъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Такъ было поступлено, напримѣръ, съ раскольникомъ Круглымъ, который въ исторіи безпоповщинскаго раскола сыгралъ почти такую же роль, какую Сергѣй Дегаевъ — въ организаціи „Народной Воли“. Закованный въ ручныя и ножныя желѣза, Круглый былъ доставленъ въ Шлиссельбургъ. Коменданту крѣпости было предписано посадить его въ заточеніе „въ палату такую, мимо которой бы народнаго хода никакого не было, и у оной палаты, гдѣ посаженъ будетъ, какъ двери, такъ и окошки всѣ закласть наглухо въ самомъ же скорѣйшемъ времени, оставя одно малое оконце, въ которое на каждый день къ пропитанію его, Круглаго, по препорціи подавать хлѣбъ и воду, и приставить къ той палатѣ крѣпкій и

осторожный караулъ, и велѣть онымъ крѣпко предостерегать, дабы къ тому оконцу до него, Круглаго, ни подъ какимъ видомъ никто-бъ допускаемъ не былъ, и никакимъ же бы образомъ оный Круглый утечки учинить не могъ. Тако-жъ и тѣмъ опредѣленнымъ на караулъ при той палатѣ солдатамъ, которые и пищу подавать будутъ, съ нимъ, Круглымъ, никакихъ разговоровъ отнюдь не имѣть подъ опасеніемъ за преступленіе тягчайшаго истязанія" [1].

21 октября 1745 года Круглый былъ посаженъ въ „безъисходную тюрьму" Шлиссельбургской крѣпости и замурованъ въ ней. Очевидно, каменный мѣшокъ, въ который попалъ Круглый, и та жизнь, на которую онъ обрекался въ этомъ заточеніи, показались ему столь ужасными, что онъ немедленно же рѣшилъ покончить всѣ счеты съ жизнью. Несчастный заключенный съ перваго же дня началъ морить себя голодомъ. Караульные солдаты, исполняя предписаніе сената, ежедневно клали для него „въ малое оконце" „по препорціи" хлѣбъ и воду, но Круглый бралъ только воду и не прикасался къ хлѣбу. Такъ прошло 13 дней, съ 4-го же ноября онъ пересталъ брать и воду.

Въ теченіе недѣли, до 12-го ноября, часовой ежедневно подходилъ къ „оконцу" и окликалъ колодника. Но отвѣта не было. Очевидно, заключенный замурованъ былъ такъ тщательно, что чрезъ „малое оконце" невозможно было даже разсмотрѣть, что происходило въ каменномъ мѣшкѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно рисуетъ ужасъ того положенія, въ какомъ находились замурованные въ Шлиссельбургской тюремной „палатѣ".

Наконецъ, 12 ноября комендантъ крѣпости донесъ правительствующему сенату о томъ, что колодникъ не беретъ ни хлѣба, ни воды и не откликается на зовъ караульныхъ; при этомъ онъ испрашивалъ дозволенія разобрать двери и осмотрѣть заключеннаго. Сенатъ разрѣшилъ, и 17-го ноября исправляющій должность Шлиссельбургскаго коменданта капитанъ Бокинъ донесъ, что по осмотру „Круглый явился мертвъ, и мертвое тѣло его въ той крѣпости зарыто" [2].

Такъ расправлялось русское правительство въ половинѣ XVIII столѣтія съ тѣми людьми, которыхъ оно считало врагами государя и господствующей церкви.

[1]) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. Есиповымъ. Спб., 1861 г. Томъ I, стр. 412.

[2]) Тамъ же, стр. 413.

Первымъ *политическимъ* узникомъ Шлиссельбурга въ точномъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ считать князя Дмитрія Михайловича Голицына, который былъ главнымъ иниціаторомъ извѣстной попытки ограничить самодержавіе русскихъ царей при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны.

Убѣжденный сторонникъ идеи ограниченія царской власти, князь Д. М. Голицынъ стоялъ во главѣ членовъ тайнаго верховнаго совѣта, рѣшившихъ ограничить императорское самодержавіе. По его предложенію, были составлены тѣ знаменитые „пункты", которые должны были положить конецъ „самодержавству".

Новѣйшія изслѣдованія, — между прочимъ, П. Н. Милюкова,—какъ извѣстно, установили новую оцѣнку событій 1730 года. Теперь вполнѣ уже выяснено, что члены тайнаго верховнаго совѣта, приступая къ ограниченію императорскаго самодержавія, преслѣдовали не только свои личныя цѣли, имѣли въ виду не созданіе олигархіи, а введеніе опредѣленнаго конституціоннаго строя на аристократическихъ основахъ [1]).

Когда эта попытка окончилась неудачей, и самодержавіе восторжествовало, князь Голицынъ, не отказавшійся отъ своихъ убѣжденій, говорилъ:—„Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ тому и быть; я пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается жить, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего".

Слова эти оказались пророческими: князь Д. М. Голицынъ умеръ въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, а для Россіи настала свирѣпая бироновщина, во время которой, надо думать, многіе вспоминали съ сожалѣніемъ о неудачѣ плановъ князя Д. М. Голицына [2]).

Въ концѣ того же XVIII-го вѣка, въ 1792 году, въ Шлиссельбургскую крѣпость попадаетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и симпатичныхъ дѣятелей екатерининской эпохи, Николай Ивановичъ Новиковъ. Убѣжденный поборникъ просвѣщенія, онъ много и горячо работалъ надъ развитіемъ общественной мысли, основалъ цѣлый рядъ журналовъ, учредилъ „Дружеское ученое общество" и „Типографическую компанію", съ широкими просвѣтительными и филантропическими задачами, открылъ нѣсколько школъ и первую безплатную читальню

[1]) В. Е. Якушкинъ: «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи». Спб., 1906 г., стр. 19.

[2]) Idem., стр. 29.

въ Москвѣ, всюду заводилъ книжные склады, издалъ огромное количество книгъ, въ которыхъ выяснялъ темныя стороны современнаго ему общественнаго строя, особенно же ратовалъ противъ крѣпостного права.

Подобная кипучая дѣятельность слишкомъ явно шла въ разрѣзъ съ общимъ строемъ русской государственной жизни того времени, а потому вполнѣ естественно, что у Новикова вскорѣ явились многочисленные враги изъ числа разныхъ вліятельныхъ лицъ. Когда-то либеральная императрица Екатерина II-я не только не оказала Новикову какой-либо поддержки въ его благородной и полезной дѣятельности, а наоборотъ, отнеслась къ нему съ явнымъ предубѣжденіемъ и всецѣло отдала его въ руки извѣстнаго палача того времени Шешковскаго, именемъ котораго пугали дѣтей.

Послѣ строгихъ, придирчивыхъ допросовъ, Новикова заключаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и запираютъ въ тотъ самый казематъ, въ которомъ нѣкогда томился Іоаннъ Антоновичъ. Цѣлыхъ четыре года провелъ онъ въ этомъ заточеніи и только въ 1796 году, уже при императорѣ Павлѣ, освобожденъ былъ изъ крѣпости и получилъ возможность поселиться въ своемъ имѣніи.

III.

Если вѣрить шлиссельбургскимъ старожиламъ, то казематы и „каменные мѣшки“ для заключенія узниковъ существовали только въ одной башнѣ, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ Свѣтличной. Это единственная внутренняя башня въ крѣпости, всѣ же остальныя выходятъ наружу и соединяются между собою каменной массивной стѣной, окружающей крѣпость со всѣхъ сторонъ. Входъ въ крѣпость ведетъ чрезъ Государеву башню.

Казематы въ Свѣтличной башнѣ расположены въ три этажа. Казематъ, помѣщающійся въ верхнемъ этажѣ, состоитъ изъ довольно большой камеры, съ тремя окнами на Неву и однимъ выходящимъ на маленькій дворъ, расположенный позади старой тюрьмы. По преданію, которое до сихъ поръ сохраняется въ крѣпости, въ этомъ казематѣ заключена была Евдокія Федоровна Лопухина, а позднѣе—Биронъ. Въ настоящее время всѣ окна этого каземата заложены кирпичемъ.

Во второмъ, среднемъ этажѣ башни помѣщается небольшой казематъ, въ который ведетъ каменная темная лѣстница.

Въ этой камерѣ было двѣ двери и одно окно, выходившее въ тотъ же маленькій дворъ, о которомъ мы только-что упомянули. Одна изъ дверей ведетъ на лѣстницу. Тутъ же стояла изразцовая печь, которая топилась со стороны лѣстницы, а не изъ камеры. Печь эта сохранялась до самаго послѣдняго времени, но года два тому назадъ изразцы были вынуты. По увѣренію мѣстныхъ жителей, это и есть знаменитый казематъ, въ которомъ томился Іоаннъ Антоновичъ, а затѣмъ—Н. И. Новиковъ.

Наконецъ, въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ Свѣтличной башни помѣщался необычайно мрачный полутемный казематъ, съ низкимъ сводомъ и земляннымъ поломъ. Онъ существовалъ до начала 80-хъ годовъ и былъ заложенъ кирпичемъ во время постройки новой шлиссельбургской тюрьмы. Можно думать, что въ этомъ именно казематѣ томился знаменитый польскій патріотъ Валеріанъ Лукасинскій, такъ какъ біографъ его упоминаетъ, что онъ сидѣлъ „въ подземельи", „въ темной каморкѣ секретнаго замка". Какъ извѣстно, Лукасинскій и умеръ въ Шлиссельбургѣ, въ 1868 году, просидѣвъ цѣлыхъ сорокъ шесть лѣтъ въ одиночномъ заключеніи (изъ нихъ 37 — въ Шлиссельбургѣ).

На первый взглядъ является непонятнымъ, почему Лукасинскаго держали въ этомъ подземельѣ въ то время (1831—1868 гг.), когда въ Шлиссельбургѣ была уже тюрьма, спеціально предназначенная для политическихъ арестантовъ. Однако, недоумѣніе это легко разъясняется. Дѣло въ томъ, что первая тюрьма, устроенная въ Шлиссельбургской крѣпости, сохранившаяся до сихъ поръ и извѣстная въ настоящее время подъ именемъ „старой", состояла только изъ 10 казематовъ, которые почти всегда были переполнены заключенными [1]). Въ виду этого крѣпостная администрація наиболѣе важныхъ и секретныхъ арестантовъ продолжала содержать въ казематахъ Свѣтличной башни.

Сколько было всѣхъ казематовъ въ этой башнѣ — въ точности намъ неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что кромѣ только что указанныхъ нами трехъ казематовъ, расположенныхъ въ разныхъ этажахъ этой башни, были еще и другіе казематы. Это видно, между прочимъ, изъ

[1]) Подтвержденіемъ этого послѣдняго обстоятельства можетъ, между прочимъ, служить «Списокъ секретныхъ арестантовъ, содержавшихся въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1835 году», напечатанный въ декабрьской книжкѣ журнала «Былое» за текущій 1906 годъ. Въ этомъ спискѣ значится 13 человѣкъ узниковъ.

того, что заключенный въ Шлиссельбургѣ въ 1794 г. общественный дѣятель конца XVIII столѣтія поручикъ Федоръ Кречетовъ былъ помѣщенъ „въ верхнемъ этажѣ, въ камерѣ номеръ пятый“ [1]).

XIX-й вѣкъ осязательнымъ образомъ сказался на Шлиссельбургѣ постройкой особой тюрьмы, предназначенной для политическихъ заключенныхъ. Вѣроятно, даже русская бюрократія принуждена была, наконецъ, признать, что архаическіе, чудовищные казематы Свѣтличной башни отжили свое время. И вотъ, въ томъ углу крѣпости, который прилегаетъ къ Свѣтличной башнѣ, появляется низкое, каменное, одноэтажное зданіе необычайно угрюмаго вида. Это—политическая тюрьма, извѣстная въ настоящее время подъ именемъ „старой тюрьмы“.

Старая тюрьма состоитъ изъ довольно широкаго корридора, съ правой стороны котораго расположены окна, числомъ шесть, выходящія въ маленькій тюремный дворъ, а съ лѣвой стороны идутъ казематы для заключенныхъ — тѣсные, сырые, мрачные, плохо освѣщенные. Всѣхъ казематовъ, какъ мы уже замѣтили выше, десять. Нѣкоторые изъ нихъ особенно поражаютъ своимъ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ и на каждаго свѣжаго человѣка производятъ гнетущее, удручающее впечатлѣніе.

Эта тюрьма служила мѣстомъ заточенія для всѣхъ наиболѣе важныхъ и секретныхъ арестантовъ до самаго конца 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Здѣсь, между прочимъ, томились нѣкоторые изъ декабристовъ, затѣмъ многіе польскіе патріоты, основатель Харьковскаго университета Василій Назаровичъ Каразинъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей „Славянскаго общества свв. Кирилла и Мефодія“—Николай Ивановичъ Гулакъ (съ 30 мая 1847 по 30 мая 1850 года), знаменитый революціонеръ-космополитъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ (1854—1857 гг.) и цѣлый рядъ другихъ лицъ.

Къ сожалѣнію, благодаря той глубокой тайнѣ, которою русское самодержавіе окружало все то, что касалось нашихъ политическихъ тюремъ, мы очень мало знаемъ о томъ, кто именно сидѣлъ, кто томился въ шлиссельбургскихъ казематахъ въ теченіе 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Обо всей этой эпохѣ у насъ имѣются лишь самыя отрывочныя, скудныя и случайныя свѣдѣнія. Лишь въ самое послѣднее время „секреты самодержавія“, тайны деспотическаго режима начинаютъ нарушаться и мало по малу выходить наружу.

[1]) М. Корольковъ: «Поручикъ Федоръ Кречетовъ». «Былое», 1906 г., апрѣль, стр. 60.

IV.

Помимо жестокости, которую мы уже отмѣтили, какъ характерную черту русскаго самодержавія, представители послѣдняго всегда отличались необыкновенной подозрительностью. Можно подумать, что русскіе императоры постоянно испытывали чувство страха за прочность своего положенія, никогда не были увѣрены въ его устойчивости и вѣчно трепетали за свою власть, за свои прерогативы. Не говоря уже о такомъ жестокомъ человѣкѣ, какимъ былъ, напримѣръ, Николай I-й или о такомъ маніакѣ, какъ Павелъ, — даже самые либеральные и гуманные изъ русскихъ императоровъ никогда не довѣряли своимъ „вѣрноподданнымъ“ и всегда были въ тревогѣ и на-сторожѣ. Не даромъ Екатерина II-я дала полную свободу свирѣпствовать палачу Шешковскому, не даромъ Александръ I-й приблизилъ къ себѣ „злодѣя“ Аракчеева, а Александръ II-й поручилъ искорененіе крамолы Муравьеву-Вѣшателю.

Благодаря этому, въ Россіи никогда не прекращались гоненія на мысль, на идею, на всякое культурное и просвѣтительное начинаніе. Чтобы нагляднѣе показать, насколько безпощадно расправлялось въ подобныхъ случаяхъ самодержавное правительство, мы приведемъ здѣсь два-три случая изъ разныхъ эпохъ русской исторической жизни, находящихся въ связи съ исторіей Шлиссельбургской крѣпости.

Случай первый относится къ царствованію Екатерины Великой и касается одного малоизвѣстнаго, но чрезвычайно симпатичнаго писателя того времени—поручика Федора Кречетова, который, видя кругомъ себя возмутительныя картины безправія и произвола, болѣлъ о горѣ родины и „спасеніе государства видѣлъ въ уничтоженіи самодержавія и замѣнѣ его конституціоннымъ образомъ правленія“. Повѣривъ, какъ и многіе, въ искренность обѣщаній, разсыпанныхъ въ разныхъ указахъ императрицы, Кречетовъ мечталъ о широкой общественной дѣятельности на пользу родины. Между прочимъ, онъ проектировалъ организацію особаго „всенароднаго, вольнаго, къ благодѣтельствованію всѣхъ общества“. О необходимости устройства такого общества онъ подаетъ цѣлый рядъ прошеній императрицѣ, синоду, митрополиту, разнымъ вельможамъ и т. д.; въ своихъ воззваніяхъ къ гражданамъ, женщинамъ и духовенству онъ горячо доказываетъ пользу народнаго про-

свѣщенія и настоятельную необходимость скорѣйшаго открытія школъ.

И вотъ, такая-то чисто культурная дѣятельность признается вредною и опасною для общественнаго спокойствія. Кречетова арестуютъ, заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость, отъ него отбираютъ всѣ его рукописи, записки, и назначается строжайшее слѣдствіе.

Сыскъ былъ направленъ на выясненіе не дѣйствій, не преступленій обвиняемаго,—таковыхъ не было,—а на его мысли, желанія, слова. „Изъ всѣхъ его (Кречетова) мыслей и произносимыхъ имъ словъ видно,—писалъ въ своемъ докладѣ генералъ-прокуроръ Самойловъ,—что онъ не хочетъ, чтобъ были монархи, а заботится болѣе о равенствѣ и вольности для всѣхъ вообще, ибо онъ, между прочимъ, сказалъ, что разъ дворянамъ сдѣлали вольность, для чего-жъ не распространить оную и на крестьянъ, вѣдь и они такіе же человѣки".

Конечно, либеральная императрица пришла въ ужасъ отъ такихъ опасныхъ идей, и вотъ является высочайшее повелѣніе о немедленномъ заточеніи Кречетова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Утромъ 25 декабря 1794 года, въ первый день Рождества, „секретный арестантъ Федоръ Кречетовъ" былъ привезенъ въ Шлиссельбургъ и тотчасъ же запертъ въ одиночномъ казематѣ. При этомъ фельдъегерь, доставившій новаго узника, объявилъ коменданту крѣпости высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы содержать арестанта „наикрѣпчайше" и всячески наблюдать за тѣмъ, чтобы онъ никакихъ разговоровъ и сообщенія ни съ кѣмъ не имѣлъ" [1]).

Кречетовъ пробылъ въ ужасномъ заключеніи шесть лѣтъ. Когда въ 1801 году, по случаю вступленія на престолъ Александра I-го, онъ былъ выпущенъ на свободу, то „оказался совершенно больнымъ и неспособнымъ ни къ какому труду"... Но за то онъ былъ уже болѣе не опасенъ для русскаго самодержавія.

Случай второй относится къ царствованію другого, не менѣе либеральнаго, императора Александра I-го. Существуетъ рядъ свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что Александръ, будучи великимъ княземъ, незадолго до убійства Павла, соглашался на то, чтобы заговорщики потребовали отреченія у его отца, при чемъ, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, съ

[1]) М. Корольковъ: «Поручикъ Федоръ Кречетовъ». «Былое», 1906 г., апрѣль, стр. 60.

своей стороны онъ обѣщалъ „даровать конституцію“ [1]). Но, сдѣлавшись императоромъ, Александръ I началъ ревниво оберегать „незыблемые устои“ самодержавнаго строя, и для сторонниковъ конституціоннаго управленія во вторую половину его царствованія находилось только одно мѣсто—въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости.

Такая судьба постигла, напримѣръ, въ 1818 году полковника Бока „за намѣреніе его представить лифляндскому дворянству проектъ введенія въ Россіи представительнаго правленія“. Въ Шлиссельбургѣ его продержали цѣлыхъ десять лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Этимъ онъ былъ доведенъ до сумасшествія [2]).

Вообще преслѣдованіе за мысли, за идеи, шедшія въ разрѣзъ съ главными устоями, на которыхъ покоился русскій государственный строй — абсолютизмъ и крѣпостное право, не прекращалось ни на одну минуту. Какъ далеко заходили гоненія въ этой области, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай.

Въ 1849 году въ Шлиссельбургскую крѣпость былъ заточенъ бывшій приходскій учитель Семенъ Никитичъ Олейничукъ, вся вина котораго состояла въ томъ, что его мысли показались вредными представителямъ тогдашней бюрократіи. Встревожившія николаевскихъ чиновниковъ и жандармовъ „вредныя мысли“ были усмотрѣны въ рукописномъ сочиненіи Олейничука, которое отобрано было у него при обыскѣ.

Самъ бывшій крѣпостной крестьянинъ, на собственной спинѣ испытавшій ужасы крѣпостнаго рабства, Олейничукъ всѣми фибрами души ненавидѣлъ это позорное „право господъ“ владѣть и располагать по своему усмотрѣнію крестьянской душой и тѣломъ. Это настроеніе сказалось, конечно, и въ сочиненіи Олейничука, гдѣ мы находимъ горячую и страстную проповѣдь автора противъ крѣпостнаго права. И этого было совершенно достаточно для того, чтобы власти признали необходимымъ заключить Олейничука въ крѣпость. И хотя при этомъ не было установлено не только ни одного факта пропаганды, но даже ни одной попытки къ пропагандѣ—судьба Олейничука была рѣшена: Николай I „высочайше повелѣлъ—посадить Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость“. А генералъ Дубельтъ съ своей стороны предписалъ запереть Олей-

[1]) Вступительная статья В. И. Семевскаго къ сочиненію А. Г. Брикнера: «Смерть Павла I-го». Спб., 1907 г., стр. XLV.

[2]) Тамъ же.

ничука „въ секретный замокъ и не допускать никакихъ и ни съ кѣмъ сношеній". Въ кандалахъ, съ двумя жандармами, онъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, заключенъ въ секретномъ замкѣ подъ № 11-мъ, и съ тѣхъ поръ онъ словно въ воду канулъ, словно имя его было вычеркнуто изъ списка живыхъ людей.

И дѣйствительно, шлиссельбургскій казематъ сталъ его могилой: въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 года Олейничукъ,—какъ доносилъ комендантъ,—„волею Божіею (!) помре отъ долговременной болѣзни". Объ этомъ Николаю Павловичу былъ представленъ особый докладъ, который „Его Величество изволилъ читать 1 августа 1852 года..." [1]). Такъ русскій абсолютизмъ отстаивалъ свои „исконныя начала", свои устои...

Декабристъ Лунинъ говаривалъ: „Языкъ до Кіева доведетъ, а перо—до Шлиссельбурга". Судьба Олейничука, Кречетова и многихъ-многихъ другихъ можетъ служить блестящей, хотя и печальной, иллюстраціей къ этому изреченію.

V.

Политическія и соціальныя движенія, происходившія въ русскомъ народѣ и обществѣ, обыкновенно немедленно же сказывались въ Шлиссельбургѣ, такъ какъ правительство, подавивъ эти движенія, разгромивъ организаціи, преслѣдовавшія освободительныя задачи, спѣшило запереть ихъ участниковъ въ казематы Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпостей. Такъ было, между прочимъ, и съ участниками той революціонной вспышки, которою ознаменовалось восшествіе на престолъ Николая I-го.

Изъ декабристовъ въ Шлиссельбургской крѣпости томились: подполковникъ Іосифъ Викторовичъ Поджіо—цѣлыхъ восемь лѣтъ; Михаилъ и Николай Бестужевы—съ сентября 1826 по сентябрь 1827 года; другъ Пушкина, Иванъ Ивановичъ Пущинъ — до конца 1827 года; кромѣ того, генералъ-интендантъ 2 арміи Юшневскій, мичманъ гвардейскаго экипажа Дивовъ и подпоручики артиллерійскихъ бригадъ — Пестовъ и Андреевичъ.

Когда, послѣ суда и казней, декабристовъ начали отправлять изъ Петербурга въ Сибирь, то ихъ везли не чрезъ Москву, а

[1]) «Семенъ Олейничукъ». П. Е. Щеголевъ. «Былое», 1906 г., апрѣль, стр. 124.

окольнымъ путемъ, сначала по ярославскому тракту чрезъ Шлиссельбургъ, Рыбинскъ, Ярославль, а затѣмъ на Кострому, Пермь, Екатеринбургъ и т. д., причемъ отправляли не иначе, какъ по ночамъ. Такимъ образомъ, одною изъ первыхъ станцій на пути декабристовъ въ Сибирь былъ Шлиссельбургъ съ его мрачной крѣпостью, одинъ видъ которой вызывалъ тяжелыя думы у изгнанниковъ, ссылаемыхъ на каторгу и поселеніе и находившихся подъ впечатлѣніемъ одиночнаго заточенія, только что испытаннаго ими въ Петропавловской крѣпости.

„Съ безпокойнымъ чувствомъ, съ мрачными думами приближался я къ Шлиссельбургу,—писалъ баронъ Розенъ,—опасаясь, чтобы не оставили насъ въ его стѣнахъ. Я зналъ, что нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей содержались тамъ послѣ приговора, а, право, нѣтъ ничего хуже, какъ сидѣть въ крѣпости“... Но вотъ „тройки повернули вправо къ селенію, и я перекрестился“ [1]). То же самое писалъ Н. В. Басаргинъ и многіе другіе.

Безпощадная расправа, учиненная Николаемъ I-мъ надъ декабристами, не надолго, однако, заглушила въ русскомъ обществѣ порывы и стремленія протестующаго, оппозиціоннаго характера. Гнетъ царизма былъ слишкомъ невыносимъ и потому не могъ не вызывать противъ себя негодованія и желанія борьбы съ нимъ. И вотъ, уже въ 1827 году въ Москвѣ полиція нападаетъ на слѣды организованнаго кружка, который ставилъ себѣ цѣлью „борьбу съ тираномъ“ и пытался пропагандировать мысль о необходимости „конституціоннаго правленія“.

Кружокъ этотъ, получившій названіе „Тайнаго общества братьевъ Критскихъ“, какъ извѣстно, состоялъ изъ молодежи, главнымъ образомъ, студентовъ московскаго университета и мелкихъ чиновниковъ разныхъ канцелярій. Хотя, въ сущности, вся дѣятельность членовъ этого „Тайнаго общества“ выразилась лишь въ либеральныхъ разговорахъ и въ пѣніи „дерзновенѣйшихъ стиховъ“,—тѣмъ не менѣе, всѣ они понесли тяжелую кару: одни были заключены въ тюрьму Соловецкаго монастыря, другіе—въ Шлиссельбургскую и Швартгольмскую крѣпости. Въ Шлиссельбургъ попали двое: студентъ Василій Критскій и канцелярскій чиновникъ Кремлевской экспедиціи Данила Тюринъ. Далѣе мы скажемъ, какъ трагически отозвалось за-

[1]) Въ ссылку. Записки декабриста. Сочин. барона А. Розена. 2-ое изд. М. 1900 г. стр. 104.

точеніе въ шлиссельбургскомъ казематѣ на одномъ изъ этихъ узниковъ.

Въ 1834 году въ той же Москвѣ возникаетъ новое политическое дѣло „о лицахъ, пѣвшихъ пасквильные стихи“. Къ этому дѣлу привлекается много разныхъ лицъ, между прочимъ—Герценъ и Огаревъ. Дѣлу придано было значеніе, главнымъ образомъ, потому, что въ стихахъ, которые распѣвали лица, привлеченныя къ слѣдствію, больше всего доставалось представителямъ русскаго самодержавія.

Главными виновниками по этому дѣлу признаны были: университетскій товарищъ Герцена, Владиміръ Игнатьевичъ Соколовскій, авторъ поэмы „Мірозданіе“ и переводчикъ Гейне, затѣмъ отставной поручикъ Ибаевъ, чиновникъ Уткинъ и художникъ Сорокинъ. Императоръ Николай I въ особой резолюціи приказалъ Соколовскаго, Уткина и Ибаева заключить „года на три въ Шлиссельбургъ“; а затѣмъ „допустить къ службѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ“.

Но другой самодержецъ, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ счелъ болѣе удобнымъ засадить этихъ трехъ лицъ не на три года, а „на неопредѣленное время“. И это послѣднее рѣшеніе и было приведено въ исполненіе. Въ Шлиссельбургѣ ихъ постигла обычная судьба: Соколовскій опасно заболѣлъ, Ибаевъ сошелъ съ ума, Уткинъ умеръ въ казематѣ въ 1837 году.

VI.

Условія тюремнаго режима въ Шлиссельбургской крѣпости постоянно мѣнялись, сообразно политическимъ воззрѣніямъ и вѣяніямъ, которыя господствовали въ правительствѣ въ тотъ или другой моментъ. А такъ какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ большею частію господствовали реакціонныя настроенія, то понятно, что, за весьма небольшими перерывами, крѣпостной режимъ отличался необычайной строгостью или, вѣрнѣе, жестокостью.

Къ тому же, положеніе заключенныхъ въ русскихъ тюрьмахъ и крѣпостяхъ всегда крайне отягчается вслѣдствіе того наглаго и возмутительнаго воровства или казнокрадства, которое исконн вѣковъ составляетъ характерную, отличительную черту русской бюрократіи вообще и тюремной и крѣпостной администраціи въ частности. Каждый комендантъ крѣпости, каждый смотритель тюрьмы при расходованіи денегъ, отпу-

скаемыхъ казною на содержаніе заключенныхъ, обыкновенно употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы возможно больше урвать въ свой карманъ.

На эти безобразія, между прочимъ, жаловался въ своихъ воспоминаніяхъ декабристъ М. А. Бестужевъ. По его словамъ, генералъ-маіоръ Плутановъ, управлявшій Шлиссельбургской крѣпостью въ теченіе 30 лѣтъ, обратилъ шлиссельбургскую тюрьму „въ родъ аренды для себя и своихъ тюремщиковъ на счетъ желудковъ несчастныхъ затворниковъ, получавшихъ едва гривну мѣдью на дневной харчъ, когда положено было выдавать по 50 копѣекъ ассигнаціями“ [1]).

Не трудно представить себѣ, каково было содержаніе и питаніе людей на „гривну мѣдью“ въ сутки! Можно ли удивляться послѣ этого, что заключенные въ Шлиссельбургской крѣпости постоянно болѣли цынгой, часто въ тяжелой формѣ.

Такъ, напримѣръ, содержавшійся въ Шлиссельбургской тюрьмѣ въ пятидесятыхъ годахъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ настолько серьезно заболѣлъ цынгой, что лишился всѣхъ зубовъ.

Особенно тяжело отзывалось заключеніе въ шлиссельбургскихъ казематахъ на молодыхъ людяхъ, еще не окрѣпшихъ въ жизненной борьбѣ. Многіе изъ нихъ безвозвратно гибли въ первые же годы заточенія. Обычной развязкой въ этихъ случаяхъ являлись два исхода: ранняя, преждевременная смерть или сумасшествіе. Чтобы не быть голословнымъ, приведу хотя два примѣра.

Семнадцатилѣтній студентъ московскаго университета Василій Критскій, обвиненный „въ вольномысліи“ и принадлежности къ тайному обществу,—по резолюціи Николая I,—былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1828 году. Заточеніе это, по обычаю, принятому самодержавнымъ правительствомъ, было обставлено глубокой тайной, такъ что даже родная мать заключеннаго, несмотря на всѣ свои поиски и хлопоты, не могла узнать, гдѣ находится ея любимый сынъ.

На молодомъ, неокрѣпшемъ организмѣ крѣпостное заточеніе сказалось самымъ роковымъ образомъ: юноша началъ болѣть, хирѣть, чахнуть, и 21 мая 1831 года Василій Критскій умеръ въ шлиссельбургскомъ казематѣ „отъ изнурительной лихорадки“. Смерть его администрація долгое время тщательно скрывала отъ матери, и только въ 1836 году шефъ жандар-

[1]) «Русская Старина», 1870 г., томъ 2.

мовъ Бенкендорфъ нашелъ возможнымъ сообщить матери о смерти ея сына [1]).

Не менѣе печальна была судьба другого семнадцатилѣтняго юноши, корнета Григорія Раевскаго, заключеннаго въ Шлиссельбургъ въ 1822 году по дѣлу его родного брата Владиміра Раевскаго. Маіоръ Владиміръ Раевскій, состоявшій членомъ „Союза благоденствія", а затѣмъ „Южнаго тайнаго общества", былъ арестованъ на югѣ Россіи въ 1822 году за пропаганду среди солдатъ и „необузданное вольнодумство". Дѣлу его придано было особенно важное значеніе; оно производилось въ строгомъ секретѣ, вслѣдствіе чего его родные не могли ничего узнать о причинахъ, вызвавшихъ его арестъ и строжайшее одиночное заключеніе.

Младшій братъ Владиміра Раевскаго, Григорій, 17-лѣтній юноша, питавшій горячую и нѣжную привязанность къ арестованному брату, неотступно умолялъ отца разрѣшить ему поѣхать въ Одессу, чтобы разузнать тамъ о причинахъ ареста брата Владиміра и въ то же время по возможности помочь ему въ его тяжеломъ положеніи. „Отказъ отца только усилилъ желаніе молодого человѣка, и онъ рѣшился поѣхать безъ разрѣшенія".

„Пріѣхавъ въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ проговорился; а такъ какъ дѣло маіора Раевскаго считалось очень важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго сейчасъ же донесли Ланжерону, бывшему генералъ-губернатору. Ланжеронъ донесъ по начальству". Корнета Раевскаго схватили и увезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Его тоже заподозрили въ преступной дѣятельности и привлекли къ дѣлу [1]).

Шлиссельбургскій казематъ оказалъ свое дѣйствіе: молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Несмотря на это, несчастнаго больного продолжали держать въ одиночномъ заключеніи еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только осенью 1827 года закончилось его дѣло, послѣ чего онъ былъ доставленъ въ имѣніе отца и отданъ „подъ присмотръ родственниковъ"...

И подобныхъ примѣровъ можно было бы привести цѣлые десятки,—даже теперь, когда число и составъ шлиссельбургскихъ узниковъ еще далеко не выяснены и не установлены...

Такъ гибли, такъ калѣчились въ шлиссельбургскихъ застѣнкахъ молодыя жизни...

---

[1]) «Тайное общество братьевъ Критскихъ». М. К. Лемке. «Былое», 1906 г., іюнь.

[1]) П. Е. Щеголевъ: «Первый декабристъ Владиміръ Раевскій». Стр. 67—68.

VII.

Однимъ изъ послѣднихъ узниковъ старой тюрьмы былъ другъ Каракозова, главный организаторъ тайнаго общества, возникшаго въ Москвѣ въ половинѣ 60-хъ годовъ — Николай Андреевичъ Ишутинъ. Хотя до сихъ поръ не имѣется документальныхъ свѣдѣній оффиціальнаго характера, которыя съ непреложностью удостовѣряли бы фактъ пребыванія Ишутина въ Шлиссельбургской крѣпости, однако существуетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ отдѣльныхъ лицъ о томъ, что Ишутинъ, дѣйствительно, содержался одно время въ Шлиссельбургѣ.

Объ этомъ, между прочимъ, довольно подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстная участница русскаго революціоннаго движенія Е. К. Брешковская, лично знавшая Ишутина во время пребыванія его въ Александровской каторжной тюрьмѣ, Забайкальской области.

Какъ извѣстно, Ишутинъ по дѣлу Каракозова былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Въ назначенный для этого день и часъ онъ былъ привезенъ на мѣсто казни. Здѣсь ему былъ прочитанъ смертный приговоръ; на него былъ надѣтъ саванъ и спущенъ на глаза бѣлый колпакъ. Но въ тотъ моментъ, когда палачъ готовился уже затянуть петлю,—вдругъ явился фельдъегерь, который и объявилъ, что государь помиловалъ Ишутина, замѣнивъ смертную казнь вѣчной, пожизненной каторгой.

Но „милость царская оказалась ядомъ,—пишетъ г-жа Брешковская.—Нѣжная душа Ишутина не вынесла издѣвательства: есть много основаній думать, что онъ тогда же лишился разсудка. Черная пустая завѣса падаетъ за нимъ съ этой минуты“ [1]). По словамъ г-жи Брешковской, Ишутина привезли въ Александровскій заводъ въ 1868 году ночью и заключили въ отдѣльный казематъ. Когда сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ каракозовцамъ удалось проникнуть къ нему,—онъ былъ страшно пораженъ этимъ свиданіемъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что всѣ его товарищи по дѣлу погибли и замучены.

Успокоившись, Ишутинъ началъ разсказывать, „какъ его вернули съ дороги, повезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, пустынную, мрачную, сырую; какъ заковали въ кандалы и дер-

[1]) Е. Брешковская: «Изъ моихъ воспоминаній». Спб., 1906 г., стр. 12.

жали безвыходно, при самомъ жестокомъ режимѣ. Мертвая тишина окружала его каменный гробъ, и только вначалѣ къ нему входили чиновники, требуя дальнѣйшихъ „откровенныхъ“ показаній о заговорѣ противъ правительства и грозя новыми ужасами за его молчаніе и отрицаніе; какъ, наконецъ, принесли къ нему изодранную, окровавленную одежду, въ которой онъ узналъ платье своихъ товарищей по суду, и стали говорить ему, что и „съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ поступили съ близкими ему людьми, если онъ не откроетъ всей правды“.

Но—по увѣренію г-жи Брешковской,—„ничего новаго Ишутинъ и не могъ бы сказать своимъ палачамъ, если бы и хотѣлъ“, такъ какъ жандармамъ все было извѣстно изъ показаній одного предателя, сумѣвшаго вкрасться въ довѣріе Ишутина еще задолго до начала процесса. Показанія эти были подтверждены на допросахъ нѣкоторыми изъ участниковъ тайнаго общества. По словамъ г-жи Брешковской, жандармы „устраивали пытки для очистки своей совѣсти: авось еще осталось недосказанное имя, мѣсто, произнесенное слово“.

„Незадолго до смерти Ишутина, — продолжаетъ г-жа Брешковская,—я рѣшилась спросить его о томъ, какъ онъ жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости, тогда еще совсѣмъ незнакомой революціонерамъ-соціалистамъ. Онъ быстро поднялъ голову, испуганно оглядѣлся кругомъ, нахмурился и заговорилъ глухимъ голосомъ:

— „Тамъ страшно... но нельзя говорить... тамъ змѣи обвивались вокругъ моего тѣла... впивались въ ноги, сжимали руки... тамъ всѣ ужасы... Но нельзя говорить объ этомъ: они слушаютъ“...

„Безсвязно, шипящимъ голосомъ и дико озираясь, онъ сталъ называть страшныя вещи, облекая ихъ въ таинственную форму, отмахиваясь руками“ [1])...

Князь П. А. Кропоткинъ въ своихъ „Запискахъ революціонера“ уже отмѣтилъ необычайную мстительность, которая составляетъ типичную и характерную черту представителей русскаго самодержавія. Думаемъ, что все изложенное въ этомъ очеркѣ, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ его выводъ.

Не даромъ галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ является въ то же время длиннымъ, безконечнымъ мартирологомъ лицъ,

[1]) Тамъ же, стр. 16.

боровшихся за освобожденіе родины отъ произвола и деспотизма, за ея обновленіе.

Упорное нежеланіе правительства пойти на встрѣчу обществу и народу, для удовлетворенія хотя бы самыхъ скромныхъ, самыхъ умѣренныхъ требованій, и жестокія, безсмысленныя репрессіи, которыми оно неизмѣнно старалось подавить всякое проявленіе оппозиціоннаго характера,—все это постепенно увеличивало ряды недовольныхъ и, какъ нельзя болѣе, способствовало усиленію революціоннаго движенія.

Но русское самодержавіе попрежнему было слѣпо и глухо, попрежнему лишено было всякаго творчества, всякой разумной иниціативы. Въ своей борьбѣ съ разроставшимся революціоннымъ движеніемъ оно попрежнему не могло выставить ничего, кромѣ все тѣхъ же казематовъ, тюремъ, крѣпостей и висѣлицъ.

И вотъ, когда „старая“ шлиссельбургская тюрьма оказалась совершенно недостаточной для того, чтобы вмѣстить политическихъ заключенныхъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивалось, а историческіе казематы Свѣтличной башни пришли въ совершенную ветхость и негодность,—правительство рѣшаетъ создать цѣлую сѣть новыхъ тюремъ. Подъ названіемъ „центральныхъ“ и „окружныхъ“ онѣ возникаютъ въ разныхъ концахъ Россіи, а Шлиссельбургская крѣпость подвергается коренному преобразованію и сначала, въ 1869 году, обращается въ военно-исправительныя арестантскія роты, а затѣмъ, въ 1879 году, — въ дисциплинарный баталіонъ. Всѣ содержавшіеся до тѣхъ поръ въ крѣпости „преступники“ были вывезены оттуда и размѣщены по разнымъ центральнымъ тюрьмамъ [1]).

Но Шлиссельбургская крѣпость недолго оставалась „свободна отъ постоя“ политическихъ арестантовъ. Уже въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ правительство рѣшаетъ возстановить прежнее значеніе Шлиссельбургской крѣпости, снова придать ей характеръ политической тюрьмы.

Русское самодержавіе, боровшееся тогда не на животъ, а на смерть съ „Народной Волей“, рѣшило для наиболѣе отважныхъ и неустрашимыхъ борцовъ за свободу создать такую тюрьму, которая по своимъ условіямъ и по своему режиму ближе всего подходила бы къ могилѣ.

[1]) Подробнѣе объ этомъ я имѣлъ случай говорить въ брошюрѣ «Прошлое Шлиссельбургской крѣпости». 2-ое изданіе «Донской Рѣчи».

Результатомъ этихъ заботъ явилась новая шлиссельбургская тюрьма, которая начала наполняться невольными обитателями съ осени 1884 года. Объ этомъ періодѣ существованія Шлиссельбургской крѣпости, наиболѣе близкомъ къ намъ по времени, періодѣ, полномъ глубокаго и потрясающаго трагизма, читатели найдутъ подробныя свѣдѣнія въ слѣдующей статьѣ настоящаго сборника.

Но, прежде чѣмъ закончить нашу статью о Шлиссельбургѣ, мы позволимъ себѣ отмѣтить еще одну специфическую особенность этой исторической темницы. Дѣло въ томъ, что въ теченіе послѣдней четверти вѣка Шлиссельбургская крѣпость служила не только тюрьмой и мѣстомъ заточенія для „политическихъ преступниковъ“, но и мѣстомъ ихъ казни, эшафотомъ, на которомъ отъ времени до времени воздвигались висѣлицы, производились смертныя казни, разстрѣлы... И эту роль эшафота Шлиссельбургская крѣпость продолжаетъ играть и до сихъ поръ. Укажемъ нѣсколько датъ изъ этого „кроваваго синодика“.

6-го сентября [1]) 1884 года здѣсь былъ разстрѣлянъ содержавшійся въ Шлиссельбургской крѣпости Егоръ Ивановичъ Минаковъ. Спустя мѣсяцъ послѣ этого, 10 октября, здѣсь, на дворѣ старой тюрьмы, были повѣшены члены военной организаціи партіи „Народной Воли“: лейтенантъ флота баронъ Александръ Павловичъ Штромбергъ и артиллерійскій поручикъ Николай Михайловичъ Рогачевъ; 26 января 1885 года разстрѣлянъ Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ; 8 мая 1887 года здѣсь же повѣшены пять студентовъ с.-петербургскаго университета, Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ и Андреюшкинъ; 3 мая 1902 года повѣшенъ Степанъ Валерьяновичъ Балмашевъ; въ третьемъ часу утра 10 мая 1905 года казненъ Каляевъ; 20 августа того же 1905 года повѣшены: рабочій Александръ Васильевъ, 18 лѣтъ отъ роду, и Хаимъ Гершковичъ, 19 лѣтъ. Въ концѣ августа 1906 года повѣшенъ неизвѣстный, убившій генерала Козлова, судившійся подъ именемъ Васильева, и почти одновременно съ нимъ, а именно 29 августа того же 1906 года, повѣшена Зинаида Васильевна Коноплянникова, застрѣлившая командира Семеновскаго полка, столь извѣстнаго генерала Мина...

Съ полнымъ самообладаніемъ встрѣчали смерть всѣ эти люди. Твердыми шагами входили они на эшафотъ и безъ тре-

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ—21 сентября.

пета разставались съ жизнью, на самой зарѣ ея. Нѣкоторые, обращаясь при этомъ къ окружавшимъ эшафотъ солдатамъ, посылали привѣтъ свободѣ, за которую умирали,—прежде чѣмъ палачъ успѣвалъ затянуть петлю на ихъ шеѣ...

А. Пругавинъ.

21 декабря 1906 года.

Раскрытый тайникъ *).

(Изъ поѣздки въ Шлиссельбургскую крѣпость.)

I.

Широкая рѣка сдѣлала послѣдній поворотъ—и, какъ разъ посрединѣ ея, въ отдаленіи, ярко обозначились бѣлыя стѣны знаменитой крѣпости.

Помѣщается она на островѣ, отдѣляющемъ Неву отъ Ладожскаго озера, и основана еще въ XIV вѣкѣ новгородцами подъ именемъ Орѣшка. Съ тѣхъ поръ въ теченіе почти четырехъ вѣковъ Орѣшекъ (у шведовъ — Нотебургъ), въ виду важности своего военнаго и торговаго положенія, являлся яблокомъ раздора между Новгородомъ и, затѣмъ, его наслѣдницей Москвою съ одной стороны и Швеціей — съ другой. Не разъ происходили здѣсь долгія, жестокія осады и кровавые штурмы; и только съ окончаніемъ Сѣверной войны, когда русскими взяты были Кексгольмъ и Выборгъ и построены укрѣпленія Петербурга и Кронштадта, Шлиссельбургъ утратилъ, наконецъ, всякое стратегическое значеніе.

Въ другомъ совершенно родѣ его дальнѣйшая извѣстность въ русской исторіи, правильнѣе—въ исторіи нашего самодержавія. Сюда заточало оно своихъ соперниковъ и враговъ. Здѣсь погибъ Іоаннъ Антоновичъ; здѣсь томился Новиковъ, а затѣмъ и нѣкоторые изъ декабристовъ; но, главнымъ образомъ, Шлиссельбургъ прославился съ 1884 года, какъ могила

*) Статья эта, напечатанная первоначально въ «Русскомъ Богатствѣ» (1906, № 7), помѣщается здѣсь съ необходимыми дополненіями.

героевъ „Народной Воли“, съ именами которыхъ и будетъ всегда ассоціироваться его мрачная память...

Былъ яркій солнечный день, когда пароходъ нашъ присталъ къ лѣвому берегу Невы, на которомъ расположенъ городъ Шлиссельбургъ съ его ситценабивной фабрикой и 10 тыс. населеніемъ (въ томъ числѣ масса нищихъ и золоторотцевъ). Но не городъ, собственно, привлекалъ меня; я спѣшилъ на островъ, въ крѣпость, для чего и воспользовался первымъ предложившимъ свои услуги яличникомъ. Несмотря на тихую погоду, волны были настолько бурны, что молодой, здоровенный дѣтина, исполнявшій должность нашего Харона, не поѣхалъ прямо черезъ проливъ, а долго старался грести вдоль берега, противъ теченія; одновременно выѣхавшій товарищъ его отнесенъ былъ теченіемъ далеко назадъ, и ему лишь значительно позже удалось достигнуть мѣста назначенія. Волны шумно пѣнились и бурлили, бросая лодку то вверхъ, то внизъ; было жутко... Впереди выдвигался изъ воды огромный камень, и казалось, что какъ разъ на него перевозчикъ направляетъ лодку. Кто-то изъ компаніи, не утерпѣвъ, обратилъ на это его вниманіе.

— Такъ надо,—коротко отвѣчалъ парень, съ котораго уже градомъ катился потъ. И дѣйствительно, возьми онъ немного лѣвѣе—теченіе унесло бы лодку.

— Вотъ назадъ ѣхать боязнѣй!—пояснилъ онъ съ улыбкой, и, признаюсь, не охотникъ до жуткихъ ощущеній, я искренно порадовался, когда на обратномъ пути, вмѣсто лодки, удалось поѣхать на пароходѣ...

Въ этомъ мѣстѣ пролива, соединяющаго Неву съ бурнымъ Ладожскимъ озеромъ, всегда неспокойно, а осенью налетаютъ такіе жестокіе штормы, что сообщеніе крѣпости съ городомъ прерывается зачастую на нѣсколько дней. Такіе же перерывы случаются, впрочемъ, и зимой въ сильныя мятели. На быстринѣ проливъ порою совсѣмъ не замерзаетъ, и тогда приходится совершать на саняхъ большой круговой объѣздъ... Нечего говорить,—теплое во всѣхъ отношеніяхъ мѣстечко выбрало самодержавіе для своихъ недруговъ!

— Ну, а въ прежніе годы позволяли сюда ѣздить?—задалъ я вопросъ яличнику.

Парень широко осклабился и замоталъ головой.

— Ни-ни! Прежде, бывало, часовой сію же минуту замашетъ рукой, закричитъ: назадъ!.. Вонъ, будка и теперь стоитъ, да только часовыхъ ужъ нѣтъ. Посты сняты!..

Въ самомъ дѣлѣ, на крутомъ берегу острова, недалеко отъ крѣпостной стѣны, виднѣлась пестрая сторожевая будка. Но что же это? Возлѣ нея стоялъ человѣкъ и махалъ намъ рукой и, казалось, кричалъ что-то... Значитъ, опять поставили часового?! Недоразумѣніе, однако, скоро разъяснилось: это стоялъ нашъ же товарищъ, пріѣхавшій наканунѣ и вышедшій навстрѣчу; онъ еще издали узналъ насъ и кланялся...

Вотъ, наконецъ, и грозная шлиссельбургская крѣпость!.. Къ этому самому мѣсту, къ этимъ воротамъ, въ темныя глухія ночи не разъ причаливала мрачная баржа съ закованными въ желѣзный переплетъ окнами, и цѣлая рать синихъ мундировъ высаживала на берегъ таинственныхъ плѣнниковъ, безгласныхъ и беззащитныхъ: одни пріѣзжали сюда на немедленную смерть, другіе — на многолѣтнюю страду заточенія въ казематахъ... И едва нога узника, волоча кандалы, ступала на роковой берегъ, какъ жандармы хватали его за руки и, точно спасаясь отъ чьей-то погони, точно сознавая всю преступность своего дѣла, бѣгомъ бѣжали въ ворота... Скорѣе! Скорѣе!

Я разсѣянно слушалъ, какъ называли мнѣ попадавшіяся по дорогѣ зданія: манежъ, канцелярія, квартира доктора, церковь... Не то, не то! Вотъ она, цѣль: направо — братская могила [1]), налѣво — кордегардія и кухня, прямо — „новая тюрьма", та самая, въ которой двадцать слишкомъ лѣтъ протомились мученики „Народной Воли"... Съ виду, какъ будто, ничего особеннаго въ этомъ небольшомъ, въ два этажа, каменномъ зданіи, состоящемъ изъ сорока тѣсно прижимающихся одна къ другой келеекъ-камеръ: каждая изъ нихъ, на мой взглядъ, миніатюрнѣе камеръ дома предварительнаго заключенія. Камеры Петропавловской крѣпости, сравнительно, гигантскихъ размѣровъ... Затхло, сыро... Но вѣдь лѣтомъ каменныя зданія, когда они пусты и необитаемы, всегда таковы...

Заключенные жили, главнымъ образомъ, въ камерахъ второго этажа; въ нижнемъ помѣщались мастерскія. Когда идешь по галлереѣ верхняго этажа, то особенно ясно видишь и ощущаешь тѣсноту шлиссельбургскаго тайника: два человѣка не могутъ свободно идти здѣсь рядомъ. Съ одной стороны—стѣна и двери казематовъ, съ другой — натянутая веревочная сѣтка, предусмотрительно спасавшая заключенныхъ отъ попытокъ самоубійства... И назойливая мысль почему-то все время бро-

[1]) Въ ней похоронено около 200 русскихъ солдатъ, павшихъ при взятіи Орѣшка у шведовъ въ 1702 г.

дитъ въ моей головѣ: вотъ по этой самой узенькой галлереѣ проходили, бывало, важные, толстые сановники и генералы, наѣзжавшіе время отъ времени въ Шлиссельбургъ; имъ надо было протискиваться бокомъ, чтобы заглянуть въ дверной глазокъ или зайти въ самую камеру... И только маленькій, юркій П. Н. Дурново проходилъ вполнѣ свободно, вѣроятно, восторгаясь все время образцовымъ благоустройствомъ тюрьмы, надъ которымъ немало поработала его собственная фантазія...

— Здѣсь кто сидитъ?—спрашивалъ вполголоса сановникъ у сопровождавшаго его „Ирода“.—А!.. Ну, какъ онъ себя ведетъ? Спокоенъ? Отлично! Отворите камеру...

Мы тоже отворяли камеры и тоже каждый разъ спрашивали у нашихъ чичероне, кто здѣсь сидѣлъ, кто умеръ... И овладѣвала порой жуткая иллюзія: вотъ, увидимъ сейчасъ хозяина камеры...

Но его уже нѣтъ. Пусто, тихо... На одномъ изъ оконъ бьется залетѣвшая съ воли большая желтая бабочка, и мнѣ подумалось: не духъ ли это какого-нибудь героя, вернувшагося посмотрѣть на мѣсто своихъ великихъ страданій?..

— Вотъ здѣсь жила Вѣра Николаевна... Здѣсь Лопатинъ... Новорусскій, Лукашевичъ... Антоновъ... Здѣсь умеръ Юрій Богдановичъ... А вотъ тутъ—Юрковскій... Тутъ сидѣлъ сумасшедшій Конашевичъ...

Кто-то, какъ будто, зарычалъ вдругъ или завизжалъ, заставивъ насъ вздрогнуть: это заскрипѣла ржавая дверь сосѣдней камеры, неосторожно кѣмъ-то прихлопнутая...

— Осторожнѣе, господа, осторожнѣе! Не захлопнуть бы кого въ камерѣ... Ключей нѣтъ, и отсюда не скоро выберешься...

Послѣ такого предупрежденія мы уже не безъ робости заходили въ новыя камеры, съ опаской поглядывая все время, какъ бы кто нечаянно не захлопнулъ двери... Просидѣть тутъ взаперти нѣсколько часовъ—брр!..

Камеры маленькія, свѣтлыя, съ неподвижной желѣзной койкой и такимъ же желѣзнымъ столикомъ, надъ которымъ приспособлена электрическая лампочка на высотѣ, какую указывали сами заключенные; въ углу—водяной клозетъ (само собой разумѣется, ни водопроводъ, ни электричество теперь уже не дѣйствуютъ). Единственное окно расположено въ верхней части передней стѣны, и чтобы заключенные не могли на него взбираться, подоконникъ сдѣланъ сильно покатымъ. Тѣмъ не менѣе, большинство узниковъ,—и даже женщины,—отлично умѣли это дѣлать: желаніе видѣть хоть тѣнь свободы превоз-

могало всѣ трудности... Правда, въ позднѣйшіе годы Шлиссельбурга, когда общеніе между арестантами было уже легализировано, и желаніе взлѣзать на подоконники утратило въ значительной мѣрѣ свою остроту, послѣдніе во многихъ камерахъ были исправлены и служили помѣщеніемъ для ящиковъ съ цвѣтами.

Звонковъ совсѣмъ не было, и въ случаѣ нужды заключенный звалъ жандарма простымъ стукомъ въ дверь. По глубокомысленной идеѣ строителей Шлиссельбурга, арестанты и подозрѣвать не должны были о пребываніи рядомъ съ ними другихъ товарищей,—вотъ для чего нужно было отсутствіе звонковъ... Когда Грачевскій въ 1888 г. сжегъ себя, облившись керосиномъ изъ лампочки, то, кажется, самъ П. Н. Дурново придумалъ другую остроумную штуку — особаго рода желѣзную сѣтку (колпачекъ), въ которую отнынѣ замыкался резервуаръ лампы. Стекло осталось попрежнему свободнымъ; но если бы кому-нибудь изъ узниковъ пришло послѣ этого въ голову зарѣзаться этимъ стекломъ, вѣроятно, Петръ Николаевичъ придумалъ бы и еще какое-нибудь геніальное усовершенствованіе. Къ счастью, этого не случилось... Зато огромная веревочная сѣть, какъ я уже сказалъ, отдѣляла второй этажъ тюрьмы отъ перваго, въ корнѣ пресѣкая соблазнъ кинуться съ галлереи внизъ головой на каменный полъ тюрьмы. Но среди искусно разставленныхъ сѣтей, западней и ловушекъ наиболѣе непріятной для издерганныхъ и безъ того нервовъ былъ стеклянный круглый глазокъ въ двери каждой камеры. Снаружи онъ закрывался особаго рода пластинкой, которая при самомъ осторожномъ отдергиваніи производила шуршащій звукъ, дававшій заключенному понять, что на него глядитъ отвратительный глазъ шпіона, лица котораго нельзя видѣть...

Съ тяжелымъ щемящимъ чувствомъ и вихремъ непередаваемыхъ мыслей и воспоминаній вышелъ я изъ холоднаго затхлаго ящика новой тюрьмы на свѣжій, вольный воздухъ.

Для человѣка, которому удалось повидать не мало другихъ, порой въ десять разъ худшихъ, мѣстъ заключенія, зданіе этой тюрьмы само по себѣ не представляетъ ничего ужаснаго, но оно внушаетъ ужасъ витающими надъ нимъ страшными воспоминаніями. Люди, входившіе подъ эти своды, молодые, полные силъ и огня люди, знали, были увѣрены, что они уже никогда отсюда не выйдутъ, что здѣсь ихъ могила! И дѣйствительно, если инымъ удалось все-таки дожить до вожделѣнной свободы, избѣжавъ разстрѣла, не наживъ чахотки, не сойдя

съ ума, то вѣдь это было поистинѣ какое-то сумасшедшее, невѣроятное счастье! А для сколькихъ другихъ Шлиссельбургъ остался тѣмъ кругомъ Дантова ада, на которомъ была роковая надпись: „Оставь надежду навсегда!..“

— Не желаете ли заглянуть въ подвалъ?

— А развѣ и тамъ что-нибудь было? Можетъ быть, карцеръ?

— Ровно ничего тамъ не было. Пустой подвалъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же смотрѣть?..

— Но все-таки... Въ публикѣ думаютъ, что тутъ былъ какой-то застѣнокъ...

Сгибаясь въ три погибели и свѣтя передъ собой, мы обошли всѣ закоулки большого и темнаго подвала, спотыкаясь о неровности пола и кучи набросанныхъ безпорядочно кирпичей и камней. Никакого застѣнка, дѣйствительно, нѣтъ... Ни дыбы, ни какихъ другихъ орудій пытки...

— А что же это за ящики съ каменьями?

— А, это любопытная вещь. Это остатки минералогическихъ коллекцій, которыя составляли заключенные. Все главное давно уже увезено отсюда департаментомъ полиціи, но разныя мелочи остались.

Нѣсколько такихъ мелочей мы взяли себѣ на память...

Прямо противъ входа въ новую тюрьму, въ десяти шагахъ отъ нея, — кордегардія и кухня. Доступъ туда для заключенныхъ былъ строго возбраненъ, и ничего тамъ интереснаго не происходило, и, тѣмъ не менѣе, это, пожалуй, одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ Шлиссельбурга, доставляющее туристу минуту глубокаго удовлетворенія. Я имѣю, собственно, въ виду окна кордегардіи: когда идешь по тротуару мимо тюрьмы, то въ окнахъ этихъ, какъ въ зеркалѣ, видишь отраженіе собственной фигуры... Нечеловѣческую проницательность, дьявольскую, порой, хитрость и предусмотрительность обнаруживали шлиссельбургскіе церберы, но это заурядное физическое явленіе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они упускали изъ виду... Дѣло въ томъ, что изъ этой же кухни жандармы носили пищу и въ старую тюрьму, когда тамъ находились заключенные. Но обитатели новой тюрьмы не должны были даже подозрѣвать о томъ, что тамъ кто-нибудь есть. И вотъ, хорошо зная, что послѣдніе, несмотря на всѣ запреты и угрозы, взбираются на подоконники своихъ келій и смотрятъ на дворъ [1]), жандармамъ приказано было и здѣсь пускаться на

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь лишь о позднѣйшемъ періодѣ «шлиссельбургскаго си-

хитрость: они должны были, выходя изъ кухни съ посудой въ рукахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, направляться спокойнымъ шагомъ прямо къ дверямъ новой тюрьмы, и только потомъ, выйдя изъ поля зрѣнія оконъ второго этажа, круто поворачивать къ старой тюрьмѣ, крадясь вдоль стѣны новой. Но окна кордегардіи, въ непреклонной вѣрности истинѣ, каждый разъ изобличали эту звѣриную хитрость тюремщиковъ: шлиссельбургскіе узники всегда знали о появленіи въ старой тюрьмѣ новаго жильца...

Пока компанія наша, смѣясь, громко обсуждала все это, я съ любопытствомъ глядѣлъ на лицо стоявшаго въ сторонѣ стараго жандарма, двадцать лѣтъ прослужившаго въ крѣпости: что̀ оно выражаетъ—смущеніе, стыдъ, сожалѣніе о былой недогадливости? Но лицо оставалось, какъ маска, неподвижно и непроницаемо... Школа „Ирода"!

Прежде чѣмъ отправиться въ старую тюрьму, мы заглянули въ трехугольные дворики для прогулокъ, превращенные позже въ огороды: теперь они густо заросли бурьяномъ и стали почти непроходимы. Огородъ Г. А. Лопатина, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе одной особенностью: почва, приготовленная для посадокъ, значительно возвышается въ немъ надъ дорожкой, оставленной для прохода. Оказывается, эти насыпи остроумно сооружены были Германомъ Александровичемъ для того, чтобы не нагибаться при выпалываніи сорныхъ травъ... Вдоль всѣхъ огородовъ тянется высокой стѣной деревянная площадка, по которой расхаживали голубые соглядатаи, а за ней, еще выше, подымается каменная стѣна крѣпости, гигантское сооруженіе, дошедшее до насъ еще отъ временъ Великаго Новгорода. Мы взобрались и на эту стѣну, теперь совершенно пустынную, покинутую; а еще годъ назадъ по ней также расхаживали часовые, смѣнявшіеся каждые два часа. И при этихъ частыхъ смѣнахъ зловѣщимъ грохотомъ гремѣли каждый разъ тяжелыя желѣзныя ворота, заставляя узниковъ вздрагивать... Сейчасъ же за стѣной плещется бурное озеро, немолчный шумъ котораго тоже былъ слышенъ въ тюрьмѣ...

дѣнія»: въ началѣ, при «Иродѣ» (Соколовѣ) и много позже, окна камеръ были изъ матовыхъ стеколъ, и заключенные сквозь нихъ ничего не могли видѣть.

II.

Старинная крѣпостная стѣна новгородско-шведскихъ временъ образуетъ, если не ошибаюсь, неправильный многоугольникъ, внутри раздѣленный такою же каменною стѣной на двѣ неравныя части; въ большей изъ нихъ помѣщаются новая тюрьма съ кухней, церковь, канцелярія и другія зданія, въ меньшей—старая тюрьма, въ просторѣчіи именовавшаяся „сараемъ“. Расположенный передъ ней довольно просторный дворъ, благодаря исполинскимъ стѣнамъ, производитъ впечатлѣніе глубокаго, мрачнаго, замкнутаго со всѣхъ сторонъ колодца. Въ послѣдній, сравнительно либеральный, періодъ тюрьмы, когда „сарай“ былъ уже необитаемъ, какъ тюрьма, и отданъ заключеннымъ подъ мастерскія всякаго рода, въ ихъ же распоряженіе предоставленъ былъ и этотъ дворъ, и онъ весь пущенъ былъ подъ культуру растеній: все солнечное мѣсто отводилось парникамъ, которыхъ здѣсь насчитывалось, кажется, до полсотни рамъ. На этомъ же дворѣ выкопанъ былъ единоличными усиліями Н. П. Стародворскаго погребъ. Заглянувъ въ его темную глубину, невольно отдашь дань уваженія богатырскимъ силамъ и упорной настойчивости удивительнаго работника... Злые языки говорятъ, однако, что погребъ никуда не годился: вслѣдствіе отсутствія правильной вентиляціи, продукты въ немъ скоро плѣснѣли и портились...

Не такое мирное назначеніе имѣлъ этотъ дворъ въ первый періодъ Шлиссельбургской крѣпости: въ 1884 г. тутъ повѣшены офицеры Рогачевъ и Штромбергъ и разстрѣлянъ Минаковъ; въ 1885 году разстрѣлянъ же Мышкинъ; въ 1887 повѣшено пятеро петербургскихъ студентовъ, подготовлявшихъ покушеніе на имп. Александра III: Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андрѣюшкинъ... Страшно вспомнить объ этомъ! Несчастные юноши, за одинъ только замыселъ, не приведенный въ дѣйствіе, были хладнокровно умерщвлены здѣсь, въ этомъ мрачномъ колодцѣ, почти на порогѣ тюрьмы, подъ самыми ея окнами! И эта жестокая казнь совершена была не при какомъ-либо бурномъ, тревожномъ состояніи страны: революціонное движеніе, напротивъ, было совершенно подавлено, Россія пребывала въ вожделѣнномъ „спокойствіи“.

„Сарай“ вполнѣ заслужилъ свое названіе: онъ теменъ, сыръ, непригляденъ... Всего одинъ этажъ, въ 10 камеръ. По

какому-то темному корридору-лѣстницѣ съ неровными и неправильными плитами-ступенями мы поднялись въ знаменитую, устроенную въ прилегающей крѣпостной стѣнѣ, камеру Іоанна Антоновича. Большой, неправильный четыреугольникъ съ сводчатымъ потолкомъ и небольшимъ низкимъ окошкомъ въ желѣзномъ переплетѣ. Сыро, темно, жутко... Камера дѣлилась когда-то перегородкой на двѣ комнаты, изъ которыхъ задняя служила спальней бывшаго императора: тамъ одинъ изъ приставовъ крѣпости и умертвилъ его въ 1764 г. во время извѣстной неудачной попытки подпоручика Мировича освободить Іоанна Антоновича и вновь провозгласить императоромъ. Убійство это совершено было въ силу данной Екатериною спеціальной инструкціи, ясно предписывавшей шлиссельбургскому коменданту—никому не отдавать арестанта безъ именного высочайшаго повелѣнія, въ случаѣ же насильственной попытки освобожденія — умертвить. Для того, чтобы великая Семирамида сѣверныхъ странъ, за мудрость и добродѣтель прославленная всѣми пѣтами современной Европы, могла спать спокойно, несчастный юноша-узникъ долженъ былъ уйти изъ жизни! И онъ ушелъ, не видавъ жизни, невиннымъ ребенкомъ попавъ сначала въ Холмогорскую тюрьму, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, проведя въ общемъ около 20 лѣтъ въ безчеловѣчномъ одиночномъ заключеніи, — по свидѣтельству современниковъ, до конца оставшись ребенкомъ... Вотъ до какого чудовищнаго озвѣрѣнія доводитъ людей жажда самовластія!

Описывая впослѣдствіи друзьямъ-философамъ попытку Мировича освободить Іоанна, Екатерина съ проніей называла ее „Шлиссельбургской нелѣпой“, при чемъ о смерти императора-узника благоразумно умалчивала...

Съ возмущеннымъ сердцемъ спустился я внизъ, въ „старую тюрьму“, и еще разъ зашелъ въ камеру, въ которой провелъ два-три послѣднихъ часа передъ казнью Степанъ Балмашовъ (2—3 мая 1902 г.). Говорятъ, онъ все время ходилъ взадъ и впередъ по своей камерѣ, подолгу останавливаясь передъ окномъ. Наконецъ, явился смотритель съ вопросомъ, не хочетъ ли осужденный исповѣдоваться у священника. Балмашовъ отвѣчалъ, что онъ уже сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ сдѣлать, и въ священникѣ не нуждается. Тогда вошелъ палачъ Филипьевъ [1]) и, объявивъ, что долженъ связать ему руки, спросилъ, будетъ ли онъ сопротивляться.

[1]) Арестантъ, осужденный на вѣчную каторгу за 7 убійствъ. Онъ же каз-

— Нѣтъ,—отвѣчалъ осужденный и, отвернувшись къ окну, спокойно заложилъ руки за спину. Палачъ приблизился и связалъ ихъ.

Въ такомъ видѣ Балмашовъ выведенъ былъ въ корридоръ тюрьмы, гдѣ уже собрались всѣ мѣстныя власти, жандармы и солдаты. Но висѣлица построена была не на большомъ дворѣ, гдѣ совершались перечисленныя выше казни, а на маленькомъ, прилегающемъ къ старой тюрьмѣ съ другой стороны, возлѣ наружной крѣпостной стѣны. Сюда привели Балмашова,—и все время, пока читался приговоръ и дѣлались послѣднія приготовленія, пока не былъ накинутъ на него саванъ,—онъ, высоко поднявъ голову, смотрѣлъ на небо. Молился ли онъ? Просто ли ему было противно глядѣть на толпу этихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ, собравшихся глазѣть на его смерть?..

Балмашовъ — единственный изъ всѣхъ казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ, похороненный не внѣ крѣпостной стѣны, а на томъ же дворикѣ, гдѣ происходила казнь. Случилось это потому, что на противоположномъ берегу пролива, гдѣ помѣщаются пороховые заводы, происходили въ этотъ день какія-то работы на открытомъ воздухѣ, и начальство боялось, что рабочіе обратятъ вниманіе на похороны... Тутъ же, недалеко отъ висѣлицы, среди высокаго бурьяна вырыта была яма... Теплый еще трупъ опустили въ нее (кажется, положивъ все-таки предварительно въ гробъ) и засыпали известкой. Послѣдняя, по разсказамъ свидѣтелей, употреблена была единственно въ цѣляхъ дезинфекціи, а никакъ не для уничтоженія останковъ (молва говорила о негашеной извести). На стѣнѣ, возлѣ самой могилы, виднѣется надбитый кирпичъ,—единственный, сдѣланный кѣмъ-то, знакъ надъ мѣстомъ упокоенія казненнаго юноши...

Здѣсь умѣстно будетъ разсказать, какихъ два страшныхъ мѣсяца пережили передъ казнью Балмашова шлиссельбургскіе узники, обитатели новой тюрьмы. Кажется, въ февралѣ 1902 года (періодъ былъ либеральный, и суровый когда-то надзоръ значительно ослабѣлъ) М. Р. Попову удалось какимъ-то образомъ разговориться съ однимъ солдатикомъ-часовымъ, оказавшимся очень симпатичнымъ малымъ, и ему пришло въ голову воспользоваться новымъ пріятелемъ для отправки на волю письма. Письмо къ матери-старухѣ было настолько невиннаго содер-

---

нилъ позже Каляева... Телеграфъ сообщилъ на дняхъ, что уголовные арестанты одной изъ кавказскихъ тюремъ убили Филиппьева, узнавъ, что онъ вѣшалъ революціонеровъ.

жанія, что Поповъ не счелъ даже нужнымъ разсказать о своей попыткѣ товарищамъ. Между тѣмъ, солдатикъ съ письмомъ попался, и въ крѣпости начался страшный переполохъ... Большая часть мелкихъ послабленій, отвоеванныхъ постепенно заключенными, исходила отъ мѣстной шлиссельбургской власти; департаментъ полиціи, если и зналъ объ этихъ попустительствахъ, то не столько санкціонировалъ ихъ, сколько просто глядѣлъ на нихъ сквозь пальцы, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, что въ крѣпости будетъ сохраняться полная внѣшняя субординація и спокойствіе. Но совсѣмъ иначе долженъ былъ отнестись департаментъ, узнавъ о случившемся „скандалѣ", свидѣтельствовавшемъ объ ослабленіи режима, — и понятно, что еще раньше того или другого указанія изъ Петербурга шлиссельбургское жандармское управленіе поспѣшило подтянуть опущенныя бразды. Ничего не сообщая заключеннымъ о перехваченномъ письмѣ (Поповъ также молчалъ, самъ ничего не подозрѣвая), комендантъ неожиданно ввелъ въ обиходъ тюремной жизни цѣлый рядъ репрессій, хотя и мелкихъ, но крайне болѣзненно отозвавшихся на приподнятыхъ всегда нервахъ заключенныхъ. Они чутко насторожились... И вотъ, вечеромъ 2 марта, когда жандармы заглянули, по обыкновенію, въ дверной глазокъ С. А. Иванова, послѣдній, въ раздраженіи, закрылъ его изнутри кускомъ холста. Дѣлать это позволялось, и то въ исключительныхъ случаяхъ, только женщинамъ... Дверь отворилась, и повязка съ „глазка" была сорвана; но Ивановъ снова наложилъ ее. Препирательства продолжались долго. Наконецъ, жандармы ворвались въ камеру и начали вязать Иванова, чтобы отвести въ карцеръ... Но въ эту минуту съ нимъ случился нервный припадокъ; крикъ и паденіе тѣла привлекли вниманіе всей тюрьмы... Заключенные, заподозривъ, что одного изъ товарищей бьютъ, стучали чѣмъ попало въ двери, звали смотрителя, выкрикивали угрозы... Прибѣжавшій смотритель пытался ихъ успокоить; тѣмъ не менѣе, С. А. Ивановъ, несмотря на продолжавшійся болѣзненный припадокъ, былъ все-таки связанъ и отнесенъ въ одну изъ нижнихъ камеръ, гдѣ и пробылъ до слѣдующаго утра.

Обстоятельство это не внесло, конечно, въ тюрьму примирительнаго настроенія; напротивъ, оно показывало, что начальство рѣшило серьезно воскресить старый режимъ, и что нужно или примириться съ этимъ, или дать немедленный отпоръ. Большинство заключенныхъ убѣждено было при этомъ, что виною всѣхъ репрессій — капризъ мѣстныхъ властей, и что

необходимо какимъ-нибудь способомъ довести о немъ до свѣдѣнія центральнаго правительства. Съ этой цѣлью В. Н. Фигнеръ написала немедленно къ матери письмо, съ подробнымъ изложеніемъ послѣднихъ событій, хорошо зная, что если письмо это и не будетъ отправлено по назначенію, то будетъ все же прочитано въ департаментѣ полиціи. И вотъ, когда смотритель, ротмистръ Гудзь, — человѣкъ, лично не внушавшій заключеннымъ особенной непріязни и не злой по природѣ,—пришелъ увѣдомить ее, что письмо не будетъ отправлено комендантомъ даже и въ департаментъ полиціи (не ясное ли, казалось, доказательство, что комендантъ хотѣлъ скрыть свое самоуправство?), Вѣра Николаевна, не видя другого средства защитить товарищей, сорвала съ Гудзя погоны...

Случилось это 4 марта. Съ этого дня до конца мѣсяца тюрьма представляла настоящую могилу; заключенные безвыходно сидѣли въ камерахъ, не пользуясь даже прогулками... И только съ 30 марта, когда смѣнилось крѣпостное начальство, — прежняя дѣятельная жизнь начала понемногу возрождаться, хотя былая свобода уже не вернулась (совершенно возбраненъ былъ, напр., входъ въ старую тюрьму съ прилегающими къ ней двумя дворами, гдѣ находились парники, погребъ, мастерскія и пр.). Но главное—неотступнымъ кошмаромъ стоялъ все время вопросъ: что станется съ любимымъ товарищемъ?.. Сама Вѣра Николаевна казалась, какъ всегда, бодрой, живой, даже веселой, но и она предвидѣла, очевидно, возможность жестокой расправы. Никто изъ товарищей не заговаривалъ объ этомъ ни съ нею, ни даже другъ съ другомъ, но каждый и засыпалъ, и просыпался все съ тою же неотвязно сверлившей душу мыслью: возможно ли, чтобы русское правительство забыло?.. Развѣ оно способно смутиться тѣмъ фактомъ, что передъ нимъ—женщина? А Перовская? А Сигида?..

Въ половинѣ апрѣля въ тюрьму проникъ смутный слухъ о большихъ студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ (объ убійствѣ 2 апрѣля мин. вн. дѣлъ Сипягина ничего не знали); и почти одновременно замѣчены были какія-то работы въ старой тюрьмѣ: туда было доставлено нѣкоторое количество досокъ—не такой длины, какъ обыкновенныя доски, привозимыя по заказу заключенныхъ для столярной мастерской прямо съ завода. И величина, и количество этихъ досокъ наводили на мысль о постройкѣ помоста для эшафота... Кто-то увидѣлъ затѣмъ, какъ въ „сараѣ“ пронесли странный четыреугольникъ съ подвижной крышкой... Это могъ быть табуретъ для совер-

шенія казни... Возбужденная мысль усиленно работала, силясь подыскать какія-либо болѣе успокоительныя объясненія; но какія?... Высказывалось предположеніе, что въ старую тюрьму будутъ привезены новые арестанты, и что на маленькомъ дворикѣ отгораживается мѣсто для ихъ прогулки; четыреугольникъ, поставленный вертикально, могъ служить дверью въ этомъ заборѣ... Правда, очень маленькой дверью...

Такъ тянулись дни за днями въ кошмарномъ, подавленномъ настроеніи. Наконецъ, 2-го мая страшная загадка раскрылась. Рано утромъ этого дня М. В. Новорусскій, проходя изъ тюрьмы въ огородъ, наткнулся на странную сцену: смотритель, забывъ свой чинъ и возрастъ, опрометью бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ слѣдомъ жандармъ... Было очевидно, что случилось что-то неожиданное, необычайно взволновавшее начальство... Спрошенный о причинѣ этой бѣготни, дежурный жандармъ пробурчалъ что-то неопредѣленное и явно уклончивое. Почти въ то же время П. Л. Антоновъ, часто имѣвшій привычку заглядывать въ окно своей камеры, изъ которой открывался видъ на главную дорогу отъ воротъ крѣпости къ манежу и канцеляріи,—увидалъ необычайное зрѣлище: къ канцеляріи приближалась цѣлая свита жандармовъ, и посреди шелъ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, нѣсколько сутуловатый, но бодрый и веселый: онъ махалъ по направленію къ тюрьмѣ фуражкой и кланялся...

Вѣсть эта облетѣла тотчасъ же всю тюрьму; узники насторожились, прислушивались, ждали... Антоновъ почти весь день не сходилъ съ окна, и къ вечеру въ предѣлахъ его зрѣнія появились священникъ и другіе неизвѣстные ему чиновники. Ясно было, что готовилась казнь... Однако, онъ пропустилъ минуту, когда Балмашова переводили изъ канцеляріи въ „сарай“; случилось это, должно быть, въ двѣнадцатомъ часу ночи, когда Антоновъ задремалъ отъ утомленія. Вскочивъ затѣмъ, какъ отъ электрическаго толчка, съ койки, онъ увидѣлъ только хвостъ шествія. Всю ночь не покидалъ онъ послѣ этого своего наблюдательнаго поста, дожидаясь выноса тѣла казненнаго. Но подъ утро изъ воротъ старой тюрьмы вышли только участники экзекуціи, при чемъ солдаты отряхали съ себя известку...

Прибытіе Каляева въ маѣ 1905 г. усмотрѣно было тѣмъ же П. Л. Антоновымъ, и точно также случайно. Плѣнника провели въ манежъ. Вслѣдъ затѣмъ появился священникъ и другія неизвѣстныя лица,—признакъ того, что снова готовится казнь. Заключенные опять зорко стерегли моментъ, когда осу-

жденнаго поведутъ въ старую тюрьму... Но его туда не повели. Ночью увидѣли только, какъ за манежъ прошелъ взводъ солдатъ съ ружьями, и поняли, что казнь совершается тамъ же, за манежемъ...

О казни Гершковича и Васильева 20-го августа 1905 года шлиссельбуржцы узнали лишь по выходѣ изъ своей живой могилы. Оба сидѣли въ томъ же манежѣ и были казнены тамъ же, гдѣ и Каляевъ, при чемъ чрезвычайно любопытнымъ и характернымъ кажется мнѣ фактъ, что ни тотъ, ни другой изъ осужденныхъ даже не подозрѣвалъ о присутствіи рядомъ товарища: привезли обоихъ на двухъ разныхъ пароходахъ, посадили въ разныхъ камерахъ манежа, и лишь послѣ того, какъ трупъ одного былъ вынутъ изъ петли и отнесенъ въ могилу, другого вывели изъ каземата и подвели къ той же висѣлицѣ. Для чего и почему это дѣлалось? Неужели руководились тѣмъ формальнымъ основаніемъ, что судились Гершковичъ и Васильевъ по двумъ совершенно различнымъ дѣламъ и, быть можетъ, даже не слышали другъ о другѣ? Нѣтъ! не простой чиновничій формализмъ кроется здѣсь, а, думается,—особая планомѣрность жестокости, переходящей всѣ границы людского безсердечія, но въ столь высокой степени свойственной нашей самовластной бюрократіи... Экономическія и другія практическія соображенія заставляли совершить казнь въ одинъ день и въ одинъ часъ, но всѣ мѣры употреблены были къ тому, чтобы не облегчить осужденнымъ ихъ послѣднихъ минутъ отрадой общенія хотя бы и съ незнакомымъ товарищемъ...

III.

Я вышелъ изъ воротъ Шлиссельбургской крѣпости съ желаніемъ никогда больше не вступать въ нихъ. Слишкомъ близко еще проклятое прошлое, и мы связаны съ нимъ черезчуръ живыми нитями... Дальше, дальше!

Передъ глазами снова бурный проливъ, пристань... Но нѣтъ! Еще одинъ долгъ.

Мы взяли направо, вдоль крѣпостной стѣны. Вода подступаетъ къ ней совсѣмъ близко, оставляя лишь маленькую ленту сухой земли; послѣдняя расширяется только на поворотахъ, гдѣ двѣ расходящіяся стѣны смыкаются большой круглой башней. Одно изъ такихъ расширеній, близъ Королевской башни, и употреблено было попечительнымъ начальствомъ подъ клад-

бище политическихъ узниковъ. Ни одного креста, ни одного надмогильнаго холмика на этой полоскѣ земли, принявшей въ себя прахъ нѣсколькихъ десятковъ замученныхъ людей! Всѣ слѣды преступленія, какъ будто сознательно, истреблены и скрыты!

Пустынно кругомъ и тихо, только бурныя волны, не умолкая ни на минуту, бьются о берегъ, на что-то жалуются, о чемъ-то тоскуютъ...

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые,
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.
Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ..
Выросла травка, былинка безсильная.
Долу склонилась—и тайну хранитъ.
Только свидѣтели—волны кипучія:
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ! [1])

Здѣсь похоронено 28 человѣкъ: Минаковъ, Мышкинъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Малавскій, Долгушинъ, Геллисъ, Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Арончикъ, Грачевскій, Исаевъ, Богдановичъ, Златопольскій, Буцевичъ, Кобылянскій, Буцинскій, Юрковскій, Немоловскій, Тихановичъ, Варынскій, Софья Гинцбургъ, Каляевъ, Гершковичъ и Васильевъ. Двадцать девятый—Балмашовъ—похороненъ рядомъ, но внутри тюремной ограды, и, наконецъ, тридцатый,—Клименко, который умеръ первымъ изъ привезенныхъ въ Шлиссельбургъ народовольцевъ (онъ повѣсился, кажется, всего мѣсяцъ или два проживъ въ крѣпости)—погребенъ на городскомъ кладбищѣ, чуть ли не съ соблюденіемъ христіанскихъ обрядовъ. Шлиссельбургское начальство сдѣлало это „по неопытности“ и, говорятъ, получило изъ Петербурга страшный нагоняй. Съ тѣхъ поръ и стали хоронить казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ отдѣльно, подлѣ крѣпостной стѣны, подъ бурный погребальный маршъ холодныхъ ладожскихъ волнъ.

У берега шумнаго моря, всѣ въ рядъ,
Сраженные смертью кровавой,
Покрытые вѣчною славой,
Борцы за свободу отчизны лежатъ!

[1]) В. Н. Фигнеръ

Каляевъ лежитъ съ краю, всѣхъ ближе къ Королевской башнѣ, и только его сравнительно свѣжая могила (10 мая 1095 г.) точно обозначена вбитыми кѣмъ-то въ землю колышками... [1])

Мы долго стояли молча. Кто-то высказалъ, наконецъ, предположеніе, что освобожденный народъ перевезетъ отсюда дорогой для него прахъ въ особо устроенный пантеонъ. Другой горячо возразилъ на это:

— Ни за что! Не нужно тревожить... Здѣсь пусть лежатъ... Сюда будутъ пріѣзжать паломники!

— О, нѣтъ! Шлиссельбургъ такое проклятое мѣсто, что, я думаю, и мертвецы будутъ рады покинуть его. Надо вернуть ихъ на родину!

Разговоръ коснулся будущей судьбы всего Шлиссельбурга. Намъ сообщили, между прочимъ, о намѣреніи главнаго тюремнаго управленія, въ вѣдѣніе котораго крѣпость теперь переходитъ, построить здѣсь большую тюрьму для 800 уголовныхъ. Всѣхъ возмутила эта варварская затѣя, благодаря которой будетъ уничтоженъ одинъ изъ самыхъ святыхъ памятниковъ русскаго освободительнаго движенія...

— Затѣя, конечно, сумасбродная,—замѣтилъ одинъ изъ нашей компаніи,—но я бы не сталъ хранить Шлиссельбургъ въ теперешнемъ его видѣ. Я бы все, все до тла спалилъ и разрушилъ, чтобы не осталось и слѣдовъ отъ этого разбойничьяго застѣнка!

Я горько задумался... Нѣтъ, я не хочу разрушенія; я свято сберегъ бы каждую пылинку Шлиссельбургской крѣпости, на поученіе грядущимъ вѣкамъ! Вѣдь нигдѣ, быть можетъ, и никогда въ исторіи не жили въ такомъ близкомъ и тѣсномъ соприкосновеніи, какъ здѣсь, величайшее паденіе и величайшій подъемъ человѣческаго духа, черное злодѣйство и свѣтлая доблесть. Шлиссельбургъ долженъ стать великимъ историческимъ музеемъ, гдѣ будутъ учиться человѣчности народы всего міра!

Что касается спеціально затѣи главнаго тюремнаго управленія, то, надо надѣяться, она провалится по практической своей нелѣпости. Довольно напомнить, что частыя бури нерѣдко отрываютъ крѣпость отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ на 3—4 дня, а въ проектируемой тюрьмѣ будутъ помѣщаться нѣсколько сотъ арестантовъ и, быть можетъ, столько же конвойныхъ

[1]) Къ этимъ 30 могиламъ прибавились въ 1906 году, т. е. уже послѣ закрытія въ Шлиссельбургѣ государственной тюрьмы, еще двѣ: второго Васильева, который, желая убить Трепова, по ошибкѣ убилъ ген. Козлова, и Зинаиды Васильевны Конопляниковой, застрѣлившей ген. Мина. Послѣдняя, говорятъ, похоронена рядомъ съ Балмашевымъ.

солдатъ. Чѣмъ же они будутъ кормиться?.. Не говорю о томъ уже, что для помѣщенія здѣсь такого большого количества арестантовъ пришлось бы возводить новыя гигантскія постройки, совершенно игнорируя двѣ имѣющіяся уже тюрьмы...

Къ сожалѣнію, чѣмъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе какой-либо планъ, тѣмъ больше шансовъ, что русское правительство серьезно станетъ его осуществлять. Какъ характерно, между прочимъ, что и теперь, когда ничего еще нѣтъ, и самый планъ будущей тюрьмы не выработанъ, уже строится... церковь (при существованіи рядомъ другой)! Она, впрочемъ, начата была еще въ 1905 году, когда сидѣли политическіе.

— Это для васъ!—утѣшающимъ тономъ говорило имъ благодѣтельное начальство и—спѣшило, ужасно спѣшило...

Въ самомъ началѣ постройки сдѣлано было, однако, скандальное открытіе: церковь заложили на томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то клоака... По каноническимъ правиламъ это — кощунство... Къ „самому“ Трепову (который считался истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ христіанской церкви), ходила въ этомъ смыслѣ бумага, и въ результатѣ—новую церковь отнесли нѣсколько дальше.

Политическіе, между тѣмъ, покинули стѣны крѣпости; слѣдомъ, покинули ихъ и жандармы... Но на постройку церкви уже было ассигновано 17 тысячъ (около которыхъ вѣдь можно кой-кому погрѣться), — и вотъ въ пустынной, всѣми брошенной крѣпости, неизвѣстно для кого и зачѣмъ, она продолжаетъ строиться...

Возвращаясь берегомъ къ пристани, мы замѣтили въ углубленіи обрыва остатки какого-то костра, съ множествомъ обгорѣвшихъ и не догорѣвшихъ бумагъ. Невольно мелькнула мысль: ужъ не пытались ли здѣсь уничтожить какіе-нибудь слѣды?.. Уѣзжая, не спѣшили ли сжечь нежелательные документы?.. Быстро спустившись въ обрывъ, нѣкоторые изъ насъ похватали эти бумаги и спрятали въ карманы. Но, увы! догадка оказалась слишкомъ ужъ наивной: въ бумагахъ ничего не было, кромѣ списка жандармовъ, бравшихъ въ разное время отпускъ и получавшихъ какое-то пособіе...

Прощай, Шлюшинъ! Навсегда! Или, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда свободный народъ явится сюда почтить своихъ замученныхъ героевъ-борцовъ!

Л. Мельшинъ.

Іюль 1906 г.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ.

Иванъ Ивановичъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Онъ родился въ 1798 году и тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ (въ 1811 г.) былъ отданъ въ знаменитый Царскосельскій лицей, изъ котораго вышло впослѣдствіи столько извѣстныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. Уже въ стѣнахъ лицея въ Пущинѣ пробудились самые живые общественные интересы, а знакомство съ кружкомъ передовыхъ русскихъ людей того времени (Муравьевы, Бурцевъ, Колошинъ, Семеновъ), какъ знакомство въ ту же эпоху лицейскаго товарища Пущина, славнаго русскаго поэта Пушкина съ Чаадаевымъ, закрѣпило и оформило взгляды вступавшаго въ жизнь юноши. По окончаніи лицея Пущинъ прослужилъ нѣкоторое время въ гвардейской конной артиллеріи, но, будучи вскорѣ принятъ Бурцевымъ въ извѣстный Союзъ Благоденствія, рѣшилъ на дѣлѣ проводить идеи Союза въ жизнь. Съ этою цѣлью онъ сбросилъ съ себя блестящій мундиръ гвардейскаго офицера и принялъ должность судьи въ Московскомъ надворномъ судѣ. Нужно вспомнить предразсудки того времени, чтобы оцѣнить все значеніе поступка Пущина и всю силу его убѣжденій.

Это былъ протестъ противъ той общественной среды, къ которой Пущинъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію, желаніе идти по пути къ „опрощенію“, такъ сказать, демократизаціи личной жизни, шагъ въ томъ направленіи, по которому впослѣдствіи и, конечно, гораздо дальше, чѣмъ Пущинъ, пошло многое множество представителей русской интеллигенціи...

Поступкомъ Пущина многіе люди его круга были шокированы, объясняя непонятный фактъ въ лучшемъ случаѣ чуда-

чествомъ Ивана Ивановича, желаніемъ его пооригинальничать, и лишь небольшой кружокъ лицъ понималъ тѣ морально-политическіе мотивы, которыми руководствовался онъ въ своемъ рѣшеніи. Въ числѣ такихъ немногихъ былъ и Пушкинъ, писавшій, обращаясь именно по этому поводу, къ Пущину:

Ты освятилъ тобой избранный санъ.
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Тутъ надо остановиться немного на отношеніяхъ Пущина къ Пушкину. Будучи, какъ уже сказано, лицейскимъ товарищемъ знаменитаго поэта, Пущинъ и по выходѣ изъ лицея поддерживалъ съ нимъ самыя дружескія отношенія. Когда Пушкинъ находился въ ссылкѣ въ деревнѣ, Пущинъ посѣтилъ изгнанника, и Пушкинъ этого никогда не забывалъ:

...Поэта домъ опальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья долгъ печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ,

писалъ Пушкинъ въ „Годовщинѣ 19 октября".

Вступивши въ тайное общество, Пущинъ раздумывалъ не принять ли въ число его членовъ и Пушкина, который подозрѣвалъ, что его другъ скрываетъ отъ него какую-то тайну и очень на него за это обижался. Колебался же Пущинъ не потому, чтобы образъ мыслей Пушкина отличался чѣмъ-нибудь отъ образа мыслей будущихъ декабристовъ, а по двумъ другимъ основаніямъ: во-первыхъ потому, что, цѣня въ немъ громадный литературный талантъ, боялся подвергать его риску, неизбѣжно связанному съ дѣятельностью въ тайномъ обществѣ и, во-вторыхъ, потому, что молодой поэтъ отличался въ то время склонностью къ вѣтренному образу жизни, и это обстоятельство заставляло членовъ тайнаго общества воздерживаться отъ предложенія Пушкину вступить въ число его членовъ.

„Преслѣдуемый мыслью, что у меня есть тайна отъ Пушкина и что, можетъ быть, этимъ самымъ я лишаю Общество полезнаго дѣятеля,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Пущинъ,—я почти рѣшился броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія", но тутъ Пущинъ, какъ нарочно, встрѣтилъ отца Пушкина Сергѣя Львовича, который разсказалъ Ивану Ивановичу о какой-то новой проказѣ молодого поэта и тѣмъ отвратилъ Пущина отъ его рѣшенія.

Изъ записокъ Якушкина извѣстно, какъ страстно желалъ Пушкинъ вступить въ число членовъ тайнаго общества (встрѣча Якушкина съ Пушкинымъ въ имѣніи декабриста Давыдова Каменкѣ) и потому, сдѣлай ему Пущинъ предложеніе, оно было бы, безъ сомнѣнія, принято поэтомъ съ величайшею радостью.

Случайная встрѣча Пущина съ Сергѣемъ Львовичемъ помѣшала такому предложенію и тѣмъ,—кто знаетъ,—быть можетъ, спасла для Россіи великаго Пушкина отъ эшафота, каторги или Сибири...

Въ 1828 году Пущинъ былъ въ Читинскомъ острогѣ. „Что дѣлалось въ это время съ Пушкинымъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ Пущинъ,—я рѣшительно не знаю. Знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева (добровольно послѣдовавшая въ Сибирь жена декабриста Н. М. Муравьева) и отдаетъ листикъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный,
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Псковъ, 13 декабря 1826 года.

Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. Увы, я не могъ даже пожать руку той женщины, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго внѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ. А Пушкину, вѣрно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мной и рада, что могла, наконецъ, исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ

моемъ въ Тобольскъ въ 1839 г. я послалъ эти стихи къ Плетневу. Такимъ образомъ они были напечатаны (въ „Современникѣ“ за 1841 г.), а въ 1842 г. мой братъ Михаилъ отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ“.

Но возвратимся къ Пущину еще свободному, Пущину—судьѣ, Пущину—общественному дѣятелю, Пущину—члену тайнаго общества.

Гуманный образъ мыслей, горячее, отзывчивое на страданія ближняго сердце и благородный, рѣшительный характеръ завоевали Пущину „почтеніе гражданъ“. Даже Гречъ, тотъ самый Гречъ, который далъ въ своихъ „Запискахъ“ столько несправедливыхъ характеристикъ многихъ декабристовъ, отозвался о Пущинѣ такими строками:

„Иванъ Ивановичъ Пущинъ, одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея перваго блистательнаго выпуска, благородный, милый, добрый человѣкъ, истинный филантропъ, покровитель бѣдныхъ, гонитель неправды. Въ добродѣтельныхъ порывахъ для благотворенія человѣчеству вступилъ онъ на службу безвозмездно по выборамъ въ уголовную палату... Онъ выстрадалъ слишкомъ тридцать лѣтъ въ Сибири... Память объ его умѣ, сердцѣ и характерѣ и глубокое сожалѣніе объ его несчастьи останутся навѣки въ глубинѣ души моей!..“

Строки, несомнѣнно свидѣтельствующія о завоеваніи Пущинымъ „почтенія гражданъ“.

Когда Союзъ благоденствія былъ закрытъ и въ Петербургѣ возникло Сѣверное Общество, Пущинъ тотчасъ же вступилъ и въ него.

Имъ, по свидѣтельству кн. Оболенскаго, былъ принятъ въ Общество Рылѣевъ,—обстоятельство, имѣвшее, какъ извѣстно, въ судьбахъ Общества важное значеніе.

Принимая дѣятельное участіе во всѣхъ начинаніяхъ Общества, Пущинъ особенно горячо интересовался постановкою въ немъ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Извѣстно, что по вопросу о томъ, на какихъ именно основаніяхъ слѣдуетъ освободить крестьянъ, среди декабристовъ существовали различныя мнѣнія. Во второй редакціи конституціи Н. М. Муравьева по этому поводу говорится слѣдующее: „Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ, съ огородами оныхъ, признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ“. На поляхъ этой рукописи другою рукою написано: „ежели

огородъ, то и земля". Существуетъ мнѣніе, что замѣчаніе это принадлежитъ Рылѣеву, но В. И. Семевскій, путемъ тщательнаго сличенія почерка, пришелъ къ заключенію, что замѣчаніе „ежели огородъ, то и земля", сдѣлано на рукописи Пущинымъ.

Пущинъ много занимался пропагандою въ обществѣ идеи освобожденія крестьянъ. Въ статьѣ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка" находятся такія, основанныя на подлинныхъ показаніяхъ декабристовъ, строки:

„Въ своемъ показаніи, въ январѣ 1826 года, Пущинъ говоритъ: „Въ началѣ прошлаго 1825 года, не находя никакихъ средствъ къ распространенію Общества и желая хоть нѣсколько содѣйствовать къ общему благу въ духѣ онаго, я учредилъ въ Москвѣ изъ своихъ знакомыхъ союзъ, имѣющій цѣлью личное освобожденіе дворовыхъ людей. Обязанность члена состояла въ томъ, чтобы непремѣнно (курсивъ,—замѣчаетъ В. И. Семевскій,—въ подлинникѣ) не имѣть при своей услугѣ крѣпостныхъ людей, если онъ въ правѣ ихъ освободить; если же онъ еще не управляетъ своимъ имѣніемъ, то по вступленіи въ управленіе онаго, непремѣнно долженъ выполнить обязанность свою. Сверхъ того, при всякомъ случаѣ, гдѣ есть возможность къ освобожденію какого-нибудь лица", члены союза обязывались „оказывать пособіе или денежное, или какое-нибудь другое, по мѣрѣ возможности". Изъ этого видно, что мысль объ освобожденіи крестьянъ и желаніе такъ или иначе реализовать ее въ жизни постоянно заботила Пущина.

Въ декабрѣ 1825 г. Пущинъ находился въ Москвѣ, но, узнавъ о замыслахъ петербургскихъ товарищей, тотчасъ же, не взирая на нежеланіе его служебнаго начальства дать ему отпускъ, поскакалъ въ Петербургъ.

Здѣсь онъ принялъ, между прочимъ, участіе въ томъ совѣщаніи заговорщиковъ 13 декабря, на которомъ Рылѣевъ предлагалъ Каховскому убить императора Николая, и это обстоятельство, несмотря на то, что о немъ Пущинъ въ дѣйствительности ровно ничего не зналъ, было поставлено ему судомъ въ особо тяжкую вину. Не будучи военнымъ, Пущинъ не могъ быть, конечно, и особенно полезнымъ непосредственно въ дѣлѣ возмущенія войскъ противъ Николая, но онъ старался принести maximum пользы тому же дѣлу и проявилъ въ этомъ кипучую энергію. Такъ, того же 13 декабря, не взирая на множество другихъ дѣлъ и хлопотъ, онъ нашелъ время

написать въ Москву члену Тайнаго Общества Семенову письмо, изъ котораго „Донесеніе слѣдственной комиссіи“ приводитъ такія строки:

„Насъ, по справедливости, назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній единственный случай. Когда ты получишь это письмо, все уже будетъ кончено. Насъ здѣсь 60 членовъ. Мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣрятъ, что Цесаревичъ не отказывался отъ престола. Прощай, вздохни о насъ, если и проч.“. „Въ заключеніе,—продолжаетъ „Донесеніе“,—онъ (Пущинъ) поручаетъ Семенову показать его письмо генералъ-маіорамъ Фонъ-Визину и Михаилу Орлову, конхъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, внутренно считалъ благопріятствующими видамъ Тайнаго Общества“.

Конечно, можно имѣть многое противъ фразы о 1500 рядовыхъ, „которыхъ увѣрятъ, что Цесаревичъ не отказывался отъ престола“, но это уже вопросъ объ оцѣнкѣ революціонной тактики всѣхъ петербургскихъ декабристовъ, а не лично Пущина. Такъ сложились обстоятельства, такъ рѣшило Общество, а не онъ, и Пущинъ стремительно бросился впередъ, къ завѣтной цѣли, къ свободѣ родины, къ той „зарѣ плѣнительнаго счастья“, ради восшествія которой соль земли русской готова была на какія угодно жертвы.

И когда, вмѣсто невзошедшей надъ Россіей „зари плѣнительнаго счастья“, взошелъ незабвенный Николай, она,—эта соль земли русской,—мученической смертью на эшафотѣ однихъ изъ своихъ членовъ и тридцатилѣтнимъ пребываніемъ въ утрюмохолодной Сибири другихъ, сумѣла заставить замолкнуть всякое злословіе...

Данными слѣдствія установлено, что заговорщики хотѣли принудить сенатъ опубликовать особый манифестъ о созывѣ депутатовъ для выработки конституціи Россійскаго Государства. Составить такой манифестъ было поручено Батенкову, а доставить его въ сенатъ должны были тотъ же Батенковъ, Рылѣевъ и Пущинъ.

Въ день 14 декабря Пущинъ принялъ прямое участіе въ событіяхъ на сенатской площади и выдержалъ на себѣ въ числѣ другихъ убійственное дѣйствіе картечи. „На другой день его сестра зашивала шубу, пробитую во многихъ мѣстахъ картечью“. Такъ разсказываетъ самъ Пущинъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Преданный Верховному Уголовному Суду, Пущинъ былъ признанъ виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

„участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго, участвовалъ въ управленіи Общества, принималъ членовъ и давалъ порученія, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ".

За эти дѣянія Пущинъ былъ приговоренъ судомъ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. По конфирмаціи смертная казнь была замѣнена ему безсрочными каторжными работами, но, прежде чѣмъ отправить его въ Сибирь, онъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и пробылъ до конца 1827 г. Послѣ этого его отправили въ Читинскій острогъ.

Дальнѣйшая жизнь Пущина уже мало отличается отъ жизни всѣхъ другихъ его соучастниковъ. Онъ пробылъ въ каторгѣ до 1839 года, а затѣмъ былъ водворенъ на поселеніе въ города Тобольской губерніи, сначала Туринскъ, а потомъ Ялуторовскъ.

Въ своей книгѣ „Декабристы въ Западной Сибири" Дмитріевъ-Мамоновъ пишетъ о поселенческой жизни Пущина, на основаніи находившихся въ Тобольскѣ оффиціальныхъ объ этомъ свѣдѣній, такія строки:

„Во время четырнадцати-мѣсячнаго пребыванія въ Туринскѣ, какъ доносилъ туринскій городничій и какъ показывали тобольскіе губернаторы въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, Пущинъ, „кромѣ чтенія книгъ, нигдѣмъ не занимался". По переводѣ же въ Ялуторовскъ, по донесеніямъ мѣстной администраціи, онъ, кромѣ чтенія книгъ, занимался хозяйствомъ.

Первые годы пребыванія въ Ялуторовскѣ Иванъ Ивановичъ жилъ вмѣстѣ съ Е. П. Оболенскимъ, занимая просторный домъ купца Бронникова, но когда Евгеній Петровичъ женился, то Иванъ Ивановичъ поселился одинъ на квартирѣ. Климатическія условія Сибири вредно дѣйствовали на его здоровье", почему онъ ходатайствовалъ о переводѣ его изъ Туринска въ Ялуторовскъ, въ городъ съ лучшими климатическими условіями, что и было ему разрѣшено. „За время шестнадцатилѣтняго пребыванія въ Сибири,—продолжаетъ Дмитріевъ-Мамоновъ,—Иванъ Ивановичъ аттестовался, какъ политіею, такъ и тобольскими губернаторами, лицомъ, отличающимся „хорошимъ поведеніемъ". По воспослѣдованіи всемилостивѣй-

шаго манифеста 26 августа 1856 года Иванъ Пущинъ выбылъ изъ Сибири въ Россію".

Жизнь въ Россіи ознаменовалась для Пущина, между прочимъ, его женитьбой на вдовѣ его умершаго товарища и сослуживца Фонъ-Визина Н. Д. Фонъ-Визиной. По свидѣтельству кн. М. Н. Волконской, Фонъ-Визина вышла замужъ за Пущина, когда ей было уже 53 года отъ роду.

Находясь въ Россіи, по просьбѣ одного изъ своихъ друзей, Пущинъ написалъ „Записки", касающіяся его отношеній къ Пушкину. Эти записки были напечатаны въ мартъ-апрѣльской книжкѣ журнала „Атеней" за 1859 годъ. („журналъ критики, современной исторіи и литературы, подъ редакціею Е. Корша"), но, по обыкновенію, съ цензурными купюрами, возстановленными только заграницею въ герценовской „Полярной Звѣздѣ" за 1862 годъ. Такъ обстояло дѣло до 1899 года, когда Л. Н. Майковъ издалъ свою извѣстную книгу „Пушкинъ — біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". Въ книгу эту вошли полностью и Записки И. И. Пущина.

Кромѣ этихъ записокъ Пущинъ написалъ также, по нѣкоторымъ даннымъ, совмѣстно съ Е. П. Оболенскимъ, очеркъ подъ заглавіемъ „14 декабря". Очеркъ этотъ былъ напечатанъ въ изданномъ Герценомъ сборникѣ „Тайное общество и 14 декабря".

Наконецъ, въ кн. III „Русскаго Архива" за 1879 г. было напечатано письмо Пущина къ директору Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгарду (отъ 1845 г.). Въ письмѣ этомъ Пущинъ живо и ярко рисуетъ свое подневольное существованіе въ Ялуторовскѣ.

И. И. Пущинъ скончался 3 апрѣля 1859 года въ селѣ Марьино близъ Бронницъ Московской губерніи и похороненъ въ Бронницахъ около стараго собора.

Таковъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, дѣйствовавшихъ на аренѣ общественной жизни второго и третьяго десятилѣтія XIX в., друга поэта, такъ страстно желавшаго видѣть „народъ неугнетеннымъ" и „отечество свободой просвѣщеннымъ", борца и мученика за Россію, за благо и счастье родного народа.

Тяжкія испытанія не сломили его благородную натуру.

В. Боцячарскій.

Николай Александровичъ Бестужевъ.

Николай Александровичъ Бестужевъ родился въ 1791 г. въ Петербургѣ, въ даровитой и „благородной“ не только по древнему дворянству своему семьѣ. Отецъ—Александръ Ѳеодосіевичъ (1761—1810), одно время морской артиллеристъ, а позднѣе правитель канцеляріи гр. Строгонова, былъ выдающійся для своего времени писатель-педагогъ; братья его — знаменитый романистъ Марлинскій и разносторонне-талантливый Михаилъ Бестужевъ. Обстановка, среди которой выросли четыре брата-декабриста, была въ высшей степени благопріятна и для развитія ихъ способностей, и для укрѣпленія унаслѣдованныхъ отъ отца и матери благородныхъ стремленій. Умный, симпатичный отецъ и мать—простая (изъ крѣпостныхъ), но чрезвычайно добрая женщина, дѣлали все, чтобы дѣтямъ жилось какъ можно вольготнѣе. Для нихъ брали лучшихъ учителей, а кромѣ того благотворно на ихъ духовное развитіе дѣйствовало то, что въ домѣ постоянно бывали ученые, писатели и художники. Вдобавокъ домъ былъ „богатымъ музеемъ въ миніатюрѣ“, благодаря собраннымъ отцомъ превосходнымъ коллекціямъ и моделямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ.

Николай Бестужевъ учился въ морскомъ корпусѣ, гдѣ быстро выдвинулся своими блестящими способностями. По окончаніи курса его оставили при корпусѣ преподавателемъ и воспитателемъ. Позднѣе онъ служилъ въ Кронштадтѣ, въ 14 экипажѣ, а также при адмиралтейскомъ департаментѣ, гдѣ, по порученію начальства, занимался составленіемъ исторіи русскаго флота.

И до, и послѣ ссылки онъ пробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ, переводилъ Байрона (прозою), Томаса Мура, Вальтера Скотта, писалъ повѣсти, статейки, по преиму-

ществу посвященныя эпизодамъ изъ морской исторіи, очерки изъ жизни европейскихъ народовъ, а позднѣе изъ быта сибирскихъ инородцевъ. Съ европейскою жизнью Бестужевъ познакомился въ 1815—1817 гг. во время плаванія у береговъ Голландіи, Франціи и Испаніи, оказавшаго рѣшающее вліяніе на его политическое міросозерцаніе. Литературныя попытки Николая Бестужева не имѣютъ выдающагося значенія, но, написанныя просто и изящно, онѣ читаются съ интересомъ. Уже послѣ его смерти лучшіе изъ его очерковъ и разсказовъ — „Записки о Голландіи 1815 г.“, „Русскіе въ Парижѣ 1814 года“, „Гусиное Озеро“ (изъ быта бурятъ) и др. были изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Разсказы и повѣсти стараго моряка“ (1860).

Бестужевъ обладалъ выдающимися техническими способностями: онъ очень быстро усваивалъ всевозможные виды ручной работы, и въ его головѣ постоянно зарождались разныя творческія идеи. Чего-чего онъ только не придумывалъ и не изобрѣталъ. Нѣкоторыя изъ его изобрѣтеній перешли въ потомство съ его именемъ. Такъ, служа въ морскомъ корпусѣ, онъ придумалъ особую спасательную лодку—„бестужевку“, въ Сибири построилъ особую экономическую „бестужевскую печь“ и т. д. Въ Читинской тюрьмѣ онъ безъ всякихъ инструментовъ сдѣлалъ такіе часы, которые ходили, не останавливаясь, по 4 года и отличались необыкновенно правильнымъ ходомъ. Чинилъ онъ также въ Сибири мельницы, устраивалъ огороды, парники, кожевенные заводы, шилъ сапоги, фуражки, придумалъ ювелирныя украшенія, самопишущіе метеорологическіе приборы и т. д., и т. д. Сверхъ того, писалъ отличные акварельные портреты и иконы.

И если ко всему этому прибавить, что Бестужевъ былъ обаятельный, веселый собесѣдникъ, отличный разсказчикъ и декламаторъ и очень нравился женщинамъ, то, несомнѣнно, что его ждала блестящая житейская карьера.

Но обстоятельства сложились иначе, и вмѣсто спокойной жизни въ довольствѣ и почетѣ на долю его съ 1825 г. выпали долголѣтнія страданія въ крѣпостяхъ и на каторгѣ.

Въ 1840 г. онъ перешелъ въ разрядъ селенгинскихъ поселенцевъ и умеръ въ 1855 г., не дождавшись амнистіи, послѣдовавшей въ 1856 г.

Волна освободительнаго движенія, захватившая въ первой половинѣ царствованія Александра I Бестужева-отца, во второй половинѣ этого царствованія увлекла почти всѣхъ Бестужевыхъ-сыновей.

Въ отвѣтахъ на вопросы, поставленные высочайше учрежденнымъ комитетомъ для разслѣдованія дѣла декабристовъ, Николай Бестужевъ объясняетъ, что „укорененіемъ свободнаго образа мыслей“ онъ „никому не обязанъ“, и что „видѣннаго на практикѣ въ другихъ державахъ достаточно было, чтобы утвердить въ сихъ мысляхъ“. „На практикѣ“ же съ государственнымъ строемъ „другихъ державъ“ онъ познакомился во время морскихъ экспедицій, въ которыхъ ему пришлось участвовать въ 1815 и 1817 гг. Особенное впечатлѣніе произвело на него пребываніе въ Голландіи, давшее „первое понятіе о пользѣ законовъ и правъ гражданскихъ“. Не малую роль въ развитіи пониманія конституціонныхъ формъ государственнаго строя сыграло чтеніе иностранныхъ журналовъ и сочиненій по новѣйшей исторіи. Бестужевъ считаетъ нужнымъ особо помянуть въ своемъ показаніи книгу „О конституціи въ Англіи“, вышедшую въ русскомъ переводѣ въ первые годы царствованія Александра I, первую книгу, „развернувшую желаніе“ видѣть Россію конституціонной страной.

За годъ слишкомъ до 14 декабря, Бестужевъ былъ принятъ Рылѣевымъ въ число членовъ Сѣвернаго общества. Поскольку можно довѣрять оффиціальнымъ показаніямъ Бестужева, онъ въ подготовительной работѣ тайныхъ обществъ принималъ довольно скромное участіе. Однажды Рылѣевъ предложилъ ему вступить въ Думу, руководившую всей дѣятельностью Сѣвернаго общества, но затѣмъ этотъ разговоръ не возобновлялся. Не принадлежа къ числу вожаковъ, Бестужевъ не зналъ ни состава Думы, ни ея плановъ, получая только тѣ свѣдѣнія, которыя сообщалъ ему Рылѣевъ. Находясь въ составѣ общества, онъ привлекъ къ числу его членовъ Торсона и Арбузова. Рылѣевъ неоднократно ему „выговаривалъ“, что онъ не заводитъ связей среди морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, доказывая, что въ моментъ возстанія участіе кронштадтскихъ моряковъ можетъ сыграть рѣшающую роль. Бестужевъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и убѣдилъ Рылѣева, что поддержка флота можетъ имѣть самое ничтожное значеніе, а „нравственныя способности“ морскихъ офицеровъ Кронштадта обращаютъ пропаганду въ ихъ средѣ въ совершенно безплодное занятіе.

Въ передніе ряды Б. выдвинулся только въ самый моментъ мятежа. Утромъ 14 декабря, по порученію Рылѣева, онъ отправился въ казармы морского экипажа, чтобы вывести матросовъ на Сенатскую площадь. Придя въ казармы, Бесту-

жевъ убѣдился, что оберъ-офицеры и нижніе чины единодушно отказываются отъ присяги императору Николаю. Тогда онъ сказалъ лейтенанту Арбузову: „кажется, мы всѣ здѣсь собрались за общимъ дѣломъ, и никто не отказывается изъ присутствующихъ дѣйствовать“. Кто-то изъ молодыхъ офицеровъ на это отвѣтилъ: „съ вами мы готовы идти“. Когда на площади послышалась стрѣльба, Б. произнесъ: „пойдемъ на площадь выручать своихъ!“ и вмѣстѣ съ экипажемъ двинулся на помощь возставшимъ полкамъ. Когда возмутившіяся части войскъ были обращены въ бѣгство, Б., переодѣвшись матросомъ, пѣшкомъ черезъ ледъ бѣжалъ въ Кронштадтъ и съ подложными бумагами отправился на Толбухинскій маякъ, но тамъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ.

Во время допроса, объясняя, почему онъ, „знавъ прежде мало изъ дѣйствій общества, впослѣдствіи дѣйствовалъ рѣшительно“, привелъ четыре мотива: 1) горячо желая добра отечеству, „не смотрѣлъ на мѣры“, 2) считалъ данный моментъ подходящимъ для достиженія цѣли, 3) считалъ себя въ правѣ предъявлять требованія, покуда не принесъ присяги, 4) получилъ извѣстіе, что, благодаря доносу Ростовцева, планы общества раскрыты.

Въ шлиссельбургской крѣпости Бестужевъ содержался въ 1826—1827 гг., передъ отправленіемъ въ Читу.

С. Венеровъ.

Николай Александровичъ

БЕСТУЖЕВЪ.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.

Младшій изъ двухъ братьевъ-декабристовъ, Михаилъ Александровичъ Бестужевъ родился въ 1800 г. Потерявъ отца, когда ему было 10 лѣтъ, онъ остался на попеченіи старшаго брата Николая. Въ 1817 г. кончилъ морской корпусъ и тотчасъ же попалъ въ плаваніе у береговъ Франціи. Путешествіе и знакомство съ европейской жизнью, а также сближеніе съ французскими офицерами и нѣкоторыми англичанами произвели на юнаго офицера столь же сильное впечатлѣніе, какъ на старшаго брата. Въ его головѣ забродили вольнолюбивыя мечты. Второй разъ Бестужевъ попалъ за границу черезъ 4 года, когда, проѣздомъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ, остановился въ Копенгагенѣ. Опять пошли разговоры съ иностранными моряками, послѣ которыхъ, какъ онъ показывалъ на судѣ, „заимствованныя во Франціи понятія болѣе укрѣпились“. Тѣ же заграничныя плаванія производили неотразимое впечатлѣніе на многихъ офицеровъ русскаго флота. Встрѣчаясь съ болѣе старыми товарищами, которые еще въ 1812 г. побывали въ Англіи и ежегодно посѣщали разные иностранные порты, Бестужевъ убѣдился, что тотъ же процессъ усвоенія конституціонныхъ идей переживается очень многими изъ его среды. Разсказы товарищей, показывалъ онъ на судѣ, „невольно питали полученныя мною понятія“. Въ томъ же направленіи дѣйствовали извѣстія о революціонныхъ броженіяхъ въ Италіи, Испаніи и Германіи.

Въ 1824 г. Бестужевъ былъ введенъ въ тайное общество капитаномъ Торсономъ, который за нѣсколько лѣтъ до того жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ и оказывалъ ему покровительство по службѣ. Въ 1825 г. Бестужевъ перешелъ въ Московскій полкъ съ чиномъ штабсъ-капитана. 14 декабря, въ

10 часовъ утра, онъ, вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ кн. Щепинымъ-Ростовскимъ и другими единомышленниками, обходилъ роты Московскаго полка, разсказывая солдатамъ, что Константинъ Павловичъ вовсе не отказался отъ престола и убѣждалъ солдатъ не давать присяги императору Николаю. Потомъ, приказавъ 3-ей ротѣ, которая состояла подъ его командой, захватить боевые патроны, Бестужевъ повелъ ее на Сенатскую площадь, вмѣстѣ съ тремя другими ротами, шедшими подъ командой кн. Щепина-Ростовскаго и Александра Бестужева.

Арестованный въ тотъ же день, Бестужевъ былъ посаженъ сначала въ Петропавловскую крѣпость, а въ сентябрѣ 1826 г., въ одинъ день съ братомъ Николаемъ, переведенъ въ Шлиссельбургскую. Отсюда въ сентябрѣ 1827 г. вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ былъ отправленъ въ Сибирь. Пока каторжныя работы отбывались въ Читѣ, жилось очень тяжело. Съ переводомъ въ 1830 г. въ Петровскій заводъ положеніе улучшилось и оставалось много времени для работы надъ своимъ образованіемъ. Еще сидя въ крѣпости, Бестужевъ увлекся изученіемъ языковъ. Въ Сибири онъ продолжалъ свои лингвистическія занятія и хорошо усвоилъ не только всѣ главные европейскіе языки, но и такіе, какъ испанскій и польскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ примкнулъ къ кружку товарищей, который систематически изучалъ философію и исторію и для этого кружка онъ написалъ рядъ рефератовъ. Въ 1839 г. его выпустили на поселеніе, и онъ основался, какъ и Николай Бестужевъ, въ Селенгинскѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ усадьбу и со свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался сельскому хозяйству.

Какъ и всѣ Бестужевы, Михаилъ Александр. былъ на всѣ руки мастеръ, зналъ множество ремеслъ и, вышедши на волю, прилагалъ свои способности къ разнаго рода затѣямъ и изобрѣтеніямъ. Ему между прочимъ приписываютъ устройство очень удобной телѣжки—„сидѣйки“, получившей въ Сибири большое распространеніе подъ именемъ „бестужевки“. Но мастеромъ въ смыслѣ извлеченія выгодъ для себя лично онъ былъ плохимъ, дѣла его и затѣи шли плохо и на нихъ ушли остатки того, что досталось отъ отца и что давало литературное наслѣдство знаменитаго брата Александра. Дѣла и женитьба прочно привязали его къ Сибири, и онъ долго не пользовался амнистіей 1856 года. Только въ 1867 году выбрался Бестужевъ въ Москву, гдѣ умеръ въ 1871 году.

Человѣкъ разносторонних дарованій, Михаилъ Бестужевъ слишкомъ разбрасывался и ни на чемъ опредѣленномъ не

сосредоточилъ свои таланты. Онъ много и усердно писалъ въ прозѣ и стихахъ, но имѣлъ достаточно вкуса, чтобы не отдавать въ печать. Подъ старость онъ написалъ интересныя записки о днѣ 14 декабря и житьѣ-бытьѣ декабристовъ въ Сибири („Рус. Старина“ 1870, т. I и II; 1881 г. т. XXXII) и цѣнныя воспоминанія о братѣ Александрѣ („Рус. Слово“ 1860, декабрь).

Одно изъ проявленій разностороннихъ способностей Михаила Бестужева, увы! обезпечиваетъ, однако, долгую память о немъ. Сидя въ крѣпости, онъ придумалъ „стѣнную азбуку“, и это „изобрѣтеніе“ переходитъ изъ рода въ родъ вотъ уже 80 лѣтъ.

Въ „Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ“ представятъ извѣстный интересъ нѣкоторыя данныя изъ записокъ Михаила Бестужева о томъ, какъ содержали декабристовъ въ Шлиссельбургѣ:

„Въ сентябрѣ 1826 г. насъ съ братомъ повезли въ Шлиссельбургъ, тамъ мы пробыли до сентября 1827 г. въ заведеніи, подобномъ Алексѣевскому равелину, ухудшенному отдаленностью отъ столицы и 30-лѣтнимъ управленіемъ генералъ-маіора Плутанова, обратившаго, наконецъ, это заведеніе въ родъ аренды для себя и своихъ тюремщиковъ на счетъ желудковъ несчастныхъ затворниковъ, получавшихъ едва гривну мѣдью на дневной харчъ, когда положено было выдавать по 50-ти коп. ассигнаціями. Этотъ Плутановъ въ свое 30-лѣтнее управленіе до такой степени одеревенѣлъ къ страданіямъ затворниковъ, что со своими затверженными фразами состраданія походилъ скорѣе на автомата, чѣмъ на человѣка, сотвореннаго Богомъ. Когда я его просилъ купить на остальныя мои деньги какихъ-либо книгъ, онъ мнѣ отказалъ, ссылаясь на строгое запрещеніе. Я просилъ его купить по крайней мѣрѣ французскую, итальянскую и латинскую библіи. Онъ все обѣщалъ, подарилъ мнѣ собственную французскую библію въ знакъ памяти и умеръ, не приславъ ее, хотя я всякій день напоминалъ ему черезъ тюремщиковъ и каждую недѣлю лично ему, когда онъ являлся съ пошлыми утѣшеніями.

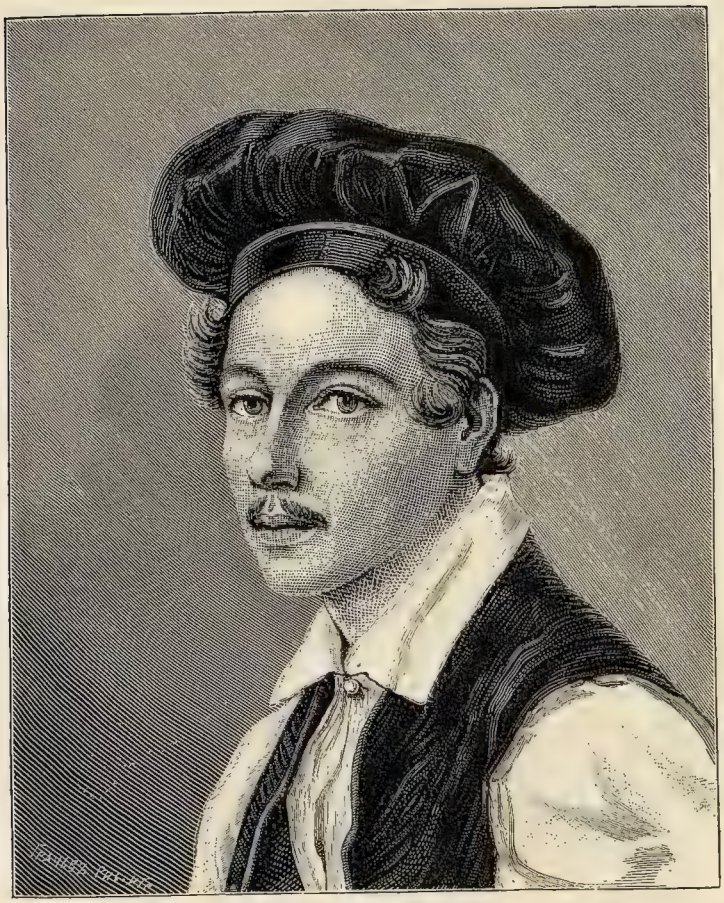
Съ братомъ Николаемъ онъ гдѣ-то въ Петербургѣ познакомился, и когда Плутановъ сталъ его приглашать къ себѣ въ Шлиссельбургъ, то братъ, смѣючись, отвѣчалъ, что „непремѣнно пріѣдетъ, а если вздумаетъ не пріѣхать, то привезутъ“.

Этотъ намекъ, пропущенный имъ безъ вниманія, Плутановъ припомнилъ при нашемъ ему представленіи.

Я былъ помѣщенъ въ маленькую комнатку въ 4 квадратныхъ шага; изъ этого надо вычесть печь, выступавшую въ комнату, мѣсто для кровати, стола и табурета. Это была та самая комната, гдѣ содержался въ желѣзной клѣткѣ Иванъ А. Ульрихъ, гдѣ и былъ убитъ при замыслахъ Мировича. Комната стояла отдѣльно, не въ ряду съ другими нумерами, гдѣ помѣщались братъ Николай, Иванъ Пущинъ, Пестовъ, Дивовъ и другіе: тѣ комнаты были просторны и свѣтлы и имѣли ту выгоду, что, будучи расположены рядомъ по одному фасу зданія, доставляли заключеннымъ возможность сообщаться посредствомъ мною изобрѣтенной азбуки, а лѣтомъ, при растворенныхъ окнахъ, даже разговаривать въ общей бесѣдѣ. Когда Плутановъ умеръ у ногъ императора Николая Павловича, пораженный апоплексическимъ ударомъ, при подачѣ еженедѣльнаго рапорта, назначенъ былъ генералъ Фритбергъ для исправленія всѣхъ упущеній, вкравшихся въ 30-лѣтнее управленіе прежняго коменданта. Мы вздохнули свободнѣе. Онъ далъ намъ все по положенію: халаты, бѣлье, тюфяки, постельное бѣлье и устроилъ общее приготовленіе пищи, что дало намъ возможность имѣть табакъ и даже чай. Комнаты начали поправлять и бѣлить. Меня временно перевели въ одну изъ комнатъ общаго фаса, просторную, свѣтлую и чистую. Погода стояла теплая, окно было открыто. Я подошелъ къ нему и оцѣпенѣлъ отъ восторга, услышавъ въ едва слышныхъ постукиваніяхъ, подобныхъ скрипу червячка, точащаго дерево,—услышавъ вопросъ (какъ я узналъ послѣ) Пущина, который спрашивалъ Пестова: „узнай, кто новый гость въ твоемъ сосѣдствѣ?“ Не помня себя, позабывъ обычную осторожность, я бросился къ окну, началъ стучать, и тѣмъ чуть не испортилъ дѣла. Меня во время остановили, и я, узнавъ всѣ законы ихъ воздушной корреспонденціи, часто разговаривалъ даже съ братомъ Николаемъ, сидѣвшимъ въ самомъ крайнемъ нумерѣ, такъ что между нами находилось шесть комнатъ“ [1]).

С. Венгеровъ.

[1]) См. разсказъ М. Бестужева о стѣнной азбукѣ въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. I.



Михаилъ Александровичъ
БЕСТУЖЕВЪ.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Іосифъ Викторовичъ Поджіо [1]).

(1792—1848).

І. В. Поджіо происходилъ изъ древней итальянской фамиліи. Отецъ его имѣлъ имѣніе и жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, во время французской революціи, въ верхней Италіи, въ Пьемонтѣ, въ провинціи Новара. Онъ былъ друженъ съ однимъ изъ тѣхъ французскихъ легитимистовъ, которые вслѣдствіе революціи переселились въ Россію, и этотъ пріятель уговорилъ Поджіо-отца перебраться въ Одессу, гдѣ онъ вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье, Ланжерономъ и Де-Рибасомъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ устроителей этого города. Онъ выстроилъ тамъ себѣ домъ и пріобрѣлъ имѣніе [2]) въ 500 душъ въ Чигиринскомъ у. Кіевской губерніи.

Іосифъ Викторовичъ родился въ 1792 г. и воспитывался въ Петербургѣ въ благородномъ пансіонѣ при іезуитской церкви, открытомъ въ 1803 г. [3]) (онъ былъ по вѣроисповѣданію католикъ). Учебный планъ этого заведенія былъ разсчитанъ на шесть лѣтъ. На каникулы полагался только одинъ мѣсяцъ (августъ), но и то воспитанниковъ не отпускали на это время

[1]) Очеркъ этотъ составленъ преимущественно на основаніи дѣлъ о Поджіо въ Государственномъ Архивѣ и въ Архивѣ Департамента Полиціи (дѣла III Отд. соб. его вел. канц.).

[2]) Бѣлоголовый. «Воспоминанія», Спб. 1901 г., стр. 23.

[3]) Поджіо научился въ немъ французскому и нѣмецкому языкамъ. Другими предметами преподаванія были начала богословія, исторія священная и гражданская, «баснословіе» (миѳологія), географія, лѣтосчисленіе, словесность, риторика, логика, метафизика, математика, физика, механика, начальныя основанія права естественнаго, гражданскаго и политическаго. Кромѣ того учили танцамъ, рисованію, музыкѣ, гражданскому и военному зодчеству; желающихъ упражняли и въ фехтованіи.

Инв. 80763

къ родителямъ. Плата полагалась тысячу рублей въ годъ (ассигн.), кромѣ расходовъ на медицинскіе пособія, книги и разныя личныя нужды. Іосифъ Викторовичъ вступилъ въ пансіонъ вѣроятно въ годъ его открытія, такъ какъ онъ окончилъ курсъ въ 1809 г. [1]). Затѣмъ онъ прожилъ два года у родителей, а въ 1811 г. поступилъ въ военную службу подпрапорщикомъ въ гвардейскій Преображенскій полкъ. Онъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ концѣ 1812 г. получилъ первый офицерскій чинъ. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ заграничномъ походѣ и былъ въ сраженіяхъ при Люцинѣ и Бауценѣ, осенью же несъ службу въ герцогствѣ Варшавскомъ при блокадѣ и сдачѣ крѣпости Модлинъ. Въ 1818 г. онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ первый разъ Поджіо былъ женатъ на дочери статскаго совѣтника Елиз. Матв. Челищевой, которая умерла въ первой половинѣ 1820-хъ гг. Отъ этого брака у него было четверо дѣтей.

Изъ показанія І. В. Поджіо на слѣдствіи видно, что онъ болѣе всего интересовался французскою литературою, занимался также исторіею и математикою. Первыя вольнодумныя и либеральныя мысли онъ заимствовалъ съ 1820 г. не „по внушенію другихъ“, а изъ чтенія книгъ и газеты „Constitutionnel“. Эти мнѣнія укрѣпились въ немъ вслѣдствіе размышленій о томъ, что Сѣверо-Американскіе Штаты находятся въ блестящемъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, что они были до войны съ Великобританіею, и о томъ, что Англія и Франція процвѣтаютъ, тогда какъ состояніе Испаніи самое жалкое.

Въ апрѣлѣ 1824 г. Поджіо встрѣтился съ декабристомъ, членомъ Южнаго Общества, В. Л. Давыдовымъ, въ имѣніи его сестры г-жи Бороздиной. Здѣсь Давыдовъ, съ которымъ Поджіо былъ знакомъ и прежде, предложилъ ему вступить въ Тайное Общество и получилъ его согласіе. При этомъ Давыдовъ открылъ Поджіо, что Общество имѣетъ въ виду лишить жизни государя и царскую фамилію и учредить республику, во главѣ которой должны были находиться директорія, сенатъ и камера представителей, а также, что члены Общества есть во всѣхъ частяхъ государства и даже во флотѣ.

На другой день І. В. Поджіо имѣлъ разговоръ съ М. П.

[1]) Старше 12 лѣтъ никого не принимали, а ему въ 1803 г. исполнилось 11 лѣтъ. Морошкинъ. «Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени». Спб. 1870 г., II, 121—127.

Бестужевымъ-Рюминымъ, который сообщилъ ему, что Общество намѣрено произвести покушеніе на императора Александра I во время смотра въ Бѣлой Церкви. Предполагалось переодѣть нѣсколькихъ офицеровъ, членовъ Общества, въ форму рядовыхъ, поставленныхъ на караулъ при павильонѣ, въ которомъ долженъ былъ жить государь, присоединить къ нимъ и разжалованныхъ, окружить ночью павильонъ и тутъ все покончить [1]). Бестужевъ спросилъ Поджіо, хорошо ли онъ обдумалъ то, на что рѣшается, вступая въ число заговорщиковъ, и тотъ далъ положительный отвѣтъ. Бестужевъ наговорилъ ему много любезностей, сказалъ, что онъ выказываетъ истинно римскій характеръ, и хотѣлъ записать его фамилію, но Поджіо не позволилъ этого сдѣлать. Позднѣе, въ тотъ же день, Бестужевъ вновь напомнилъ ему о принятомъ на себя обязательствѣ, и Поджіо подтвердилъ, что исполнитъ его, и даже сказалъ, что самъ поведетъ заговорщиковъ. Тогда Бестужевъ хотѣлъ извѣстить объ этомъ Пестеля, но Поджіо не позволилъ назвать въ письмѣ его имя. Вечеръ прошелъ въ разговорѣ о томъ, какъ выполнить заговоръ. На другой день Бестужевъ уѣхалъ [2]).

Въ томъ же 1824 г. осенью І. В. Поджіо былъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ у Пестеля и передалъ ему свой разговоръ съ Бестужевымъ, причемъ сказалъ, что ежели дойдетъ до какого-нибудь дѣла, то онъ устранитъ свои личныя обязанности и будетъ находиться тамъ, гдѣ и другіе. На другой день Давыдовъ сообщилъ Поджіо, что Пестель его очень хвалилъ.

На слѣдствіи Іосифъ Викторовичъ далъ такое объясненіе своего вступленія въ общество. Когда Давыдовъ предложилъ ему это, Поджіо былъ влюбленъ въ его племянницу Мар. Андр. Бороздину и боялся, что, отказавшись отъ предложенія ея дяди, навлечетъ на себя его гнѣвъ и лишится возможности видѣться въ его домѣ съ любимою дѣвушкою, такъ какъ у ея матери онъ бывалъ очень рѣдко—разъ или два въ годъ. Дѣ-

[1]) Впослѣдствіи узнали, что государь не пріѣдетъ въ Бѣлую Церковь и что маневры отмѣнены.

[2]) Нѣсколько позднѣе Поджіо, отправившись со своимъ младшимъ братомъ Александромъ Викторовичемъ, также членомъ тайнаго общества, къ Давыдову, встрѣтилъ тамъ Бестужева. Послѣдній завелъ рѣчь о намѣреніи общества истребить всю царскую фамилію и высказалъ мнѣніе, что должно убить одного государя, а остальныхъ членовъ царской фамиліи изгнать. На это бр. Поджіо возразили, что рѣшеніе общества вполнѣ основательно, и І. В. указалъ въ видѣ примѣра на то, что Людовикъ XVIII, возвратившись во Францію, овладѣлъ престоломъ.

вушка эта, дочь сенатора Бороздина, была очень хороша собой; у Поджіо было много соперниковъ, но онъ, самъ очень красивый, восторжествовалъ надъ всѣми и женился на ней, противъ воли ея отца, въ 1825 г. [1]).

Когда на югѣ начались аресты членовъ тайнаго общества, въ имѣніи Поджіо былъ арестованъ декабристъ Лихаревъ [2]), а затѣмъ и младшій братъ Іосифа Викторовича—Александръ. Черезъ 8 дней послѣ того былъ взятъ и самъ Іосифъ Викторовичъ. Онъ оставилъ четверыхъ дѣтей отъ перваго брака, вторую жену почти наканунѣ родовъ и старуху мать, которой было болѣе 60 лѣтъ. Судя по письму Поджіо изъ крѣпости къ генералу Левашеву, матеріальное положеніе его семьи въ это время было весьма незавидное. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ они съ братомъ проиграли процессъ и поплатились значительною суммою, что вмѣстѣ съ долгами, сдѣланными имъ во время службы, довело общую сумму долговъ до 80.000 р. (асс.). Поэтому, имѣя лишь 211 душъ крестьянъ, онъ, при своемъ многочисленномъ семействѣ, долженъ былъ неустанно заниматься хозяйствомъ.

21 января 1826 г. І. В. Поджіо, по привозѣ въ Петербургъ, далъ первое показаніе на допросѣ у ген.-ад. Левашева и затѣмъ, какъ и другіе декабристы, былъ приведенъ къ имп. Николаю, который велѣлъ отправить его въ крѣпость, предписавъ коменданту содержать его „строго, но хорошо“.

Въ крѣпости, хотя вѣроятно не сразу, ему было дозволено писать роднымъ, но не разрѣшили свиданій съ женою, потому что тесть его хотѣлъ во что бы ни стало, чтобы дочь порвала всякую связь съ мужемъ. Съ этою цѣлью онъ не только не соглашался пускать Мар. Андр. въ крѣпость, но принялъ всѣ мѣры, чтобы письма какъ мужа къ женѣ, такъ и жены къ мужу не доходили по назначенію [3]).

Верховнымъ судомъ І. В. былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго“ (Поджіо въ своихъ показаніяхъ заявилъ, что рѣшилъ не исполнять принятаго на себя обязательства); обвиненъ былъ

[1]) М. А. Бороздина была двоюродной племянницей кн. М. Н. Волконской, жены декабриста.

[2]) Онъ и І. В. были женаты на родныхъ сестрахъ.

[3]) Бѣлоголовый, стр. 25. Впрочемъ, 26 января 1826 г. Николай Павловичъ позволилъ І. В. имѣть свиданія съ генераломъ Раевскимъ; они состоялись въ квартирѣ коменданта, въ его присутствіи, 26 января и 6 февраля.

и въ томъ, что „принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу". Онъ былъ отнесенъ къ четвертому разряду преступниковъ и приговоренъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ и потомъ на поселеніе. По манифесту 22 августа 1826 г. срокъ каторги былъ понижен до 8 лѣтъ.

Какъ ни старался тесть Поджіо, Бороздинъ, очернить зятя въ глазахъ дочери, она все рвалась къ мужу и сильно тосковала, не имѣя возможности добиться о немъ извѣстій. Когда послѣ рѣшенія верховнаго суда декабристовъ начали отправлять въ Сибирь и нѣкоторымъ ихъ женамъ удалось добиться разрѣшенія раздѣлить судьбу мужей, то и М. А. Поджіо стала собираться въ дальній путь, надѣясь разыскать своего мужа въ Сибири. Тогда Бороздинъ прибѣгнулъ къ безчеловѣчному средству, чтобы навсегда разлучить дочь съ мужемъ: онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы его зять былъ не отправленъ въ Сибирь, а оставленъ въ крѣпости [1]). При большихъ связяхъ Бороздина ему удалось добиться повелѣнія имп. Николая въ октябрѣ 1827 г. заключить І. В. Поджіо въ Шлиссельбургскую крѣпость [2]). Для родныхъ Поджіо и его жены осталось неизвѣстнымъ, гдѣ онъ находится. 21 марта 1828 г. Марія Андреевна обратилась изъ Москвы къ Бенкендорфу съ письменною просьбою открыть ей мѣстопребываніе ея мужа, такъ какъ она желаетъ отправиться къ нему. Бенкендорфъ 6 апрѣля приказалъ сообщить „женѣ государственнаго преступника" Поджіо, что „еще не имѣется положительнаго свѣдѣнія о мѣстопребываніи его", хотя, конечно, III Отдѣленію было прекрасно извѣстно, гдѣ онъ находится.

8 апрѣля 1828 г. Бороздинъ написалъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ говоритъ, что его старшая дочь (ей въ то время было 22 года), вышедшая замужъ противъ его воли, можетъ отправиться въ Сибирь не иначе, какъ подвергшись его проклятію. Но онъ желаетъ уничтожить ея сомнѣнія относительно того, доходитъ ли до І. В. помощь, адресуемая для обоихъ Поджіо въ Читинскій острогъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ: „Іосифъ Поджіо не находится еще въ Читинскомъ острогѣ, но я могу васъ увѣрить, милостивый государь, что онъ аккуратно получаетъ всѣ письма, вещи и деньги, отправляемыя при моемъ посредствѣ".

---

[1]) Бѣлоголовый, стр. 25—26.

[2]) Государств. Архивъ І, В. № 332 г.

18 августа того же года М. А. Поджіо изъ имѣнія мужа обратилась чрезъ III Отдѣленіе съ прошеніемъ на имя государя; она просила объявить ей, гдѣ находится ея мужъ, чтобы она могла, „соединясь съ нимъ, исполнять до конца своей жизни... данную предъ Богомъ клятву не оставлять его въ несчастіи и быть истинною матерью пятерыхъ его сирот и нѣжнѣйшею дочерью престарѣлой его матери. Я желаю облегчить хотя нѣсколько несчастный жребій мужа моего, и по прошествіи нѣкотораго времени возвратиться къ дѣтямъ его, зная, что во мнѣ одной состоитъ вся ихъ подпора“.

Отвѣта на это не послѣдовало [1]).

Въ мартѣ 1828 г. въ III Отдѣленіи, чрезъ главный штабъ, было получено извѣстіе, что І. В. Поджіо желаетъ испов-даться. Его просьба была исполнена и къ нему былъ отправленъ изъ Петербурга „католическій монахъ“ Шимановскій.

Въ сентябрѣ того же года комендантъ Шлиссельбургской крѣпости Колотинскій сообщилъ въ III Отдѣленіе, что Поджіо, получая чрезъ эту канцелярію письма и деньги, „проситъ неотступно позволенія писать къ матери и женѣ своей единственно о своемъ здоровьѣ, воспитаніи дѣтей своихъ и нѣкоторыхъ домашнихъ распоряженіяхъ, не объявляя отнюдь о мѣстѣ пребыванія своего“. Колотинскій просилъ исходатайствовать это позволеніе. Ему отвѣчали, что государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ каторжную работу, вовсе воспрещено писать, хотя получать письма имъ дозволено. Впрочемъ, III Отдѣленіе обѣщало войти съ представленіемъ по этому предмету. Только 13 января 1829 г. Бенкендорфъ составилъ записку, въ которой упоминалось и о просьбѣ жены Поджіо. Чрезъ начальника главнаго штаба, гр. Чернышева, она была доложена государю, который разрѣшилъ Поджіо писать женѣ и матери только о

[1]) Около 1 февраля 1828 г. былъ полученъ въ III Отдѣленіи рапортъ кіевскаго военнаго губернатора Желтухина о матери декабристовъ Поджіо. Священникъ села Яновичи донесъ своему начальству, что помѣщица, маіорша Поджіо, употребляетъ своихъ крестьянъ въ работу въ праздничные и воскресные дни и что, когда онъ предложилъ ей почитать праздники, она отвѣчала: «А Николай» (государь) «паничиковъ моихъ» (т.-е. ея сыновей) «не пожаловалъ,—я не велю и праздновать». Судя по смыслу отвѣта Магдалины Поджіо, нужно думать, что она не пожелала праздновать царскій день (вѣроятно день Николая 6 декабря). Желтухинъ велѣлъ произвести объ этомъ слѣдствіе и въ то же время сообщилъ въ III Отдѣленіе, а Бенкендорфъ доложилъ объ этомъ случаѣ государю. Архивъ Департ. Полиціи, Дѣла III Отд., всеподдан. доклады 1828 г., № 20, кн. I, л. 47, и дѣло № 61, ч. 33, л. 1.

своемъ здоровьѣ и домашнихъ дѣлахъ, не объявляя о мѣстѣ своего пребыванія, съ тѣмъ, чтобы письма представлялись открытыми ему, Чернышеву, а онъ будетъ препровождать ихъ въ III Отдѣленіе по назначенію.

Поджіо, разумѣется, поспѣшилъ воспользоваться даннымъ ему дозволеніемъ, но очевидно писать можно было лишь изрѣдка. Первое письмо къ женѣ было написано 31 января 1829 г., а слѣдующія 28 мая, 30 іюня (къ матери и женѣ) и 13 сентября того же года. Въ послѣднемъ письмѣ (къ матери и семейству) Поджіо увѣдомляетъ о полученіи имъ въ разное время 500 руб., которые доставлялись ему чрезъ III Отдѣленіе.

Въ мартѣ 1829 г. къ Поджіо, по его просьбѣ, вновь посылали для исповѣди того же „священника католической церкви" Шимановскаго.

22 февраля 1830 г. жена Поджіо подала въ Петербургѣ въ III Отдѣленіе просьбу на французскомъ языкѣ, которая показываетъ ея полную растерянность. Она называетъ себя „вдовою живого мужа", говоритъ, что у нея есть ребенокъ, „родившійся черезъ нѣсколько недѣль послѣ ужаснаго событія, которое отняло у него его несчастнаго отца", упоминаетъ о томъ, что она находитъ убѣжище въ чужомъ домѣ и въ заключеніе говоритъ: „Государь, я не знаю, чего я должна просить у В. И. В-ва". Просьбѣ этой не было дано хода.

Послѣ этого мы не находимъ въ дѣлѣ III Отдѣленія никакого извѣстія о женѣ І. В. Поджіо. Судя по ея упоминанію о томъ, что она живетъ въ чужомъ домѣ, можно думать, что въ это время (въ 1830 г.) она находилась въ дурныхъ отношеніяхъ съ отцомъ, но если точно извѣстіе въ воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго, Бороздинъ „попрежнему употреблялъ всѣ усилія развлечь свою дочь и заставить забыть... прошлое. Наконецъ, черезъ восемь лѣтъ это ему удалось, и она вышла въ Крыму снова замужъ" (стр. 26) [1]) за кн. Гагарина, убитаго потомъ на Кавказѣ [2]).

Нужно думать, что еще въ 1830 г. Марію Андр. Поджіо убѣдили разорвать отношенія къ мужу; быть можетъ, на нее повліяло то, что Бенкендорфъ попрежнему не открывалъ ей

[1]) Такимъ же образомъ поступила ея сестра, жена декабриста Лихарева. «Записки декабриста» (бар. Розена). Лейпцигъ. 1870 г., стр. 299. А между тѣмъ первоначально она также хотѣла сопровождать мужа въ ссылку, и отецъ этому не противился.

[2]) «Записки кн. Волконской», Спб., 1904 г., стр. 164.

мѣстопребываніе мужа, а можетъ быть удалось повліять на нее и отцу. Какъ бы то ни было, весьма знаменательно то, что въ дѣлѣ III Отдѣленія мы не находимъ упоминанія о письмахъ его въ 1830 и 1831 гг. не только къ женѣ, но и къ матери, и вообще за эти годы онъ ничѣмъ не напоминаетъ о себѣ шефу жандармовъ. По всей вѣроятности Поджіо находился въ самомъ удрученномъ состояніи духа, не получая вѣстей отъ жены. Только 24 августа 1832 г. комендантъ Шлиссельбургской крѣпости донесъ, что Поджіо, „чувствуя себя въ изнеможеніи силъ", просилъ о присылкѣ къ нему священника, что и было исполнено. Очевидно, Поджіо въ 1830—1832 гг. перенесъ сильное нравственное потрясеніе и тяжелую болѣзнь. Молчаніе жены было для него, конечно, ужаснымъ ударомъ, но, по свидѣтельству Бѣлоголоваго, ни годы, ни заключеніе „не умалили его любви" къ ней и, отправляясь въ ссылку въ восточную Сибирь, по окончаніи срока заключенія, онъ былъ увѣренъ, „что найдетъ ее тамъ, а если нѣтъ, то выпишетъ ее немедленно къ себѣ".

Кромѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій, Поджіо болѣлъ тамъ и физически. Вѣроятно, вслѣдствіе плохой пищи, „кромѣ иныхъ признаковъ разстройства здоровья", у него образовался солитеръ. „Лекарь", какъ видно изъ позднѣйшаго сообщенія. І. В., заявилъ ему, что будто бы нѣтъ средствъ его вылечить „при спертомъ тюремномъ воздухѣ" и только уговаривалъ его съ терпѣніемъ переносить всѣ недуги, утверждая, что когда онъ будетъ „пользоваться свѣжимъ воздухомъ и достаточнымъ тѣлодвиженіемъ", то „не только откроется возможность облегчить" его „болѣзненные припадки, но что комплекція" Поджіо „позволяетъ испытать извѣстныя средства для истребленія солитера".

Въ декабрѣ 1832 г. мать Поджіо, Магдалина Іосифовна, услышавъ о томъ, что изданъ манифестъ по случаю рожденія вел. кн. Михаила Николаевича, написала въ III Отдѣленіе письмо, въ которомъ просила увѣдомить ее, гдѣ находится ея сынъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что въ числѣ освобожденныхъ по указу 8 ноября „отъ работъ и назначенныхъ на поселеніе въ Сибири сынъ вашъ... не состоитъ и въ положеніи его не послѣдовало никакой перемѣны, почему и посылаемыя вами къ нему письма, деньги и разныя вещи могутъ быть адресованы попрежнему въ III Отдѣленіе Собств. Его Вел. канцеляріи".

Единственнымъ развлеченіемъ для Поджіо въ Шлиссельбургской крѣпости было чтеніе. Неизвѣстно, привезъ ли онъ

съ собою книги, или онѣ были доставлены ему позднѣе, но когда срокъ его заключенія кончился, у него было 319 томовъ книгъ, преимущественно религіозныхъ и по исторіи церкви, почти исключительно на французскомъ языкѣ. Тутъ были между прочимъ произведеніе св. Августина „La cité de Dieu“, сочиненіе Боссюэта, 16 томовъ сочиненій извѣстнаго проповѣдника-іезуита (XVII вѣка) Бурдалу, „Genie du christianisme“ Шатобріана и его же „Путешествіе въ Іерусалимъ“ (по-русски), а также на французскомъ языкѣ „Мысли“ Паскаля, „О воспитаніи дѣвушекъ“ Фенелона и др.

Но чтеніе не могло, конечно, избавить І. В. отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, и здоровье его видимо быстро разрушалось. Это видно изъ того, что, исповѣдавшись въ февралѣ 1833 г., онъ, „чувствуя себя“, по словамъ коменданта, „въ весьма слабомъ состояніи“, въ іюнѣ попросилъ о присылкѣ священника, что и было исполнено. Въ апрѣлѣ 1834 г. вновь послѣдовали исповѣдь и причащеніе.

Въ первой половинѣ 1834 г. мать декабристовъ Поджіо обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ, въ которомъ заявляла, что ея сыновья лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и находятся въ ссылкѣ (она не знала, что І. В. содержится въ Шлиссельбургѣ). „Находясь при старости лѣтъ въ болѣзненномъ положеніи и не желая по смерти своей оставить дѣтей безъ помощи“, она составила духовное завѣщаніе, въ которомъ назначила имъ изъ доходовъ съ имѣнія по 2000 р. (асс.) въ годъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы деньги вносились въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія и сыновья ея пользовались бы процентами съ нихъ, а прочее имѣніе она завѣщаетъ дѣтямъ ея сына І. В. Представляя проектъ завѣщанія, она просила исходатайствовать согласіе государя на утвержденіе ея предположенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ снесся съ III Отдѣленіемъ, но Бенкендорфъ отвѣчалъ, что бр. Поджіо лишены „всѣхъ гражданскихъ правъ и состоянія“ и потому составленіе для нихъ капитала по завѣщанію матери дозволено быть не можетъ [1]).

10 іюля 1834 г. истекалъ 8-лѣтній срокъ каторжныхъ работъ, назначенный для І. В. Поджіо манифестомъ 1826 г. и замѣненный для него именнымъ указомъ 1827 г. тюремнымъ заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ. Государь приказалъ сослать его на поселеніе въ восточную Сибирь. Іосифъ Викторовичъ

[1]) Арх. Деп. Пол. дѣло III Отд. № 61 ч. 33, л. 4—6.

просилъ дозволить ему жить съ братомъ Александромъ, который находился тогда въ Петровскомъ заводѣ, и потому велѣно было, по окончаніи срока каторжныхъ работъ А. В. Поджіо, отправить его въ то же мѣсто, гдѣ будетъ поселенъ его старшій братъ.

10 іюля 1834 г. Поджіо, послѣ 8-лѣтняго заключенія по приговору, былъ отправленъ изъ Шлиссельбургской крѣпости съ фельдъегеремъ въ восточную Сибирь и 11 августа былъ доставленъ въ Иркутскъ. Мѣстомъ поселенія ему было назначено село Усть-Кудинское Иркутскаго уѣзда въ 26 верстахъ отъ Иркутска, при впаденіи р. Куды въ Ангару [1]). Въ октябрѣ мать его, три мѣсяца не получая отъ него писемъ, обратилась въ III Отдѣленіе съ вопросомъ, куда она должна писать сыну. Только тогда ей было открыто его новое мѣстопребываніе [2]).

Въ 1836 г. забота М. І. Поджіо о ея несчастныхъ сыновьяхъ навлекла на нее большія непріятности. Она отправила въ Сибирь на ихъ имя двѣ посылки, въ которыхъ, среди другихъ вещей, были вложены два боченка — одинъ съ прованскимъ масломъ для І. В., другой—съ бѣлымъ медомъ для А. В., вѣроятно не зная, что жидкости воспрещается пересылать по почтѣ. Въ Харьковѣ было замѣчено, что масло дало течь, и это вызвало наложеніе на М. І. Поджіо штрафа въ 9120 р. (асс.). Дѣло доходило до сената, который рѣшилъ наложенный штрафъ взыскать изъ доходовъ съ имѣнія и назначить съ этою цѣлью опекуна. Мать написала І. В. о своемъ печальномъ матеріальномъ положеніи и заключила письмо такъ: „Посылокъ сего года не ожидай отъ меня, ибо худы обстоятельства, какъ самъ видишь. Денегъ по частямъ буду въ малости присылать, если будутъ“ [3]).

Въ началѣ 1837 г. І. В. Поджіо обращался къ Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи поселиться въ Иркутскѣ, чтобы имѣть возможность лечиться. „Припадки, происходящіе отъ солитера“, писалъ онъ, „соединяясь къ инымъ моимъ недугамъ, усиливаются до того, что бываютъ иногда едва стерпимы“. Онъ ссылался и на то, что въ Иркутскѣ есть католи-

[1]) Здѣсь его навѣстилъ сибирскій казакъ Черепановъ и привезъ ему пакетъ отъ брата и другихъ декабристовъ изъ Петровскаго завода. І. В. жилъ тогда въ самой маленькой кануркѣ. «Изъ воспоминаній Сибирскаго казака». «Древ. и Нов. Росс.» 1876 г., т. II, стр. 377.

[2]) Въ мартѣ 1836 г. изъ Шлиссельбурга были вытребованы книги Поджіо и выданы его сыну.

[3]) Старушка подписывалась такъ: «любящая и почитающая мать M. Poggio».

ческая церковь. Просьба эта осталась безъ отвѣта, и лишь въ 1841 г. Поджіо было разрѣшено отправиться на Туркинскія минеральныя воды. Въ 1837 г. у Поджіо въ Усть-Кудѣ прожило нѣсколько мѣсяцевъ семейство Волконскихъ [1]) (у І. В. въ это время былъ уже собственный домикъ [2]).

Младшій братъ І. В., Александръ Викторовичъ Поджіо, былъ первоначально приговоренъ къ безсрочной каторгѣ, но въ три пріема продолжительность ея была сокращена до 13 лѣтъ, и 10 іюля 1839 г. онъ долженъ былъ перейти на поселеніе. Теперь братья могли жить вмѣстѣ, что конечно нѣсколько облегчало страданія І. В. Любопытно, что Поджіо старшій все еще ждалъ пріѣзда къ нему жены. „Хотя до брата и его друзей", говоритъ Н. А. Бѣлоголовый, „дошло уже извѣстіе о вторичномъ бракѣ жены Осипа Викт., но ни у кого не хватило духу сообщить эту вѣсть ему и нанести новый ударъ бѣдняку, уже такъ много перенспытавшему въ крѣпости, и который теперь со всѣмъ пыломъ итальянской фантазіи строилъ планы о возобновленіи своего такъ неожиданно и на такой длинный срокъ нарушеннаго семейнаго счастья. Пришлось нѣкоторое время обманывать его и, мало-по-малу подготовляя къ удару, скрывать истину, пока она не была открыта ему, кажется, по просьбѣ декабристовъ, тогдашнимъ ген.-губ. восточной Сибири Рупертомъ". І. В. не могъ примириться съ измѣною жены и до конца жизни вслѣдствіе этого тяжко страдалъ [3]).

Здоровье Поджіо-старшаго было въ очень печальномъ состояніи. „Я помню очень хорошо фигуру Осипа Викт.", говоритъ Бѣлоголовый; „въ немъ почти не удержался итальянскій типъ; онъ мало имѣлъ сходства съ братомъ и, въ противоположность послѣднему, былъ высокъ ростомъ, широкоплечъ и далеко не такой выраженный брюнетъ. Его атлетическое сложеніе было однако совсѣмъ расшатано крѣпостнымъ заключеніемъ, онъ сильно страдалъ скорбутомъ, не выносилъ ни твердой, ни горячей пищи, и я помню, какъ свою тарелку супа онъ выносилъ всегда въ холодныя сѣни, чтобы остудить ее".

8 января 1848 г. І. В. Поджіо умеръ въ Иркутскѣ, въ домѣ Волконскихъ, куда пріѣхалъ за два дня до смерти больной

[1]) Вѣроятно, предупреждая объ этомъ отца, дочь Поджіо, Марія, писала ему 6 марта 1837 г.: «Вы скоро будете имѣть при васъ подругу (une amie), которая доставитъ вамъ много утѣшенія».

[2]) «Записки С. Г. Волконскаго», 1901 г., стр. 476.

[3]) «Записки кн. М. Н. Волконской», 1904 г., стр. 164.

воспаленіемъ мозга и почти безъ памяти. Мѣстный исправникъ сообщилъ губернатору, что послѣ Поджіо не осталось никакого имущества, такъ какъ онъ жилъ съ братомъ, который заявилъ, что „оба они имѣли только необходимое содержаніе, и имущества отдѣльнаго“ умершій не имѣлъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, III Отдѣленіе поднесло докладъ имп. Николаю, какъ это дѣлало о смерти и другихъ декабристовъ.

В. Семевскій.

ВАЛЕРІАНЪ ЛУКАСИНСКІЙ.

Валеріанъ Лукасинскій [1]).

Валеріанъ Лукасинскій родился въ Варшавѣ 14 апрѣля 1786 г. Отецъ его, Іосифъ, шляхтичъ изъ небогатыхъ, былъ женатъ на Луціи Грудзинской изъ Плоцкаго воеводства; отъ этого брака, кромѣ старшаго сына Валеріана, родились дочь, Юзефа, и другой сынъ калѣка. Семья жила попеременно то въ Варшавѣ на Старомъ Мѣстѣ, гдѣ умеръ отецъ, то въ плоцкой деревнѣ Пауловѣ, гдѣ скончалась мать.

Валеріанъ воспитывался въ пору самыхъ тяжелыхъ катастрофъ своего отечества. Онъ былъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ, когда произошла суворовская рѣзня въ варшавскомъ предмѣстьѣ Прагѣ, и потомъ росъ подъ прусскимъ игомъ въ Варшавѣ. Несмотря на трудныя матеріальныя условія, онъ получилъ очень серьезное образованіе, хорошо говорилъ по-французски и по-нѣмецки, а позднѣе въ своихъ служебныхъ занятіяхъ выдѣлялся знаніями по математикѣ, статистикѣ и географіи. Начитанность его была обширной и основательной, и онъ хорошо зналъ, напр., и часто цитировалъ Плутарха, Монтескье, Чацкаго. Способности у него были среднія, мышленіе скорѣе тяжеловатое и медленное, хотя, съ другой стороны, онъ отличался проницательностью и даже проявлялъ замѣчательную тонкость. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ суровымъ, недовѣрчивымъ, мало общительнымъ, но подъ холодною внѣшностью скрывался внутренній огонь любви къ людямъ и къ свободѣ, соединенной съ любовью къ родной странѣ. Личнаго честолюбія у него не было, и всѣ его стре-

[1]) Статья, написанная авторомъ для «Галлереи шлиссельбургскихъ узниковъ» по-польски, переведена на русскій языкъ Н. И. Карѣевымъ.

мленія заключались въ желаніи служить своему народу въ первыхъ его рядахъ. Всѣ, кому только доводилось имѣть съ нимъ дѣло,—даже противники, упрекавшіе его въ „холодномъ“ обращеніи,—признавали за нимъ непоколебимую правдивость, твердость, готовность къ полному самопожертвованію и весьма развитое чувство отвѣтственности. Черты его смуглаго лица были правильныя, съ высокимъ лбомъ и умѣреннымъ носомъ, сѣрыми глазами и темнорусыми волосами.

Разгромъ Пруссіи подъ Іеной и освобожденіе отнятой у нея Наполеономъ части польской земли открыли передъ молодымъ Лукасинскимъ доступъ къ военной службѣ подъ національными знаменами. Онъ поступилъ (15 апрѣля 1807 года) добровольцемъ въ польскій полкъ пѣшихъ стрѣлковъ, набранный въ Плоцкѣ, участвовалъ въ лѣтнемъ походѣ противъ прусаковъ и русскихъ и за отличіе былъ произведенъ въ подпоручики. При реорганизаціи войска Варшавскаго герцогства онъ перешелъ въ шестой пѣхотный полкъ и потомъ исполнялъ обязанности адъютанта при инспекторѣ административнаго вѣдомства по военному министерству кн. Яблоновскомъ. Въ 1809 г. онъ участвовалъ, уже поручикомъ, въ австрійской кампаніи и тогда (5 іюля), во время операцій кн. Понятовскаго въ Галиціи, былъ произведенъ въ капитаны перваго образованнаго здѣсь смѣшаннаго галиційско-французскаго пѣхотнаго полка, послѣ же заключенія мира его снова перевели для административныхъ занятій въ военное министерство, вслѣдствіе этого онъ уже не принималъ участія въ русскомъ походѣ 1812 г. Зато онъ участвовалъ въ саксонской кампаніи слѣдующаго года и при взятіи Дрездена попалъ въ австрійскій плѣнъ (12 ноября 1813 г.); его отправили въ Венгрію, и онъ былъ освобожденъ (8 іюля 1814 г.) только благодаря вмѣшательству Александра I, давшаго свободу вообще всѣмъ военноплѣннымъ полякамъ. Вернувшись въ Варшаву, онъ вступилъ въ реорганизованную в. кн. Константиномъ Павловичемъ армію Царства Польскаго, въ чинѣ капитана четвертаго линейнаго пѣхотнаго полка, въ которомъ черезъ два года (20 марта 1817 г.) и дослужился до майора. Этотъ полкъ, стоявшій въ столицѣ края и составленный изъ „сыновъ Варшавы“, былъ любимымъ полкомъ великаго князя, который ставилъ его въ примѣръ всѣмъ остальнымъ и отличалъ его передъ всѣми въ такой степени, что это поселило зависть къ нему даже въ самой гвардіи. Офицеры этого полка пользовались особою милостью Константина Павловича. Лукасинскій,

котораго онъ цѣнилъ, какъ особенно дѣльнаго и добросовѣстнаго офицера, былъ, повидимому, и въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ великому князю, сохраняя, однако, полную независимость характера и убѣжденій. Въ 1818 г. онъ напечаталъ содержательныя и интересныя „Замѣчанія одного офицера по поводу признанной потребности устройства евреевъ и въ нашей странѣ", выступивъ въ этой работѣ весьма рѣзко противъ изданной незадолго передъ тѣмъ неблагопріятной для евреевъ брошюры гр. Викентія Красинскаго: Лукасинскій домогался, именно, для еврейскаго населенія просвѣщенія и равноправности и привлеченія евреевъ къ военной службѣ, хотя и зналъ, что это противорѣчило взглядамъ вел. князя. Въ своемъ разсужденіи по этому предмету онъ соединялъ любовь къ людямъ съ разумнымъ патріотизмомъ.

Извѣстно, какому тяжкому испытанію подвергалось войско польское — наравнѣ, впрочемъ, съ литовскимъ корпусомъ и русскою гвардіею съ кавалеріею—подъ страшно суровой командой в. кн. Константина Павловича. Особенно въ первые годы существованія Царства онъ просто издѣвался надъ арміей, а въ частности надъ корпусомъ офицеровъ. Въ 1816 и 1817 гг. это вызвало рядъ самоубійствъ среди польскихъ офицеровъ, воспитывавшихся въ традиціи военной чести временъ Варшавскаго герцогства, а отъ в. кн. видѣвшихъ только крайне грубое обращеніе. Все это дѣйствовало крайне угнетающимъ образомъ на Лукасинскаго. Однако, онъ все-таки не терялъ надежды на то, что Александръ, согласно съ ожиданіями общества, расширитъ границы Царства присоединеніемъ къ нему литовскихъ губерній, на что открывала виды знаменитая рѣчь императора и короля при открытіи сейма въ 1818 г. Дѣйствительно Александръ носился еще тогда съ великими, хотя и довольно неопредѣленными планами относительно крестьянской и даже конституціонной реформы въ самой имперіи и о воссоединеніи Литвы съ Польшей, что пока предуказывалось основаніемъ отдѣльнаго литовскаго корпуса и расширенія власти в. кн. Константина на литовскія губерніи. Обезпечивая за собою на всякій случай сочувствіе общественнаго мнѣнія и пользуясь примѣромъ, даннымъ въ этомъ отношеніи Пруссіей во время борьбы съ Наполеономъ (именно имѣя въ виду „Союзъ доблести"), Александръ въ эти годы благопріятствовалъ въ имперіи масонству и даже старался оказывать вліяніе на первое образованіе русскихъ тайныхъ союзовъ. Совершенно также и въ Царствѣ Польскомъ широко въ то время развѣтвленное

масонство пользовалось сначала покровительствомъ властей: великимъ магистромъ польскаго Великаго Востока былъ министръ просвѣщенія и исповѣданій Станиславъ Потоцкій, его замѣстителемъ, а потомъ и преемникомъ — генералъ Рожнецкій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ тайной полиціи при в. кн. Константинѣ и пользовавшійся совершеннымъ довѣріемъ Александра. Вскорѣ послѣ пребыванія императора въ Варшавѣ во время сейма 1818 г., въ правительственныхъ сферахъ, близкихъ къ монарху, возникла мысль объ образованіи тайной масонской организаціи съ спеціально польскимъ „народовымъ“ характеромъ. Было ли въ этомъ отношеніи сдѣлано особое предложеніе Лукасинскому, состоявшему масономъ, со стороны в. кн. или, можетъ быть, самого Александра, на это у насъ нѣтъ данныхъ; это только предположеніе, тѣмъ, однако, болѣе заслуживающее вниманія, что имъ разрѣшалась бы загадка, почему Лукасинскій такъ долго — дольше, чѣмъ декабристы, до самой своей смерти — держался подъ замкомъ, такъ какъ оказательство подобнаго источника тайной національно-польской организаціи, распространившейся на всю территорію прежней Польши, слѣдовательно и на Познань, и на Галицію— должно было признаваться въ Петербургѣ нежелательнымъ даже и черезъ полстолѣтіе. Одно только можно утвердительно сказать, что мысль объ образованіи тайной масонской организаціи съ чисто польскимъ національнымъ характеромъ была подсказана тогда Лукасинскому Рожнецкимъ.

Во всякомъ случаѣ оба эти фактора, т.-е., съ одной стороны, сознаніе необходимости концентраціи народныхъ силъ въ Царствѣ, конституціи котораго угрожало своеволіе в. кн. Константина, а съ другой—стремленіе утилизировать обѣщанія Александра или реализировать ихъ въ данный моментъ въ принципіальномъ вопросѣ территоріальнаго расширенія Царства, привели Лукасинскаго къ образованію большого тайнаго союза подъ названіемъ „Вольномулярства Народоваго“ (Національнаго союза свободныхъ каменщиковъ). Первыя организаціонныя дѣйствія онъ началъ въ маѣ 1819 г. при участіи кружка бывшихъ товарищей перваго галиційско-французскаго полка: Махницкаго, Шредера, Козаковскаго, Скробецкаго и Шнайдера. Первый изъ нихъ, бывшій майоръ Махницкій, человѣкъ недюжиннаго ума и характера, но до такой степени скрытный, что и до сихъ поръ мы мало о немъ знаемъ, былъ главнымъ совѣтникомъ и даже вдохновителемъ Лукасинскаго; бывшій полковникъ Шнайдеръ, личность совер-

шенно ничтожная, впослѣдствіи сдѣлался предателемъ союза; остальные, дѣйствовавшіе добросовѣстно, играли второстепенную роль. Кромѣ нихъ въ образованіи союза принималъ участіе судья Венгржецкій, занимавшій въ обыкновенномъ масонствѣ высокія степени, и собственно чрезъ него предложеніе Рожнецкаго было впервые сообщено Лукасинскому. „Національное масонство“, по уставу, выработанному Лукасинскимъ, имѣло въ духѣ старой англійской системы только три степени—ученика, подмастерья и мастера; въ обрядахъ первой степени съ девизомъ „Чарнецкій“ фигурировалъ бюстъ Александра I; въ другой степени уже этого изображенія не было, девизомъ былъ „Болеславъ Храбрый“, а описаніе ложи гласило: „высокія горы, два великихъ моря и двѣ рѣки служатъ ей границами“; девизъ третьей степени былъ такой: „Жолкевскій или Понятовскій“, а декорація ложи состояла изъ символовъ смерти и воскресенія націи. Лукасинскій занялъ мѣсто во главѣ союза съ титуломъ „преподобнаго мастера каѳедры“ (przewielebnego mistrza katedry). Взносъ участниковъ первой степени былъ 6 злотыхъ въ мѣсяцъ, второй—12, третьей—18. Устройство ложъ, на первыхъ порахъ почти исключительно военныхъ, лучше всего шло въ Варшавѣ и Калишѣ; сверхъ того, ихъ устраивали и въ Литвѣ, но особенное рвеніе проявилъ Лукасинскій въ организаціи ихъ въ Познани. Однако, вообще все дѣло основанія союза велось въ высшей степени осторожно, и число дѣйствительныхъ и дѣятельныхъ членовъ, вѣроятно, никогда не превышало двухсотъ.

Между тѣмъ вслѣдствіе разныхъ происшествій за границей и въ Россіи общее положеніе ухудшилось, и Александръ, покинувъ свои широкіе реформаторскіе проекты, началъ переходить на сторону реакціи. Существованіе тайныхъ союзовъ, до того времени терпимыхъ, было признано въ высшихъ сферахъ недопустимымъ, а съ другой стороны, съ момента перемѣны фронта Александромъ руководители такихъ союзовъ почувствовали потребность очистить ихъ составъ, чтобы избавиться отъ сомнительныхъ элементовъ, находившихся въ соприкосновеніи съ правительствомъ. Эти общія побужденія въ связи съ нѣкоторыми чисто личными и мѣстными заставили Лукасинскаго формально закрыть Національное Масонство въ августѣ 1820 г. Этотъ актъ, во многихъ отношеніяхъ похожій на закрытіе русскаго Союза Благоденствія въ январѣ 1821 г., также не прекращалъ вполнѣ дѣйствительныхъ работъ союза, а только подготовлялъ преобразованіе его въ болѣе независимую орга-

низацію. Въ самомъ дѣлѣ, уже 1 мая 1821 г. подъ вліяніемъ давленія со стороны познанскихъ союзовъ, и не подумавшихъ прекратить свою дѣятельность, Лукасинскій при участіи нѣсколькихъ товарищей, собранныхъ въ Бѣлянскомъ лѣсу, подъ Варшавой, основалъ новый, болѣе обширный союзъ подъ названіемъ Патріотическаго Товарищества. Въ слѣдующіе мѣсяцы, подъ его же преимущественно руководствомъ, былъ выработанъ новый уставъ союза въ 44 параграфахъ, гдѣ была уже примѣнена т. наз. цѣпная система (łańciuchowy system) карбонарской организаціи съ раздѣленіемъ на общины, округа, провинціи подъ начальствомъ центральнаго комитета. Провинцій было 7, а именно 6 территоріальныхъ, охватывавшихъ всю прежнюю Польшу, а седьмою было польское войско. Лукасинскій остался начальникомъ этой послѣдней, самой важной, а кромѣ того входилъ въ составъ центральнаго комитета, предсѣдательство въ которомъ предоставилъ своему зятю, хотя, очевидно, самъ былъ его начальникомъ. Съ большой энергіей принялся онъ немедленно же за распространеніе союза въ арміи, гдѣ и основалъ 4 „округа“, а также и во всѣхъ другихъ „провинціяхъ“.

Тайна продержалась недолго. Уже лѣтомъ 1821 г. Шнайдеръ сдѣлалъ доносъ в. кн. Константину Павловичу. В. кн. въ сентябрѣ того же года призвалъ къ себѣ Лукасинскаго, имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ и въ концѣ концовъ взялъ съ него „честное слово, что онъ не будетъ принадлежать ни къ чему подобному“. Все это дѣло, впрочемъ, в. кн. сохранилъ въ секретѣ даже и передъ императорскимъ коммиссаромъ Новосильцевымъ. Между тѣмъ вскорѣ былъ сдѣланъ новый и на этотъ разъ убійственный доносъ со стороны Нѣкто Карскій, бывшій артиллерійскій капитанъ, которому Лукасинскій довѣрилъ опубликованіе своей статьи о польскихъ дѣлахъ въ парижской газетѣ „Le Constitutionnel“, вошелъ въ Парижѣ въ сношеніе съ русскимъ посланникомъ Поццо-ди-Борго и сообщилъ ему все, что зналъ о существованіи Патріотическаго Товарищества. Поццо-ди-Борго довелъ о своемъ открытіи до свѣдѣнія Нессельроде, и изъ Петербурга къ в. кн. пришло предписаніе о производствѣ строжайшаго слѣдствія. Тотчасъ же лѣтомъ 1822 г. произошелъ арестъ Лукасинскаго и его товарищей съ отдачею ихъ въ руки особой „слѣдственной коммиссіи для разслѣдованія Національнаго Масонства“, такъ какъ о другой союзной организаціи, Патріотическомъ Товариществѣ, у правительства не было подробныхъ свѣдѣній. Лука-

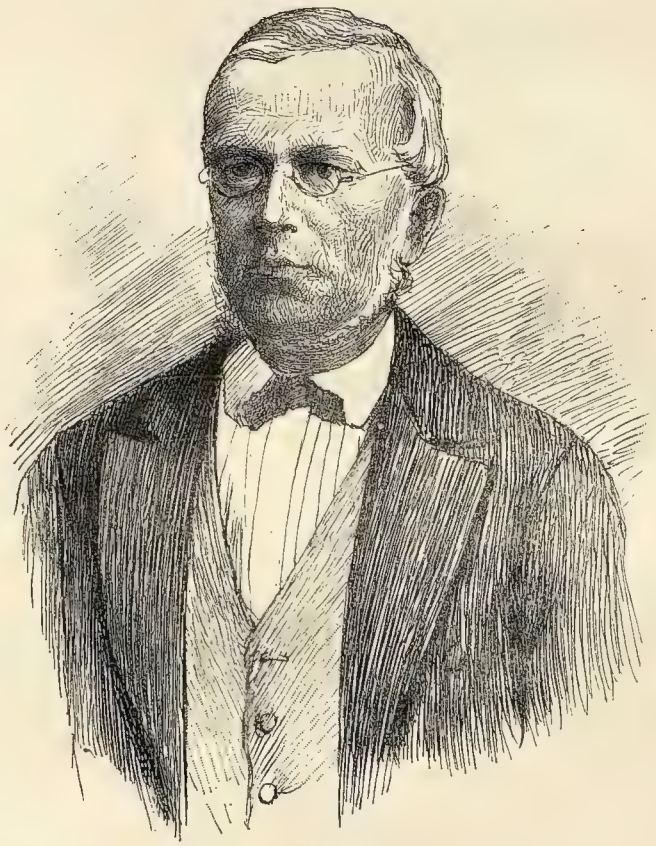
синскій во время слѣдствія бралъ на себя всю отвѣтственность, но признавалъ лишь то, что цѣлью своею ставилъ охрану польской національности въ легальномъ смыслѣ, санкціонированномъ самимъ Александромъ. Послѣ двухлѣтнихъ разспросовъ онъ предсталъ передъ высшимъ военнымъ судомъ, который 14 іюня 1824 г. приговорилъ его на 9 лѣтъ къ строгому тюремному заключенію. Рескриптомъ отъ 24 августа того же года Александръ конфирмовалъ приговоръ, понизивъ наказаніе до 7 лѣтъ заключенія въ крѣпости. Для отбыванія наказанія Лукасинскій былъ отправленъ въ Замостье, гдѣ онъ сдѣлалъ неудачную попытку бунта, начатаго однимъ изъ его товарищей по заключенію, Сумпинскимъ, во время работъ 28 авг. 1825 г. Вслѣдствіе этого в. кн. Константинъ приказомъ отъ 14 октября приговорилъ Лукасинскаго (вмѣстѣ съ Сумпинскимъ) къ удвоенію срока наказанія до 14 лѣтъ. Въ присутствіи Лукасинскаго Сумпинскій получилъ 400 ударовъ шпицрутенами, и въ тотъ же день, 17 октября 1825 г., Лукасинскій сдѣлалъ обширное признаніе о Патріотическомъ Товариществѣ, дополнивъ его потомъ въ декабрѣ 1825 и январѣ 1826 г. въ Гурѣ-Кальваріи, куда былъ переведенъ изъ Замостья. Однако по сдѣланнымъ Лукасинскимъ показаніямъ, компрометировавшимъ множество лицъ, великій князь никого не арестовалъ; только впослѣдствіи, когда вслѣдъ за покушеніемъ декабристовъ петербургская слѣдственная коммиссія узнала объ этихъ его показаніяхъ, компрометировавшихъ польскихъ офицеровъ, в. кн. Константинъ, по приказу Николая, приступилъ къ арестамъ и въ Варшавѣ. Тогда же и Лукасинскаго перевезли изъ Гуры-Кальваріи въ Варшаву, гдѣ его и подвергли строго секретному заключенію сначала въ зданіи арсенала, а потомъ въ темной коморкѣ казармъ Волынскаго полка.

Послѣ взрыва революціи въ Варшавѣ, на другой день, 30 ноября утромъ, Волынскій полкъ, захвативъ Лукасинскаго, отступилъ сначала къ Высоко-Литовску, потомъ къ Бѣлостоку. Въ послѣдній разъ видѣли его при проходѣ черезъ Влодаву, въ сермягѣ, съ бородою по поясъ, ведомаго пѣшимъ на веревкѣ, подъ конной стражей съ обнаженными палашами. Въ концѣ декабря 1830 г. по приказу в. кн. Константина онъ былъ отданъ въ распоряженіе начальника VI пѣхотнаго корпуса, генерала Розена, который отправилъ его въ Бобруйскъ, о чемъ и донесъ немедленно императору Николаю. На рапортѣ Розена Николай написалъ собственноручно резолюцію, которою приказывалъ тотчасъ же отправить Лукасинскаго въ

Шлиссельбургъ и „держать его тамъ въ секретѣ, чтобы его происхожденіе и имя были извѣстны только одному коменданту крѣпости". Въ началѣ января 1831 г. Лукасинскій былъ запертъ въ Шлиссельбургѣ въ отдѣльной темной коморкѣ секретнаго замка. Здѣсь его продержали 37 лѣтъ. Тайна соблюдалась такъ строго, что въ маѣ 1850 г. даже управляющій III Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и шефъ жандармовъ обратился къ военному министру Чернышеву съ вопросомъ, кто такой, этотъ, сидящій въ Шлиссельбургѣ, старый полякъ и въ чемъ его вина. По вступленіи на престолъ Александра II, племянница Лукасинскаго просила въ 1858 году о свиданіи съ узникомъ, но ей было отказано. Въ 1861 г. комендантъ Шлиссельбурга, генералъ Лепарскій, по собственной иниціативѣ обратился къ императору съ просьбою облегчить участь 75-лѣтняго Лукасинскаго, который уже плохо слышитъ и видитъ, страдаетъ каменной болѣзнью, а тѣмъ не менѣе все еще сидитъ въ подземельѣ. Результатомъ этого ходатайства было то, что Александръ II позволилъ перевести его въ болѣе свѣтлое помѣщеніе и время отъ времени дозволять ему прогулки внутри крѣпости. Въ іюнѣ 1862 г., по просьбѣ Лукасинскаго, къ нему былъ посланъ католическій священникъ, изъ рукъ котораго онъ принялъ причастіе, но новая просьба родныхъ о свиданіи встрѣтила вторичный отказъ.

Валеріанъ Лукасинскій умеръ въ Шлиссельбургѣ 27 февраля 1868 г. послѣ непрерывнаго сорокашестилѣтняго заключенія, на восемьдесятъ второмъ году жизни.

Симонъ Аскеназы.



Николай Ивановичъ
ГУЛАКЪ.

Николай Ивановичъ Гулакъ [1]).

(1822—1899 г.г.).

Н. И. Гулакъ родился въ 1822 г. Отецъ его былъ помѣщикъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. [2]). Въ 1838 г. онъ поступилъ на юридическій факультетъ дерптскаго университета и кончилъ курсъ въ 1843 г., отлично выдержавъ испытаніе. По представленіи работы на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Изображеніе правъ чужестранцевъ по французскому, прусскому, австрійскому и русскому праву“ и одобреніи этого труда, онъ получилъ въ 1844 г. званіе кандидата правъ.

Въ слѣдующемъ году Гулакъ поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора. Проникнутый серьезнымъ стремленіемъ къ научнымъ занятіямъ, онъ занимался переводами и перепискою историческихъ документовъ въ коммиссіи, учрежденной въ Кіевѣ, для разбора древнихъ актовъ, между прочимъ, переводомъ рукописной лѣтописи Самуила Величка. Онъ написалъ, но не успѣлъ издать, сочиненіе на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Юридическій бытъ Поморскихъ Славянъ“ [3]). Онъ

[1]) Очеркъ этотъ, кромѣ печатныхъ источниковъ, составленъ по документамъ III Отдѣленія соб. его велич. канцеляріи въ Архивѣ Департ. Полиціи.

[2]) Въ своемъ показаніи Гулакъ называетъ себя дворяниномъ Полтавской губ., а въ формулярномъ спискѣ сказано, что онъ происходитъ изъ дворянъ Херсонской губ. (дер. Николаевки Александровскаго у.), гдѣ дѣйствительно и жилъ его отецъ въ 1847 г. во время ареста Н. И.

[3]) Оно состоитъ изъ шести главъ: 1) отношенія между мужемъ и женой, 2) власть родительская и родовая, 3) обязательства, 4) права на имущество, 5) уголовное право и 6) самая обширная—государственное право.

переписывался о научныхъ вопросахъ съ извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Ганкою, съ малороссійскимъ писателемъ П. А. Кулишомъ и другими.

Въ декабрѣ 1845 г. Н. И. Костомаровъ, узнавъ, что будетъ выбранъ профессоромъ кіевскаго университета, продалъ свое имѣніе въ Воронежской губ. и въ день Рождества вернулся въ Кіевъ. Заболѣвъ нарывомъ въ горлѣ, онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ одномъ домѣ съ Гулакомъ, гдѣ ему и сдѣлана была операція. Въ это время Костомаровъ очень сблизился съ Гулакомъ, о которомъ впослѣдствіи отзывался, какъ о человѣкѣ „очень образованномъ и необыкновенно симпатичномъ". Часто посѣщалъ Костомарова В. М. Бѣлозерскій, кончавшій тогда курсъ въ кіевскомъ университетѣ [1]).

Въ это время у Костомарова, Гулака и Бѣлозерскаго явилась мысль объ основаніи Общества съ цѣлью распространенія идеи о созданіи федераціи славянскихъ народовъ. Составленъ былъ „Уставъ Славянскаго Общества свв. Кирилла и Меѳодія" и „Главныя правила Общества". Въ уставѣ было сказано, что славяне должны стремиться къ „духовному и политическому соединенію", причемъ, однако, каждое племя „должно имѣть свою самостоятельность". Такими племенами признавались: южно-руссы, сѣверно-руссы съ бѣлоруссами, поляки, чехи съ словенцами, лужичане, иллиро-сербы съ хорутанами и болгары. Каждое племя должно было „имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство гражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію". „Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщенія у всѣхъ славянъ должно основываться" на христіанской религіи. „При таковомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи... Долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ".

Въ „главныхъ правилахъ" было сказано, что учреждается Общество съ цѣлью распространенія этихъ идей „преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ Общества". Оно считаетъ своими покровителями Кирилла и Меѳодія и „принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону съ именемъ или изображеніемъ" этихъ святыхъ. Каждый членъ Общества при вступленіи въ него

[1]) Андрузскій показалъ, что Гулакъ «содержалъ на свой счетъ Навроцкаго, и о немъ отзывались, какъ о предобрѣйшемъ человѣкѣ».

присягаетъ употреблять свои дарованія, труды, состояніе и общественныя связи для цѣлей Общества и не выдавать никого изъ членовъ, если бы подвергся гоненію и даже мученію. Членами могли быть славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій. Общество должно стараться объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды и распространять мысль о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ. Общество должно стараться объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, а также о повсемѣстномъ распространеніи грамотности. Какъ все общество, такъ и каждый членъ его должны соображать свои дѣйствія съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія, правило же—цѣль освящаетъ средство—общество признаетъ безбожнымъ [1]).

Не всѣ предположенія членовъ Общества были включены въ уставъ и главныя правила его. Въ своей краткой автобіографіи Н. И. Костомаровъ сообщаетъ въ высшей степени важныя и существенныя дополненія. По его свидѣтельству, при полной религіозной свободѣ и равноправности вѣроисповѣданій предполагалось однако склонять славянъ-католиковъ къ употребленію славянскаго языка въ богослуженіи. Обсуждался вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ сдѣлаться общимъ для всѣхъ славянъ; хотя это и не было рѣшено окончательно, но предполагалось принять съ этою цѣлью языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный. Кромѣ уничтоженія крѣпостного права, члены Общества, высказались за уничтоженіе дворянскихъ и всякихъ привилегій, смертной казни и тѣлесныхъ наказаній

Федерація должна была состоять изъ штатовъ, которыхъ въ Россіи должно было быть 14: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихъ—верхній и нижній, два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій, одинъ бѣлорусскій. Особые штаты должны были составить Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; одна часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая—къ Западному малороссійскому штату и проч.

Подобно Обществу Соединенныхъ Славянъ, о которомъ зналъ Костомаровъ, славяне, по предположенію членовъ кіевскаго Общества, должны были образовать федеративную респу-

[1]) «Русскій Архивъ», 1893 г. № 7, стр. 399—401 или «Былое», 1906 г. № 2, стр. 66—67.

блику. Кіевъ не причислялся ни къ какому штату; онъ предназначался стать мѣстомъ собранія общаго сейма, состоящаго изъ двухъ камеръ: въ составъ одной изъ нихъ входили выбранные сенаторы и министры, другая состояла изъ депутатовъ. Общій сеймъ долженъ былъ собираться каждые 4 года, а въ случаѣ необходимости и чаще. Въ каждомъ штатѣ — свой сеймъ, собирающійся ежегодно, также изъ двухъ палатъ и свой президентъ. Главою исполнительной власти являлся президентъ, выбираемый на четыре года, и два министра—иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ.

Для защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но въ небольшомъ количествѣ, а въ каждомъ штатѣ должна была быть своя милиція, и всѣ учились бы военному искусству на случай общаго ополченія [1]).

Въ число своихъ пожеланій члены общества включили полную свободу мысли, научнаго образованія и печатнаго слова [2]).

Подъ вліяніемъ произведенія Мицкевича „Книги польскаго народа. Отъ начала міра до замученія народа польскаго“ [3]) Костомаровъ написалъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ сочиненіе, которое обыкновенно озаглавливаютъ: „Законъ Божій“. Кулишъ упоминаетъ о немъ подъ болѣе сосоотвѣтственнымъ его содержанію заглавіемъ: „Книга бытія украинскаго народа“ [4]). Авторъ начинаетъ отъ сотворенія міра, а въ концѣ говоритъ объ исторіи и будущей судьбѣ украинскаго народа. Нѣкоторыя мысли и выраженія заимствованы у Мицкевича, но въ общемъ это совершенно самостоятельное произведеніе, проникнутое двумя основными идеями: отрицаніемъ самодержавія и крѣпостного права, рабства политическаго и гражданскаго, причемъ Костомаровъ утверждаетъ, что свобода можетъ быть прочною лишь тамъ, гдѣ есть вѣра Христова.

Основныя политическія идеи славянскаго Общества Кирилла и Меѳодія были изложены Костомаровымъ въ воззваніи къ братьямъ украинцамъ. Въ другомъ воззваніи, къ великороссіянамъ и полякамъ, авторъ убѣждалъ два братскихъ на-

[1]) Моя статья: «Н. И. Костомаровъ» въ «Русской Старинѣ», 1886 г., № 1, стр. 187—188.

[2]) Костомаровъ. «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность». «Кіевская Старина», 1883 г., № 2, стр. 226—227.

[3]) См. «Dzieła Adama Mickiewicza, wydał dr. Henryk Biegeleisen», Lwów t. II, 1893 г., 241—251.

[4]) «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ», «Новь», 1885 г., № 13, стр. 67—68.

рода забыть безразсудную ненависть другъ къ другу, „возженную царями и господами“ на погибель свободы обоихъ этихъ народовъ, предать проклятію „святотатственныя имена земного царя и земного господина“, вспомнить о братьяхъ, „томящихся и въ шелковыхъ цѣпяхъ нѣмецкихъ, и въ когтяхъ турецкихъ“ и поставить цѣлью жизни и дѣятельности каждаго: „славянскій союзъ, всеобщее равенство, братство, миръ и любовь Господа нашего Іисуса Христа“ [1]).

Членами славянскаго Общества сдѣлались, кромѣ названныхъ лицъ, знаменитый украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко, А. А. Навроцкій, окончившій въ январѣ 1847 г. курсъ въ кіевскомъ университетѣ, начавшій уже тогда писать стихотворенія на малорусскомъ языкѣ, Дм. Пильщиковъ, студенты Ѳ. В. Маркевичъ (впослѣдствіи извѣстный этнографъ, мужъ писательницы, пишущей подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка), Посяденко (или Посяда) и Андрузскій и помѣщикъ Савичъ, братъ извѣстнаго астронома. По разсказу одного изъ членовъ, число ихъ равнялось безъ малаго сотнѣ [2]).

Въ ноябрѣ или декабрѣ 1846 г. члены общества собрались въ квартирѣ Гулака; тутъ были Костомаровъ, Шевченко, Савичъ. Шелъ оживленный разговоръ о необходимости славянской федеративной республики, а по сосѣдству жилецъ того же дома, студентъ Петровъ, подслушивалъ все, что говорилось у Гулака. Вскорѣ послѣ того Петровъ познакомился съ Гулакомъ, притворился, что сочувствуетъ республиканскимъ идеямъ, и тотъ открылъ ему существованіе славянскаго общества, показалъ золотое кольцо съ надписью „во имя св. Кирилла и Меѳодія“, прочиталъ и даже далъ списать уставъ общества. Позднѣе, Гулакъ прочелъ ему, въ присутствіи Навроцкаго, „Законъ Божій“, а Навроцкій сообщилъ рукопись о Гайдамачинѣ, высказавъ, что она весьма полезна для распространенія между жителями Малороссіи и возбужденія въ нихъ прежняго воинственнаго свободнаго духа.

Въ январѣ 1847 г. Гулакъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда Кулишъ усиленно звалъ его, и въ февралѣ подалъ просьбу о принятіи на службу въ канцелярію совѣта петербургскаго университета.

Между тѣмъ, 3 марта студентъ Петровъ явился къ попечителю кіевскаго учебнаго округа, заявилъ, что ему удалось

[1]) Оба воззванія напечатаны (не совсѣмъ исправно) въ «Быломъ», 1906 г., № 2, стр. 66—68.

[2]) Конiський. Тарасъ Шевченко-Грушивський, т. I, у Львові, 1898, стр. 168.

открыть существованіе тайнаго общества съ вредными политическими цѣлями и въ заключеніе представилъ его уставъ. Пригласивъ своего помощника М. В. Юзефовича, попечитель Траскинъ снялъ со студента Петрова показаніе, и затѣмъ дѣло получило оффиціальный ходъ при участіи въ слѣдствіи гражданскаго губернатора Фундуклея и жандармскаго полковника.

Костомаровъ, Шевченко и другія лица были арестованы. 18 марта въ Петербургѣ оберъ-полицмейстеромъ Кокошкинымъ и управляющимъ III Отдѣленіемъ Дубельтомъ былъ арестованъ Гулакъ. Во время обыска онъ бросилъ въ отхожее мѣсто рукопись „Закона Божьяго“, но она была найдена.

Допрошенный въ тотъ же день въ III Отдѣленіи Гулакъ заявилъ, что ни къ какому тайному обществу не принадлежитъ, что уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія попался ему случайно и онъ далъ слово, не открывать, отъ кого его получилъ, что кольцо съ именами Кирилла и Меѳодія онъ купилъ въ одной изъ кіевскихъ лавокъ, что помѣщикъ Савичъ (о республиканскихъ рѣчахъ котораго донесъ Петровъ) бываетъ у него, но ни о какомъ тайномъ обществѣ они не говорили, что бывшій студентъ Навроцкій читалъ у него разные стихи, но какіе именно—не помнитъ [1]), что найденная у него во время обыска тетрадь писана его рукою, но сочинена не имъ.

Въ числѣ бумагъ, найденныхъ у Гулака, обратило, на себя вниманіе его сочиненіе „О юридическомъ бытѣ Поморскихъ Славянъ“, а въ немъ слѣдующее мѣсто: „Отношенія челяди къ господину своему, опираясь единственно на патріархальности нравовъ, должны были, вмѣстѣ съ упадкомъ древней простоты, совершенно измѣниться; изъ кліентовъ они мало-помалу сдѣлались крѣпостными, а мѣстами (напр. въ Россіи) совершенными рабами. Много способствовало къ этому сближеніе славянъ съ нѣмцами и греками; безпрестанныя распри между славянами придали несвойственную имъ прежде одичалость. Съ военно-плѣнными начали они поступать сурово, безчеловѣчно; дѣлились ими при раздѣлѣ добычи, какъ скотомъ, разлучая сына отъ отца, жену отъ мужа; пересылали ихъ цѣлыми толпами изъ первобытныхъ жилищъ своихъ и принуждали къ самымъ труднымъ земледѣльческимъ работамъ. Этимъ однакожъ не ограничивалось варварство предковъ нашихъ;

[1]) Петровъ донесъ, что Навроцкій читалъ стихотворенія Шевченка явно противозаконнаго содержанія.

гнусный торгъ невольниками сдѣлался у насъ всеобщимъ обыкновеніемъ; вся Европа, но еще болѣе Востокъ наполнился славянскими рабами, такъ что имя славянина у всѣхъ европейскихъ народовъ сдѣлалось однозначущимъ съ словомъ раба. Цѣлые корабли, нагруженные невольниками, отправлялись внизъ по Дунаю въ Константинополь; о цвѣтущемъ состояніи этой торговли въ Россіи свидѣтельствуютъ договоры Олега и Игоря съ греками".

По поводу этого мѣста въ сочиненіи Гулака его спросили на первомъ же допросѣ: „Почему вы... старались показать положеніе рабовъ въ древней Россіи въ самомъ ужасномъ видѣ?" Онъ отвѣчалъ, что старался показать положеніе ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно ему представлялось.

Отмѣчено было и то, что въ письмѣ къ славянскому ученому Ганкѣ (1846 г.) Гулакъ писалъ: „Преимущественное вниманіе обращалъ я до сихъ поръ на правомѣрныя отношенія низшихъ сословій какъ въ Россіи, такъ и прочихъ славянъ, именно, на рабовъ, невольниковъ, холоповъ, крестьянъ, подданныхъ и проч., какъ на предметъ по важности и современности своей предпочтительно передъ другими заслуживающій внимательнаго изученія".

Обращено было также вниманіе на найденную у Гулака тетрадь: „Разсужденіе о поземельной собственности въ Малороссіи" (1778 г.). По поводу нея у Гулака спросили: „Для чего вы хранили у себя тетрадь, въ которой доказывается, что въ Малороссіи были жалуемы помѣстья въ противность древнихъ правъ малороссіянъ?" Онъ объяснилъ это тѣмъ, что въ ней заключается много любопытныхъ свѣдѣній, которыхъ онъ нигдѣ не встрѣчалъ.

Подозрительнымъ показалось, наконецъ, III Отдѣленію, что Кулишъ, въ то время уже извѣстный малорусскій писатель, усердно звалъ Гулака въ Петербургъ, между тѣмъ какъ онъ первоначально думалъ перебраться, очевидно для научныхъ занятій, въ Дерптъ. Пламенная любовь къ Малороссіи Гулака и Марковича была также отмѣчена въ письмѣ второго къ первому.

Въ виду нежеланія Гулака выдавать своихъ товарищей, чрезъ недѣлю рѣшено было для его увѣщанія пригласить священника. Для этого оберъ-прокуроромъ синода, гр. Протасовымъ, былъ назначенъ протоіерей Исакіевскаго собора, Маловъ. 27 марта увѣщаніе состоялось, но Гулакъ отвѣчалъ Малову, что далъ клятву сохранить тайну и не нарушитъ ея.

Маловъ очень любезно разрѣшилъ его отъ клятвы, но Гулакъ этимъ не воспользовался, хотя и былъ человѣкомъ искренно религіознымъ. Онъ просилъ причастить его, но Маловъ, соглашался на это лишь въ томъ случаѣ, если онъ дастъ откровенное показаніе. Священникъ письменно доложилъ III Отдѣленію о содержаніи своей бесѣды съ заключеннымъ. Посѣщенія его повторились еще три раза, но также безуспѣшно, и всякій разъ Маловъ подавалъ подробныя донесенія.

1 апрѣля допросъ Гулака повторился, но онъ попрежнему утверждалъ, что ничего не знаетъ ни о славянскомъ обществѣ вообще, ни о томъ, кто были его члены, ни о томъ, входило ли оно въ сношенія съ жителями Царства Польскаго и съ заграничными славянскими племенами.

Не добившись отъ Гулака ничего посредствомъ увѣщаній священника, III Отдѣленіе рѣшило подвергнуть его новой нравственной пыткѣ, воспользовавшись его чувствами любящаго сына. Въ концѣ марта гр. Орловъ написалъ письмо къ отцу Гулака, въ которомъ извѣщалъ его, что его сынъ „вовлекся въ преступные замыслы и принадлежитъ къ одному тайному политическому обществу“, но упорно отказывается давать истинныя показанія. Затѣмъ Орловъ „съ прискорбіемъ“ извѣщалъ отца Гулака, что „не правительство..., но самъ сынъ вашъ уже подписалъ приговоръ себѣ, и его болѣе ничто не можетъ ожидать, какъ самое тяжкое наказаніе“. Вслѣдъ за подписью Орлова, мы находимъ слѣдующія слова, написанныя Гулакомъ: „Письмо это я читалъ, и все, что въ немъ ни сказано, истинно и правда“. Все письмо Орлова, вѣроятно, было написано лишь съ цѣлью воздѣйствія на Гулака, такъ какъ его велѣно было не посылать по назначенію впредь до приказанія.

1 апрѣля Гулакъ, по повелѣнію государя, былъ отправленъ въ крѣпость, въ Алексѣевскій равелинъ, причемъ Орловъ написалъ коменданту Скобелеву, что „арестантъ сей есть самый важный, закоренѣлый и доказанный политическій преступникъ, который, между тѣмъ, показалъ столько упорства, что, несмотря на всѣ убѣжденія и явныя противъ него улики, не открываетъ подробностей своего преступленія“. Скобелеву было предложено содержать Гулака „въ равелинѣ самымъ строгимъ образомъ, въ совершенномъ уединеніи, не допуская никого къ нему и не давая ему ни книгъ, ни другихъ предметовъ развлеченія“. Скобелевъ въ тотъ же день донесъ государю, что коллежскій секретарь Николай Гулакъ имъ принятъ

и посаженъ въ арестантскій покой подъ № 7. На допросѣ Гулака въ III Отдѣленіи, предъ отправленіемъ въ крѣпость, его спросили, гдѣ находится бывшій у него экземпляръ устава славянскаго общества. Онъ отозвался незнаніемъ, но оказалось, что ему какъ-то удалось его припрятать и увезти съ собою въ крѣпость. 2 апрѣля Скобелевъ препроводилъ въ III Отдѣленіе найденныя при осмотрѣ арестанта Гулака двѣ рукописи „достаточной важности". Это были уставъ славянскаго общества и экземпляръ „Закона Божьяго", на которомъ вѣроятно въ III Отдѣленіи была сдѣлана надпись: „Переписано Костомаровымъ. Найдено въ бумагахъ Гулака".

На другой день III Отдѣленіе изготовило новые вопросные пункты и 4 апрѣля препроводило ихъ въ запечатанномъ пакетѣ Скобелеву, съ просьбою вручить его Гулаку, не распечатывая, съ тѣмъ, чтобы тотъ, написавъ отвѣты, самъ запечаталъ его и отдалъ коменданту для отправки къ гр. Орлову. Такимъ образомъ, дѣло велось столь секретно, что даже Скобелевъ не могъ читать показаній Гулака, который отвѣчалъ, что не знаетъ, кѣмъ написаны и переписаны двѣ найденныя у него рукописи и не можетъ сдѣлать никакихъ новыхъ показаній.

3 апрѣля отецъ Гулака, жившій въ Херсонской губ., еще ничего не зналъ объ арестѣ сына: послѣднее письмо отъ него было получено мѣсяцъ тому назадъ. Изъ него родители узнали, что въ Петербургѣ къ Николаю Ивановичу съ большимъ участіемъ отнесся ректоръ университета Плетневъ, который, вѣроятно оцѣня огромныя знанія Гулака, не совѣтовалъ ему служить учителемъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, такъ какъ это „притупляетъ человѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ къ высшимъ занятіямъ". Родители Гулака радовались, что онъ находится „въ такомъ прекрасномъ обществѣ".

Изъ письма Ив. Ив. Гулака видно, что для того времени онъ былъ человѣкомъ въ извѣстной степени развитымъ: онъ получалъ „Современникъ", который въ этомъ году сталъ выходить подъ новою редакціею Панаева и Некрасова, и называлъ „его очень хорошимъ журналомъ", получалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости" и также считалъ ихъ „очень хорошею газетою", выписывалъ и еще кое-что „по части хозяйственной". Но его представленія о нашей литературѣ были все же очень наивны. Родители Гулака мечтали о томъ, чтобы сынъ ихъ занялся литературною дѣятельностью; ни чиновничьей дороги, ни мѣста учителя въ среднемъ учебномъ заведеніи они для него не желали. Трудъ писателя представлялся Ив. Ив. Гу-

лаку выгоднымъ и въ матеріальномъ отношеніи. Между прочимъ, онъ писалъ сыну: „Что можетъ быть благороднѣе, какъ званіе литератора? Посмотри на литераторовъ: Булгарина, Греча, Сенковскаго, Краевскаго и всѣхъ другихъ. А почему-жъ тебѣ не можно было бы, не говорю — сравняться съ ними, но хотя приблизиться... Что касается до чиновъ, то ты могъ бы получать ихъ, считаясь на службѣ". Отецъ совѣтовалъ Гулаку поступить въ сотрудники какого-либо журнала, напр. „Современника", но статьи юридическія и историческія казались ему невыгодными, и онъ совѣтовалъ сыну сдѣлаться беллетристомъ. „Ты скажи себѣ", писалъ онъ: „со временемъ я осную журналъ и буду издателемъ съ нѣсколькими тысячами подписчиковъ,—и, поставивъ это себѣ цѣлью, достигай ее неуклонно, не пугаясь никакихъ преградъ". Письмо это вѣроятно было передано Н. И. Гулаку, такъ какъ въ дѣлѣ III Отдѣленія находится лишь копія съ него.

3 мая кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ сдѣлалъ Орлову весьма курьезное сообщеніе: будто бы у арестованныхъ долженъ быть выжженъ на тѣлѣ знакъ ихъ принадлежности къ обществу, а именно гетманская булава [1]). Вслѣдъ затѣмъ, Орловъ предписалъ Скобелеву немедленно и самымъ внимательнымъ образомъ осмотрѣть Гулака, нѣтъ ли у него на тѣлѣ изображенія гетманской булавы. Скобелевъ „самъ лично и съ полнымъ вниманіемъ" произвелъ это изслѣдованіе, но никакихъ знаковъ на тѣлѣ Гулака не оказалось.

15 мая Н. И. велѣно было доставить подъ строжайшимъ карауломъ въ III Отдѣленіе, гдѣ ему была дана очная ставка съ Бѣлозерскимъ, Костомаровымъ, Посядой, Андрузскимъ и доносчикомъ Петровымъ. Бѣлозерскій и Костомаровъ, показали, что въ исходѣ 1845 и началѣ 1846 г. Гулакъ соединился съ ними для общихъ занятій, что они назвали свой союзъ обществомъ, придали ему имя Кирилла и Меѳодія и придумали имѣть кольца или образа во имя этихъ святыхъ. Главная цѣль общества состояла въ соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ подъ скипетромъ россійскаго императора, „а средствами полагали возстановленіе народности каждаго племени, примиреніе ихъ, образованіе и даже склоненіе ихъ къ исповѣданію одной православной вѣры"; что въ половинѣ 1846 г. они „бросили названіе общества и занимались изслѣдованіями о славянахъ, какъ наукою, безъ всякихъ политическихъ ви-

[1]) Кониський. Т. Шевченко-Грушівський, I, 237.

довъ". Гулакъ попрежнему все это отрицалъ. Андрузскій показалъ, что Гулакъ былъ членомъ общества, имѣвшаго цѣлью, соединивъ славянскія племена, ввести въ нихъ устройство по примѣру Соединенныхъ Штатовъ или нынѣшней конституціонной Франціи, и что Гулакъ читалъ „вольныя мысли". Доносчикъ Петровъ заявилъ, что въ декабрѣ 1846 г. Гулакъ „обнаруживалъ прямо революціонныя намѣренія; что, предполагая соединить славянскія племена и ввести въ нихъ народное правленіе, онъ надѣялся достигнуть этого возбужденіемъ" русскаго народа и славянъ „къ возстанію противъ верховныхъ властей ихъ; говорилъ, что при этомъ общество будетъ дѣйствовать миролюбиво въ отношеніи къ царской фамиліи, но если переворотъ будетъ произведенъ, а государь не пожелаетъ сложить съ себя верховной власти, то необходимо заставить пожертвовать царскою фамиліею". Гулакъ предполагалъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ средствамъ для возбужденія возстанія: представленіе народу въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ всѣхъ распоряженій правительства, „путешествія по деревнямъ для сближенія съ крестьянами и распространенія между ними идеи о народномъ правленіи". По словамъ Петрова, Гулакъ говорилъ, что нѣкоторые уже путешествуютъ съ этою цѣлью, что для этого предполагается также учрежденіе школъ и изданіе книгъ для простого народа, что образованіе черни непремѣнно приведетъ къ возстанію, если не въ настоящее время, то въ будущемъ поколѣніи. У Гулака часто собирались его друзья и тотчасъ начинали разговоръ объ осуществленіи ихъ общаго намѣренія, причемъ болѣе всѣхъ высказывался самъ хозяинъ. Гулакъ показалъ, что можетъ быть и велъ какіе-либо разговоры, но не помнитъ ихъ содержанія [1]).

Однако очная ставка все же произвела на Гулака сильное впечатлѣніе и заставила его задуматься, слѣдуетъ ли, въ виду показаній товарищей, держаться тактики полнаго отрицанія. Къ этому присоединились еще увѣщанія коменданта крѣпости,

[1]) По словамъ Костомарова, когда Гулакъ заявилъ, что онъ остается при прежнемъ показаніи, Орловъ топнулъ ногой и сказалъ: «вотъ корень зла!» («Русская Мысль», 1885 г., № 5, стр. 218). Кулишъ разсказываетъ, что одинъ изъ кіевлянъ, не желавшій ничего открывать Дубельту и Орлову, сказалъ имъ: «Вы можете меня четвертовать, колесовать, тянуть изъ меня жилы, переломать мнѣ кости, содрать съ меня живого кожу, но не допытаетесь отъ меня ни одного слова». Если свидѣтельство Кулиша вѣрно, то оно можетъ относиться только къ Гулаку. П. А. Кулішъ, «Хуторна поэзія». У вi Львові. 1882. стр, 37.

и 17 мая Скобелевъ донесъ гр. Орлову, что подъ вліяніемъ его „отеческихъ“ совѣтовъ Гулакъ, наконецъ, далъ показаніе. Онъ призналъ справедливость показаній Бѣлозерскаго и Костомарова, причемъ съ величайшимъ благородствомъ принялъ на себя составленіе устава общества и „Закона Божьяго“, хотя послѣднее произведеніе принадлежитъ перу Костомарова Затѣмъ, онъ заявилъ, что съ Андрузскимъ никогда не имѣлъ разговоровъ о политическихъ предметахъ, а въ бесѣдѣ съ Петровымъ никогда не упоминалъ о царской фамиліи.

26 мая 1847 г. шефъ жандармовъ, гр. Орловъ, составилъ докладъ государю. Остановимся на тѣхъ мѣстахъ его, которые касаются Гулака. „У Гулака найденъ былъ уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія, изъ правилъ котораго видно, что Украйно-Славянисты предполагали, хотя мирными средствами, преимущественно распространеніемъ образованія, соединить всѣ славянскія племена и устроить въ нихъ народное представительное правленіе; у нѣкоторыхъ оказались экземпляры рукописи, называемой „Законъ Божій“, „Поднестранка“, уже не съ мирными предположеніями, а исполненные революціонныхъ и коммунистическихъ правилъ, съ возмутительными воззваніями къ племенамъ славянскимъ. Самыя письма арестованныхъ лицъ, даже тамъ, гдѣ можно предполагать предметъ ученый или литературный, затемнены двусмысленными, напыщенными и вообще чрезвычайно сомнительными выраженіями. Притомъ же Петровъ и Андрузскій въ своемъ показаніи объясняли Украйно-Славянское общество, какъ дѣло прямо революціонное“... Орловъ признавалъ, что „доносы и первыя свѣдѣнія, какъ всегда бываетъ, преувеличивали важность, и дѣло оказалось въ видѣ, менѣе опасномъ“, но относительно Гулака замѣтилъ, что онъ „показалъ необыкновенное упорство и, ничего не открывая, отзывался только однимъ, что связанъ честнымъ словомъ, кому-то имъ даннымъ“, хотя впослѣдствіи „сознался въ справедливости сдѣланныхъ на него показаній и даже приписываетъ себѣ сочиненіе рукописи „Законъ Божій“ и „Устава Славянскаго Общества“. Орловъ упомянулъ и объ отрицаніи Гулакомъ показанія Петрова. Орловъ предложилъ Гулака, „какъ главнаго руководителя Украйно-Славянскаго Общества, въ началѣ и долго запиравшагося въ своихъ преступныхъ замыслахъ, а еще болѣе какъ человѣка, способнаго на всякое вредное для правительства предпріятіе, заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость на три года и потомъ отправить его въ отдаленную губернію подъ строжайшій надзоръ“.

Одобривъ это предложеніе, Николай Павловичъ прибавилъ: „буде исправится въ образѣ мыслей“ [1]).

Докладъ Орлова былъ утвержденъ имп. Николаемъ 28 мая, а 30 мая Гулакъ былъ отправленъ съ жандармскимъ офицеромъ въ Шлиссельбургъ, причемъ въ письмѣ къ коменданту крѣпости, генералу Заборинскому, Орловъ просилъ его по прошествіи трехъ лѣтъ увѣдомить его, „исправится ли Гулакъ въ образѣ мыслей и будетъ ли достоинъ освобожденія изъ крѣпости“.

Молчаніе Н. И. Гулака съ 18 марта конечно возбудило безпокойство родныхъ. 17 мая братъ писалъ ему изъ Дерпта по-французски: „Хорошо, если только лѣность причина вашего молчанія... Я получилъ сегодня письмо отъ папы и спѣшу сообщить вамъ печальныя новости. Двоюродный братъ Павелъ арестованъ ночью по неизвѣстной причинѣ, причемъ ему не дали проститься съ матерью; его увезли неизвѣстно куда. Для ареста были присланы флигель-адъютантъ, курьеръ и чиновникъ. Затѣмъ были арестованы Навроцкій у Капниста, Марковичъ и Нечай. Еще прежде арестовали Костомарова въ Кіевѣ. Теряются въ догадкахъ, тѣмъ болѣе, что не имѣютъ извѣстій отъ Пав. Лев.“... (sic). Письмо это было задержано III Отдѣленіемъ.

Тревожное письмо написалъ къ сыну 21 мая и отецъ Гулака. Онъ извѣщалъ его, что крайне безпокоится, вслѣдствіе его долгаго молчанія, что мать въ отчаяніи, здоровье ея разстроилось; отецъ просилъ Н. И. написать съ первою почтою. Орловъ предписалъ шлиссельбургскому коменданту передать это письмо Гулаку, а отвѣтъ его доставить въ III Отдѣленіе, если въ немъ будутъ „одни родственныя объясненія“. Въ своемъ отвѣтѣ родителямъ отъ 11 іюня 1847 г. Гулакъ, между прочимъ, говоритъ, очевидно, чтобы ихъ успокоить: „Не сокрушайтесь при мысли, что я можетъ быть физически страдаю или терплю въ чемъ-нибудь недостатокъ: нѣтъ,—я совершенно здоровъ, меня не мучитъ ни холодъ, ни голодъ, ни даже недостатокъ въ умственныхъ занятіяхъ; я имѣю все необходимое и встрѣчаю отъ всѣхъ ласковое и человѣколюбивое обхожденіе“. Копія съ этого письма была оставлена въ III Отдѣленіи, а подлинникъ отосланъ къ отцу Гулака, который жилъ въ деревнѣ, въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губ., причемъ Орловъ извѣстилъ его, что письма къ сыну онъ мо-

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 г. № 7, стр. 337, 339, 343—344.

жетъ присылать въ III Отдѣленіе. Въ теченіе 1847 г. Гулакъ получилъ отъ матери, братьевъ и сестеръ еще три письма и однажды самъ писалъ имъ.

Въ ноябрѣ 1847 г. Гулакъ обратился къ коменданту съ просьбою разрѣшить ему переводить съ греческаго языка сочиненіе Еврипида. По справкѣ, наведенной въ III Отдѣленіи, оказалось, что „заниматься крѣпостнымъ арестантамъ сочиненіями или переводами для себя никогда не запрещалось". Содержащійся въ Шлиссельбургской крѣпости рядовой Медоксъ просилъ даже напечатать его сочиненіе, и потому въ 1839 г. гр. Бенкендорфъ препроводилъ его трудъ о русскомъ языкѣ къ министру народнаго просвѣщенія, а въ 1843 г.—отрывокъ изъ живописной географіи, составленной имъ же, съ тѣмъ только, „чтобы статьи эти были напечатаны безъ означенія имени сочинителя". На основаніи этой справки, Орловъ дозволилъ Гулаку заниматься переводами, но съ тѣмъ, чтобы онъ отнюдь ихъ никому не передавалъ.

Мать Гулака, Надежда Андреевна, сдѣлала попытку просить Орлова ходатайствовать о помилованіи ея сына. 9 декабря 1847 г. Дубельтъ написалъ ей, что гр. Орловъ „по непреоборимому упорству, съ которымъ" ея сынъ „не сознавался при производствѣ о немъ дѣла, не находитъ ни возможности, ни справедливости ходатайствовать о его помилованіи".

Въ январѣ 1848 г. Николай Ивановичъ получилъ отъ отца письмо со вложеніемъ 100 р. Деньги велѣно было хранить у коменданта и выдавать по мѣрѣ надобности. Въ этомъ году Н. И. получилъ отъ родныхъ пять писемъ и еще сто рублей, а братъ прислалъ ему изъ Дерпта нѣсколько иностранныхъ книгъ математическихъ, въ томъ числѣ логарифмы, и юридическихъ. Полученіе каждаго письма было, конечно, событіемъ въ жизни Шлиссельбургскаго узника, и потому мы отмѣчаемъ, какъ часто получалась корреспонденція отъ родныхъ (всегда черезъ III Отдѣленіе). Въ слѣдующемъ году отецъ и его семья написали шесть писемъ, да еще братъ Н. И., Александръ, написалъ однажды изъ Дерпта. Н. И. отправилъ въ 1848 г. всего семь писемъ къ роднымъ, а въ слѣдующемъ году—четыре. Въ апрѣлѣ 1850 г. отецъ вновь прислалъ Н. Ив. 50 р. Въ августѣ 1848 г. Над. Андр. Гулакъ повторила попытку хлопотать о помилованіи сына, но также неудачно.

Въ февралѣ 1848 г. Гулакъ обратился съ просьбою о томъ, чтобы книги, оставленныя имъ въ Кіевѣ у Костома-

рова, были отданы его отцу. Спросили Костомарова, заключеннаго въ то время въ Петропавловской крѣпости, и онъ отвѣчалъ, что шкафъ съ книгами отправленъ въ деревню родителей Гулака, а ящикъ съ книгами, порученный ему для отсылки въ Петербургъ, остался у него на квартирѣ. Списокъ книгъ, оставленныхъ Гулакомъ у Костомарова, показываетъ, какъ серьезно занимался нашъ шлиссельбургскій узникъ до своего ареста исторіею и юридическими науками; тутъ были Акты Археографической экспедиціи, Акты Историческіе, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, Римская Исторія Нибура, Corpus juris civilis cum glossa, Codex Theodosianus и разныя юридическія сочиненія на латинскомъ языкѣ. Гулакъ просилъ переслать къ нему въ крѣпость книги, оставленныя имъ у Костомарова. Оказалось, что мать невѣсты Костомарова отправила ихъ въ Саратовъ, куда былъ высланъ Костомаровъ послѣ годичнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости. При посредствѣ III Отдѣленія книги эти были вытребованы отъ Костомарова и въ двухъ ящикахъ доставлены Гулаку въ Шлиссельбургъ [1]). Составъ его библіотеки показываетъ, какъ сновательно было образованіе Гулака, какъ разносторонни его интересы. Въ концѣ 1849 г. онъ отправилъ изъ Шлиссельбургской крѣпости къ родителямъ свой переводъ Еврипида.

Въ мартѣ 1850 г. Над. Андр. Гулакъ, не знавшая, на сколько времени подвергнутъ заключенію ея сынъ, вновь просила гр. Орлова ходатайствовать о возвращеніи Николая Ивановича его семейству, но на письмѣ была сдѣлана надпись: „что невозможно, то и просить не могу“.

Однако письмо матери Гулака заставило вспомнить о томъ, что 30 мая 1850 г. исполнится трехгодичный срокъ, назначенный для заточенія Николая Ивановича. По наведенной о немъ справкѣ оказалось: „По письмамъ его видно, что онъ весьма прилежно занимался науками и... приготовлялъ себя быть полезнымъ отечеству. Переписка Гулака съ родителями и бра-

[1]) Тутъ были комментарій Гая (на латин. яз.), сочиненія Савиньи, Мюленбруха и Вальтера по римскому праву, «Древности нѣмецкаго права» Гримма, сочиненія Эверса и Рейтца (профессора Гулака въ Дерптѣ) (всѣ на нѣмецкомъ яз.), Мацѣіовскаго «Исторія славянскихъ законодательствъ» (на польскомъ яз.), нѣкоторые памятники русскаго законодательства, сочиненія Аристофана, Еврипида, Софокла, Вергилія, Гомера, Плутарха, Плавта въ подлинникахъ, библія въ переводѣ Лютера, сочиненіе Фильдинга (на англ. яз.) и тутъ же сочиненіе о германской флорѣ, ноты и проч.

тьями заключалась преимущественно въ добрыхъ совѣтахъ и обнаруживала весьма хорошее направленіе его мыслей". Вспомнили и о томъ, что заключенный по тому же дѣлу Кулѣшъ (какъ писалась тогда фамилія П. А. Кулиша) содержался въ крѣпости 3 мѣсяца вмѣсто четырехъ. Орловъ приказалъ спросить коменданта Шлиссельбургской крѣпости и объявить Гулаку, „что ежели все откровенно напишетъ, то участь его облегчится; ежели же пребудетъ въ томъ же упорствѣ, то останется въ крѣпости". Однако Гулака не сломило и трехлѣтнее заключеніе, и никакихъ новыхъ показаній онъ не далъ. Тѣмъ не менѣе комендантъ крѣпости Троцкій донесъ: „Гулакъ во все время заключенія въ крѣпости велъ себя весьма скромно, въ образѣ мыслей его ничего не замѣчалось, а потому и полагаю заслуживающимъ облегченія его участи".

31 мая 1850 г., ссылаясь на эту аттестацію, Орловъ представилъ государю докладъ объ освобожденія Гулака изъ Шлиссельбурга и отправленіи его въ Пермь „подъ строжайшій надзоръ полиціи", на что и было получено согласіе.

Предъ отправленіемъ изъ Шлиссельбурга Гулакъ раздѣлилъ свое единственное богатство, книги, на двѣ части: одну, въ которой были между прочимъ поэмы Оссіаны (на англ. яз.), сочиненія Тацита, Гомера и Шекспира въ подлинникахъ, нѣкоторыя юридическія сочиненія и 20 связокъ тетрадей, онъ пожелалъ взять съ собою; другую онъ рѣшилъ отправить чрезъ транспортную контору. Въ спискѣ его книгъ мы находимъ такія, которыхъ не было у Костомарова, изъ чего слѣдуетъ заключить, что ему было дозволено взять съ собою въ Шлиссельбургъ значительное количество книгъ [1]).

2 іюня 1850 г. Гулакъ съ двумя жандармами былъ отправленъ изъ Шлиссельбурга и 13 іюня доставленъ въ Пермь; въ пріемѣ его была выдана квитанція пермскимъ губернаторомъ.

Въ февралѣ 1851 г. мать Гулака обратилась къ Орлову съ

---

[1]) Назовемъ еще нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы составить себѣ полное понятіе объ образованности и учености Гулака. У него были въ крѣпости: Акты юридическіе, Ипатьевская и Новгородская лѣтописи, Славянскія древности Шафарика, Энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, одно чешское сочиненіе по исторіи права, сочиненія Гезіода, Пиндара, Платона, Горація, Овидія, Мильтона, Свифта, Гольдсмита, Стерна, письма Юнія въ подлинникахъ, сочиненія Авг. Тьерри и вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе Кювье о животномъ царствѣ, сочиненіе Лагранжа и др. по математикѣ, книги по физикѣ и проч.

просьбою, чтобы письма сына доставлялись ей не вскрытыми. Орловъ нашелъ это невозможнымъ, но просилъ пермскаго губернатора переписку Гулака доставлять безъ замедленія и въ запечатанныхъ пакетахъ.

Родители немного помогали Николаю Ивановичу, насколько позволяли, при многочисленномъ семействѣ, ихъ ограниченныя средства. Но все же ему было не легко перебиваться, и осенью 1851 г. онъ просилъ Орлова выхлопотать ему разрѣшеніе вновь поступить на службу. Государь дозволилъ, но съ сохраненіемъ надъ Гулакомъ полицейскаго надзора. Опредѣленный на службу канцелярскимъ чиновникомъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго начальства, и въ 1852 г. былъ опредѣленъ на классную должность переводчика при губернскомъ правленіи. Когда въ концѣ 1853 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ преобразовать губернскіе статистическіе комитеты и собрать свѣдѣнія по обширной программѣ, то это трудное дѣло, въ добавленіе къ другимъ служебнымъ обязанностямъ, было поручено Гулаку. Мѣстное начальство было имъ вполнѣ довольно, но когда въ 1854 г. мать Гулака просила Орлова исходатайствовать ея сыну разрѣшеніе возвратиться на родину, то тотъ нашелъ это „преждевременнымъ“.

1 февраля 1855 г. пермскій губернаторъ просилъ о снятіи съ Гулака полицейскаго надзора, и 24 февраля Орловъ отвѣчалъ, что государь (уже Александръ II) на это согласился.

Въ 1859 г. Гулакъ перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Онъ былъ сначала учителемъ русскаго языка и географіи во второй одесской гимназіи и учителемъ математики въ Ришельевскомъ лицеѣ (съ 1861 г.), затѣмъ переселился въ Керчь и преподавалъ въ тамошнемъ женскомъ институтѣ исторію и естественныя науки. Съ 1862 г. онъ былъ послѣдовательно учителемъ математики въ ставропольской гимназіи, физики и космографіи въ кутаисской и математики и латинскаго языка въ тифлисской 1-й гимназіи, гдѣ и служилъ до выхода въ отставку въ 1886 г. „Благороднымъ своимъ характеромъ“, говоритъ авторъ некролога Гулака, „вѣрностью данному слову, а также отзывчивостью на чужое горе онъ снискалъ себѣ любовь товарищей и привязанность своихъ учениковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли цѣнить глубину его знаній и соединенную съ ней широту взглядовъ. Нрава онъ былъ хотя и вспыльчиваго, но въ высшей степени дружелюбнаго и снисходительнаго къ слабости дру-

гихъ“ [1]). На Кавказѣ разнообразныя познанія Гулака увеличились еще болѣе, благодаря изученію мѣстныхъ и восточныхъ языковъ.

Педагогическая дѣятельность видимо оставляла Н—ю И—чу немного досуга; этимъ, конечно, объясняется то, что, несмотря на громадную ученость, его литературная производительность была очень невелика, но зато замѣчательно разнообразна.

Онъ писалъ по математикѣ, геодезіи, филологіи, литературѣ, пробовалъ силы и въ публицистикѣ. Намъ извѣстны слѣдующія сочиненія Гулака:

1) Опытъ геометріи о четырехъ измѣреніяхъ. Геометрія синтетическая. Тифлисъ, 1877 г., 150 стр. Книга посвящена памяти Лобачевскаго. Вмѣсто предисловія — разговоръ о пространствѣ.

2) О рѣшеніи трансцедентныхъ уравненій (изд. въ Одессѣ на франц. яз.).

3) О настоящемъ положеніи европейскаго градуснаго измѣренія. „Записки Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“ 1873 г., кн. VIII, стр. 53—88.

4) О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Ibid. т. XXVI, 119—155.

5) О (грузинской поэмѣ) „Барсова Кожа“ Руставели. „Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Вып. 4. Тифл. 1884.

6) О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами и его поэмѣ „Походъ Русскихъ противъ Берда“. Ibid. т. XXVI, стр. 116—126.

7) Рецензія на „Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ“ Фр. Ленормана. Перев. подъ редакц. М. Драгоманова. „Кавказъ“, 1879 г. №№ 218 и 219 (былъ отдѣльный оттискъ). Эта небольшая статья показываетъ знакомство Гулака съ памятниками ассирійской, скандинавской и греческой литературъ.

8) Дѣятельность Ад. П. Берже, какъ оріенталиста. „Русск. Старина“ 1887 г., т. LVI, стр. 819—824.

9) Гератъ и Англія. „Обзоръ“ 1880 г., № 510 и 514.

Гулакъ былъ два раза женатъ. Въ 1886 г. онъ вышелъ въ

[1]) Л. Л. «Н. И. Гулакъ». «Кавказъ», 1899 г. № 221. Авторъ другого некролога Гулака, А. Хахановъ, («Рус. Вѣдом.» 1899 г., № 248) говоритъ: «Въ послѣдніе годы онъ бывалъ на урокахъ очень рѣдко, и его, сгорбившагося старца, видѣлъ я только разъ въ третьемъ классѣ, гдѣ онъ числился нашимъ преподавателемъ латинскаго языка. Помнится, что мы смотрѣли на него съ дѣтскою любознательностью и благоговѣніемъ».

отставку, переѣхалъ въ Елизаветполь и поселился у своей пріемной дочери. Онъ умеръ 26 мая 1899 г.

Жизнь этого замѣчательнаго человѣка была совершенно испорчена: вмѣсто серьезныхъ научныхъ трудовъ, къ которымъ онъ былъ такъ основательно подготовленъ, Гулакъ, послѣ трехлѣтнихъ страданій въ Шлиссельбургѣ, долженъ былъ удовольствоваться сначала чиновническою, а потомъ учительскою карьерою.

Стойкость убѣжденій Гулака видна уже изъ того, что онъ не могъ простить Костомарову недостаточно твердое его поведеніе во время слѣдствія по дѣлу о славянскомъ обществѣ. Въ 1881 г. онъ встрѣтился съ нашимъ знаменитымъ историкомъ на археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ. Костомаровъ хотѣлъ броситься на шею своему прежнему пріятелю, но Гулакъ (по свидѣтельству Н. И. Стороженка) посмотрѣлъ на него чрезъ очки, молча пожалъ ему руку и отошелъ въ сторону.

В. Семевскій.

М. А. Бакунинъ.

Немного произвела русская исторія на свѣтъ такихъ людей, какъ М. А. Бакунинъ. Герценъ въ блестящей своей характеристикѣ личности Бакунина говоритъ: „Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія". Но не въ „Галереѣ шлиссельбуржскихъ узниковъ", говоритъ объ этомъ качествѣ Бакунина, какъ объ исключительно-рѣдкомъ явленіи. У Бакунина характеренъ весь тотъ комплексъ нравственно-интеллектуальныхъ свойствъ, который позволилъ ему стать однимъ изъ самыхъ глубокихъ и значительныхъ философскихъ пророковъ всеевропейской революціи до 1848 года, выдѣлиться среди самыхъ активныхъ практическихъ революціонеровъ въ 1848—49 гг. и сдѣлаться теоретикомъ и душою всеевропейскаго анархическаго теченія въ послѣдній періодъ своей жизни. Смѣлость и размахъ теоретической мысли въ немъ сливались какъ-то гармонически и художественно-законченно съ личною отвагою и полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ собственной сохранности и, вообще, къ какимъ бы то ни было своимъ интересамъ. Это была, прежде всего, чрезвычайно сильная интеллектуальная организація. Тѣ, которые повторяютъ старыя, изъѣзженныя слова, что Бакунинъ любилъ брать „готовыя мысли" и только доводить ихъ до крайности, доказываютъ неопровержимымъ образомъ свою полную неосвѣдомленность относительно того, какія мысли Бакунинъ въ самомъ дѣлѣ засталъ „готовыми" въ европейской общественно-фило-

Михаилъ Александровичъ
БАКУНИНЪ.

софской жизни, и какія — онъ самъ „изготовилъ“ и пустилъ въ оборотъ. Мы совершенно отказываемся, напримѣръ, назвать, кромѣ Лоренца Штейна, хотя бы одного только мыслителя періода до 1848 года, который бы далъ такое проникновенное, философски-выношенное и философски-выраженное предсказаніе общаго революціоннаго катаклизма, какъ то пророчество, которое представляетъ собою статья „Реакція въ Германіи“, напечатанная имъ въ журналѣ Руге „Deutsche Jahrbücher“ осенью 1842 года и подписанная псевдонимомъ „Жюль Элизаръ“. И такихъ случаевъ въ умственной жизни Бакунина было не одинъ и не два; по всѣмъ своимъ привычкамъ мышленія онъ дальше всего былъ отъ типа компилятора. Эта полнѣйшая умственная самостоятельность сама по себѣ не могла бы однако объяснить того огромнаго вліянія на среду, которымъ въ теченіе всей своей жизни пользовался Бакунинъ, — и отъ котораго въ большей или меньшей степени, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ—не ускользалъ почти никто изъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло (Марксъ является однимъ изъ немногочисленныхъ въ этомъ смыслѣ исключеній). Достаточно вспомнить Герцена, который такими любовными, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонко-юмористическими штрихами охарактеризовалъ своего друга: даже Герценъ, отлично понявшій широкую, безпорядочно-порывистую, слишкомъ импульсивную натуру Бакунина, смотрѣвшій на $^{9}/_{10}$ всѣхъ плановъ, программъ, политическихъ соображеній и увлеченій Бакунина какъ на нѣчто либо вовсе несбыточное, либо неосуществимое въ ближайшемъ будущемъ, даже этотъ аналитикъ и скептикъ, всю жизнь гордившійся больше всего отсутствіемъ у себя „шишки почтительности“—поддался вліянію Бакунина, когда тотъ пріѣхалъ въ началѣ 60-хъ гг. въ Лондонъ и принялся „революціонизировать Колоколъ“. И что характернѣе всего, — поддался этому вліянію, продолжая сомнѣваться въ раціональности бакунинской программы, а по умственной своей самостоятельности, между тѣмъ, Герценъ ужъ ни въ какомъ случаѣ Бакунину не уступалъ. Цѣльность и сила бакунинскихъ увлеченій захватывали и покоряли. Въ каждый данный мигъ — онъ весь безъ остатка принадлежалъ тому дѣлу, которое дѣлалъ или о которомъ говорилъ. Никто, хорошо знающій біографію Прудона, не скажетъ, что въ существованіи этого мыслителя, типичнаго французскаго мужика не только по происхожденію, но и по складу жизни, — повторился хотя бы только одинъ еще разъ случай, о которомъ повѣствуетъ Герценъ: „Въ 1847 году Карлъ

Фогтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные толки (Прудона съ Бакунинымъ. Е. Т.) о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надобно было идти въ Jardin des Plantes; его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ". Онъ оттого и увлекалъ собесѣдника, что для него говорить о „феноменологіи духа" являлось въ тотъ моментъ, когда онъ о ней говорилъ,—такимъ же дѣломъ, какъ оборона Дрездена отъ прусскихъ войскъ, или святодуховское возстаніе въ Прагѣ, или поѣздка съ цѣлью помочь польскимъ повстанцамъ, или организація возстанія въ Ліонѣ въ 1870 году. По способности къ возбужденію онъ оставался и въ теоретическихъ, и въ практическихъ вопросахъ всегда однимъ и тѣмъ же. Люди теоріи и люди непосредственной политической дѣятельности слишкомъ часто не понимаютъ другъ друга, обнаруживаютъ извѣстный антагонизмъ,—даже если принадлежатъ къ одному и тому же лагерю: тутъ сказывается больше всего неодинаковая природа импульсовъ, которымъ тѣ и другіе привыкли подчиняться. Въ Бакунинѣ заключенъ былъ и сильный теоретикъ, и неукротимый активный революціонеръ, но ни малѣйшаго раздвоенія въ его жизни отъ этого не замѣчалось. Для него теорія и практика сливались во-едино, и это было не только единство, выработанное разсудочно, но и вошедшее въ его натуру, ставшее содержаніемъ всей его духовной жизни. Эта-то цѣльность и давала ему силу, отъ которой даже броня герценовскаго скептицизма не всегда могла защитить душу человѣка, приходившаго съ Бакунинымъ въ соприкосновеніе; эта цѣльность и сдѣлала его, по выраженію его друга, „одною изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія".

Бакунинъ родился въ 1814 году, а въ 1840-мъ уже уѣхалъ за границу. Первыя двадцать шесть лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ николаевской Россіи, и можно сказать, что по непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніямъ онъ уже никакой другой Россіи никогда не зналъ, ибо при Александрѣ II онъ могъ изучать только шлиссельбургскую крѣпость и восточную Сибирь. Кромѣ ненависти и омерзенія русская дѣйствительность никакихъ другихъ чувствъ въ его душѣ не возбудила, и притомъ,

въ противоположность всѣмъ безъ исключенія людямъ своего поколѣнія, онъ вовсе не дѣлалъ крѣпостное право фокусомъ своей „аннибаловой“ ненависти: онъ возненавидѣлъ, какъ это ясно изъ позднѣйшихъ его работъ, политическое рабство Россіи въ его цѣломъ, ненавидѣлъ и презиралъ прежде всего самодержавіе, которое разсматривалъ, какъ одно изъ коренныхъ бѣдствій не только для Россіи, но и для всего европейскаго человѣчества. Разставшись двадцати лѣтъ отъ роду съ офицерской службой, онъ пріобщился къ умственной атмосферѣ московскихъ интеллигентныхъ кружковъ и увлекся гегельянствомъ, сблизившись со Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, а съ 1839 года впервые сошедшись съ Герценомъ. Но онъ какъ бы предчувствовалъ, что „примиряющіе“ мотивы гегельянства долго не продержатся при болѣе пристальномъ и широко поставленномъ изученіи этой системы, — и со спеціальною цѣлью основательнаго изученія философіи Бакунинъ въ 1840 году выѣхалъ на взятыя у Герцена деньги за границу, откуда ему суждено было вернуться въ отечество спустя 11 лѣтъ въ сопровожденіи австрійскаго военнаго караула. Нужно сказать, что предъ отъѣздомъ у Бакунина съ его друзьями произошло охлажденіе, вызванное его личнымъ столкновеніемъ съ Катковымъ, который тогда вращался въ одномъ съ нимъ кругу. Но всѣ эти непріятныя впечатлѣнія сразу изгладились, когда въ Россіи была прочтена первая заграничная статья Бакунина, уже упоминавшаяся нами (о „Реакціи въ Германіи“) и когда узнали, что сотрудникъ Руге Jules Elysard—не кто иной, какъ М. А. Бакунинъ. Эта статья была и философскимъ предсказаніемъ европейской революціи, и какъ бы призывомъ къ ней. Революціонные выводы изъ философіи Гегеля были сдѣланы, и Бакунинъ окончательно сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ уже до конца дней своихъ не переставалъ быть: убѣжденнымъ революціонеромъ, ничуть не пугающимся ни словъ о разрушеніи всего существующаго уклада жизни, ни самаго этого разрушенія. Революціоннѣе этой статьи лѣвое гегельянство въ Европѣ ничего уже никогда не произвело. Статья эта была написана въ 1842 году. Послѣ этого еще два года скитался онъ по Германіи и Швейцаріи, сталкиваясь съ радикальными литераторами въ родѣ Руге и Гервега, съ коммунистами, въ родѣ послѣдователей Вейтлинга, жадно ловя впечатлѣнія этой предразсвѣтной (для средней Европы) эпохи.

Съ 1844 года онъ поселяется въ Парижѣ. Русскіе шпіоны, которыхъ николаевское правительство содержало въ чрезвы-

чайно большихъ количествахъ и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Парижѣ уже съ первыхъ годовъ его пребыванія за границею обратили на Бакунина полное свое вниманіе, и россійскія посольства вели о немъ, повидимому, довольно прилежную переписку какъ съ мѣстными полицейскими властями, такъ и съ Петербургомъ. Но вынудить Гизо предпринять какіе-либо рѣшительные шаги противъ Бакунина русской дипломатіи удалось лишь въ концѣ 1847 года: за рѣчь на польскомъ банкетѣ 29 ноября 1847 года, въ которой содержалось прямое оскорбленіе Величества, Бакунинъ былъ высланъ изъ Франціи. Въ этой рѣчи содержались первые горячіе призывы Бакунина къ братству между двумя народами, угнетенными петербургскимъ самодержавіемъ. Изгнаніе Бакунина продолжалось всего три мѣсяца: разразилась февральская революція,—и онъ тотчасъ же вернулся въ Парижъ изъ Брюсселя, гдѣ проживалъ со времени высылки. Первые золотые дни французской республики, оказавшіеся такими скоротечными, Бакунинъ провелъ въ обществѣ Коссидьера и другихъ революціонеровъ и конспираторовъ временъ Луи-Филиппа, ставшихъ теперь правительственными лицами и вершителями судебъ Франціи,—правда, на очень недолгій срокъ. Но уже въ серединѣ апрѣля онъ выѣхалъ изъ Парижа въ Германію, полный самыхъ бурныхъ и пламенныхъ надеждъ. Германія его расхолодила. Своимъ революціоннымъ инстинктомъ онъ угадывалъ, къ чему поведетъ тотъ (впрочемъ, исторически совершенно неизбѣжный) привкусъ націонализма и шовинизма, который такъ явственно давалъ себя чувствовать во всемъ нѣмецкомъ движеніи. Такъ увлеченіе „освобожденіемъ“ шлезвигъ-гольштейнскихъ „братьевъ“ онъ считаетъ чисто-реакціоннымъ. Но все-таки онъ увлекался перспективами якобы еще ожидающей Германію бурной общей революціи и т. д. Спустя двадцать два года онъ въ этомъ смыслѣ въ Германіи совершенно разочаровался и склоненъ былъ считать сервилизмъ и угнетеніе чужихъ національностей чуть ли не главными двумя чертами германской исторіи.—Планы за планами роились въ этомъ „безумномъ“ году въ головѣ Бакунина, метавшагося по всей Европѣ. Побывавши въ разныхъ городахъ Германіи, онъ явился въ Бреславль съ какими-то (совершенно неосуществившимися) надеждами завести, пользуясь близостью русской границы, какія-то сношенія съ „поповичами“, которыхъ, по увѣренію Руге, онъ считалъ благопріятною почвою для революціоннаго посѣва. Что это за „поповичи“ рѣшительно неизвѣстно. Но революціонный инстинктъ Бакунина,

очевидно, указалъ ему все-таки на тотъ слой русскаго общества, который въ слѣдующемъ поколѣніи выдвинулъ изъ своей среды столько дѣятелей русской оппозиціи и русской революціи. Бакунинъ ошибся всего на нѣсколько лѣтъ: „поповичамъ“ суждено было при Александрѣ II причинить много затрудненій и непріятностей правительству, показателемъ чего могло бы (помимо прямыхъ фактическихъ данныхъ) послужить и необычайное обиліе ругани, направленной въ 60-хъ г.г. противъ семинаристовъ,—въ реакціонной публицистикѣ и беллетристикѣ. Но въ 1848 году Россія была еще, по словамъ Щедрина, пакетомъ, сданнымъ на почту для врученія адрессату, котораго напередъ предположено было не разыскивать. Все было тамъ еще глухо и нѣмо, сковано николаевскимъ морозомъ. И Бакунинъ мчится въ Прагу, на славянскій съѣздъ, гдѣ сильно радикализируетъ общую атмосферу этого весьма пестраго (по своему племенному и политическому составу)—собранія. Протестъ противъ всегерманскихъ и мадьярскихъ аггрессивныхъ тенденцій подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ Бакунина отдалился отъ славянофильскихъ мотивовъ и принялъ радикально-демократическую окраску. Но съѣздъ не занимался дѣлами и двухъ недѣль, ибо 12-го іюня въ Прагѣ вспыхнулъ бунтъ. Дѣло началось съ попытки студентовъ устроить манифестацію противъ Виндишгреца. Первыя столкновенія привели къ баррикадамъ и къ бомбардировкѣ города. Бакунинъ принималъ участіе въ организаціи борьбы (уже послѣ того, какъ она началась), и послѣ подавленія возстанія бѣжалъ изъ Праги. Уже находясь въ Германіи, онъ издалъ воззваніе къ славянамъ, въ которомъ заклиналъ ихъ не поддаваться австрійской политикѣ—натравливанья однѣхъ націй на другія во имя сохраненія габсбургскаго деспотизма. Считаясь съ тѣми упованіями на Россію, которыя были такъ характерны для славянъ 1848-го года, Бакунинъ говоритъ: „Но различайте хорошо, братья славяне! Если вы ждете спасенія отъ Россіи, то предметомъ вашего упованія должна быть не порабощенная, холопская Россія съ своимъ притѣснителемъ и тираномъ, а возмущенная и возставшая для свободы Россія, сильный русскій народъ“.

Спасеніе и Россіи, и всего славянскаго міра онъ усматриваетъ въ русской революціи и съ обычнымъ своимъ бурнымъ оптимизмомъ пророчитъ ея близость, а Николаю I—гибель.—Реакція съ лѣта, а особенно съ осени 1848 года уже торжествовала въ главныхъ пунктахъ всеевропейскаго только-что пронесшагося революціоннаго движенія, но у Бакунина было

свойство—не замѣчать или, вѣрнѣе, не считаться съ начинающимися отливами и всегда сражаться при революціонныхъ отступленіяхъ до послѣдней минуты—въ арьергардѣ. Во время возстанія въ Дрезденѣ 3—9 мая 1849 года,—послѣдней вспышки замиравшей революціи,—Бакунинъ принималъ руководящее участіе въ управленіи военными силами инсургентовъ и въ организаціи отчаяннаго сопротивленія предъ лицомъ подавляющихъ силъ аттакующей прусской арміи. Послѣ гибели возстанія Бакунинъ, едва успѣвшій выѣхать изъ Дрездена, былъ арестованъ (10-го мая 1849 г.) въ Хемницѣ и засаженъ въ тюрьму.

Разумѣется при добрососѣдскихъ и родственныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между „восточными державами", могло быть яснымъ съ самаго начала, что рано или поздно послѣ всѣхъ мытарствъ по нѣмецкимъ тюрьмамъ Бакунинъ будетъ возвращенъ, въ концѣ концовъ, Николаю Павловичу, котораго онъ, конечно, интересовалъ больше, нежели саксонское, или прусское, или австрійское правительство. Такъ и случилось. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмахъ (сначала саксонской, потомъ пражской и ольмюцкой), послѣ долгихъ издѣвательствъ (въ родѣ приковыванья цѣпью къ стѣнѣ въ Ольмюцѣ), послѣ двукратнаго присужденія къ смертной казни,—сначала въ Саксоніи, а потомъ, послѣ передачи въ Австрію,—въ Ольмюцѣ, Бакунинъ былъ выданъ Россіи и засаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а оттуда спустя три года—въ Шлиссельбургъ. Членъ Интернаціонала, нѣжно любившій Бакунина и передающій о немъ много любопытнаго, Жемсъ Гильомъ говоритъ о шлиссельбургской жизни Бакунина слѣдующее (со словъ самого Бакунина) [1]: „Жестокій крѣпостной режимъ совершенно испортилъ его желудокъ; въ концѣ концовъ онъ получилъ отвращеніе ко всякой пищѣ и питался исключительно только щами изъ кислой капусты. Если тѣло его и ослабѣло, то духъ оставался непоколебимымъ. Онъ больше всего боялся ослабленія умственныхъ способностей подъ вліяніемъ разслабляющаго дѣйствія тюрьмы, извѣстнымъ примѣромъ чего можетъ служить Сильвіо Пеллико; опасался потерять чувство ненависти и страсть бунтовать, которая его поддерживала, и дойти до состоянія всепрощенія своимъ палачамъ, покориться своей судьбѣ. Но страхъ этотъ оказался преувеличеннымъ; его энергія не оставляла его ни на одинъ день, и онъ вышелъ изъ тюрьмы такимъ же человѣкомъ, какимъ

[1]) См. «Былое», Августъ 1906 г., стр. 237.

вошелъ въ нее. Чтобы развлечься отъ скуки долгаго одиночества, онъ любилъ, по его словамъ, воспроизводить въ своемъ умѣ легенду о Прометеѣ, титанѣ-благодѣтелѣ людей, прикованномъ къ скалѣ Кавказа по приказу царя Олимпа. Онъ намѣревался написать драму съ этимъ сюжетомъ, и намъ помнится составленная имъ мелодія, нѣжная и жалостливая, которую поетъ хоръ нимфъ океана, несущихъ успокоеніе жертвѣ злобы Юпитера". Бакунинъ ненавидѣлъ и Николая I, и Александра II (и послѣдняго считалъ хуже отца);—оба государя, съ своей стороны, считали Бакунина человѣкомъ опаснымъ и нераскаяннымъ,—такъ что только съ очень большими трудностями, послѣ долгихъ, малоуспѣшныхъ хлопотъ матери Бакунина, Михаилъ Александровичъ въ 1857 году былъ изъ Шлиссельбурга высланъ въ Сибирь. Изъ крѣпости онъ вышелъ, потерявши зубы, перенесши цынгу, претерпѣвши тяжелое и нездоровое заключеніе, но такимъ же бодрымъ и алчущимъ новыхъ увлеченій и новыхъ трудовъ, какимъ былъ всегда. Напрасно онъ боялся стать вторымъ Сильвіо Пеллико; Николай I, какъ о томъ сохранились извѣстія, ощутилъ полное удовольствіе, прочтя „Мои тюрьмы", когда эта книга появилась: ему именно понравилось смиреніе предъ судьбою, всепрощеніе и пр., сказывающіяся въ произведеніи итальянскаго страдальца. Бакунинъ этого удовольствія никому не доставилъ. Шлиссельбургъ не сдѣлалъ съ нимъ того, что Шпильбергъ съ Пеллико: онъ вышелъ ни на іоту не измѣнившись въ убѣжденіяхъ и въ „боевой готовности". До лѣта 1861 года онъ пробылъ въ Сибири,—сначала западной, потомъ восточной. Въ Сибири онъ и женился на полькѣ Антонинѣ Квятковской. Здѣсь онъ, между прочимъ, попалъ подъ покровительство приходившагося ему родственникомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго,—и, съ своей стороны, искренно увлекшись размашистою и нѣсколько фантазерскою натурою Муравьева, оказалъ ему „протекцію", защищая его въ герценовскомъ „Колоколѣ" отъ нападокъ, которымъ тотъ подвергался. Въ іюлѣ 1861 года, пользуясь весьма значительною свободою передвиженія, онъ проплылъ (подъ „легальнымъ" предлогомъ) по Амуру до Николаевска, а оттуда безъ особыхъ приключеній на американскомъ суднѣ уѣхалъ въ Японію, изъ Японіи же въ Америку. Герценъ выслалъ ему въ Нью-Іоркъ денегъ на проѣздъ въ Лондонъ,—и Бакунинъ въ концѣ 1861 года былъ уже въ кругу своихъ друзей. Онъ еще до пріѣзда оповѣстилъ ихъ о своихъ ближайшихъ намѣреніяхъ.—„Друзья!"

писалъ онъ еще изъ Санъ-Франциско, съ пути: „всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло, буду у васъ служить по польско-славянскому вопросу, который былъ моей idée съ 1846 года и моею практическою спеціальностью въ 48 и 49 г.г. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской Имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ". Началась самая кипучая его дѣятельность по части славянскихъ сношеній, переговоровъ о новыхъ организаціяхъ въ славянскихъ земляхъ и т. д. Но славянскій вопросъ, который въ эти годы былъ дальше, нежели когда-либо отъ чего бы то ни было, напоминающаго вступленіе въ революціонный фазисъ, Бакунина надолго занять теперь уже не могъ. Зато русская дѣйствительность, переживавшая тогда знаменательный кризисъ, привлекла все его вниманіе. Въ брошюрѣ: „Народное дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель" онъ указываетъ на необходимость немедленнаго созыва „земскаго всенароднаго собора" для „разрѣшенія земскаго народнаго дѣла", т.-е. для широчайшаго политическаго освобожденія русскаго народа и проведенія соціальныхъ реформъ. Ему хочется вѣрить, что мирный исходъ еще возможенъ. „Скажемъ правду: мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ,—если бы Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла бы сдѣлаться непобѣдимою силою, еслибъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ одинъ могъ бы совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови.

Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки онѣ—зло, великое зло и большое несчастье, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской. Итакъ, наше отношеніе къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ пойдетъ противъ него, мы будемъ его

врагами". Впрочемъ, Бакунинъ безтрепетно смотритъ на возможность кровопролитія для осуществленія его программы: „Ни для него (царя) и ни для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ одного пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь".

Бакунинъ страшно преувеличивалъ революціонизмъ тогдашняго настроенія въ русскомъ народѣ и предрекалъ (въ 1862 г.) большую бѣду, если царь не созоветъ въ 1863 году земскаго собора. И. С. Тургеневъ, котораго Бакунинъ давно уже раздражалъ своими увлеченіями, — даже царь предложилъ ему чрезъ Герцена, что царь въ 1863 году ничего не созоветъ и что 1863-ій годъ пройдетъ „преувеличенно-тихо".

1863-ій годъ, однако, „преувеличенно-тихо" не прошелъ, хотя никакой революціи въ коренной Россіи не случилось: онъ принесъ польское возстаніе. Бакунинъ всегда склоненъ былъ гораздо болѣе горячо сочувствовать полякамъ, чѣмъ всѣмъ прочимъ не-русскимъ славянамъ. Отчаянныя революціонныя усилія Польши его привлекали и плѣняли. Онъ весьма существенно способствовалъ тому, что „Колоколъ" отказался отъ той сдержанной ноты, которая въ немъ сначала была слышна относительно польскаго дѣла, — и перешелъ рѣшительно на точку зрѣнія, практически весьма близкую къ точкѣ зрѣнія повстанцевъ. У Бакунина были широкія (и вполнѣ фантастическія) надежды, что польское возстаніе дастъ непосредственный толчекъ самостоятельнымъ возстаніямъ въ западно-русскихъ областяхъ, а также въ Украйнѣ, на Дону, на Волгѣ. Склоненъ былъ онъ также не замѣчать дѣйствительно существующихъ націоналистическихъ тенденцій (въ родѣ претензій на возстановленіе „исторической Польши" и т. п.) и мечтать о томъ, чего вовсе не существовало,—о демократическомъ единеніи всѣхъ элементовъ возстанія, о „крестьянской землѣ", какъ объ одной якобы изъ цѣлей возстанія и т. д. Жажда непосредственной дѣятельности овладѣла имъ. Ему не удалось пробраться въ Польшу для вступленія въ ряды инсургентовъ; препятствія не дали ему поѣхать дальше Швеціи, гдѣ онъ повелъ горячую агитацію въ пользу поляковъ, считая существеннымъ сочувствіе этой страны и питая несбыточную надежду на шведское вмѣшательство.

Но его единеніе съ поляками не могло бы быть продолжительнымъ, даже если бы возстаніе восторжествовало: слишкомъ разительны были коренныя различія между убѣжденіями Бакунина, съ одной стороны, и всѣхъ безъ исключенія активно

выступавшихъ тогда фракцій польскаго общества—съ другой стороны. Революціонное движеніе само по себѣ, независимо отъ внутренняго содержанія выдвигавшейся программы, могло приковывать его всецѣло къ польскимъ дѣламъ только пока оно еще длилось. Послѣ 1863 года жизнь Бакунина окончательно уходитъ на дѣло подготовленія того всеевропейскаго „соціальнаго переворота", въ неизбѣжность и, главное, близость котораго онъ вѣрилъ самымъ безусловнымъ образомъ. Еще въ 40-хъ гг. и, въ частности, въ 1848 году онъ выдвигалъ соціальныя задачи грядущей революціи на первый планъ. Идея соціалистическаго переворота теперь, въ 60-хъ гг., овладѣваетъ имъ окончательно. Съ 1863 года онъ живетъ то въ Лондонѣ, то разъѣзжаетъ по Италіи, по Швейцаріи, всюду—матеріально—либо прямо бѣдствуетъ, либо, во всякомъ случаѣ, нуждается въ деньгахъ, и всюду дѣятельно хлопочетъ надъ созданіемъ тайнаго общества (по его словамъ, 1864—66 гг. всецѣло ушли у него на это дѣло). Это тайное общество революціонныхъ соціалистовъ, по мысли Бакунина, должно было заняться дальнѣйшей агитаціей и пропагандой для численнаго увеличенія своихъ кадровъ и подготовки къ рѣшительному выступленію, когда придетъ срокъ. Называлось это общество „Союзомъ революціонныхъ соціалистовъ". И во Флоренціи, и въ Неаполѣ, гдѣ Бакунинъ въ эти годы подолгу живалъ, ему приходилось вести ярую полемику противъ старыхъ республиканцевъ-мацциниствъ. Нужно замѣтить, что послѣ первыхъ рѣшающихъ шаговъ, сдѣланныхъ итальянскимъ объединеніемъ, мацциниты, естественно, утратили былой революціонизмъ настроенія и, къ тому же, въ полномъ согласіи, впрочемъ, со своею всегдашнею программою, повели во имя деизма борьбу противъ позитивистскихъ увлеченій итальянской молодежи 60-хъ гг. Бакунинъ во всемъ этомъ усмотрѣлъ реакцію и чуть не клерикальныя наклонности. Онъ увлекся острымъ тогда во всей романской Европѣ чувствомъ ненависти къ Пію IX и къ папству, какъ принципу и политическому факту,—и сталъ самымъ пылкимъ и рѣшительнымъ борцомъ противъ всего, что такъ или иначе казалось ему отступленіемъ человѣческаго разума предъ мистическими тенденціями. Такимъ-то образомъ и оказалось, что такіе вѣковѣчные смертельные враги, какъ Маццини и папство пріобрѣли одновременно одного и того же общаго противника...

Безпокойное вниманіе широкихъ слоевъ европейской буржуазіи въ первый разъ Бакунинъ привлекъ въ 1867 году,

когда онъ воспользовался конгрессомъ „Лиги мира и свободы", собраннымъ въ Женевѣ, чтобы выступить тамъ съ чисто-соціалистическою декларацією. Онъ поставилъ торжество антимилитаризма и идеи всеобщаго мира въ прямую связь съ грядущимъ соціальнымъ переворотомъ, который измѣнитъ всѣ людскія отношенія. Въ безобидный праздникъ буржуазно-демократическихъ разглагольствій на филантропическія темы Бакунинъ внесъ тревожную и какъ бы угрожающую ноту. Окончательно „Лига" разобрала, въ чемъ дѣло, лишь годъ спустя, на второмъ конгрессѣ, когда Бакунинъ вздумалъ заставить „Лигу" формально примкнуть къ соціалистическимъ принципамъ. Конечно, Бакунинъ и его товарищи потерпѣли неудачу и основали тогда же „Интернаціональный союзъ соціалистической демократіи", съ цѣлью борьбы за полное соціально-экономическое и политическое освобожденіе и уравненіе людей, за переходъ земли и всѣхъ безъ исключенія орудій производства въ коллективную собственность всего общества, за превращеніе человѣчества въ союзъ трудящихся ассоціацій, гдѣ государственная власть была бы совершенно ненужна въ томъ смыслѣ, какъ ее теперь понимаютъ. Съ этого времени анархистская нота звучитъ у Бакунина все сильнѣе и сильнѣе. Къ проповѣди анархіи, какъ идеала общественнаго устройства въ будущемъ, у Бакунина присоединялась готовность признавать неизбѣжною и ту бурную, разрушительную анархическую эру, которая можетъ, по его соображеніямъ, смѣнить буржуазный порядокъ вещей и расчистить мѣсто для новаго, идеальнаго, безгосударственнаго уклада. Вотъ это обстоятельство и сдѣлало Бакунина самымъ ненавистнымъ и „страшнымъ" изъ всѣхъ теоретиковъ анархіи,—въ глазахъ Лавелэ и другихъ буржуазныхъ критиковъ. Союзъ, основанный Бакунинымъ, примкнулъ къ „Интернаціонали", руководящимъ дѣятелемъ которой былъ Марксъ. 1868—1869 гг. прошли для Бакунина въ самой оживленной дѣятельности, прежде всего въ агитаціи между швейцарскими рабочими, среди которыхъ ненавистный Бакунину мелко-буржуазный типъ упорно боролся съ типомъ революціонно-пролетарскимъ. Бакунинъ именно и видѣлъ задачи „Интернаціонали" въ организаціи и всяческой поддержкѣ рабочихъ второго типа. Въ эти же годы начались или, вѣрнѣе, возобновились непріязненныя отношенія между Бакунинымъ и Марксомъ. Между этими двумя дѣятелями съ давнихъ поръ отношенія не налаживались. То они ссорились, то мирились. Еще въ 40—50-хъ гг. Марксу случалось возводить на Баку-

нина (или, чаще, повторять за другими) разныя неосновательныя обвиненія, которыя потомъ брались назадъ, когда Бакунинъ или (во время заключенія и ссылки) его друзья приводили доказательства ложности предъявленныхъ обвиненій. Слишкомъ неодинаковыя были у нихъ натуры; а, кромѣ того, оба были иниціаторы, оба были лишены и тѣни способности подчиняться кому бы то ни было, оба, начиная дѣла, ни у кого никакихъ благословеній не спрашивали. Къ этому прибавились и теоретическія, и организаціонныя разногласія. Бакунинъ усматривалъ въ соціализмѣ Маркса авторитарность, Марксъ и его послѣдователи могли не любить въ соціализмѣ Бакунина преобладаніе анархистскихъ принциповъ.—Нужно, впрочемъ, отмѣтить на ряду съ этой враждой, что Бакунинъ питалъ огромное почтеніе къ гигантской умственной работѣ, совершенной Марксомъ на пользу всемірнаго пролетаріата,—и къ результатамъ этой работы; а Марксу тоже случилось оставить нѣсколько теплыхъ отзывовъ о Бакунинѣ. Такъ, онъ печатно называлъ его своимъ другомъ; печатно же съ большимъ уваженіемъ отозвался о его дѣятельности въ качествѣ одного изъ начальниковъ обороны возставшаго Дрездена отъ прусскихъ войскъ.

Теперь, въ 1868—9 гг., вражда вспыхнула изъ-за вопросовъ организаціонныхъ и тактическихъ. Марксъ потребовалъ, чтобы бакунинскій „Международный союзъ соціалистической демократіи“, если желаетъ быть въ связи съ „Интернаціональю“,—прекратилъ бы самостоятельное существованіе и сталъ, просто, секціею „Интернаціонали“. Лѣтомъ 1869 года это и случилось, какъ желалъ Марксъ; спустя полгода окончило свое существованіе и другое бакунинское общество—тайное—революціонныхъ соціалистовъ, о которомъ мы уже говорили, и которое было основано Бакунинымъ еще въ 1864 году. Но чѣмъ ярче оттѣнялось теченіе въ сторону анархистскихъ принциповъ, подъ прямымъ вліяніемъ Бакунина,—тѣмъ хуже должны были дѣлаться отношенія между Марксомъ и Михаиломъ Александровичемъ. Опять пошли третейскіе суды (въ 1869 г. между Либкнехтомъ, обвинявшимъ Бакунина, что онъ русскій провокаторъ,—и оклеветаннымъ), примиренія, новыя ссоры и недоразумѣнія и т. д.—Дѣло окончилось расколомъ сначала въ романской федераціи, причемъ Бакунинъ сталъ на сторону отколовшейся фракціи, рѣшительно отрицавшей какую бы то ни было тактику рабочаго пролетаріата, кромѣ той, которая способствуетъ подготовленію силъ для революціонной борьбы

и приближенію момента этой борьбы. Эта фракція считала вредной и реакціонной политическую дѣятельность рабочаго класса на почвѣ существующихъ въ буржуазномъ обществѣ законодательныхъ учрежденій. Послѣ этого, въ августѣ 1870 года, Бакунинъ быдъ исключенъ изъ числа членовъ женевской секціи „Интернаціонали".

Но въ этотъ моментъ все вниманіе Бакунина привлечено было завязавшейся франко-прусской войной и ея возможными послѣдствіями для пролетаріата Европы. Онъ всею душой желалъ пораженія Пруссіи, въ побѣдахъ которой усматривалъ залогъ прочной и жестокой всеевропейской реакціи на много лѣтъ. Въ близость русской революціи онъ въ это время уже меньше вѣрилъ, чѣмъ прежде. Быть можетъ, разрывъ съ Нечаевымъ, которымъ онъ вначалѣ страшно увлекся и отъ котораго такъ много ждалъ,—быть можетъ, этотъ разрывъ, вызванный горькимъ разочарованіемъ въ молодомъ революціонерѣ,—повліялъ на Бакунина въ данномъ случаѣ. Бакунинъ всячески поддерживалъ Нечаева, помогалъ, насколько могъ, затѣваемымъ въ Россіи Нечаевымъ предпріятіямъ,—и горько потомъ каялся, убѣдившись въ томъ, что Нечаевъ ему далеко не все говорилъ и не такъ говорилъ, какъ было согласно съ истиною. Нечаевское дѣло, безспорно, не принесло пользы Бакунину ни въ Россіи, ни въ Западной Европѣ, хотя въ дѣйствіяхъ, которыя Нечаеву ставились въ вину (радикальнымъ) общественнымъ мнѣніемъ, Бакунинъ никакого участія не принималъ. Замѣчательно, что именно со времени разрыва съ Нечаевымъ мы уже не встрѣчаемъ ни въ писаніяхъ Бакунина, ни въ воспоминаніяхъ о немъ слѣдовъ прежней его бодрости и увѣренности касательно близости революціонной бури въ Россіи.—Но съ тѣмъ бо́льшимъ волненіемъ слѣдилъ онъ за событіями войны, принимавшей такой ужасный для Франціи оборотъ. Для Бакунина уже осенью 1870 г. судьбы революціи неразрывно связались съ судьбами Франціи. Пруссію и прусскій духъ, и юнкерство, бранденбургскія традиціи и культъ казармы, монархизмъ не за страхъ, а за совѣсть—все это Бакунинъ ненавидѣлъ уже давно и вся эта „кнуто-германская"—какъ онъ тогда же выразился—сила ликовала и провозглашала свое полное торжество. Планъ Бакунина спасти Францію отличался, конечно, утопизмомъ и схематичностью, двумя чертами, свойственными, между прочимъ, вообще его мышленію. Ему казалось возможнымъ повторить 1792 г., всенародный отпоръ революціонныхъ силъ Франціи непріятельскому нашествію, но только объединяю-

щимъ и одушевляющимъ лозунгомъ долженъ на этотъ разъ послужить призывный кличъ пролетарской революціи и пр. и пр. 15-го сентября 1870 г. онъ пріѣхалъ въ Ліонъ, гдѣ затѣвалось революціонное возстаніе противъ правительства національной обороны,—возстаніе въ духѣ позже послѣдовавшей попытки 31 октября въ Парижѣ или 18 марта 1871 г. Сейчасъ же Бакунинъ помѣстился въ центрѣ дѣйствія и подписалъ прокламацію о созывѣ революціоннаго конвента. Вспышка произошла (26 сентября), инсургенты овладѣли зданіемъ думы, и переполохъ былъ надѣланъ во всей странѣ, но этотъ успѣхъ оказался эфемернымъ. Начались репрессіи, Бакунину удалось спастись и, побывши нѣкоторое время въ Марсели, ему пришлось уѣхать въ Швейцарію. Въ эту страшную зиму и весну онъ неустанно работалъ перомъ, написалъ яркій памфлетъ „L'empire knouto-germanique et la révolution slave", защищалъ потомъ парижскую коммуну отъ свирѣпой ругани и клеветъ буржуазной прессы, а также отъ нападеній ничего даже приблизительно въ коммунѣ не понявшаго старика Маццини.

Послѣ усмиренія коммуны преслѣдованія противъ „Интернаціонали" начались во всѣхъ странахъ, гдѣ только существовали ея секціи,—кромѣ Англіи и Швейцаріи. Несмотря на это Бакунинъ продолжалъ вести дѣятельную пропаганду. Въ концѣ 1871 г. образовалась „Юрская федерація", составленная лицами, недовольными централизаціей власти надъ „Интернаціональю" въ рукахъ Главнаго Совѣта. Бакунинъ фактически сталъ главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ новой федераціи, которая, заявляя себя принадлежащею къ „интернаціонали", не скрывала въ то же время намѣреній бороться противъ попытокъ центральной организаціи присвоить себѣ безусловную власть. Вражда между „Главнымъ Совѣтомъ" и Бакунинымъ возгорѣлась съ новою силою, и на гаагскомъ конгрессѣ делегатовъ „Интернаціонали", 7 сентября 1872 г., Бакунинъ былъ исключенъ изъ числа членовъ „Интернаціонали", причемъ между прочимъ противъ него выставлено было обвиненіе, пятнающее его репутацію.

Обвиненіе это (совершенно вздорное) было опровергнуто тотчасъ же Огаревымъ, Ралли, Зайцевымъ и другими выдающимися русскими эмигрантами въ торжественномъ и негодующемъ протестѣ, напечатанномъ за полными ихъ подписями. Но уже все равно ничто не могло спасти „Интернаціональ" отъ раскола. Спустя нѣсколько дней послѣ гаагскаго конгресса (въ томъ же сентябрѣ 1872 г.) „Юрская Федерація" со-

брала свой конгрессъ; къ ней примкнули всѣ итальянскія, испанскія и значительное число французскихъ и американскихъ секцій „Интернаціонали“. Этотъ юрскій конгрессъ объявилъ, что не признаетъ гаагскихъ рѣшеній и, значитъ, считаетъ Бакунина членомъ. Въ 1873 г. собрался въ Женевѣ общій конгрессъ, чтобы окончательно установить порядокъ въ „Интернаціонали“; конгрессъ этотъ высказался въ пользу автономіи, т.-е. организаціоннаго принципа, отстаивавшагося Бакунинымъ. Но, все равно, „Интернаціональ“ уже никогда не оправилась отъ послѣдствій раскола, ничего этотъ Женевскій конгрессъ, въ сущности, не упорядочилъ, и никакого примиренія фактически не произвелъ. „Интернаціональ“ въ эти годы вообще утрачиваетъ былое значеніе, которое переходитъ къ отдѣльнымъ національнымъ соціалъ-демократическимъ и соціалистическимъ организаціямъ.

Послѣдніе годы Бакунина прошли на дачѣ итальянскаго друга Бакунина Кафьеро въ итальянской Швейцаріи. Онъ долго и трудно болѣлъ. Невесело было и на душѣ у него, если судить по вырвавшимся у него за десять дней до смерти словамъ, что „народы всѣхъ странъ утеряли революціонный инстинктъ“.

1-го іюля 1876 г. Бакунина не стало.

Долгое время самое имя этого замѣчательнаго человѣка было подъ запретомъ. Интересъ къ нему оживляется теперь, когда настала русская революція, которую онъ такъ ждалъ и призывалъ. Кончая эту бѣглую замѣтку, напоминающую главные факты жизни Бакунина, намъ хотѣлось бы выразить надежду, что недалеко то время, когда Бакунинъ дождется полной, всесторонне освѣщающей біографіи, — исчерпывающей исторію порывовъ его мысли и его революціонныхъ метаній. Когда такая работа будетъ сдѣлана, заполнится немаловажный пробѣлъ въ исторіи общественныхъ движеній средины XIX вѣка.

Е. Тарле

Александръ Васильевичъ Долгушинъ.

Александръ Васильевичъ Долгушинъ родился въ 1848 г. въ г. Тобольскѣ. Отецъ его, Василій Ѳомичъ, былъ крестьянинъ, но съ малыхъ лѣтъ попалъ въ городъ, гдѣ получилъ воспитаніе въ четырехклассной тогда еще гимназіи, директоромъ которой былъ извѣстный авторъ „Конька-Горбунка“, Ершовъ. Рано женившись, по окончаніи курса гимназіи, на дѣвицѣ изъ купеческаго званія, онъ быстро пошелъ вверхъ по общественной лѣстницѣ и ко времени рожденія сына Александра занималъ мѣсто судьи.

А. В. былъ отданъ въ ту же гимназію, въ которой учился его отецъ. Это былъ очень живой, впечатлительный мальчикъ, способный и рѣзкій, одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не могутъ мириться съ формализмомъ и схоластикой, царившими и царящими еще донынѣ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже съ 3-го класса у него начались столкновенія съ учителями, вслѣдствіе чего онъ часто попадалъ въ карцеръ. Гимназическая наука все больше и больше отталкивала его. Среди товарищей А. В. пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Его знали всѣ. Онъ былъ обычно вожакомъ въ гимназіи и центромъ, куда стекались всѣ болѣе развитые гимназисты внѣ учебнаго заведенія.

Относясь съ недобрымъ чувствомъ къ режиму и наукамъ гимназіи, онъ много читалъ внѣ ея и уже въ 4-мъ классѣ зачитывался Писаревымъ, помѣщавшимъ тогда свои статьи въ „Современникѣ“ Въ старшихъ классахъ А. В. былъ уже извѣстенъ всей учащейся молодежи, какъ юноша съ очень радикальными взглядами, и стоялъ во главѣ образованныхъ имъ же кружковъ саморазвитія.

Александръ Васильевичъ
ДОЛГУШИНЪ.

Уже въ это время обнаружилась вся разносторонность его натуры. Очень способный къ различнымъ искусствамъ (впослѣдствіи, въ тюрьмѣ, онъ былъ выдающимся токаремъ), онъ быстро воспринималъ новыя идеи и съ увлеченіемъ отдавался изученію интересовавшихъ его вопросовъ. Рѣзкій и нетерпимый ко всему, что̀ носило характеръ деспотизма, онъ отличался благодушіемъ и мягкостью въ другихъ случаяхъ. Онъ былъ прекрасный танцоръ, увлекался лошадинымъ спортомъ, недурно игралъ на бильярдѣ, любилъ посидѣть въ компаніи за стаканомъ пива, вступалъ въ страстные споры съ товарищами по теоретическимъ вопросамъ, не былъ равнодушенъ и къ женской красотѣ, причемъ любимая женщина всегда становилась объектомъ его усиленной пропаганды...

Таковъ былъ обликъ А. В.-гимназиста.

Окончить гимназію ему не удалось: столкновенія съ преподавателями и полная неудовлетворенность схоластической наукой заставили его, вопреки желанію родителей, покинуть учебное заведеніе.

Въ 1868 г. онъ уѣхалъ изъ Тобольска и поступилъ вольнослушателемъ въ петербургскій Технологическій институтъ, на химическое отдѣленіе.

Недостатокъ провѣренныхъ свѣдѣній не позволяетъ мнѣ сколько-нибудь подробно обрисовать этотъ періодъ жизни А. В. Скажу лишь, что въ теченіе этого времени онъ игралъ видную роль въ различнаго рода протестахъ, постоянно выступая въ качествѣ оратора на студенческихъ сходкахъ, и пріобрѣлъ значительное вліяніе среди молодежи. Будучи уже на V-мъ курсѣ института, онъ принялъ дѣятельное участіе въ происшедшихъ тогда безпорядкахъ и долженъ былъ выйти изъ института.

Къ этому же времени относится его женитьба.

Взгляды А. В. на свою послѣдующую дѣятельность были и тогда уже вполнѣ опредѣленны. Онъ всей душой и навсегда отдался революціонной работѣ. Собираясь жениться, онъ предупреждалъ свою невѣсту, что въ будущемъ не можетъ обѣщать ей мирной семейной жизни. И дѣйствительно, всего черезъ 4 мѣсяца послѣ свадьбы оба были арестованы по нечаевскому дѣлу. А. В. былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Нечаева, какъ членъ одного изъ образованныхъ послѣднимъ кружковъ. Одновременно съ этимъ онъ привлекался къ дознанію въ качествѣ организатора кружка сибиряковъ, уставъ котораго былъ имъ составленъ и цѣлью котораго была пропаганда идеи отдѣленія Сибири.

Въ январѣ 1869 года А. В. былъ арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Беременная жена его, взятая одновременно, провела въ заключеніи два мѣсяца.

Пробывъ въ одиночномъ заключеніи въ крѣпости 1 годъ 8 мѣс., А. В. былъ выпущенъ, какъ оправданный по суду (!). Очутившись безъ всякихъ средствъ съ семьей на рукахъ, онъ поступилъ на службу въ казначейство (въ Петербургѣ), но пробылъ здѣсь недолго. Не поладивъ съ начальствомъ, онъ долженъ былъ уйти и поступилъ въ мастерскую желѣзной посуды Верещагина въ качествѣ управляющаго. Здѣсь А. В. всецѣло отдался дѣлу пропаганды среди рабочихъ. Имъ было организовано нѣсколько рабочихъ кружковъ, которые собирались обыкновенно по субботамъ въ квартирѣ управляющаго. Въ этихъ кружкахъ принимали участіе и студенты.

Небольшого роста, плотно сложенный брюнетъ съ рѣзко выраженными чертами лица, высокимъ лбомъ, проницательнымъ взглядомъ живыхъ карихъ глазъ, Долгушинъ принадлежалъ къ тому типу людей, которыхъ довольно видѣть разъ, чтобы никогда не забыть. Я зналъ одного только человѣка, который производилъ столь же сильное впечатлѣніе: это — Ипполитъ Мышкинъ.

По единогласнымъ отзывамъ знавшихъ А. В., онъ былъ человѣкъ необыкновенно общительный, всегда составлявшій душу того общества, гдѣ онъ бывалъ. Преданность идеѣ была самой отличительной чертой его...

Пытливый и настойчивый умъ его до конца жизни отличался неослабной энергіей. Получивъ впослѣдствіи въ тюрьмѣ, путемъ самостоятельнаго изученія, основательныя научныя познанія и усвоивъ нѣсколько языковъ, А. В. могъ считаться однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Огромный списокъ прочитанныхъ имъ сочиненій свидѣтельствуетъ объ этомъ. Составленный имъ (теперь, къ сожалѣнію утерянный) самоучитель по общественнымъ наукамъ, съ указаніемъ литературы, представлялъ весьма цѣнный трудъ, который могъ бы быть полезнымъ и въ наше время. Интересъ къ общественной жизни, вообще, былъ столь же характеренъ для А. В. Достаточно привести слѣдующій фактъ. Когда онъ былъ въ Петропавловской крѣпости, черезъ годъ заключенія ему разрѣшили въ первый разъ свиданіе съ женою, въ то время бывшей уже на свободѣ и имѣвшей ребенка. Первымъ вопросомъ его, обращеннымъ къ женѣ, было: „Ну, что во Франціи, живъ ли еще Наполеонъ?“ Смотритель, присутствовавшій при

свиданіи, не удержался отъ замѣчанія: „и какое вамъ дѣло до Наполеона?...“ И такъ было всегда, — свидѣтельствуетъ жена А. В.,—первые его вопросы всегда касались общественныхъ явленій, а не семейныхъ или личныхъ интересовъ.

Смѣлость и энергичная рѣшительность были характерными чертами натуры Долгушина. Для иллюстраціи приведу случай, разсказанный мнѣ недавно однимъ извѣстнымъ русскимъ писателемъ. Вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ, въ обществѣ Л. В. Дмоховскаго (котораго, кстати сказать, считалъ своимъ наиболѣе близкимъ другомъ) и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, А. В. ѣхалъ въ 1874 г. изъ Москвы въ Петербургъ въ вагонѣ II-го класса. Всѣ они бѣжали отъ ареста и имѣли чужіе паспорта. На одной изъ станцій въ вагонъ помѣстился также жандармскій офицеръ. Послѣдній, усѣвшись на свое мѣсто, закурилъ сигару. Дымъ сигары раздражалъ ребенка. А. В. подошелъ къ офицеру и попросилъ его прекратить куреніе, т. к. вагонъ былъ для некурящихъ. Офицеръ, не обративъ вниманія на просьбу, продолжалъ курить. Тогда А. В., не говоря ни слова, взялъ сигару изо рта жандарма и выбросилъ ее въ окно. По счастью, инцидентъ этотъ прошелъ безъ послѣдствій.

Жизнь на заводѣ продолжалась всего 10 мѣсяцевъ. Узкое поле дѣятельности среди фабричнаго люда не удовлетворяло Долгушина. Его привлекали массы крестьянства. Этотъ загадочный сфинксъ еще спалъ въ то время. Разбудить его самосознаніе и поднять на защиту своихъ поруганныхъ правъ — вотъ что стало цѣлью революціонеровъ, въ первыхъ рядахъ которыхъ находился А. В.

Въ послѣднее время пребыванія у Верещагина эта идея всецѣло охватила Долгушина и Дмоховскаго и служила постоянной темой для ихъ бесѣдъ. Къ этому же времени относится составленіе брошюръ: „Какъ жить по закону природы и правды“, „Къ русскому народу“, „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и различныя прокламаціи.

Центромъ дѣятельности была выбрана Москва, гдѣ для этой цѣли А. В. купилъ въ 25 верстахъ отъ города по Рязанскому тракту домъ, гдѣ должна была помѣщаться конспиративная квартира и типографія. Мѣсто было выбрано удачное. Густой лѣсъ, разстилавшійся кругомъ, скрывалъ домикъ отъ взоровъ любопытныхъ. Здѣсь весною 1873 года поселился А. В. съ семьей. Здѣсь же находили пріютъ отъ времени до времени три его товарища, Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ, и дру-

гія лица, съ которыми велись сношенія. Въ этомъ домѣ нѣкоторое время спустя и была устроена типографія.

Изъ оффиціальнаго сообщенія, помѣщеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за 1874 годъ, видно, что главными дѣйствующими лицами этого дѣла были А. В. Долгушинъ, Л. А. Дмоховскій, И. И. Папинъ и Плотниковъ.

16 сентября 1873 г. А. В. былъ арестованъ. 15-го іюля 1874 г. особое присутствіе Правительствующаго Сената объявило приговоръ суда, которымъ онъ присужденъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ „съ послѣдствіями, въ 25 статьѣ Улож. о Наказан. опредѣленными“.

И всю остальную жизнь, полную страданій, Александръ Васильевичъ провелъ въ тюрьмѣ, большею частью въ одиночномъ заключеніи.

По объявленіи приговора онъ отвезенъ былъ въ центральную тюрьму въ Ново-Бѣлгородъ (с. Печенѣги), гдѣ и пробылъ въ строгомъ одиночномъ заключеніи до 1881 года. Время, проведенное въ этой тюрьмѣ, было самымъ тяжелымъ въ жизни А. В. Обстановка была ужасная. Полъ камеры былъ ниже уровня земли, и только небольшое, расположенное подъ потолкомъ, окно пропускало тусклый свѣтъ. Переписка, иногда разрѣшавшаяся, подвергалась тщательной цензурѣ. Книги разрѣшались не всегда.

Малѣйшія осложненія въ Россіи вызывали рядъ репрессій въ этой тюрьмѣ. Сейчасъ же запрещалось куренье, отбирались письменныя принадлежности и книги. За малѣйшія нарушенія правилъ сажали въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Заключенные не разъ прибѣгали къ голодовкамъ, какъ къ средству протеста. Многіе болѣли. Плотниковъ сошелъ съ ума.

Какъ я уже сказалъ, А. В. много работалъ въ тюрьмѣ. Желѣзное здоровье этого человѣка и могучая сила воли не покинули его въ эти долгіе годы одиночнаго заключенія. Въ 1881 году мы встрѣчаемъ его въ Мценской пересыльной тюрьмѣ, по дорогѣ въ каторгу. Это все тотъ же живой, веселый человѣкъ, какимъ товарищи знали его въ юности.

Въ этой тюрьмѣ сошлись для совмѣстнаго дальнѣйшаго слѣдованія на Кару наиболѣе замѣчательные революціонные дѣятели эпохи. Здѣсь было около 50 человѣкъ, взятыхъ въ разное время по процессамъ—Долгушина, 193-хъ, перваго вооруженнаго сопротивленія, Чигиринскому и нѣкот. др. Здѣсь были: самъ Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ, Мышкинъ, Рога-

чевъ, Коваликъ, Войнаральскій, Свитычъ, Виташевскій, Чернявскій, Квятковскій, Веймаръ, Щедринъ и мн. другіе, славныя имена которыхъ общеизвѣстны.

Жизнь въ Миенской пересыльной тюрьмѣ послѣ долгихъ лѣтъ одиночнаго заключенія была для перечисленныхъ страдальцевъ праздникомъ. Всѣ они были вмѣстѣ. Работы въ общихъ мастерскихъ, артельное хозяйство, долгія прогулки, литературно-вокальные вечера, рефераты и лекціи по научнымъ вопросамъ, непрерывныя свиданія съ вольными людьми—все это въ значительной степени скрашивало ихъ существованіе. Устраивались даже танцовальные вечера... Я помню особенно одинъ оживленный праздникъ—перваго марта 1881 года.

Но вотъ наступила весна, и партія была отправлена въ Сибирь—сначала по желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходѣ по Волгѣ и Камѣ, затѣмъ на быстрыхъ тройкахъ черезъ Уралъ... И снова длинный водный путь по Иртышу и Оби до Томска, а дальше медленное передвиженіе на подводахъ по прославленнымъ сибирскимъ этапамъ, съ 10—20-верстными переходами и дневками. Семейнымъ полагалась отдѣльная подвода, въ томъ числѣ и А. В—чу съ женою и ребенкомъ.

Въ это время красноярскимъ прокуроромъ состоялъ отецъ А. В. Встрѣча старика съ сыномъ послѣ десятилѣтней разлуки произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

По обязанности службы онъ встрѣчалъ партію у воротъ тюрьмы. Еще издали была видна его небольшая фигурка. Огромная сѣдая борода развѣвалась отъ весенняго вѣтра... Слуга закона, суровый и консервативный, заключилъ въ свои объятія борца за свободу съ каторжнымъ тузомъ на спинѣ и кандалами преступника на ногахъ...

Партія пробыла въ Красноярскѣ около мѣсяца и отправилась дальше, Александръ же Васильевичъ остался здѣсь еще на нѣкоторое время. И вскорѣ въ Красноярской тюрьмѣ случились событія, имѣвшія въ его жизни большое значеніе. Въ числѣ политическихъ каторжанъ находился Малавскій, осужденный на 20 лѣтъ. Онъ рѣшилъ бѣжать, и А. В. устроилъ товарищу побѣгъ.

Большое участіе принимала въ этомъ дѣлѣ сестра А. В., только-что окончившая курсъ гимназіи. Побѣгъ удался, и Малавскій скрылся въ конспиративной квартирѣ, но сестра А. В. была арестована. Тогда, желая спасти сестру и положеніе отца, Долгушинъ самъ заявилъ жандармамъ, что иниціатива и исполненіе побѣга принадлежатъ исключительно ему.

Почти одновременно случилось еще одно прискорбное происшествіе. Смотритель Красноярской тюрьмы былъ человѣкъ жестокій. Онъ грубо обращался съ заключенными, давалъ свиданія черезъ рѣшетки и проч. Являясь исполнителемъ приговора партіи каторжанъ, А. В. далъ ему публично пощечину. Его заковали въ ручныя кандалы (въ ножныя онъ, какъ каторжникъ, былъ закованъ и раньше) и бросили въ карцеръ. „Я опасался только одного, говорилъ потомъ А. В., какъ бы не стали бить. Скованный по рукамъ и ногамъ, я могъ только ударить кого-нибудь ручными кандалами".

По совокупности перечисленныхъ преступленій, Долгушину было прибавлено 10 лѣтъ каторги. Въ январѣ мѣсяцѣ, при 35° мороза, съ женою и мѣсячнымъ ребенкомъ, оставивъ старшаго сына на попеченіе дѣда, онъ отправленъ былъ на Кару.

1882 и 1883-ій—два года пребыванія А. В. въ Карійской тюрьмѣ. За участіе въ устройствѣ извѣстнаго побѣга Мышкина и еще нѣсколькихъ товарищей, за голодный бунтъ и другія провинности онъ былъ отосланъ съ Кары въ Шлиссельбургъ.

По дорогѣ туда, на Уралѣ, А. В. заболѣлъ сильной формой натуральной оспы. Болѣзнь была ужасна. Съ распухшихъ ногъ не были сняты кандалы, и желѣзные обручи исчезли въ опухоли... Четыре солдата съ обнаженными шашками стерегли день и ночь безсознательное и безформенное тѣло... Хорошо еще, что женѣ А. В., провожавшей его съ Кары, разрѣшили въ эти ужасные дни быть при немъ сидѣлкой.

Совершенно изуродованный оспой, Долгушинъ былъ, однако, вылѣченъ и при первой возможности отправленъ дальше. Въ Нижнемъ-Новгородѣ его разлучили съ женою. Потомъ отъ него получено было одно письмо изъ Петропавловской крѣпости, полное шутокъ надъ своею наружностью, а черезъ годъ за-границей уже было извѣстно, что онъ погибъ въ Шлиссельбургѣ.

На оффиціальный запросъ жены и отца департаментъ полиціи отвѣтилъ, что онъ умеръ отъ чахотки.

Такъ окончилъ свою жизнь, полную страданій, этотъ выдающійся борецъ за свободу, одинъ изъ тѣхъ людей, которыми всегда будетъ гордиться Россія.

Егоръ Ивановичъ Минаковъ.

Егоръ Ивановичъ Минаковъ былъ недолгимъ обитателемъ Шлиссельбургской крѣпости. Привезенный туда 1-го августа 1884 г., онъ былъ разстрѣлянъ въ Шлиссельбургѣ 6-го сентября того же года за протестъ противъ безсмысленно-жестокаго тюремнаго режима Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбургской крѣпости.

Егоръ Ивановичъ былъ сынъ инспектора Ришельевской гимназіи въ Одессѣ, родился 10 апрѣля 1854 г. Послѣ смерти отца, Е. И. былъ помѣщенъ въ 1871 г., будучи уже въ среднихъ классахъ, въ пансіонъ классической гимназіи въ Херсонѣ, гдѣ и кончилъ курсъ. Обладая недюжинными способностями, широко начитанный, онъ отлично учился въ гимназіи, хотя это была самая мрачная эпоха въ жизни средней русской школы, эпоха насажденія Катковско-Толстовскаго классицизма. Еще въ гимназіи Минаковъ зачитывался статьями Писарева и зналъ почти наизусть только-что появившіяся тогда „Историческія письма“ П. Л. Лаврова. Онъ имѣлъ доброе, развивающее вліяніе на многихъ своихъ однокашниковъ по пансіону и пользовался большой любовью товарищей.

Характеръ Е. И. сложился очень рано: это была натура боевая, человѣкъ дѣйствія. Онъ всегда стоялъ во главѣ всѣхъ гимназическихъ протестовъ, смѣло объясняясь съ директоромъ, передъ которымъ всѣ трепетали. Егоръ Ивановичъ обладалъ рѣдкимъ достоинствомъ—въ дѣлѣ протеста идти до конца.

Когда онъ былъ студентомъ-естественникомъ въ Новороссійскомъ университетѣ, собралась однажды (1878 г.) многочисленная сходка по поводу высылки студентовъ Кіевскаго ун-та. Явившійся на сходку проректоръ горячо убѣждалъ студентовъ

разойтись, такъ какъ на университетъ были двинуты казаки. Всѣ участники сходки разошлись, осталось всего нѣсколько человѣкъ протестантовъ, и среди нихъ былъ Егоръ Ивановичъ Минаковъ, не испугавшійся ни казацкихъ нагаекъ, ни казацкихъ пуль.

Невысокаго роста, широкоплечій, рыжеватый, съ густо покрытымъ веснушками, но симпатичнымъ лицомъ, на которомъ свѣтились добрые, живые глаза, Минаковъ умѣлъ быть душою общества на собраніяхъ и пирушкахъ, любилъ спорить, любилъ пѣть, обладая прекраснымъ баритономъ. Онъ писалъ и стихи. Его стихотвореніе „На смерть Лизогуба“ пользовалось въ свое время широкой популярностью въ одесскихъ студенческихъ кружкахъ и было положено на музыку. Дѣйственная натура Минакова не позволяла ему углубиться въ изученіе естественныхъ наукъ, къ которымъ онъ обнаруживалъ всегда большую склонность, и скоро увлекла его въ ряды борцовъ за освобожденіе, за соціалистическіе идеалы.

Отправившись въ Петербургъ для поступленія въ Медико-Хирургическую Академію, Е. И. сблизился съ кружкомъ пропагандистовъ-студентовъ. Но теоретическіе споры на студенческихъ собраніяхъ мало удовлетворяли его, и, уволенный изъ М.-Х. Академіи по подозрѣнію въ неблагонадежности, онъ вернулся работать на родной югъ, въ Одессу. Числясь студентомъ университета, Минаковъ отдался всецѣло пропагандѣ соціалистическихъ ученій среди рабочихъ и поступилъ простымъ рабочимъ на фабрику Бланшара въ Одессѣ. Въ зиму 1878—1879 г. Е. И. сталкивается съ нѣкимъ Николаемъ Гоштофтомъ, сознательно, предательски погубившимъ Минакова. Въ ночь съ 8-го на 9 февраля 1879 г. по запискѣ, посланной Гоштофтомъ въ полицейскій участокъ [1]), Е. И. Минаковъ былъ арестованъ, и затѣмъ на него и на А. Говорюхина было взведено обвиненіе въ покушеніи лишить Гоштофта жизни, какъ агента тайной полиціи.

Въ концѣ февраля того же года въ одесскихъ газетахъ сообщалось, что слѣдствіе уже закончено, и дѣло Минакова и Говорюхина будетъ разсматриваться судомъ присяжныхъ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что Минаковъ былъ бы оправданъ.

Но дѣло задержали. Въ апрѣлѣ 1879 г., послѣ покушенія Соловьева, въ Одессу былъ назначенъ генералъ-губернато-

[1]) Это обстоятельство было удостовѣрено на судѣ самой полиціей.

Егоръ Ивановичъ
МИНАКОВЪ.

ромъ Тотлебенъ, и дѣло Е. И. Минакова было передано военному суду.

Судъ состоялся 26 іюня 1879 г.

И теперь, 27 лѣтъ спустя, нельзя читать безъ чувства ужаса краткій отчетъ о дѣлѣ Е. И. Минакова, напечатанный въ одесскихъ газетахъ того времени,—какъ мало нужно для того, чтобы военный судъ отправилъ человѣка на каторгу!

Е. И. Минаковъ и А. Говорюхинъ съ самаго начала дѣла и до конца энергично отрицали свою виновность въ покушеніи на жизнь Гоштофта. На судѣ безспорно было выяснено лишь одно обстоятельство: Николай Гоштофтъ, дѣйствительно, находился въ сношеніяхъ съ полиціей. Противъ Минакова и Говорюхина никакихъ прямыхъ уликъ не было приведено на судѣ,—и, тѣмъ не менѣе, военный судъ приговорилъ Минакова къ каторгѣ на 12 лѣтъ, а Говорюхина—на 8 лѣтъ. Такимъ образомъ, для Егора Ивановича, въ 25 лѣтъ отъ роду, начались долгіе безпросвѣтные годы тюрьмы и каторги. Для дѣятельной натуры его тюремное заключеніе было тягостно вдвойнѣ, какъ это прекрасно выражено въ его любимой пѣснѣ, которую онъ пропѣлъ въ послѣдній разъ и въ Шлиссельбургѣ, въ знакъ протеста противъ гнетущаго тюремнаго режима:

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родимой странѣ,
Я вынести могу и муку
Жить въ вѣчно праздной тишинѣ,
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ илъ,
Имѣя умъ, расти травою,—
Нѣтъ, это свыше моихъ силъ!

Послѣ осужденія въ Одессѣ въ 1879 г. Минаковъ былъ отправленъ въ Сибирь на карійскую каторгу.

Въ маѣ 1882 г. собранные на Карѣ участники разныхъ политическихъ процессовъ сдѣлали попытку къ бѣгству. Егоръ Ивановичъ былъ въ послѣдней парѣ бѣжавшихъ. Неудача преслѣдовала его и въ этомъ случаѣ. Бѣгство было скоро открыто, и черезъ нѣсколько дней Е. И. былъ снова водворенъ въ тюрьму.

За этотъ побѣгъ Е. И. Минакова, вмѣстѣ съ Мышкинымъ, Малавскимъ, Юрковскимъ, Долгушинымъ и др., перевели въ 1883 г. съ Кары въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости. Весной 1884 г. Минаковъ былъ переведенъ въ Алексѣев-

скій равелинъ, а 1-го августа 1884 г. вмѣстѣ съ другими товарищами водворенъ въ Шлиссельбургъ.

Всѣ чувствовали (какъ это описываютъ намъ бывшіе шлиссельбуржцы), что этатюрьма—могила. Егоръ Ивановичъ чувствовалъ это едва ли не сильнѣе другихъ, и скоро онъ рѣшилъ запечатлѣть своей смертью чувство протеста, клокотавшее въ груди заживо погребенныхъ.

О послѣднихъ дняхъ Минакова въ Шлиссельбургѣ лучше всего узнаемъ изъ разсказовъ его товарищей по заточенію, В. С. Панкратова и М. Р. Попова.

Въ видѣ протеста онъ сталъ пѣть въ своей камерѣ, за что его истязали, били, надѣвали на него горячечную рубашку; но онъ не унимался. „Минаковъ продолжалъ пѣть, повѣствуетъ М. Р. Поповъ [1]), а Продъ (смотритель) продолжалъ его вязать. Я и Мышкинъ пришли къ заключенію, что, пока не сговоримся на общій протестъ, единичные протесты не будутъ имѣть такого значенія, изъ-за котораго стоило бы подвергать себя надѣванію горячечной рубашки. Я прокричалъ черезъ корридоръ Минакову: „Егоръ Ивановичъ! Мы думаемъ, что надо подождать съ протестомъ въ одиночку, пока не придутъ всѣ къ заключенію, что единственный выходъ изъ нашего положенія—или смерть, или добиться болѣе человѣчныхъ условій жизни". На это Минаковъ отвѣтилъ мнѣ такъ: „Другіе, какъ хотятъ, я же жить при такихъ условіяхъ не могу и либо добьюсь свиданія съ товарищами, книгъ, табаку, переписки съ родными, либо умру".

Съ этой цѣлью Минаковъ, прекративъ пѣніе, началъ голодовку. Тогда смотритель приказалъ доктору кормить Минакова искусственнымъ путемъ, но при первой попыткѣ доктора Минаковъ далъ ему пощечину, требуя казни „за оскорбленіе дѣйствіемъ", какъ это сулили вывѣшенныя на стѣнѣ инструкціи. Черезъ нѣсколько дней состоялся судъ, и Минакова, дѣйствительно, приговорили къ смерти.

„Въ день казни,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. С. Панкратовъ,—Продъ явился къ Минакову съ какой-то бумагой и громко сказалъ: подпиши—ничего не будетъ.—Не желаю!—раздался категорическій отвѣтъ, который слышали сосѣди М.—Ну, такъ пойдемъ! крикнулъ Продъ. Выйдя изъ камеры, Минаковъ прокричалъ: „Прощайте, товарищи! Меня

[1]) «Былое», февраль 1906. «Къ біографіи И. Н. Мышкина».

ведутъ казнить!" — Въ отвѣтъ не раздалось ни одного звука".

Черезъ нѣсколько минутъ заключенные услышали залпъ: Минаковъ былъ разстрѣлянъ на большомъ дворѣ. По свидѣтельству М. Р. Попова, Мышкина ужасно мучило то, что на послѣднее прости Минакова никто не отвѣтилъ. Онъ объяснялъ это неожиданностью, незнаніемъ, что М—ва приговорили къ смертной казни, неумѣніемъ сразу найтись, но все-таки не могъ на этомъ успокоиться и винилъ себя болѣе всѣхъ. „Простучавъ мнѣ это, Мышкинъ бросился къ двери, и я услышалъ: „Товарищи! Да будетъ всѣмъ намъ стыдно, что мы не отвѣтили на послѣднее прости Минакова. Себѣ я этого никогда не прощу. Какъ тяжело было всходить ему на эшафотъ безъ теплаго сочувственнаго отклика товарищей. Представьте только это себѣ, и ваша совѣсть такъ же упрекнетъ васъ, какъ моя совѣсть упрекаетъ меня".

Этими словами Мышкина характеризуется, какъ нельзя лучше, послѣднее звено въ цѣпи страданій и неудачъ, которыми была такъ богата короткая жизнь Егора Ивановича Минакова.

С. Щепотьевъ.

Михаилъ Федоровичъ Фроленко.

I.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся и энергичныхъ дѣятелей „Народной Воли“, вмѣстѣ съ немногими товарищами чуднымъ образомъ доживший до новой, побѣдной волны освободительнаго движенія...

Родился Фроленко въ Ставрополѣ Кавказскомъ въ 1848 г. Отецъ его былъ отставной фельдфебель, служившій смотрителемъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Мать, женщина необычайной доброты, имѣла на ребенка преимущественное вліяніе. Первымъ ученикомъ окончилъ онъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ; такъ же успѣшно и въ гимназіи. Пробывъ затѣмъ годъ въ Петербургѣ въ Технологическомъ институтѣ, перешелъ, подъ вліяніемъ носившихся въ воздухѣ народническихъ идей и процесса нечаевцевъ, въ московскую Петровскую академію, съ намѣреніемъ пріобрѣсти агрономическія познанія и ими помочь родному народу. Скоро, однако, разочаровался въ этихъ наивныхъ планахъ. Лѣтомъ 1873 года былъ принятъ въ кружокъ чайковцевъ, академію забросилъ и занялся обученіемъ одного рабочаго кружка грамотѣ. Эти мирныя занятія наткнулись вскорѣ на правительственныя гоненія; подоспѣло и новое настроеніе молодежи: всѣ заговорили кругомъ о необходимости идти въ народъ...

На имя Фроленка была устроена столярная мастерская, и, немного обучившись въ ней, компанія двинулась на Уралъ. Тамъ Михаилу Федоровичу не удалось, однако, устроиться на заводахъ. Работалъ нѣкоторое время въ рославльскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, затѣмъ въ Смоленскѣ — у экипаж-

Михайлъ Ѳедоровичъ

ФРОЛІЕНКО.

наго мастера. Лѣтомъ 1875 г. въ Николаевѣ велъ пропаганду среди штундистовъ, занимаясь для вида разными торговыми дѣлами, но скоро выяснилось, что штундисты больше интересуются религіей, чѣмъ политикой... Весной 1876 г. вмѣстѣ съ Дебагоріо-Мокріевичемъ принималъ участіе въ организаціи извѣстной „рады“, на которой крестьяне рѣшили начать возстаніе. Фроленко былъ отправленъ въ Петербургъ закупать оружіе; но когда онъ исполнилъ это порученіе, организація была уже разгромлена... Послѣ этого началась жизнь по городамъ.

Весной 77 г. Фроленко отважно и ловко увозитъ Виктора Костюрина изъ одесскихъ жандармскихъ казармъ; въ 78 г. поступаетъ въ кіевскую тюрьму надзирателемъ и не менѣе искусно освобождаетъ Стефановича, Дейча и Бохановскаго. Очутившись затѣмъ въ Петербургѣ, онъ становится членомъ землевольческаго кружка (Ольга Натансонъ, Ал. Михайловъ).

Между тѣмъ, правительственный терроръ все большее число лицъ въ партіи наталкивалъ на мысль о необходимости отвѣчать терроромъ же. Изъ членовъ „Земли и Воли“ организовалась новая боевая группа, еще не разрывавшая, впрочемъ, связи съ партіей. Этою группой Фроленко и былъ командированъ на югъ—звать энергичныхъ людей на Липецкій съѣздъ. Имъ приглашены были: Желябовъ, Баранниковъ, Колодкевичъ, Марія Оловянникова. Во время этихъ сборовъ на съѣздъ,— такъ сказать, мимоходомъ, — Фроленко принималъ участіе въ подкопѣ подъ Херсонское казначейство... На Липецкомъ съѣздѣ былъ выбранъ въ члены распорядительной коммиссіи. Въ концѣ 79 г. поступилъ сторожемъ на желѣзную дорогу, въ 10—12 верстахъ отъ Одессы, но когда стало извѣстно, что Александръ II проѣхалъ другимъ путемъ, мѣсто сторожа было брошено. Весь слѣдующій годъ посвященъ былъ разъѣздамъ по дѣламъ партіи. Передъ 1 марта 1881 г. принималъ участіе въ устройствѣ подкопа на М. Садовой. Наконецъ, 17 марта былъ арестованъ въ квартирѣ Кибальчича, гдѣ дежурила полицейская засада.

Такимъ образомъ, эта богатая приключеніями жизнь русскаго террориста началась съ оптимистической вѣры въ пользу распространенія въ народѣ агрономическихъ знаній и легальныхъ книгъ. Затѣмъ она смѣняется столь же горячею вѣрой въ немедленную организацію народнаго возстанія. Съ 1874 по 1877 г. мѣняются только пути и средства этой организаціи, самая же идея не покидается. Еще зимой 77 г. на югѣ энер-

гично создавались и обсуждались планы новыхъпоселеній и новыхъ пріемовъ работы въ деревнѣ. Но уже лѣтомъ того же года наступило полное разочарованіе, и Фроленко не увлекся даже такимъ крупнымъ дѣломъ, какъ чигиринское. Послѣ провала этого дѣла о необходимости работы въ деревнѣ стали говорить только въ теоретическомъ смыслѣ, практически же революціонная мысль всецѣло отдалась городу. Казни мало виновныхъ людей, ссылки почти невинныхъ, воцарившійся кругомъ кошмаръ репрессій—все это требовало новыхъ, неизвѣданныхъ еще способовъ борьбы... Состоялся Липецкій съѣздъ, и на немъ зародилась партія „Народной Воли".

Въ февралѣ 1882 года Фроленко судился вмѣстѣ съ 19 другими товарищами-террористами и приговоренъ былъ къ смертной казни, замѣненной затѣмъ вѣчной каторгой. Каторгой оказалось, однако, одиночное заключеніе — сначала въ страшномъ Алексѣевскомъ равелинѣ (см. простой, но потрясающій разсказъ самого Фроленка во 2 № „Былого"), затѣмъ, въ теченіе 21 слишкомъ года — въ Шлиссельбургской крѣпости...

Л. М.

II.

Михаилъ Федоровичъ Фроленко вышелъ изъ бѣдной семьи, видѣвшей много нужды и горя. Когда въ Шлиссельбургѣ онъ писалъ свою семейную хронику, то далъ ей названіе: „Семейство Горевыхъ", намекая этимъ на горькую жизнь своихъ родныхъ. Его отецъ былъ отставнымъ фельдфебелемъ и служилъ смотрителемъ каменноугольныхъ копей въ Кубанской области въ 10 верстахъ отъ небольшого укрѣпленія Хумара, а мать, рано оставшись вдовой, билась вмѣстѣ съ дочерью всю жизнь изъ-за куска хлѣба и умерла въ богадѣльнѣ, къ великому огорченію сына, безсильнаго помочь ей въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости. Тщетно просилъ онъ департаментъ полиціи разрѣшить ему посылать матери тотъ небольшой заработокъ, который могъ бы сколотить физическимъ трудомъ въ тюрьмѣ. Въ этомъ ему было отказано, но самъ департаментъ рѣшилъ послать ей изъ казенныхъ суммъ 50 рублей; однако, вскорѣ извѣстилъ, что Тифлисская полиція возвратила деньги обратно, такъ какъ измученная старуха уже умерла. Эта гордая, любившая независимость женщина, всегда жившая своимъ трудомъ, никогда никому не обязывавшаяся и ненави-

дѣвшая современныя формы филантропіи, умерла, униженная, какъ разъ въ одномъ изъ ненавистныхъ ей учрежденій, заставивъ преданнаго ей сына страдать невыразимо.

На грошевыя деньги, которыя мать съ трудомъ собирала поденщиной и швейной работой, Михаилъ Федоровичъ учился сначала въ жандармскихъ казармахъ у писаря (въ Ставрополѣ Кавказскомъ, гдѣ онъ и родился), а потомъ у отставного чиновника, забулдыги и пьяницы, обремененнаго громадной семьей и съ трудомъ прокармливавшаго себя и дѣтей рублевыми взносами, которые его ученики дѣлали ежемѣсячно. Инспекторъ училищъ, при посѣщеніи этой частной школы, обратилъ вниманіе на мальчика и принялъ его въ уѣздное училище, гдѣ тотъ и пробылъ 5 лѣтъ. Учился Михаилъ Федоровичъ хорошо. Въ послѣдній годъ на экзаменѣ по географіи онъ возбудилъ интересъ въ самомъ губернаторѣ, присутствовавшемъ при этомъ. Изъ всѣхъ учениковъ онъ одинъ хорошо рисовалъ географическія карты. Къ ужасу учителя, его превосходительство задалъ нарисовать Волгу, чего ученики по курсу не проходили. Но Михаилъ Федоровичъ вышелъ съ честью изъ этого искуса. Губернаторъ ласково разспросилъ его и, узнавъ, что по бѣдности онъ не можетъ поступить въ гимназію, сказалъ: „Приходи ко мнѣ, я устрою это“... Осенью, съ дѣтской довѣрчивостью, мальчикъ отправился во дворецъ губернатора, который, какъ и слѣдовало ожидать, и не подумалъ вспомнить о немъ: его просто не приняли тамъ. Однако, съ помощью добрыхъ людей Михаилъ Федоровичъ все же поступилъ въ Ставропольскую гимназію и въ свое время кончилъ ее. Вмѣстѣ съ однокурсниками, такими же бѣдняками, онъ добрался до Петербурга съ тѣмъ, чтобы поступить въ Константиновское военное училище. Но это не удалось, и послѣ многихъ мытарствъ по разнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ Технологическій Институтъ. Это было въ 71 году, въ годъ процесса нечаевцевъ (Успенскій, Ткачевъ, Кузнецовъ, Прыжевъ и др.). Михаилъ Федоровичъ живо помнитъ интересъ, съ которымъ учащаяся молодежь относилась къ этому громкому дѣлу. Вмѣстѣ съ другими студентами онъ старался проникнуть на засѣданія суда, но это не удалось. Опредѣленнаго плана насчетъ будущаго у него тогда еще не было, и на слѣдующій годъ онъ переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Петровско-Разумовскую Земледѣльческую Академію, гдѣ еще была свѣжа память объ убійствѣ Иванова: молодежь этого заведенія первымъ долгомъ отыски-

вала мѣсто трагическаго происшествія, тотъ гротъ, гдѣ совершено было это печальное дѣло...

Въ Петровско-Разумовскомъ Фроленко жилъ уроками и получалъ маленькую стипендію, воспоминаніе о которой, какъ о безполезной тратѣ общественныхъ денегъ, тяготило его чуткую душу даже въ стѣнахъ Шлиссельбурга, такъ какъ студентомъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, М. Ф. былъ, по правдѣ сказать, плохимъ и занимался больше сходками, студенческими дѣлами, чтеніемъ и дебатами. Его матеріальное положеніе было изъ рукъ вонъ плохо. По временамъ случалось буквально голодать, и въ Шлиссельбургѣ онъ чрезвычайно мило разсказывалъ, какъ въ одинъ весьма критическій въ этомъ отношеніи день, перебравъ всѣ рессурсы и источники займовъ и денежныхъ оборотовъ, онъ рѣшилъ, что ему ничего не остается, какъ только искать чего-нибудь на улицѣ. „Я былъ увѣренъ, говорилъ онъ, что въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, ежедневно происходятъ потери, и не можетъ быть, чтобы въ этотъ день кто-нибудь чего-нибудь не потерялъ“. Съ этой увѣренностью онъ пошелъ бродить по улицамъ, упорно глядя себѣ подъ ноги и шаря глазами по землѣ... Онъ исколесилъ такимъ образомъ много улицъ и переулковъ... Всѣ поиски были напрасны... Но вотъ онъ видитъ небольшой буроватый комочекъ... поднимаетъ, развертываетъ... и, о радость! оказывается, что это двѣ смятыя рублевыя бумажки... Нечего и говорить, что въ этотъ вечеръ на столѣ его мансарды были хлѣбъ и колбаса, чай и сахаръ.

Среди этого полуголоднаго существованія, подрывавшаго силы молодого организма, одна мысль тревожила и занимала М. Ф.: какъ надо жить? Что долженъ человѣкъ дѣлать? И, такъ какъ жить для себя—невозможно, то какого рода пользу приносить обществу? Какъ служить народу?..

Вмѣстѣ съ другимъ петровцемъ—Аносовымъ, состоявшимъ въ московскомъ кружкѣ чайковцевъ, онъ началъ первые практическіе шаги на почвѣ альтруистической дѣятельности. Они подобрали молодыхъ рабочихъ и стали обучать ихъ грамотѣ, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ въ размѣрѣ низшей школы. Но идеаломъ обучаемыхъ юношей было занятіе торговлей, и меркантильные инстинкты этихъ учениковъ внушали отвращеніе безкорыстнымъ подвижникамъ—учителямъ...

Бросивъ эту затѣю, весной и лѣтомъ 1874 г. Михаилъ Федоровичъ совершилъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Аносовымъ путешествіе на Уралъ, съ наивно-простодушной вѣрой найти тамъ

квинтъ-эссенцію русскаго революціоннаго духа. Носителями его предполагались „бѣглые“ изъ Сибири и сектанты-„бѣгуны“. По представленію путешественниковъ, Уралъ долженъ былъ кишѣть этими бунтарями и протестантами противъ существующаго строя, и соціалистамъ-пропагандистамъ стоило лишь войти съ ними въ соприкосновеніе, чтобы безъ особеннаго труда завербовать эти энергичные элементы въ революціонную армію. Совершивъ большое путешествіе на пароходѣ, но большею частью пѣшкомъ, неопытные, неумѣлые и всегда голодные, переодѣтые въ крестьянское платье, путники основались кое-какъ на одномъ плохонькомъ заводѣ и, потерявъ мѣсяца три, возвратились во-свояси, не видавъ въ глаза ни одного сектанта, ни одного бѣглаго.

По прибытіи въ Москву оказалось, что М. Ф. долженъ сдѣлаться нелегальнымъ, потому что тамъ до ухода въ Пермскую губернію на его имя была открыта столярная мастерская, гдѣ интеллигенты обучались ремеслу. Одинъ юноша, посланецъ Войнаральскаго, скомпрометировалъ этотъ адресъ, а въ то время малѣйшее подозрѣніе, пустая записка или оговоръ были достаточны, чтобы поплатиться нѣсколькими годами предварительнаго заключенія. Нежеланіе ни за что, ни про что сѣсть въ тюрьму разъ навсегда оторвало М. Ф. отъ всѣхъ узъ и благъ легальнаго и буржуазнаго существованія. Во время процесса 193-хъ онъ числился привлеченнымъ, но не разысканнымъ. Такъ съ 74 г. онъ жилъ жизнью революціонной богемы, безъ постояннаго имени и пристанища, среди ряда странныхъ метаморфозъ и чудесныхъ приключеній, герой и бродяга, не знающій, кѣмъ и чѣмъ онъ будетъ завтра, гдѣ и какъ кончитъ свое сегодня. Долго не попадая въ руки искавшей его полиціи, онъ велъ это фантастическое и безпокойное существованіе до 17-го марта 1881 года, когда былъ схваченъ въ Петербургѣ близъ квартиры Кибальчича, гдѣ была устроена западня. За этотъ періодъ 74—81 гг. его жизнь полна скитаній и героическихъ дѣлъ. Необычайная искренность, простота и отвращеніе къ фразѣ и къ теоріи были его характерными чертами въ тотъ періодъ. Онъ не любилъ говорить и относился съ нескрываемымъ пренебреженіемъ ко всякимъ отвлеченнымъ спорамъ и разглагольствіямъ. Если бы въ организаціи такого взгляда придерживались всѣ—это было бы большое зло: революціонная партія должна имѣть своихъ теоретиковъ и своихъ ораторовъ, которые не только умѣютъ, но и любятъ поговорить... Но если

бы она состояла исключительно изъ послѣднихъ,—дѣло было бы еще хуже...

Разсудительный и хладнокровный, человѣкъ практики, какимъ онъ былъ, Фроленко имѣлъ громадный вѣсъ въ организаціи. Ни одно серьезное дѣло не обходилось безъ того, чтобъ „Михайло“, какъ его звали товарищи, не былъ призванъ для совѣта или участія. Психологія революціонера еще ждетъ своего изслѣдователя и художника, но великое „исканіе“ души, неукладывающейся въ нормы существующго, есть одна изъ характернѣйшихъ чертъ этой психологіи. Просматривая жизнь Михаила Федоровича, какъ нельзя болѣе убѣждаешься въ этомъ. На свободѣ—онъ искалъ путей и средствъ, какъ перестроить жизнь и передѣлать самихъ людей. Сначала студентъ-технологъ, студентъ-агрономъ, затѣмъ—членъ кружка чайковцевъ, учитель-пропагандистъ; потомъ, на югѣ, вмѣстѣ съ Дебагоріо-Мокріевичемъ и М. Ковалевской,—бунтарь, прислушивающійся къ народному броженію, чтобы поднять массовое возстаніе... Позднѣе—участникъ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ, членъ партіи Народной Воли и агентъ Исполнительнаго Комитета... Что это, какъ не духъ мятежника, который смотритъ на жизнь, какъ на зданіе, въ которомъ тѣсно жить и которое, такъ или иначе, надо перестроить? Въ той или иной фазѣ своей пестрой карьеры онъ всегда былъ подобенъ человѣку, который ходитъ въ темномъ русскомъ царствѣ, словно въ подземельѣ, и тяжелымъ молотомъ нащупываетъ слабое мѣсто: „Сезамъ! Отворись!.. Свѣтъ и свобода—придите!“

Простой, необыкновенно скромный, безъ всякой мишуры и блеска, онъ принадлежитъ къ людямъ, которые ничего не теряютъ отъ того, что стоишь къ нимъ близко. Напротивъ, чѣмъ больше узнаешь его, тѣмъ больше любишь. Если героизмъ состоитъ въ томъ, чтобы становиться въ положенія огромнаго риска, хладнокровно и отважно совершать самыя опасныя дѣла, относясь при томъ къ совершенію ихъ, какъ къ самому обыденному поступку, то Фроленко, несомнѣнно, истинный герой! Освобожденіе въ 77 г. Костюрина изъ тюрьмы въ Одессѣ, еще болѣе чудесное освобожденіе въ 78-мъ г. трехъ товарищей изъ Кіевской тюрьмы (Стефановича, Боховскаго и Дейча),—эти дѣла, осуществленныя единоличными силами, съ громаднымъ рискомъ для себя и безъ малѣйшаго риска чужою жизнью, не могутъ не внушать восхищенія къ ихъ исполнителю и навсегда останутся одною изъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей революціонной исторіи. Въ Херсонскомъ банкѣ, безкровно,

черезъ подкопъ добывающій средства на дѣло революціи; въ желѣзнодорожной сторожкѣ на 10-й верстѣ подъ Одессой карауляшій царскій поѣздъ; роющій минную галлерею на Малой Садовой, — онъ вездѣ одинъ и тотъ же: спокойный, невозмутимый, самоотверженный и великій...

Осужденный въ февралѣ 1882 года по процессу 20-ти, онъ вмѣсто казни былъ заключенъ сначала въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, а потомъ, въ 84 г., перевезенъ въ Шлиссельбургъ.

Болѣе, чѣмъ кто-нибудь, испыталъ онъ на себѣ страшныя послѣдствія заключенія въ этихъ казематахъ. Онъ страдалъ цынгою, ревматизмомъ и чѣмъ-то въ родѣ остеоміэлита, такъ что долгое время не владѣлъ рукой и былъ совершенно глухъ, — и, кажется, ни одна система органовъ не осталась у него не пораженной какимъ-нибудь недугомъ.

Въ тюрьмѣ его умъ усиленно работалъ, и насколько въ жизни онъ былъ практикомъ, презиравшимъ всякую отвлеченность, настолько же въ заключеніи сталъ метафизикомъ. Онъ пересмотрѣлъ всѣ свои убѣжденія, начиная съ религіозныхъ... Вопросъ о бытіи личнаго Бога долго занималъ его, тѣмъ болѣе, что первымъ товарищемъ его по гулянію (въ Шлиссельбургѣ) былъ Исаевъ, въ тюрьмѣ увѣровавшій въ милосерднаго Бога и страстно прильнувшій къ религіи, утѣшавшей его въ скорбяхъ. Преодолѣвъ, наконецъ, свои сомнѣнія, М. Ф. съ сожалѣніемъ говорилъ потомъ, что богъ безличный, богъ отвлеченный, богъ — въ смыслѣ Идеи истины и добра, міровой души и т. п. — не даетъ ему удовлетворенія, что онъ хотѣлъ бы Бога, какъ его рисуютъ наивные иконостасы деревенскихъ храмовъ: Бога,—въ видѣ сѣдого, какъ лунь, старца, сидящаго на облакахъ и благосклонно взирающаго оттуда на весь міръ...

Въ области экономики онъ подвергъ критикѣ трудовую теорію стоимости Маркса и сталъ ея противникомъ въ духѣ Бема-Баверка, какъ потомъ оказалось. Въ области политики, забывая за тюремными стѣнами жизнь, какъ она есть, съ ея вынужденной кровавой борьбой и невозможностью широкой культурной дѣятельности въ рамкахъ полицейскаго государства, онъ все время мечталъ о школахъ и народныхъ университетахъ, библіотекахъ и артеляхъ...

Даже сама наука не избѣжала его анализа. Вопреки Ньютону и всей честной компаніи, онъ трактовалъ силу тяжести на свой особый ладъ, и самъ Дарвинъ не остался въ его глазахъ незыблемымъ авторитетомъ, такъ какъ въ дружескихъ

бесѣдахъ онъ развивалъ какую-то свою собственную теорію происхожденія организмовъ на землѣ... Вообще, худо ли, хорошо ли, но Фроленко ни въ какихъ своихъ взглядахъ не подчиняется существующимъ ученіямъ и теоріямъ, прививаемымъ съ дѣтства и въ юности въ средней и высшей школахъ, и ко всѣмъ явленіямъ относится своеобразно и не по шаблону. Спорить съ нимъ въ этихъ областяхъ невозможно, но нельзя отрицать, что въ мірѣ, гдѣ все приглажено и подчищено, гдѣ всѣ похожи другъ на друга, такой человѣкъ имѣетъ своеобразную привлекательность: онъ рѣшительно не похожъ на другихъ, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ есть только одинъ, а не нѣсколько Фроленко... Другого подобнаго—нѣтъ!

Въ 1904 г. М. Ю. Ашенбреннеръ, ближайшій другъ его, съ которымъ послѣдніе годы онъ короталъ время на гуляньи въ безконечныхъ бесѣдахъ или чтеніи вслухъ, вздумалъ просвѣтить его насчетъ философіи. Самъ—великій любитель и даже знатокъ ея, Ашенбреннеръ прежде всего хотѣлъ убѣдить друга въ необходимости и полезности философіи. Онъ прочелъ ему цѣлый рядъ лекцій, гдѣ были Спиноза, Кантъ и Гегель, Вундтъ и Риль... Михаилъ Федоровичъ слушалъ все терпѣливо и внимательно, воспринимая съ небольшими возраженіями всевозможныя философемы. Ашенбреннеръ былъ въ восторгѣ и на сторонѣ хвалился своими успѣхами. Наконецъ, курсъ кончился, и философскіе трактаты были сложены на полку.

Каково же было негодованіе учителя, когда дня три спустя послѣ этого ученикъ поднялъ форменный бунтъ: онъ заявилъ, что существованіе философіи, какъ отдѣльной дисциплины, безцѣльно, безполезно и нелѣпо; что она ничего не даетъ, ничему не учитъ и не помогаетъ, и что въ концѣ концовъ всѣхъ философовъ отъ Канта и до Риля онъ посылаетъ къ чорту! М. Ю. Ашенбреннеръ былъ оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ...

Однако, дружба осталась между ними нерушимой.

Родившись на Кавказѣ, Михаилъ Федоровичъ страстно любитъ югъ съ его тепломъ и солнцемъ. Тоска по солнцу, котораго въ тюрьмѣ такъ мало, проходитъ красной нитью въ его тюремныхъ настроеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи характерно стихотвореніе, составленное имъ въ головѣ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и записанное только въ 1887 г., когда въ Шлиссельбургѣ дали письменныя принадлежности.

По формѣ — это, быть можетъ, и не настоящіе стихи, но

всякій, у кого есть душа, я думаю, будетъ тронутъ безъискусственными нотами тоски, которая звучитъ въ нихъ.

Въ камерѣ грязной, сырой и холодной
Лѣтомъ хоть солнце, порой, веселитъ:
Грѣетъ привѣтливо,
Свѣтитъ такъ весело,
Съ лаской въ окошко глядитъ...
Грѣясь въ окошкѣ и сидя на солнышкѣ,
Меньше тоскуетъ бѣдняга-душа--
Холоду, сырости больше не слышитъ...
Время скорѣе бѣжитъ...
Въ осень ненастную, въ зиму холодную
Прячется солнышко... Гдѣ-то оно?
Холоду лютаго, дня ли короткаго
Точно боится оно...
Дни—время малое—кажутся го́дами
Долгими, длинными... тянутся скучные...
Бродитъ бѣдняга по камерѣ сумрачной...
Мается, руки скрестивши свои...
Всюду такъ сыро... такъ холодно!..
Даже желанія выйти на волюшку
Меньше, какъ будто, въ тѣ дни...
Нѣту порывовъ, нѣту стремленія—
Замерли вдругъ всѣ они...
. . . . . .
Но, вотъ, въ окошко опять заглянýлъ
Солнца весенняго свѣтъ...
Радостно встрѣтили было его!
День лишь короткій оно прогостило—
Спряталось въ тучи опять.
Но ужъ оттаяли стекла замерзшія,
Въ камерѣ стало свѣтлѣй...
Зато на душѣ потемнѣло
Стало несноснѣй, скучнѣй!
Стали являться желанья невольныя,
Стала томиться душа,
Стала проситься на волюшку вольную—
Выйти скорѣе туда,
Гдѣ много воздуха, бѣлаго свѣта,
Жизни привольной, труда...
Много работы, но много и радостей,
Много заботы,—да все-жъ не тюрьма!

Отличаясь съ виду, пожалуй, хохлацкой флегматичностью, М. Ф. обладаетъ натурой чрезвычайно дѣятельной. Полная праздность въ первые годы заключенія была для него крайне тягостна. Потомъ, когда устроили огороды и завели мастерскія, онъ сталъ усердно работать и прошелъ цѣлый циклъ

увлеченій. Первымъ было огородничество, въ которомъ онъ хотѣлъ примѣнять самые интенсивные способы обработки. Множество анекдотовъ ходило объ его опытахъ въ этой сферѣ; тутъ фигурировали: сахаръ, лимонъ и даже зубной порошокъ, испытываемые въ качествѣ удобрительныхъ туковъ. Стѣсненный въ размѣрахъ землевладѣнія, онъ не меньше коренного русскаго крестьянина вздыхалъ о томъ, гдѣ бы раздобыть земли... И мало-по-малу, вмѣстѣ съ М. Р. Поповымъ, отвоевалъ у тюремнаго начальства сначала такъ называемый „больной" дворъ—передъ старой тюрьмою, а потомъ и „малый"—за нею. Истощивъ всѣ огородныя затѣи и доведя овощи до возможнаго совершенства, М. Ф. подошелъ къ плодоводству. Онъ работалъ въ столярной, какъ волъ, чтобы сколотить капиталецъ рублей въ десять для покупки ягодныхъ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Многочисленныя яблони, красующіяся еще и теперь въ предѣлахъ Шлиссельбургской тюремной ограды и разбросанныя всюду, гдѣ только было возможно ихъ сунуть, посажены, главнымъ образомъ, его руками. Нельзя было доставить ему большаго удовольствія, какъ обѣщать: „Фролъ! я тебѣ дамъ мѣстечко для яблони!"—и невозможно было огорчить сильнѣе, сломавъ какъ-нибудь нечаянно вѣточку одной изъ его любимицъ... Когда, однажды, такая бѣда стряслась со мной, то, держа несчастную вѣтку за спиной, я рѣшилась предъявить ее и покаяться не иначе, какъ вырвавъ предварительно обѣщаніе не гнѣваться... Его труды и заботливость увѣнчались успѣхомъ: его суслейперъ, „императоръ Александръ III", апортъ, антоновка и шпалерныя яблони плодоносили прекрасно и были источникомъ многихъ мелкихъ радостей, какъ для самого садовода, такъ и для его товарищей, любовавшихся осенью на деревья, чрезвычайно красиво, словно рождественская елка, разукрашенныя крупными румяными плодами, число которыхъ въ урожайный годъ доходило до 1200.

Всего трогательнѣе было то, что цѣлью насажденій были, собственно, не яблоки, а мысль, что товарищи, которые явятся въ Шлиссельбургъ послѣ насъ, найдутъ не безплодный пустырь, песокъ и камень, а прекрасно обработанную землю, деревья и плоды...

Весной, когда яблони и вишни стояли въ полномъ цвѣту, Фроленко приглашалъ товарищей взглянуть на бѣлоснѣжный уборъ ихъ.

Стоя передъ деревомъ, съ блаженной улыбкой на лицѣ,

онъ указывалъ на это изящное подобіе подвѣнечнаго fleurs d'orange и говорилъ: „Настоящая невѣста!“

Даже безплодная вишня, капризно требовавшая побольше солнечнаго свѣта и изъ года въ годъ обманывавшая общія надежды, подъ конецъ смилостивилась и въ 1904 г. дала 16 штукъ вишень, которыя послѣ многихъ заботъ объ ихъ сохранности (предлагали даже сшить мѣшечки изъ марли, чтобы предохранить отъ птицъ) были братски раздѣлены между всѣмъ товариществомъ...

Третьимъ и послѣднимъ увлеченіемъ М. Ф. было куроводство, которое началось съ безсонныхъ, тревожныхъ ночей надъ инкубаторомъ (работы М. В. Новорусскаго), а закончилось катастрофой, сопровождавшейся смертью одной курицы и вынужденной аукціонной распродажей жандармамъ всѣхъ остальныхъ...

Простота и доброта дѣлали Михаила Федоровича однимъ изъ любимѣйшихъ товарищей, какъ на свободѣ, такъ и въ заточеніи. Какъ общественный дѣятель и высоко-нравственная личность, онъ всегда имѣлъ самую высокую цѣнность въ революціонномъ мірѣ въ глазахъ всѣхъ, кто его зналъ, и память о немъ запечатлѣется, конечно, въ умахъ всѣхъ, кто будетъ знать его жизнь, его дѣла и страданія...

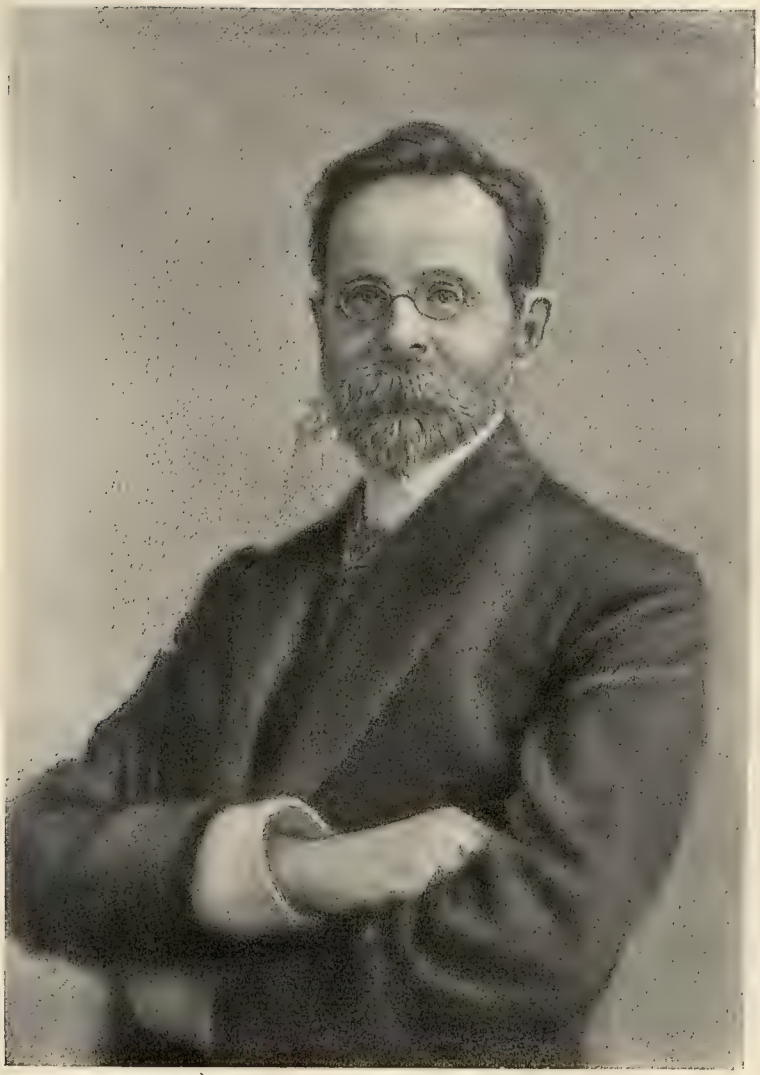
Одинъ товарищъ какъ-то выразился о немъ: „это алмазъ, не получившій полировки“... И это правда: Фроленко, дѣйствительно,—алмазъ!

В. Н. Фигнеръ.

Николай Александровичъ Морозовъ.

Богатый молодой помѣщикъ, блестящій офицеръ въ отставкѣ, П. А. Щепочкинъ, посѣщая въ началѣ 50-хъ годовъ свои псковскія и новгородскія помѣстья, встрѣтилъ въ одномъ изъ нихъ очень красивую и необыкновенно развитую дѣвушку, дочь своего крѣпостного крестьянина. Влюбившись, онъ далъ ей вольную и, какъ жену, увезъ въ село Никольское, свое имѣніе мологскаго уѣзда Ярославской губерніи. Такова романтическая, но во время крѣпостного права не очень рѣдкая исторія отца и матери Николая Александровича Морозова. Бракъ, хотя прочный и вполнѣ счастливый, не былъ однако оформленъ церковнымъ обрядомъ, почему Н. А., родившійся 25 іюня 1854 г., и не носитъ фамиліи своего отца. Послѣдній, по воспоминаніямъ сына, обладалъ умомъ, сильной волей и умѣньемъ обращаться съ людьми; для своего времени это былъ человѣкъ образованный: въ его библіотекѣ были всѣ лучшіе русскіе журналы. Взгляды отца Н. А. отличались полной опредѣленностью: онъ былъ англоманъ-конституціоналистъ. Личному освобожденію крестьянъ онъ вполнѣ сочувствовалъ, но надѣленіе землей, даже съ выкупомъ, считалъ грабежомъ и несправедливостью. Этотъ пунктъ, на ряду съ несбывшимися надеждами на дарованіе конституціи, ставилъ его въ число недовольныхъ реформами Александра II, и неоднократные, весьма непочтительные отзывы отца объ этомъ государѣ не остались безъ вліянія на молодой умъ сына.

Мать Н. А., Анна Васильевна Морозова, здравствующая и понынѣ, не была заурядной крестьянкой: отъ своего отца, большого грамотея и бывалаго человѣка, она усвоила не только простую грамотность и первоначальныя свѣдѣнія по



Николай Александровичъ
МОРОЗОВЪ.

ариѳметикѣ, географіи и т. д., но и нѣкоторое литературное образованіе и вкусъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Крыловъ и Гоголь были ея любимыми авторами въ дѣвичествѣ.

Нравственный обликъ Анны Васильевны характеризуется добротой, мягкостью и деликатностью. Ея физическая красота бросается въ глаза даже на современныхъ карточкахъ, когда ей 70 лѣтъ: „свѣтъ погасъ“ въ ея очахъ уже давно (она не видитъ), но очертаніе и выраженіе лица прекрасныя и привлекательныя. Это прелестное лицо и мягкій характеръ она передала и сыну, тогда какъ серьезную складку ума и превосходныя способности Н. А., повидимому, наслѣдовалъ отъ отца.

Быть можетъ, какъ это часто случается, ненормальныя съ условной точки зрѣнія отношенія родителей, бросавшіяся въ глаза тѣмъ рѣзче, что отецъ Н. А., какъ крупный помѣщикъ и предводитель дворянства, былъ у всѣхъ на виду,—послужили причиной ранняго пробужденія сознательности въ мальчикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и, быть можетъ, по той же причинѣ онъ рано замкнулся въ себѣ, стараясь собственными силами найти ключъ къ тѣмъ соціальнымъ вопросамъ, которые возникали въ его умѣ относительно неравенства богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и простолюдиновъ.

Н. А. росъ въ деревнѣ, среди простора полей, въ обстановкѣ богатаго „дворянскаго гнѣзда“ съ вѣковымъ паркомъ. Не мудрено, что онъ рано полюбилъ природу и часто вспоминалъ въ тюрьмѣ тѣнистые уголки, прелестный прудъ и лужайки деревенскаго приволья. Въ дѣтствѣ старая нянька передала ему поэтическое міровоззрѣніе русскаго народа, видящаго во всей природѣ нѣчто живое и одухотворенное. Этому вліянію онъ самъ приписываетъ то, что для него, какъ естественника, во вселенной нѣтъ ничего мертваго, но все движется, все живетъ и имѣетъ душу. Н. А.—убѣжденный пантеистъ, и не въ силу теоріи, а по непосредственному чувству, освѣщенному свѣточемъ науки. Это сліяніе простосердечной поэзіи народа съ послѣдними выводами, сдѣланными въ кабинетѣ ученаго, составляютъ характерную, полную прелести своеобразность умственнаго склада Н. А. Быть можетъ, этимъ объясняется та оригинальная черта, что для пытливаго взора его равно раскрыты, какъ страницы ученыхъ трактатовъ отъ Ньютона до Оствальда, такъ и полныя лицедѣйствія строки Апокалипсиса, лихорадочно-пестрые образы котораго пугаютъ умъ заурядnаго читателя, но полны картинной поэзіи и научно-астрономическаго смысла для проникновеннаго взгляда Н. А.

Отданный во 2-ю Московскую гимназію, Н. А. получилъ въ ней полное отвращеніе къ „грекамъ и римлянамъ“, но ревностно отдался естественнымъ наукамъ. Еще дома, старая астрономія, найденная въ библіотекѣ отца, въ высшей степени заинтересовала его, и онъ прочелъ ее не одинъ разъ, а гувернеръ Морель положилъ начало его знакомству съ ботаникой и энтомологіей. Потомъ въ гимназіи, въ классѣ Н. А.—ча организовался особый кружокъ для теоретическихъ и практическихъ занятій по естествознанію, и эти занятія развили и укрѣпили въ Н. А. инстинкты натуралиста, позднѣе проявившіеся въ тюремномъ заключеніи.

Въ гимназіи, воображеніе рисовало ему карьеру ученаго, и профессорская каѳедра была его мечтой. Прекрасныя способности, любовь къ природѣ и громадный интересъ къ ея явленіямъ, на ряду съ задатками самостоятельнаго мышленія, казалось, обезпечивали осуществленіе этой мечты. Однако, вмѣсто ученаго изъ Морозова вышелъ страстный политикъ и мученикъ, почти полъ-жизни проведшій въ стѣнахъ тюрьмы... И произошло это потому, что, кромѣ стремленій и наклонностей ученаго, способнаго пытливо искать новые пути въ наукѣ, онъ имѣлъ и горячую голову энтузіаста и романтика.

На ряду съ астрономіей онъ прочелъ въ дѣтствѣ множество повѣстей и романовъ, которые производили сильное впечатлѣніе на его воображеніе. На ряду съ вопросами: откуда луна и солнце? что такое звѣзды? изъ чего состоитъ золото и изъ чего мука?—молодая душа рвалась за предѣлы обыденной жизни и жаждала подвиговъ самоотверженія, стойкости и отваги.

Понятно, что, когда 19-лѣтнимъ юношей онъ встрѣтилъ въ лицѣ членовъ московскаго кружка чайковцевъ людей новаго типа, превосходившихъ по нравственному уровню все, что онъ видѣлъ до тѣхъ поръ въ жизни,—онъ увлекся ими всецѣло. Въ нихъ, казалось, онъ нашелъ воплощеніе тѣхъ героическихъ натуръ, очертанія которыхъ носились, какъ мечта, въ его умѣ. Въ центрѣ московскаго кружка стояла женщина—яркая и поэтическая фигура Олимпіады Григорьевны Алексѣевой. Красавица, полная энтузіазма къ соціалистическимъ идеямъ,—она сразу приковала вниманіе Н. А. и навсегда оставила о себѣ нѣжное воспоминаніе. Кружокъ приглашалъ стряхнуть съ себя аристократизмъ и всяческую буржуазность, отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ и эгоистическихъ стремленій къ покою, благосостоянію и почету... Онъ звалъ къ обиженнымъ,

и униженнымъ, чтобы горячимъ призывомъ поднять ихъ на борьбу за лучшій, болѣе справедливый строй, который дастъ счастье всему человѣчеству...

Какъ было не пойти съ людьми, преслѣдовавшими такія цѣли и отважно рѣшившимися пожертвовать для нихъ собою?!.

Идти рядомъ съ ними... вмѣстѣ съ ними начать борьбу и совершать подвиги... и, если нужно, вмѣстѣ погибнуть—вотъ чего требовала пылкая душа, и, послѣ короткаго колебанія между мелькавшей впереди ученой карьерой и политическимъ мученичествомъ, Н. А. выбралъ послѣднее...

За рѣшеніемъ быстро послѣдовало выполненіе. Весной 74 г., съ новыми друзьями (Саблинымъ, Клеменцемъ и др.) Н. А. отправился „въ народъ“ и жилъ сначала въ данковскомъ уѣздѣ Яросл. губ., а потомъ путешествовалъ пѣшкомъ по Воронежской и Курской губерніямъ. Впечатлѣнія, вынесенныя за эти немногіе мѣсяцы общенія съ крестьянствомъ, не соотвѣтствовали горячимъ надеждамъ Н. А. Какъ видно въ настоящее время, стремленія пропагандистовъ 70-хъ годовъ на 30 лѣтъ опередили настроеніе и подготовку народныхъ массъ. Н. А. видѣлъ лишь возможность выработки отдѣльныхъ личностей путемъ пропаганды... Даже самое главное орудіе дѣйствія на умы—простая грамотность почти отсутствовала въ деревнѣ; нѣсколько книжекъ подпольнаго изданія, которыя теперь кажутся почти дѣтскими по содержанію и формѣ, составляли весь литературный арсеналъ, предназначенный для читателя-простолюдина. Никакихъ шансовъ на что-либо похожее на возстаніе или партизанскую войну, о которыхъ мечталъ Н. А.—не было. Глубокое раздумье охватывало человѣка, жаждущаго революціонной битвы. Но хорошо разобраться въ этихъ впечатлѣніяхъ, еще и еще провѣрить ихъ Н. А—чу не пришлось. Той же осенью (74 г.) въ 36 губерніяхъ Евр. Россіи произошли массовые аресты, послѣдствіемъ которыхъ была почти полная гибель всѣхъ революціонныхъ кружковъ и организацій. Пострадалъ и кружокъ чайковцевъ. Въ періодъ остраго преслѣдованія, желая сохранить даровитаго юношу для будущаго, друзья Морозова отослали его вмѣстѣ съ Саблинымъ за границу. Оба оставались тамъ, однако, не долго и уже весной 75 г. отправились обратно въ Россію, но при переѣздѣ черезъ границу были арестованы и протомились въ тюремномъ заключеніи до такъ называемаго „большого процесса“, тянувшагося съ 18 окт. 77 по 13 янв. 78 г. По этому дѣлу

(дѣло 193-хъ) Н. А—чу было вмѣнено въ наказаніе то продолжительное заключеніе, которому онъ подвергся до суда, и онъ былъ выпущенъ на свободу.

Опасеніе быть сосланнымъ административно,—какъ это случилось съ тѣми изъ освобожденныхъ, кто не успѣлъ во-время скрыться,—заставило Н. А. послѣ процесса сдѣлаться нелегальнымъ. Въ это время среди революціонныхъ организацій первое мѣсто въ Петербургѣ, да и во всей Россіи, принадлежало тайному обществу „Земля и Воля“, основанному осенью 76 года. Было бы долго останавливаться на его происхожденіи и программѣ, извѣстной подъ именемъ „народнической“. Достаточно сказать, что въ эту программу, наряду съ пропагандой и, въ особенности, агитаціей въ крестьянствѣ на почвѣ уже сознанныхъ народомъ потребностей, впервые былъ введенъ терроръ, чѣмъ было положено основаніе той борьбѣ за политическую свободу, которую потомъ велъ Исполнительный Комитетъ и которая еще доселѣ бушуетъ въ нашей странѣ.

Морозовъ принялъ программу „народниковъ“, но, благодаря старымъ связямъ, вступилъ не въ главное общество, а въ группу, державшуюся отдѣльно, хотя она и раздѣляла ту же программу. Въ этой группѣ были: А. К. Соловьевъ, Ю. Н. Богдановичъ, А. И. Писаревъ, Евгенія Ник. Фигнеръ, я и нѣкоторые другіе. Сначала Н. А. отправился въ Тамбовъ, потомъ въ Саратовъ, думая устроиться, въ болѣе или менѣе демократической формѣ, въ деревнѣ. Но это оказалось не такъ легко и требовало времени. Между тѣмъ, террористическая часть программы, съ ея опасностями и рискомъ, сильно привлекала пылкаго и увлекающагося юношу. Онъ возвратился въ столицу и, вмѣстѣ съ петербургскими землевольцами (Ольгой Натансонъ, Трощанскимъ, Оболешевымъ и др.) съ головой окунулся въ боевыя предпріятія. На очереди стояли планы вооруженныхъ освобожденій нѣсколькихъ выдающихся лицъ, осужденныхъ по процессу 193-хъ. Хотѣли освободить Брешковскую, Ковалика, Войнаральскаго.—Дѣятельное участіе въ этомъ принялъ и Н. А. Но Брешковскую провезли чрезъ Нижній прежде, чѣмъ заговорщики успѣли опомниться, а вооруженное нападеніе на конвой, везшій Ковалика и Войнаральскаго въ Зміевскую центральную тюрьму, потерпѣло неудачу.

Возвратившись послѣ этого дѣла въ Петербургъ, Н. А. вплотную примкнулъ къ обществу „Земля и Воля“, и съ этой поры начался самый кипучій и блестящій періодъ его революціонной дѣятельности. Организація, полная силъ и молодой

энергіи, съ жаромъ ринулась на новое поприще, на подвиги, которые должны были встряхнуть русское общество, взволновать наше сонное царство. Каждый мѣсяцъ приносилъ какую-нибудь громовую вѣсть, и въ исторической перспективѣ нельзя не назвать этой эпохи—бурной. Въ той организованной силѣ, которая совершала эти дѣла, занималъ свое мѣсто и Морозовъ, живший въ то время всѣми фибрами души. Тогда же началась и его серьезная работа въ революціонной литературѣ, такъ какъ онъ участвовалъ въ органѣ „Земля и Воля“ и состоялъ редакторомъ „Листка Земли и Воли“, отзывавшагося на всѣ событія момента.

Между тѣмъ, среди бурнаго волненія, охватывавшаго сердца при каждомъ активномъ нападеніи на существующій строй, среди горечи неудачъ и упоенія побѣдой созрѣвала идея „Народной Воли“, которая должна была вскорѣ народиться.

Уже въ зиму 78—79 г. нѣкоторые члены „Земли и Воли“, пламенные революціонеры: Валеріанъ Осинскій, Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Марія Николаевна Ашанина, Н. А. Морозовъ и нѣкоторые другіе образовали внутри Общества „Земля и Воля“ особую тайную организацію, о которой не знали остальные члены Общества, и, принявъ названіе „Исполнительнаго Комитета“, были истинной душой политическихъ актовъ, волновавшихъ тогда Россію. Дѣло въ томъ, что къ этому времени внутри общества „Земля и Воля“, благодаря двойственности и неопредѣленности программы, образовалось два теченія: съ одной стороны, ясно намѣчалось увлеченіе политикой, сознаніе, что безъ политической свободы невозможенъ ни одинъ шагъ впередъ, никакая дѣятельность въ народѣ; съ другой стороны, болѣе, такъ сказать, консервативная часть членовъ требовала продолженія работы въ деревнѣ и при существующихъ условіяхъ: она вѣрила въ возможность народнаго возстанія, которое одновременно съ гнетомъ экономическимъ сломитъ и старыя политическія формы.

Первые стремились къ сосредоточенію силъ въ городахъ, чтобы здѣсь биться съ правительствомъ; вторые считали это вреднымъ увлеченіемъ и звали назадъ—въ деревню...

Послѣдствіемъ внутренняго раскола, который неминуемо долженъ былъ кончиться распаденіемъ общества „Земля и Воля“, и было образованіе внутри его сплоченнаго, единодушнаго и энергичнаго ядра, которое послужило началомъ партіи Народной Воли съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ во главѣ.

Сторонники новаго направленія получили болѣе опредѣленную организацію на съѣздѣ въ Липецкѣ, куда они собрались непосредственно передъ воронежскимъ съѣздомъ членовъ общества „Земля и Воля“, но безъ вѣдома этихъ послѣднихъ. Цѣль Липецкаго съѣзда состояла въ томъ, чтобы сосчитать силы и намѣтить тактику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Явившись затѣмъ на Воронежскій съѣздъ во всеоружіи, сговорившіеся и единодушные, они провели на немъ въ члены общества „Земля и Воля“ цѣлую серію лицъ испытанной вѣрности, энергіи и самоотверженія. Нельзя воздать достаточной хвалы проницательности и широтѣ замысловъ липецкихъ товарищей: они шли плотной шеренгой въ даль будущаго, пролагая новые пути революціи; они окинули взглядомъ всѣ революціонныя силы тогдашняго времени и стянули людей со всѣхъ концовъ Россіи, создавъ этимъ общерусскую, еще небывалоширокую организацію. Все, что было выдающагося, энергичнаго въ революціонномъ мірѣ, они привлекли въ свою среду или намѣтили для будущей работы.

Валеріанъ Осинскій тогда уже погибъ, но другіе столь-же отважные энтузіасты держали дѣло политической борьбы въ своихъ сильныхъ рукахъ. На ряду съ названными раньше тутъ были: Желябовъ, Фроленко, Колоткевичъ, Ширяевъ—эти орлы и герои революціи. Н. А. Морозовъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ иниціаторовъ новаго направленія. Среди горечи неудачъ эти люди выносили новое направленіе въ своихъ сердцахъ... Они вынесли его на своихъ плечахъ черезъ рутину и косность и привели, наконецъ,—къ побѣдѣ...

Съѣздъ въ іюлѣ 79 г. въ Воронежѣ былъ послѣдней попыткой членовъ „Земли и Воли“ дѣйствовать сообща. Это былъ компромиссъ и, какъ таковой, онъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, хотя на немъ не произошло и открытаго разрыва.

Однако, по прибытіи въ Петербургъ, какъ только началась революціонная работа, практическія неудобства противорѣчивыхъ стремленій въ нѣдрахъ общества принудили къ оффиціальному раздѣлу... Тогда образовались двѣ самостоятельныя фракціи: „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“.

Съ этой минуты „Исполнительный Комитетъ“ сталъ центромъ общероссійской народовольческой организаціи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на почвѣ борьбы съ самодержавіемъ развилъ небывалую энергію и дѣятельность, служа пугаломъ

и предметомъ отвращенія однихъ и путеводной звѣздой, предметомъ упованій для другихъ.

Дѣятельность Исполнительнаго Комитета — общеизвѣстна, объ ней нечего распространяться... Что касается до роли Н. А., то объ этомъ когда-нибудь онъ самъ разскажетъ: здѣсь достаточно сказать, что во всѣхъ дѣлахъ Комитета, подобно другимъ агентамъ, онъ принималъ, какъ нравственное, такъ и физическое участіе и, кромѣ того, состоялъ редакторомъ партійнаго органа „Народная Воля“.

Затѣмъ, въ февралѣ 80 г., послѣ ареста типографіи, гдѣ печаталась эта газета, Н. А. временно отбылъ за границу. Онъ жилъ тамъ, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи, но посѣтилъ также Лондонъ и Парижъ. Сношенія съ разными лицами, собираніе матеріала по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и, на ряду съ этимъ, слушанье лекцій въ Женевскомъ университетѣ—составляли предметъ его занятій. Къ этому же времени относится и появленіе его талантливой брошюры о терроръ. Въ январѣ 81 г. онъ задумалъ вернуться въ Россію, но на границѣ былъ арестованъ и преданъ суду вмѣстѣ съ другими народовольцами (процессъ 20-ти въ началѣ 1882 г.: Сухановъ, А. Михайловъ, Фроленко и т. д.).

Морозовъ приговоренъ былъ къ каторгѣ безъ срока и, вмѣстѣ съ другими выдающимися членами партіи, заточенъ сначала въ Алексѣевскій равелинъ, а потомъ (въ 84 г.) перевезенъ въ Шлиссельбургъ.

Покойный товарищъ нашъ П. С. Поливановъ и М. Ф. Фроленко въ своихъ мемуарахъ прекрасно описали, что такое была жизнь въ равелинѣ. Желающіе—могутъ обратиться къ нимъ. Я, съ своей стороны, прибавлю только, что, разсказывая въ Шлиссельбургѣ объ условіяхъ этой ужасной жизни, Н. А. не безъ гордости говорилъ, что понималъ прекрасно, что весь режимъ Алексѣевскаго равелина имѣетъ цѣлью извести медленной смертью узниковъ, заключенныхъ въ немъ, и что это сознаніе заставляло его настойчиво сопротивляться болѣзни, одолѣвавшей его отъ постояннаго голоданія... Мучимый цынгою, преодолѣвая страшныя колющія боли въ ногахъ, онъ старался какъ можно болѣе ходить. Да! онъ ходилъ по камерѣ и повторялъ въ умѣ: „Меня хотятъ убить... а я все-таки буду жить!..“

И онъ выжилъ, несмотря на то, что многіе годы харкалъ кровью и, казалось, неминуемо долженъ былъ погибнуть.

Во все время заключенія въ Шлиссельбургѣ Н. А. сохра-

нять полное самообладаніе и неизмѣнную доброту. Для заключенныхъ онъ былъ „третьей сестрой“, какъ его въ шутку называли товарищи [1]), къ которымъ онъ всегда былъ готовъ придти со словами утѣшенія; а за отмѣнно учтивое обращеніе съ жандармскимъ персоналомъ его звали „маркизомъ“. Но самымъ употребительнымъ прозвищемъ было названіе „зодіакъ“ за пристрастіе къ астрономіи и поиски на небѣ такъ называемаго „зодіакальнаго свѣта“.

Послѣ осужденія всѣ мы потеряли не только гражданскія и человѣческія права, но и свои имена. Мы стали чѣмъ-то въ родѣ казенныхъ вещей и обозначались безличными номерами. Наши фамиліи должны были оставаться тайной, какъ для сосѣдей по камерѣ, такъ и для всего штата высшихъ и низшихъ стражей. Въ первые годы это такъ и было, при чемъ офицеры, конечно, только притворялись, будто не знаютъ, кто мы такіе. Впослѣдствіи, когда начали практиковаться прогулки вдвоемъ, имена, сами собой разумѣется, разоблачились, потому что жандармы не могли не слышать ихъ въ нашихъ разговорахъ. Тогда жандармы усвоили даже наши псевдонимы, и одинъ унтеръ-офицеръ пресмѣшно передѣлалъ „зодіака“ въ „забіяку“, что невольно вызывало смѣхъ въ виду добродушнѣйшаго характера Н. А. Въ самомъ дѣлѣ, поссориться съ нимъ было невозможно. Былъ всего лишь одинъ памятный случай, когда онъ серьезно разсердился на одного товарища, который сгребалъ и топталъ ногами для удобренія грядъ цѣлыя кучи фриганокъ—небольшихъ сѣтчатокрылыхъ, міріадами налетавшихъ къ намъ съ Ладожскаго озера. Н. А. находилъ это безобразнымъ и самъ чрезвычайно смѣшилъ насъ тѣмъ, что въ своей камерѣ ловилъ безпокоившихъ его мухъ въ баночку и потомъ, выходя на прогулку, выпускалъ ихъ...

Но сказать о Н. А., что онъ былъ неизмѣнно мягокъ, добръ и ровенъ—было бы сказать очень мало. Только первые, самые мучительные годы онъ былъ молчаливъ и всегда словно погруженъ въ мечту или грезу. Но и тогда онъ находилъ силы утѣшать Буцевича, умиравшаго отъ чахотки и даннаго ему въ первые товарищи по прогулкѣ. Когда же тюремныя условія измѣнились къ лучшему, Н. А. поражалъ своей живостью и веселостью.

Удивительная, трудно объяснимая, но всегда свѣжая и молодая иллюзія, что скоро насъ увезутъ изъ Шлиссельбурга, и

[1]) Двумя первыми—были женщины.

мы возвратимся къ семьѣ, друзьямъ и жизни,—ни на минуту не покидала его. Каждую зиму онъ говорилъ, что весной насъ увезутъ, а когда проходила весна, говорилъ, что увезутъ осенью, и такъ—безъ конца. Проходилъ годъ за годомъ, и всѣмъ ужъ надоѣло слушать эти предсказанія. По поводу ихъ возникали насмѣшки, анекдоты, не мало увеселявшіе публику, но онъ не смущался и не переставалъ вѣрить... И такъ эта мечта не оставляла его цѣлыхъ 24 года! Всѣ переставали или перестали ждать, но онъ все вѣрилъ и все ждалъ,—и, когда 26 октября 1905 г. жандармы позвали его вмѣстѣ съ товарищемъ съ гулянья, не говоря, зачѣмъ,—онъ, на недоумѣніе спутника, съ величайшей простотой отвѣтилъ: „да затѣмъ, чтобъ объявить объ освобожденіи!"

На этотъ разъ онъ угадалъ: дѣйствительно, ихъ звали, чтобы объявить объ „амнистіи" 21 октября...

Въ тюрьмѣ, гдѣ все сѣро и однообразно, гдѣ видишь одни и тѣ же лица и, въ концѣ концовъ, слышишь однѣ и тѣ же рѣчи, добрый и веселый товарищъ—сущій кладъ. Высокая фигура Н. А. въ нескладномъ арестантскомъ халатѣ, обвѣшанная — во избѣжаніе простуды — какими-то тряпочками и увѣнчанная сѣрой шапкой съ несуразнымъ доморощеннымъ козырькомъ, всегда вносила оживленіе и смѣхъ тамъ, гдѣ появлялась. Въ молодости онъ не любилъ шутокъ и возмущался, когда люди постарше дозволяли себѣ ихъ. Но въ тюрьмѣ онъ самъ сталъ шутить, при случаѣ мистифицировалъ и выдумывалъ разныя смѣшныя исторіи и положенія. Это дѣлалось всегда съ такимъ добродушіемъ, съ такими искорками забавнаго лукавства въ ласковыхъ карихъ глазахъ, что только мертвый могъ не смѣяться... Онъ и самъ, какъ нельзя лучше, переносилъ насмѣшку и шутку. Такъ, непстощимымъ предметомъ поддразниваній являлся небольшой сакъ-вояжъ, сдѣланный С. А. Ивановымъ для Л. А. Волкенштейнъ, но не взятый ею при отъѣздѣ. Морозовъ не разставался съ нимъ ни на минуту, нося съ собой всюду: на гулянье, въ мастерскую и т. д. Этотъ сакъ звали „mecum porto"—сокращая извѣстное изреченіе философа omnia mea mecum porto,—ибо въ немъ были всѣ его сокровища, начиная съ сахара и кончая дамскимъ сувениромъ. Такъ спасалъ онъ свое добро отъ возможнаго прикосновенія жандармскихъ рукъ. За эту вѣчную ношу Г. А. Лопатинъ называлъ его „сумчатымъ"... Но называли-ль его „сумчатымъ" или „морскимъ конькомъ" (за манеру держать голову), онъ отвѣчалъ всегда лишь милой улыбкой или остро-

умнымъ репримандомъ, за которымъ никогда не лѣзъ въ карманъ. Разсердить же его рѣшительно не было возможности: въ этомъ отношеніи никто не могъ похвалиться удачей.

Въ заточеніи, когда пропала возможность всякой практической дѣятельности, Н. А., отрѣшаясь отъ тяжелой дѣйствительности, погрузился въ работу мысли. Въ тиши равелина въ немъ проснулся мыслитель, и тогда же въ его умѣ зародились основныя идеи по вопросу о строеніи вещества, которымъ онъ посвятилъ потомъ свое главное произведеніе. Но въ равелинѣ не давали письменныхъ принадлежностей, и вся работа мысли оставалась въ головѣ. За то въ Шлиссельбургѣ, когда стали давать научныя книги и разрѣшили карандашъ и бумагу, Н. А. всецѣло отдался любимымъ занятіямъ.

Въ послѣднія 10—12 лѣтъ этотъ узникъ съ высохшимъ тѣломъ, но съ трепетавшей въ его умѣ живой мыслью, съ удивительной и трогательной настойчивостью, день за днемъ, обдумывалъ и набрасывалъ на бумагу гипотезы и соображенія, дѣлалъ безконечныя вычисленія, составлялъ таблицы и схемы. Позади его была почти уже вся жизнь, а впереди—съ холодной точки зрѣнія—одна безнадежность, ничѣмъ не отмѣченная могила на маленькой косѣ у крѣпостной стѣны, гдѣ легли его товарищи, когда-то, какъ и онъ, полные энергіи и силы, но сломленные чахоткой и цынгой...

И все-таки онъ работалъ! Онъ мыслилъ и писалъ, одушевленный несокрушимой надеждой, что его идеи когда-нибудь да увидятъ свѣтъ... Порой, измученный, больной, въ дружескомъ изліяніи онъ признавался, что источникъ жизни въ немъ изсякаетъ, что силъ у него остается мало; но это служило лишь стимуломъ къ тому, чтобы спѣшить поскорѣе занести на бумагу все, что онъ имѣетъ сказать и что можетъ внести хоть небольшую крупицу знанія въ общую сокровищницу человѣческой мысли.

Еще въ равелинѣ Морозовъ пришелъ къ убѣжденію, что такъ называемыя простыя тѣла на дѣлѣ не таковы, что они составляютъ лишь конечный продуктъ длинной эволюціи вещества, которое въ теченіе безконечно длиннаго періода жизни земли претерпѣло многочисленныя и разнообразныя метаморфозы, первичныя древнія фазы которыхъ скрыты въ дали временъ. Н. А. вѣритъ, что настанетъ время, когда эти „простыя“ тѣла, золото, серебро, мышьякъ и т. д., будутъ разложены въ лабораторіи на составныя части и путемъ синтеза вновь возстановлены въ ту же форму.

Вопросъ о сложности такъ наз. простыхъ тѣлъ есть животрепещущій вопросъ современной химіи, и такія знаменитости, какъ Круксъ и др., уже съ 70-хъ годовъ не сомнѣваются въ разрѣшеніи его въ положительномъ смыслѣ.

Въ этомъ отношеніи, шлиссельбургскій узникъ, замурованный на цѣлую четверть вѣка въ непроницаемую для постороннаго взгляда тюремную келью и погруженный въ глубокое размышленіе о метаморфозахъ вещества, походилъ на средневѣкового алхимика, который въ своемъ таинственномъ, фантастическомъ кабинетѣ склонился и застылъ надъ ретортой, гдѣ изъ различныхъ химическихъ ингредіентовъ должно образоваться чистое золото.

О работахъ Морозова въ свое время публика услышитъ, а теперь скажу только, что въ числѣ ихъ находится и изслѣдованіе объ Апокалипсисѣ, гдѣ на основаніи остроумныхъ астрономическихъ соображеній доказываетъ онъ, что время написанія этой книги можетъ относиться лишь къ 395 г. по Р. Х.

Сборникъ стихотвореній, написанныхъ Н. А. въ различные годы тюремнаго заключенія (нѣкоторыя относятся къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія), изданъ недавно „Донской Рѣчью“ и, такимъ образомъ, уже отданъ на судъ читателей.

Всѣ, кто имѣлъ случай видѣть Н. А. по выходѣ его изъ Шлиссельбурга, единодушно удивляются, насколько онъ сохранилъ бодрость и живость, а его мягкость и умное, кроткое лицо очаровываютъ всякаго, кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

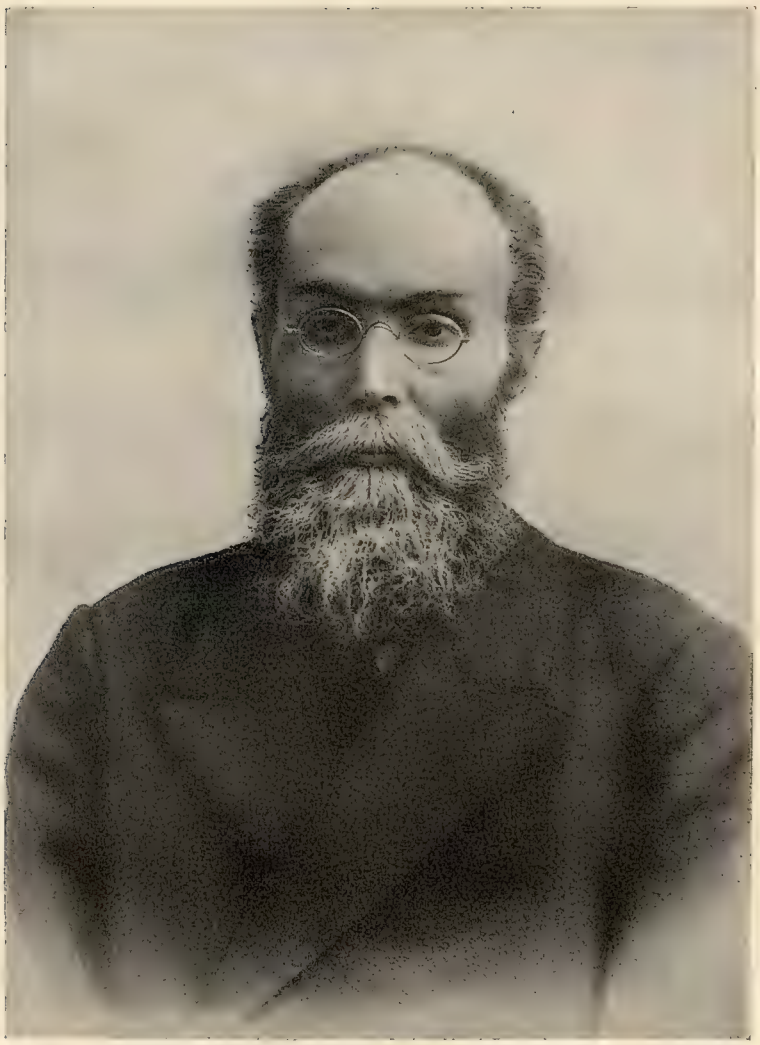
Мои личныя воспоминанія обнимаютъ жизнь Н. А. съ 20-лѣтняго возраста, когда прелестнымъ юношей-ригористомъ онъ впервые пріѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ я училась въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ, при всѣхъ измѣнчивыхъ условіяхъ жизни, на свободѣ и въ тюрьмѣ, гдѣ мы стояли плечомъ къ плечу, онъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Цѣлью всей его жизни, въ наукѣ и въ политикѣ, было исканіе истины и свободы, освобожденіе человѣческой личности отъ оковъ природы, отъ насилія, деспотизма и эксплуатаціи... При мысли о немъ, невольно вспоминаются чудные стихи Огарева:

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ,
Всю жизнь мою—снова, и снова, и снова—
Звучало одно неизмѣнное слово:
„Свобода! Свобода!“

В. Фигнеръ.

Петръ Леонтьевичъ Антоновъ.

Петръ Леонтьевичъ принадлежитъ къ рабочей средѣ. Его дѣдъ былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ одного помѣщика Тульской губерніи и за какую-то провинность попалъ въ солдаты. Въ качествѣ кузнеца онъ былъ зачисленъ въ рабочій экипажъ черноморскаго флота. Отецъ Петра Леонтьевича, какъ сынъ солдата, былъ съ самаго ранняго дѣтства сданъ въ школу кантонистовъ въ г. Николаевѣ, а затѣмъ служилъ, подобно дѣду, во флотскомъ экипажѣ, но уже въ качествѣ переплетчика. Въ Николаевѣ же въ 1859 г. родился Петръ Леонтьевичъ. Когда послѣ Крымской войны дѣла черноморскаго флота ликвидировались, отецъ Петра Леонтьевича остался при штабѣ дослуживать свой 25-лѣтній срокъ и, такъ какъ казенной работы почти не было, то бралъ заказы отъ частныхъ лицъ, главнымъ образомъ—моряковъ. Многія книги оставались при этомъ невзятыми небрежными заказчиками. Къ возрасту, когда Петръ Леонтьевичъ научился читать, ими былъ наполненъ ужъ цѣлый чуланъ. Эти книжныя залежи сослужили большую службу въ умственномъ развитіи Петра Леонтьевича: онъ забирался въ чуланъ и зачитывался всякой всячиной, къ великому неудовольствію сувороваго родителя, не шединаго въ своихъ педагогическихъ воздѣйствіяхъ дальше обученія ремеслу. Книгой, которая въ дѣтствѣ произвела огромное впечатлѣніе на Петра Леонтьевича, были „Знаменитые люди“ Плутарха, игравшіе нѣкогда такую важную роль въ развитіи души г-жи Роланъ. Такъ и по разсказамъ Петра Леонтьевича, біографіи знаменитыхъ дѣятелей и героевъ классической древности впервые заставили его мечтать о славныхъ дѣлахъ и подвигахъ на благо родины. Семья П. Л. была



Петръ Леонтьевичъ
АНТОНОВЪ.

очень многочисленна и состояла изъ нѣсколькихъ братьевъ, которые, однакоже, одинъ за другимъ сошли въ могилу въ различномъ возрастѣ. Послѣ П. Л., спустя нѣсколько лѣтъ, у матери родилась, наконецъ, дѣвочка, нянькой которой, по необходимости и обычаямъ среды, пришлось быть Петру Леонтьевичу. Онъ страстно привязался къ своей питомицѣ и любилъ ее съ необычайной нѣжностью. Онъ росъ ребенкомъ глубоко-религіознымъ и, какъ часто случается съ дѣтьми, мечталъ о подвигахъ христіанскаго благочестія и дѣятельности миссіонера среди язычниковъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ и трогателенъ одинъ эпизодъ изъ его ранняго дѣтства.

Недалеко отъ ихъ крошечнаго домика на 8-ой Слободской, среди трудящейся бѣдноты городской окраины, въ одной рабочей семьѣ жила старая, разбитая параличемъ бабушка. Всѣ взрослые, какъ люди рабочіе, вынуждены были съ ранняго утра выходить на работу и возвращаться лишь по окончаніи трудового дня. Старуха оставалась безъ всякаго призора, брошенная на полу, на кучѣ лохмотьевъ, среди невообразимой грязи. И вотъ, маленькій благочестивый самарянинъ, побуждаемый лишь внутреннимъ стремленіемъ къ добру, сталъ ежедневно бѣгать къ этой убогой женщинѣ, мыть, прибирать и кормить ее....

Когда Петру Леонтьевичу было лѣтъ 11, его маленькая сестренка опасно заболѣла. Вскорѣ стало ясно, что ей предстоитъ гибель. Но вѣра вѣдь двигаетъ горами, и Петръ Леонтьевичъ съ пылкимъ успокоеніемъ и дѣтскимъ довѣріемъ молилъ Всемогущаго не отнимать у него малютку, его радость и счастье... и его вѣра въ чудную силу молитвы была такъ сильна, что онъ не сомнѣвался, что по вѣрѣ — ему дастся. Но ребенокъ умеръ, и его пѣстунъ былъ въ полномъ отчаяніи; съ потерей сестры онъ терялъ и утратилъ Бога.... Съ теченіемъ времени наблюденія, что пастыри церкви нерѣдко ведутъ жизнь недостойную профессіональныхъ послѣдователей Христа, убили въ юношѣ послѣдніе остатки религіознаго настроенія, которое первоначально было такъ пламенно и искренно, что составило цѣлую полосу въ его ранней жизни.

Дѣтство Петра Леонтьевича протекало среди крайне тяжелыхъ условій.

„Я не помню того времени, когда бы я не работалъ!“ пишетъ онъ. „Какъ бы рано ни вставалъ отецъ, чтобы работать, меня непремѣнно будили для той же цѣли, и попытки уклониться отъ этой обязанности, вполнѣ естественныя въ воз-

растѣ 6—7—8 лѣтъ, карались съ безпощадной жестокостью. На мои жалобные крики дѣлалось нравоучительное замѣчаніе, что его, отца, не такъ, молъ, еще били, и послѣ разсказа о томъ, какъ именно его били въ школѣ кантонистовъ, у меня становились волосы дыбомъ, и я забывалъ о тѣхъ „пустякахъ“, которые доставались мнѣ отъ родительскихъ рукъ, и начиналъ чувствовать себя однимъ изъ счастливѣйшихъ мальчиковъ на свѣтѣ. Я работалъ больше всѣхъ дѣтей, и мнѣ же больше всѣхъ доставалось: можно сказать безъ преувеличенія, что я былъ козломъ отпущенія за всѣхъ моихъ братьевъ, хотя я и не былъ старшимъ“....

Одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ жестокихъ расправъ, отъ которыхъ, по словамъ П. Л., у него трещали ребра, я передамъ его собственными словами.

„Однажды—дѣло было зимой—послѣ трехъ часовъ утренней работы мнѣ приказали поставить самоваръ. Была гололедица, и у меня явилась преступная мысль использовать время, пока самоваръ закипитъ, и минутъ 10—15 покататься по двору. Я быстро накололъ лучинъ, зажегъ, бросилъ въ самоваръ и положилъ углей; схвативъ затѣмъ валявшуюся кость бычачьяго ребра, я быстро приладилъ ее къ ногѣ и—ну! съ наслажденіемъ кататься по двору, не забывая однако чутко прислушиваться, не хлопнетъ ли дверь, чтобы своевременно прекратить столь нелегальное времяпрепровожденіе. Прошло минутъ пять. Сообразивъ, что опасно долѣе искушать судьбу, я вскочилъ въ сѣни, счастливый тѣмъ, что мое наслажденіе осталось незамѣченнымъ, а слѣдовательно и безнаказаннымъ; но взглянулъ на самоваръ—и у меня волосы на головѣ зашевелились отъ ужаса: впопыхахъ я забылъ налить воды, и самоваръ распаялся, такъ что потоки олова расплылись по полу... Первой моей мыслью, когда я подумалъ о томъ, что можетъ за симъ послѣдовать, было бѣжать на рѣку и утопиться въ проруби... Потомъ я почувствовалъ какое-то странное равнодушіе приговореннаго къ смерти. Позднѣе, когда, измученный двухгодичнымъ терзаніемъ на допросахъ, я былъ приговоренъ къ смерти, я испыталъ совершенно то же самое... Я рѣшительно открылъ дверь въ мастерскую и сталъ на порогѣ, какъ истуканъ, уставившись въ одну точку, въ ожиданіи побоевъ. Видъ у меня былъ такой, что всѣ ахнули. Отецъ выскочилъ въ сѣни, а черезъ секунду я уже лежалъ на полу, стоналъ и корчился отъ боли... Восемь дней я пролежалъ послѣ этой экзекуціи“... Жесткое отношеніе отца, его требовательность по отношенію

къ работѣ и строгость во всѣхъ житейскихъ и семейныхъ отношеніяхъ, деспотизмъ, съ которымъ онъ подавлялъ всякое проявленіе индивидуальной свободы, жестокіе побои и брань, выпадавшіе на долю сына за каждую дѣтскуюзабаву или проказу, за увлеченіе книгами, театромъ и т. п.,—впервые пробудили, по признанію самого П. Л., въ его душѣ жгучую ненависть ко всякому угнетенію и протестующее чувство противъ всякой тиранніи.

Учиться грамотѣ П. Л. началъ, когда ему не было и семи лѣтъ. Сначала онъ ходилъ, платя по 1 руб. въ мѣсяцъ, въ школу, которую держалъ въ Николаевѣ какой-то штурманскій офицеръ, разбитый параличемъ. Послѣ того, какъ этотъ педагогъ ударомъ въ високъ чуть не убилъ брата П. Л., отецъ перевелъ мальчиковъ въ другую школу, содержателемъ которой состоялъ бывшій кантонистъ Поповичъ, примѣнявшій часто кантонистскіе пріемы обученія и истязанія. Съ помощью ихъ П. Л. научился грамотѣ и четыремъ правиламъ ариѳметики. Затѣмъ, когда въ 1873 году въ Николаевѣ открылась ремесленная школа при адмиралтействѣ, П. Л. поступилъ въ нее и въ 76 году окончилъ первымъ ученикомъ.

Къ этому времени, подъ вліяніемъ чтенія, общественные взгляды и симпатіи его болѣе или менѣе опредѣлились. Самъ того не сознавая, онъ былъ христіанскимъ соціалистомъ и велъ мирную пропаганду среди рабочихъ, образуя кружки самообразованія. Съ соціалистическимъ ученіемъ онъ былъ совершенно незнакомъ, но его настольной книгой было Евангеліе, и онъ понималъ его въ духѣ демократическаго равенства и братства. Полный глубокой вѣры въ непреодолимую силу ученія Христа, онъ былъ убѣжденъ, что ничто не можетъ противиться осуществленію идеаловъ, завѣщанныхъ имъ, и царствіе Божіе готово водвориться на землѣ...

Однако съ 77-го года, когда въ газетахъ стали появляться отчеты по политическимъ процессамъ, пробѣлы въ политическомъ развитіи П. Л. стали пополняться, а въ 79-мъ году послѣ того, какъ въ Николаевѣ были казнены Логовенко и Виттенбергъ—въ немъ произошелъ полный переворотъ: изъ мирнаго пропагандиста онъ сталъ ярымъ сторонникомъ террористической борьбы. Но только въ 80-мъ году П. Л. впервые столкнулся съ членами революціонныхъ организацій въ Полтавѣ, гдѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ Полтавѣ онъ познакомился и вступилъ въ самыя дружескія, тѣсныя отношенія съ семьей Гвоздева, судившагося по дѣлу 193-хъ, и при-

мкнулъ къ партіи Народной Воли. Съ этого времени онъ всецѣло отдался революціонному дѣлу и не разъ предлагалъ себя въ боевую организацію. Но его берегли для цѣлей пропаганды и агитаціи. Начало 1882-го года застало его въ Карловкѣ (Полтавской губ. константиноградскаго уѣзда), въ имѣніи великой княгини Екатерины Михайловны, въ которомъ сосредоточены заводы и управленія окрестными помѣстьями этой крупной собственницы. Почва для распространенія революціонныхъ идей оказалась здѣсь очень благопріятной, и, работая въ качествѣ кузнеца на механическомъ заводѣ, П. Л. велъ пропаганду съ большимъ успѣхомъ.

Затѣмъ онъ переѣхалъ на станцію Люботинъ (недалеко отъ Харькова) и, поступивъ тамъ въ мастерскія, кузнецомъ, дѣйствовалъ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ и окрестныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ—штундистовъ. Съ конца 82-го г. онъ былъ зачисленъ въ южно-русскую боевую дружину и, на ряду съ двумя другими выдающимися рабочими, Мартыновымъ и Панкратовымъ (впослѣдствіи тоже содержавшимися въ Шлиссельбургѣ), занимался почти исключительно дѣлами, сопряженными съ опасностью и требовавшими рѣшительности и отваги.

Въ маѣ 85 года онъ былъ арестованъ въ Харьковѣ, при чемъ на квартирѣ у него были найдены бомбы. Судили П. Л. въ 87 г. въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Конашевичемъ, Стародворскимъ, С. Ивановымъ и др. и приговорили къ смертной казни, замѣненной однако каторжными работами безъ срока.

Еще во время предварительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости П. Л. пришлось пережить много тяжелыхъ испытаній. Первый мѣсяцъ его держали закованнымъ въ кандалы. Одно время онъ помѣщался въ Екатерининской куртинѣ, въ камерѣ, находившейся на половину въ землѣ. Кругомъ его не было ни души... Ни переписки, ни свиданія съ родными онъ не имѣлъ, потому что его мать, по старости и бѣдности, не могла ни разу побывать въ Петербургѣ.

Обстановка застѣнка, душевныя муки, которыя онъ испытывалъ вслѣдствіе циническаго предательства своего близкаго товарища Елько, терзанія отъ мысли, что нѣтъ средствъ передать объ этой измѣнѣ на волю, подѣйствовали даже на такого стойкаго и твердаго человѣка, какъ П. Л., и онъ рѣшился покончить съ собой... Осколкомъ оконнаго стекла онъ открылъ себѣ лучевую артерію... Когда подъ кроватью, на которой онъ лежалъ, образовалась лужа крови, и онъ былъ уже въ обморочномъ состояніи, жандармы замѣтили происшедшее и поспѣ-

шили оказать медицинскую помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смягчить условія переводомъ въ болѣе свѣтлое и не столь уединенное помѣщеніе. Такъ онъ остался жить, чтобъ выслушать смертный приговоръ, котораго онъ ждалъ болѣе двухъ лѣтъ въ полной увѣренности, что будетъ повѣшенъ. Это, вѣроятно, и случилось бы, не будь передъ тѣмъ процесса 1-го марта 1887 года съ послѣдовавшей казнью пяти человѣкъ. Эти казни измѣнили шансы на смерть тѣхъ, кто судился въ іюнѣ: изъ нихъ никто не былъ лишенъ жизни.

Вмѣстѣ съ четырьмя другими товарищами по процессу Петръ Леонтьевичъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и пробылъ болѣе 18-ти лѣтъ.

Въ заточеніи онъ занимался, кромѣ чтенія, ремеслами и художественнымъ усовершенствованіемъ въ нихъ, особенно въ столярномъ и слесарномъ. Безъ физическаго труда ему было трудно, и часто онъ работалъ съ неутомимой энергіей. Такого тщательно обработаннаго огорода, какъ его, ни у кого не было. Осенью всю землю этого огорода онъ глубоко вскапывалъ и сбрасывалъ въ одну большую кучу, а весной, снова разрыхливъ, просѣивалъ черезъ рѣдкое рѣшето. За то и овощи же онъ выращивалъ! На маленькой, очень изящной выставкѣ, устроенной, кажется, въ 93-мъ году, онъ побилъ рекордъ не на одномъ сортѣ плодовъ земныхъ; но особенную славу пріобрѣлъ помидорами и громаднымъ лукомъ...

Тщетно добивался Петръ Леонтьевичъ устройства кузницы, чтобы заняться любимымъ ремесломъ, на которомъ могъ бы размять свои рабочія косточки. Сколько разъ ни заявлялъ онъ объ этомъ желаніи разнымъ министрамъ и ихъ товарищамъ, директорамъ департамента полиціи и другимъ высокимъ особамъ, аккуратно посѣщавшимъ насъ много лѣтъ кряду, все было напрасно. Наконецъ, въ 96 г., послѣ коронаціоннаго манифеста, который былъ примѣненъ къ нѣкоторымъ изъ узниковъ Шлиссельбурга, было объявлено и Петру Леонтьевичу, что по Высочайшему повелѣнію разрѣшено при Шлиссельбургской тюрьмѣ завести кузницу...

Всѣ были такъ рады за Антонова, что разрѣшеніе кузницы съ Высочайшаго соизволенія вызвало лишь мимолетную улыбку. Такъ или иначе, кузница была разрѣшена, и энергія всей общины воспрянула и закипѣла. Товарищи просили тюремную администрацію дать только лѣсу и кирпичей и взялись сами построить зданіе и сложить горнъ. Для этого выхлопотали послабленіе относительно числа лицъ, которыя могли

одновременно находиться на „большомъ“ дворѣ, гдѣ была предположена постройка. Послѣ этого мужское населеніе тюрьмы превратилось въ настоящій муравейникъ: всѣ тащили бревна, стругали и тесали, рубили и пилили, кто во что гораздъ, складывали кирпичъ, мѣсили глину, а Тригони клалъ печку. Такъ, общими усиліями, была выстроена монументальная кузница, прислонившаяся къ лѣвой стѣнѣ прежней цидатели, на большомъ дворѣ, гдѣ находится старая Шлиссельбургская тюрьма съ примыкающей къ ней кельей Іоанна Антоновича. Подъ высокой кровлей этой кузницы рѣяли ласточки, а воробьи фамильярно чирикали, сидя на инструментахъ, лежавшихъ у окна. Поливановъ и Стародворскій были первыми, рьяными молотобойцами Петра Леонтьевича, самъ же онъ, въ дамскомъ фартукѣ и домодѣльной коленкоровой шляпѣ, съ ожесточеніемъ билъ по раскаленному желѣзу, какъ будто желалъ вылить въ этихъ ударахъ весь свой накопившійся гнѣвъ, а въ искрахъ — весь огонь незатраченныхъ силъ.

Предметами издѣлія были разные инструменты для мастерскихъ и заказы администраціи. Однажды дали набить шины на колеса телѣги. Это было событіемъ. Всѣ такъ давно не видали телѣги, что въ глубинѣ души испытывали тоску по ней. Всѣ осматривали ее, потрагивали, высказывали мнѣнія и давали совѣты, а Петръ Леонтьевичъ съ мрачнымъ видомъ, глядя исподлобья, выслушивалъ ихъ...

Но chef d'oeuvre'омъ Петра Леонтьевича были топорики для колотья сахара, а позднѣе — сахарные щипчики, которые онъ дѣлалъ уже съ новымъ ученикомъ, Карповичемъ, очень увлекавшимся кузнечной работой.

Въ работѣ Петръ Леонтьевичъ являлся положительнымъ художникомъ. Въ смыслѣ аккуратности и тщательности школа, пройденная у отца, не пропала для него даромъ: это работникъ добросовѣстный, строгій по отношенію къ продукту, выходящему изъ его рукъ. Плохой вещи онъ не сдѣлаетъ; скорѣе уничтожитъ ее, но не сдастъ—лишь бы съ рукъ долой! Въ произведеніе, которое требуетъ особенно много труда и изящной отдѣлки, онъ положительно бываетъ влюбленъ, не хочетъ разстаться съ нимъ, придумывая все новые и новые штрихи для его усовершенствованія.

Разъ ему заказали буфетъ изъ березы для смотрителя тюрьмы. Петръ Леонтьевичъ задумалъ украсить его рѣзьбой. И вотъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ онъ составлялъ рисунки, чертилъ узоры, потомъ выполнялъ ихъ рѣзцомъ, видоизмѣнялъ,

совершенствовалъ,—и, право, конца не предвидѣлось всѣмъ его затѣямъ. Наконецъ, было объявлено, что буфетъ оконченъ и будетъ выставленъ на площадкѣ среди лѣстницы, по которой ходятъ гулять. Это было настоящее торжество! При возвращеніи всякій останавливался, осматривалъ, удивлялся и восхищался. Передъ нами было въ высшей степени изящное произведеніе, надъ которымъ человѣкъ работалъ не для денегъ, а ради искусства, изъ желанія создать и показать другимъ нѣчто красивое, тѣмъ болѣе цѣнное, что всякое изящество и красота въ тюрьмѣ необычайны. Деньги, 25 рублей, полученные за трудъ, мастеръ братски раздѣлилъ между всѣми, обогативъ насъ на цѣлые мѣсяцы...

Въ заключеніе скажу, что трудно найти сердце болѣе нѣжное, чѣмъ сердце Петра Леонтьевича, и это покажется, конечно, удивительнымъ тому, кто сталъ бы судить по его суровой и мрачной наружности, по его рѣзкимъ манерамъ и сужденіямъ, или по обвинительному акту, повѣствующему о его революціонныхъ дѣяніяхъ. Но такова ужъ эпоха, переживаемая нами, и такова двойственность человѣческой натуры, что одна и та же личность, во имя общественнаго блага, поднимаетъ руку на своего ближняго, если онъ тиранъ или предатель, и въ то же время по цѣлымъ мѣсяцамъ ухаживаетъ, какъ Петръ Леонтьевичъ, за птичкой, изувѣченной бурей, лелѣетъ и нѣжитъ ее, какъ ребенка, ни разу не забываетъ прикрыть кускомъ теплой ткани и накормить...

Въ коллективныхъ протестахъ въ тюрьмѣ Петръ Леонтьевичъ никогда не принималъ участія. На первый взглядъ, это нѣсколько странно со стороны завѣдомо хорошаго и надежнаго товарища. Разгадка заключается въ томъ, что это были протесты пассивнаго характера. Такъ, первымъ протестомъ былъ отказъ отъ совмѣстныхъ прогулокъ (во имя общаго права на нихъ); затѣмъ—голодовка по поводу изъятія изъ библіотеки многихъ хорошихъ книгъ. Но, по натурѣ, Петръ Леонтьевичъ человѣкъ боевой: онъ просто не переваритъ системы самоистязанія и не способенъ такимъ путемъ вынуждать уступки. Это не мѣшало ему, однако, относиться съ самымъ смиреннымъ почтеніемъ къ тѣмъ, кто участвовалъ въ подобнаго рода протестахъ. Помню, какъ глубоко я была тронута, когда, лежа на койкѣ послѣ 9-ти дневной голодовки, которая не столько изнурила меня физически, сколько, своей неудачей, разбила нравственно, я услышала снизу, гдѣ въ то время сидѣлъ Антоновъ, нѣжныя слова: „Я цѣлую край вашего халата...“ А когда

голодалъ Карповичъ по поводу рѣшенія тюремнаго начальства не пускать никого къ двери того дворика, гдѣ онъ гулялъ (чѣмъ мы пользовались для бесѣдъ съ нимъ), и на пятый день его голодовки Сергѣй Ивановъ, я и нѣкоторые другіе хотѣли присоединиться, чтобъ поддержать его, Петръ Леонтьевичъ и не подумалъ объ этомъ. Но онъ сказалъ: „Если Карповичъ умретъ — я отомщу за него...“ И это не была пустая угроза, потому что за словами Петра Леонтьевича всегда чувствуется сила и рѣшимость твердой воли: это человѣкъ не фразы, а дѣла, суровый и непоколебимый. Не даромъ всякаго рода тюремная администрація остерегалась затрагивать его, а высшіе чины, какъ Плеве и Дурново, относились къ нему съ нескрываемымъ озлобленіемъ. Даже послѣ 20 лѣтъ тюремнаго заключенія изъ всѣхъ шлиссельбуржцевъ только его одного хотѣли отправить въ Сибирь, и, только благодаря настойчивости одного друга, удалось отстоять для него хоть ту жалкую долю справедливости, по которой за равную вину должно быть и равное наказаніе.

В. Фигнеръ.

5 сент. 1906 г.

Николай Даниловичъ
ПОХИТОНОВЪ.

Николай Даниловичъ Похитоновъ.

Род. 1857 г.—Ум. 1896 г.

Николай Даниловичъ Похитоновъ, по происхожденію дворянинъ, родился въ Миргородѣ Полтавской губерніи и былъ сыномъ генералъ-майора, начальника артиллеріи корпуса гренадеровъ. Предназначенный отцомъ къ военной службѣ, онъ учился сначала въ военной гимназіи въ Кіевѣ, потомъ въ Петербургѣ въ Артиллерійскомъ училищѣ (кончилъ по первому разряду въ 1876 г. и былъ выпущенъ въ 5-ую артилл. бригаду) и, наконецъ, завершилъ свое военное образованіе въ Артиллерійской Академіи, куда поступилъ въ 79 г., а кончилъ въ маѣ 82 г. Во время войны съ Турціей 77—78 г. онъ былъ на полѣ дѣйствій и съ отличіемъ участвовалъ въ осадѣ Плевны, которую громилъ артиллеріей, за что и получилъ нѣсколько орденовъ, красовавшихся на его мундирѣ. Его знакомство съ революціонными идеями началось еще въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ онъ былъ одновременно съ С. Дегаевымъ, впослѣдствіи предавшимъ его. Въ Академіи они были тоже товарищами, но Дегаевъ былъ вынужденъ оттуда выйти по причинѣ „неблагонадежности“.

Русско-турецкая война во многомъ просвѣтила Николая Даниловича: какъ потомъ онъ разсказалъ на судѣ, ему, какъ и другимъ офицерамъ, казалось страннымъ „освобождать„ Болгарію и давать ей конституцію, когда собственная страна, стоящая ничуть не ниже въ культурномъ отношеніи, остается безправной и автократической. Болѣе серьезное участіе въ революціонномъ движеніи Николай Даниловичъ принялъ въ 80-мъ году, когда осенью этого года, по иниціативѣ Исполнительнаго

Комитета партіи Народной Воли, было положено начало чисто военной организаціи съ собственнымъ центромъ, состоявшимъ на первый разъ изъ Суханова, Рогачева и барона Штромберга [1]). Дегаевъ, самъ вступившій въ члены одного изъ военныхъ кружковъ, подчиненныхъ этому центру, предложилъ и Николаю Даниловичу сдѣлать то же и ввелъ его въ домъ Суханова, откуда и начались оживленныя сношенія Похитонова съ партіей Народной Воли.

Какъ очень неглупый, молодой и красивый офицеръ, Николай Даниловичъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе своей изящной фигурой, интеллигентностью и разсудительностью. Это послѣднее качество особенно ясно выступало при обсужденіи вопроса объ инструкціи, о которой въ тюрьмѣ не однажды заходила рѣчь на собраніяхъ у Суханова. Страстный и энергичный, Николай Евгеньевичъ строилъ разные планы и увлекалъ всѣхъ своимъ сжатымъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, а Николай Даниловичъ говорилъ трезвыя слова, возвращавшія къ дѣйствительности... Сравнивая тогдашнее положеніе дѣлъ съ настоящимъ, въ самомъ дѣлѣ можно откровенно сознаться, что сколько нибудь основательныхъ надеждъ на городское возстаніе тогда не могло быть. Стихійный элементъ, который сообщаетъ движенію силу и даруетъ побѣду, въ то время вполнѣ отсутствовалъ. Поэтому выступленіе революціонной организаціи съ оружіемъ въ рукахъ на улицу было бы дѣломъ искусственнымъ и неминуемо кончилось бы даже не пораженіемъ, а неудачей. И, какъ въ 1876 г. при демонстраціи 6 декабря на площади Казанскаго собора, мы остались ничтожной кучкой, не понятые и не поддержанные, такъ и въ 80—81 г. горсть смѣльчаковъ, выступившихъ на улицу съ призывомъ къ возстанію, ограничилась бы составомъ собственной организаціи и была бы раздавлена, вѣроятно, даже не войскомъ, а дворниками и родственными имъ элементами.

Весь 1881-й годъ Николай Даниловичъ продолжалъ дѣятельныя сношенія съ агентами Исполнительнаго Комитета, при чемъ сферой его пропагаторской и агитаціонной дѣятельности были военные. Ближайшими товарищами его въ это время были офицеры: Николай Михайловичъ Рогачевъ (впослѣдствіи казненный), Папинъ и Николаевъ (высланные административно въ 84-мъ году). Въ половинѣ декабря, задержанный на квартирѣ

[1]) Желябовъ и Колоткевичъ состояли комиссарами Исп. Комитета при этомъ центрѣ.

доктора Мартынова, Николай Даниловичъ подвергся обыску и на время долженъ былъ сократить свои революціонныя знакомства, а въ маѣ 82 г., кончивъ Академію, отправился сначала на Кавказъ лѣчиться, а потомъ въ г. Кобеляки Полтавской губ., гдѣ стояла его бригада. Тамъ его застала измѣна Дегаева: 31 марта 83 года онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Если бы не собственное признаніе, то едва-ли его могли осудить очень строго, такъ какъ никакихъ показаній Дегаева на судѣ не читалось, и среди документовъ слѣдствія они отсутствовали. Самымъ важнымъ пунктомъ, кромѣ голословнаго оговора относительно участія въ военной организаціи, была собственноручная записка Похитонова о примѣненіи взрывчатыхъ веществъ въ формѣ ракетъ, написанная имъ для С. Златопольскаго и найденная за годъ раньше при арестѣ агента Исп. Комитета—Теллалова. Весь послѣдній періодъ передъ арестомъ Похитоновъ жилъ не въ Петербургѣ, въ которомъ у него было много революціонныхъ знакомствъ, а въ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ, по собственному признанію, въ революціонномъ смыслѣ былъ совершенно безполезенъ. Въ виду общаго положенія дѣлъ въ партіи, я, помню, предлагала ему взять долгосрочный отпускъ или совсѣмъ оставить военную службу, чтобы уѣхать изъ провинціи и всецѣло отдаться дѣлу пропаганды и агитаціи въ военной средѣ. Но дѣйствовать въ столицахъ подъ своимъ именемъ онъ находилъ неудобнымъ, такъ какъ былъ уже скомпрометированъ въ глазахъ полиціи, а „перемѣнить шкурку“, какъ онъ выражался, т.-е. перейти въ нелегальные считалъ невозможнымъ, потому что врачи предписывали ему спокойную жизнь, угрожая въ противномъ случаѣ—сумасшествіемъ.

Отказъ этотъ, однако, не спасъ Потихонова... Дегаевъ, хотя и зналъ всѣ эти обстоятельства, такъ какъ участвовалъ въ переговорахъ, все же предалъ своего товарища по школѣ, человѣка, котораго самъ ввелъ въ военную организацію и къ которому, судя по внѣшности, всегда относился съ особенной мягкостью, нѣжно называя „Похитончикомъ“...

Отклонивъ предложеніе сдѣлать революціонное дѣло главнымъ дѣломъ своей жизни, Похитоновъ не вышелъ изъ организаціи, не отказался отъ сношеній и помощи организаціоннымъ планамъ того времени. Для этого къ нему пріѣзжалъ подпольковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ, артиллеристъ Н. М. Рогачевъ, и видѣлась съ нимъ я. Дегаевъ раскрылъ всѣ эти обстоятель-

ства, и Похитоновъ, послѣ ареста, не счелъ нужнымъ въ чемъ-либо запираться.

На судъ, происходившій въ концѣ сентября 1884 г., онъ явился сильно измѣнившимся: больно было смотрѣть—такъ онъ поблѣднѣлъ и исхудалъ. За то печать одухотворенности легла на это лицо, раньше бывшее обыкновеннымъ лицомъ человѣка отъ міра сего.

Въ послѣднемъ словѣ онъ сказалъ краткую, довольно выразительную рѣчь, о содержаніи которой было упомянуто въ началѣ.

Приговоръ объявилъ ему смертную казнь... Но, уступая просьбамъ отца, къ которому онъ былъ очень привязанъ, и, кажется, изъ боязни скомпрометировать его своимъ непокорствомъ, онъ подалъ прошеніе о помилованіи и былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ на каторгу безъ срока.

Похитоновъ не отличался ни особенной энергіей, ни силой характера. Это была натура мягкая, нуждавшаяся въ товарищеской поддержкѣ и склонная къ эпикурейству: онъ любилъ жизнь и всѣ радости ея. Какъ человѣку, довольно избалованному, безъ малѣйшей нотки аскетизма, ему, быть можетъ, было тяжелѣе, чѣмъ кому-либо въ Шлиссельбургѣ, и его жизнь тамъ была полна страданья и завершилась катастрофой.

Всѣмъ извѣстно, что въ тюремномъ заключеніи человѣка сильно поддерживаетъ мысль о товарищахъ, о томъ, что они тоже страдаютъ, что дѣлишь съ ними одну и ту же участь... Несомнѣнно, въ первые годы заточенія въ Шлиссельбургѣ эта мысль оказывала большую поддержку и Похитонову. Но его въ особенности трогала участь женщинъ, поставленныхъ въ такія же суровыя условія, какъ и онъ. Въ одной запискѣ, писанной въ 88-мъ году, онъ говоритъ: „если бы не Вашъ примѣръ, то жизнь здѣсь была бы невозможна“...

Такъ рыцарское отношеніе къ женщинѣ сказывалось и въ каменномъ мѣшкѣ, въ которомъ мы были заключены.

Рядомъ съ № 21, въ которомъ жилъ Похитоновъ, находился Ю. Н. Богдановичъ (№ 22). Это сосѣдство, знакомство съ чистой и благородной личностью Богдановича имѣло тоже свое значеніе... Позднѣе, ближайшими друзьями Николая Даниловича были: Л. А. Волкенштейнъ и І. Д. Лукашевичъ.

Чтеніе, изученіе иностранныхъ языковъ и физическій трудъ наполняли время Николая Даниловича въ Шлиссельбургѣ. Онъ сталъ хорошимъ мастеромъ, любилъ токарное, но въ особенности столярное ремесло. Его здоровье до 1895 года было до-

вольно удовлетворительно,—такъ, напр., цынги и кровохарканья у него никогда не было. Человѣкъ живого темперамента, онъ былъ обыкновенно очень дѣятеленъ и предпріимчивъ, и всѣ его тюремныя затѣи были направлены къ тому, чтобы доставить удовольствіе Л. А. Волкенштейнъ, для которой онъ созидалъ буфеты и шкафчики, кресла и полочки, шкатулки, точеные грибочки, вазочки и другія безчисленныя бездѣлушки.

Однажды на Рождество онъ ухитрился устроить для насъ даже елку, настоящую елку съ разноцвѣтными фонарями и восковыми свѣчами... Вообще, по части баловства онъ былъ мастеръ своего дѣла и въ дни именинъ 16 и 17 сентября проявлялъ виртуозность, свидѣтельствовавшую о большой опытности. Задолго до этихъ дней все мужское населеніе тюрьмы облагалось обыкновенно налогами и добровольно постилось: собирался сахаръ, копилось масло, рисъ и селедки. Изъ огородовъ брались наилучшіе овощи, срывались грибы, если они появлялись на гнилушкахъ, и т. д. Затѣмъ, все это перерабатывалось импровизированными поварами по строго обдуманному плану. Похитоновъ бралъ кусокъ цвѣтной папки, рисовалъ толстыхъ купидоновъ, трубящихъ въ рогъ, и четкимъ почеркомъ писалъ меню. Это былъ длинный перечень всевозможныхъ и невозможныхъ блюдъ, названіе которыхъ новичекъ никакъ не могъ бы воспроизвести. Къ сожалѣнію, такой листъ, долго хранившійся, какъ воспоминаніе о кулинарномъ творчествѣ, не могъ выйти изъ стѣнъ крѣпости, чтобы найти себѣ мѣсто здѣсь. Тамъ морковь называлась непремѣнно "carotte", а рѣпа „rave"; были entre-mets и dessert, и по всему было видно, что авторъ не только читывалъ карту кушаній въ ресторанахъ, но частенько пользовался ею и на практикѣ... Такъ устранвалось то, что департаментъ полиціи, быть можетъ и не иронически, называлъ „фестивалями"...

Но, среди работы и тюремныхъ развлеченій, тоска, повидимому, не переставала грызть Похитонова. Такъ, однажды, должно быть въ 94 г., онъ явился на прогулку, весь сіяющій, съ широкой улыбкой на губахъ и радостнымъ огонькомъ въ глазахъ. „Что съ вами?" спрашиваютъ товарищи. А онъ, прижимая руку къ груди, со смѣхомъ отвѣчаетъ: „Сейчасъ докторъ изслѣдовалъ меня и говоритъ, что у меня начинается!.." Онъ разумѣлъ чахотку...

Въ другой разъ, по разсказу Лукашевича, у Похитонова, относительно еще здороваго, вырвались слова, что онъ „покончитъ съ собой", что „такъ жить нельзя"...

Похитоновъ сошелъ съума. Для ненаблюдательнаго глаза это совершилось почти внезапно. Можно опредѣлить даже число, когда въ тюрьмѣ впервые осмѣлились громко сказать: „Похитоновъ сошелъ съума“. Это было 10 или 11 сентября 1895 г. Въ дѣйствительности же, психіатръ открылъ бы въ немъ признаки душевной болѣзни еще года за два, если не больше. Дѣло въ томъ, что нравственный обликъ Похитонова сталъ уже давно явственно измѣняться. Мягкій и уступчивый, онъ началъ выказывать запальчивость и необычайное упрямство. Разныя мелочи, сами по себѣ не стоющія вниманія, часто пріобрѣтаютъ въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы громадное значеніе. Тамъ, какъ нельзя болѣе, приложимы слова графа Толстого, что нѣтъ на свѣтѣ мелочи, которая не разрослась бы до громадныхъ размѣровъ,—стоитъ только сосредоточить на ней вниманіе. Многія выходки Похитонова объяснялись ложно, именно съ этой точки зрѣнія, и получили совершенно иное толкованіе въ болѣе поздній періодъ, когда свѣтъ разума въ его головѣ совсѣмъ погасъ.

Тяжело было видѣть, какъ психическая дѣятельность человѣка разлагается... Лѣтомъ 95 г. Н. Д. предложилъ товарищамъ заниматься математикой и былъ очень разсерженъ, когда послѣ нѣсколькихъ уроковъ пришлось отказаться отъ продолженія ихъ, потому, что въ его изложеніи рѣшительно не было возможности что-нибудь понять... Въ другой разъ онъ пригласилъ нѣсколькихъ человѣкъ выслушать его докладъ объ экономическомъ положеніи Россіи. Это былъ небольшой рефератъ, составленный по „Вѣстнику Финансовъ“ и состоявшій изъ самаго дикаго панегирика тогдашнему министру финансовъ—Витте. Этотъ докладъ, по существу совершенно безсодержательный, находился въ такомъ противорѣчіи съ экономическими и демократическими взглядами революціонера, что вызвалъ крайнее недоумѣніе въ слушателяхъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы того же года у него вырывались вопросы: „Вѣрите-ли вы въ спиритизмъ?“—Нѣтъ.—„А я—вѣрю... вчера ко мнѣ приходила мать... Нѣтъ, нѣтъ! я не долженъ говорить объ этомъ“...

Чрезъ нѣкоторое время опять онъ заговаривалъ о спиритическихъ духахъ и снова обрывалъ себя, видимо, сознавая, что это больныя идеи, и надо бороться съ ними.

Около 14—15 сентября вся тюрьма уже единогласно и открыто признала, что Похитоновъ—погибъ. Съ этого времени онъ, можно сказать, пересталъ уже быть въ правильномъ обще-

ніи съ остальной тюрьмой. Онъ не выходилъ на прогулку, легъ въ постель и объявилъ, что боленъ... Пересталъ мѣнять бѣлье, умываться и началъ посылать то тому, то другому записки жалобно-просительнаго характера насчетъ чего-нибудь съѣстного. А то учинялъ сборъ различныхъ продуктовъ и, образовавъ изъ нихъ отвратительную смѣсь, раздавалъ по камерамъ. Цѣлый день у него горѣла дурно заправленная керосинка, чада которой онъ не замѣчалъ, и часто появлялся съ лицомъ не чище трубочиста. Изъ его камеры постоянно слышался стукъ какой-то безпорядочной шумной работы: онъ забиралъ, гдѣ можно, столярные инструменты, безъ толку колотилъ ими по доскамъ, послѣ чего эти инструменты, напр., стамезки, оказывались сломанными пополамъ. Онъ перепортилъ такимъ образомъ все, что у него было въ камерѣ: рубилъ направо и налѣво, ломалъ и рвалъ, не щадя даже карточекъ своихъ родныхъ. Иногда, потребовавъ, чтобъ его отперли, онъ выходилъ въ общій корридоръ съ пустой наволочкой на плечѣ и обходилъ всѣхъ, подходя къ двери каждой камеры и распѣвая дѣланнымъ, дребезжащимъ голосомъ на подобіе каликъ перехожихъ: „подайте милостыньку, Христа ради“... При этомъ онъ пріоткрывалъ такъ называемый „глазокъ“ въ двери и заглядывалъ внутрь. Электрическій свѣтъ камерной лампочки, падая и отражаясь изъ глубины его глаза, производилъ жуткое впечатлѣніе: изъ глаза исходилъ пучекъ сверкающихъ лучей, и, кромѣ неестественнаго ослѣпительнаго блеска, въ немъ нельзя было уловить никакого выраженія... А надтреснутый страшный голосъ изъ-за двери монотонно тянулъ: „милостыньку... милостыньку... Христа ради“...

Жандармы держали его доселѣ на общемъ положеніи, рядомъ съ здоровыми, полубольными и больными: всѣ одинаково должны были терпѣть... По требованію, его выводили какъ и всѣхъ другихъ, въ корридоръ, если онъ хотѣлъ облиться водой въ ванной или подойти за-чѣмъ нибудь къ двери сосѣда. Въ мастерскія, которыя тогда находились въ старой тюрьмѣ, онъ не ходилъ. Кажется, онъ просто забылъ объ ихъ существованіи, а можетъ быть — жандармы сами перестали его водить.

Въ это время онъ очень много говорилъ и еще болѣе писалъ на темы о способахъ добыть громадныя деньги для революціоннаго дѣла. Цѣлую кучу безпорядочно нарванныхъ листовъ бумаги, небрежно исписанной карандашемъ, онъ посылалъ то одному, то другому, требуя самымъ настойчивымъ и даже задорнымъ образомъ отзыва, и притомъ, конечно, хвалеб-

наго. Такъ однажды и я получила цѣлый ворохъ такихъ листовъ. Отнесясь добросовѣстно къ задачѣ, я внимательно прочла весь манускриптъ. Тутъ были всевозможные, безо всякой связи между собой, проэкты получить милліоны,—куда милліоны!—биллліоны и трилліоны на дѣло революціи, и притомъ самымъ простымъ способомъ. Изъ всей кучи нелѣпыхъ плановъ я помню одно предложеніе, касавшееся весьма выгоднаго приготовленія рамокъ для портретовъ. Николай Даниловичъ предполагалъ дѣлать ихъ посредствомъ штампа, накладываемаго на доску. Одинъ, два удара—и рамка готова, и за каждую можно взять 20 коп. Дальше высчитывалось, какъ въ самое короткое время можно надѣлать такихъ рамокъ безчисленное множество и получить милліоны, тысячи милліоновъ рублей. Голова кружилась отъ несмѣтныхъ и столь доступныхъ богатствъ...

Все населеніе тюрьмы, измученное проявленіями болѣзни Похитонова, скоро пришло въ крайне нервное состояніе. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ самъ онъ сдѣлаетъ что-нибудь непоправимое, или съ нимъ сдѣлаютъ что-нибудь ужасное. И казалось, нѣтъ выхода изъ этого положенія, потому что кромѣ Похитонова въ тюрьмѣ уже нѣсколько лѣтъ томились еще два психически больныхъ: Щедринъ и Конашевичъ... Умные и энергичные прежде, а теперь—одинъ страдающій маніей величія и устраивающій шумныя сцены, а другой—весь день фальшивымъ голосомъ распѣвающій: „Красавица! довѣрься мнѣ!!.“, а въ промежуткахъ пишущій удивительное сочиненіе „Компонатъ“, гдѣ на протяженіи множества страницъ была единственная разумная фраза, которая могла бы вырваться изъ глубины и не омраченной души: „Господи! Когда же кончится эта каторга!!.“

Среди этого напряженнаго выжиданія произошелъ инцидентъ, который могъ имѣть кровавую развязку. Однажды, когда почти всѣ были въ старой тюрьмѣ, въ мастерскихъ, при чемъ заперты были только Л А. Волкенштейнъ и я, двери же остальныхъ мастерскихъ были отперты [1]), внезапно изъ новой тюрьмы явился взволнованный Мартыновъ и заявилъ, что жандармы бьютъ Похитонова... Моментально въ корридоръ собралась толпа, возмущенная, негодующая... Поднялся шумъ, крикъ и угрозы по адресу жандармовъ. Ихъ было человѣка 3—4, и однимъ изъ нихъ былъ Гаврюшенко по прозванію „бурханъ“.

[1]) Безпрестанныя отпиранія и запиранія дверей—то затѣмъ, чтобы взять доску, то передать клей,—такъ измучали жандармовъ, что они перестали запирать мастерскія мужчинъ.

Начались пререканія: жандармы распинались, что ничего подобнаго быть не можетъ, а Мартыновъ увѣрялъ, что ошибиться онъ не могъ.

Съ особенной энергіей защищался Гаврюшенко и, между прочимъ, на упреки, что бить больного позорно, сказалъ: „Да развѣ же на насъ креста нѣтъ?!“ На это Яновичъ, очень горячій и нервный, задыхаясь, крикнулъ: „вы—подлецъ!“ Въ ту же минуту обиженный изо всей силы дернулъ звонокъ, проведенный въ кордегардію, и заперъ рѣшетчатыя ворота, отдѣлявшія корридоръ отъ прихожей... Не успѣлъ никто опомниться, какъ послышались поспѣшные мѣрные шаги, и у рѣшетки появились солдаты съ ружьями на перевѣсъ. Наступилъ рѣшительный моментъ, когда изъ-за рѣшетки могли засвистать пули... Тогда-то П. С. Поливановъ, отличавшійся крайней, совершенно болѣзненной вспыльчивостью, когда онъ не помнилъ, что творитъ, побѣжалъ въ мастерскую и схватилъ топоръ, конечно, чтобы защищаться и рубить жандармовъ, бывшихъ среди насъ. Но Василій Ивановъ, въ мастерскую котораго прибѣжалъ Петръ Сергѣевичъ, успѣлъ задержать его и вырвать опасное орудіе.

Въ то же время появленіе вооруженныхъ солдатъ отрезвило Гаврюшенко, и онъ отправилъ ихъ назадъ.

Эта исторія не вызвала никакихъ репрессій: только Мартыновъ [1]) за распространеніе ложныхъ слуховъ былъ на три дня лишенъ прогулки.

Комендантъ Гангардтъ, понимая причину общаго возбужденія, обѣщалъ, вмѣстѣ съ докторомъ Безродновымъ, хлопотать объ увозѣ Похитонова, а пока—успокаивалъ насъ тѣмъ, что при немъ ни одинъ жандармъ не посмѣлъ бы наложить руку на кого-либо изъ заключенныхъ, такъ какъ разъ навсегда онъ, молъ, отдалъ приказъ, чтобы „ни однимъ пальцемъ никто не смѣлъ коснуться ихъ“... Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совершенно искренно умилялся надъ словами жандарма: „Развѣ на насъ креста нѣтъ?“ Но намъ-то хорошо было извѣстно, что крестъ на жандармахъ былъ и при другихъ комендантахъ. Однакоже, эти добрые христіане производили нещадныя избіенія, нападая семеро на одного. Поповъ, Василій Ивановъ, Манучаровъ, Минаковъ, Мышкинъ, Кобылянскій—всѣ были у насъ въ памяти... И эти, съ крестомъ на шеѣ, люди, желая, должно быть, получить также крестъ и на грудь, имѣли нахальство и жестокость

[1]) Рабочій, осужденный въ Кіевѣ, въ 1884 г.

уснащать побои еще различными словцами, въ родѣ: „вотъ и моя рука!“ или: „вотъ тебѣ и отъ меня, бѣлый негръ!“ и т. п. [1]).

Вся эта исторія, конечно, не подѣйствовала успокоительно на наши нервы, и дальнѣйшее пребываніе Похитонова въ общей тюрьмѣ стало казаться невыносимымъ даже и самой жандармеріи. Докторъ Безродновъ обнадеживалъ, что высшее начальство согласится помѣстить его въ домъ умалишенныхъ, а въ ожиданіи этого—предлагалъ перевести его на жительство въ старую тюрьму, гдѣ онъ уже не могъ бы никого безпокоить. Но перспектива оставить душевно больного въ полномъ одиночествѣ, въ совершенно изолированномъ зданіи, на произволъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ—избивателей 80-хъ годовъ, у которыхъ не могли же развиться гуманныя чувства на ихъ собачьей службѣ,—казалась ужасной. Обсудивъ дѣло, тюрьма рѣшила, чтобы кто-нибудь изъ товарищей сопровождалъ туда Похитонова, и жилъ тамъ въ качествѣ свидѣтеля, служа порукой, что надъ больнымъ товарищемъ не будетъ производиться никакихъ насилій. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что болѣзнь быстро прогрессировала: манія величія, религіозный бредъ, припадки буйства и стремленіе къ самоубійству переплелись въ самую острую и угрожающую форму сумасшествія, когда для обузданія припадковъ уже нельзя было не прибѣгать къ физической силѣ. А извѣстно, что и на свободѣ нерѣдко происходятъ въ такихъ случаяхъ отвратительныя злоупотребленія, когда грубые и злые сторожа, потерявъ терпѣнье, ломаютъ ребра и разбиваютъ головы своимъ паціентамъ.... Выборъ палъ на І. Д. Лукашевича, который всегда былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Даниловичемъ. Эта дружба, наряду съ мягкостью и физической силой Іосифа Дементьевича, казалась наилучшимъ условіемъ для человѣка, который долженъ былъ видаться съ больнымъ и служить посредникомъ между нимъ и жандармами въ случаѣ какихъ-нибудь конфликтовъ или невыполнимыхъ требованій.

[1]) Впрочемъ, Гаврюшенко былъ по отношенію къ намъ однимъ изъ лучшихъ жандармовъ, и до этого инцидента никто не могъ на него жаловаться. Въ послѣдніе годы (съ 1901 г.) онъ былъ сдѣланъ капитанармусомъ и уже не имѣлъ съ нами дѣла, но мы получили полное отвращеніе къ нему послѣ того, какъ онъ распоряжался казнью Балмашева и съ бодрымъ духомъ шнырялъ мимо оконъ тюрьмы, таща подъ полой то пилу, то топоръ или веревку для висѣлицы, продѣлывая всѣ свои палаческія обязанности съ тѣмъ же добродушнымъ лицомъ, съ какимъ оказывалъ мелкую услугу нашимъ минералогамъ, принося, напр., съ поля громадный кусокъ прекраснаго бѣлаго кварца для коллекціи.

Тюремная администрація одобрила этотъ планъ, такъ какъ онъ обезпечивалъ общее спокойствіе: вѣрить жандармамъ мы не могли, а Лукашевичъ могъ передавать въ новую тюрьму самыя точныя свѣдѣнія о состояніи больного и обращеніи съ нимъ.

Счастливый случай спасъ для этихъ страницъ два письма, написанныя Лукашевичемъ во время этого добровольнаго сожительства съ несчастнымъ товарищемъ (конечно, въ разныхъ камерахъ). Эти письма, набросанныя второпяхъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, полны реализма и составляютъ живую страницу изъ лѣтописи человѣческихъ скорбей.

№ 1 [1]). Я страшно взволнованъ, дорогая Вѣра Николаевна, и до сихъ поръ не могу прійти въ себя.....

Нѣсколько дней подъ рядъ Похитоновъ велъ себя очень спокойно и пѣлъ божественные псалмы. Вчера вечеромъ и ночью у него были сильнѣйшія галлюцинаціи; и онъ ужасно кричалъ. Воздѣвши руки къ потолку и устремивъ глаза вверхъ, онъ то звалъ жандармовъ смотрѣть, какъ грядетъ Господь Богъ въ сіяніи великомъ, то, ставши передъ стѣной, грозилъ кулакомъ и ругалъ воображаемыхъ лицъ. Днемъ онъ былъ спокоенъ. Когда его въ урочное время позвали въ ванну, онъ сказалъ, что пойдетъ только въ такомъ случаѣ, если его пустятъ одного, и жандармы не будутъ неотступно при немъ присутствовать. Но послѣ роздачи ужина онъ потребовалъ вдругъ, чтобы его вели купаться. Вымывшись, онъ, при возвращеніи въ свою камеру, бросился неожиданно въ девятый номеръ, но его тотчасъ же схватили и безъ большого труда втащили въ его № 10. Прошло, быть можетъ, съ полчаса, какъ я услышалъ вдругъ, что жандармы вбѣжали въ камеру Похитонова, и тамъ началась возня: Похитоновъ умоляющимъ голосомъ чего-то просилъ. Я началъ стучать въ дверь, которую вахмистръ сейчасъ же отперъ и сообщилъ мнѣ, что Похитоновъ легъ на полъ навзничь, приподнялъ ножку койки и, вставивъ ее себѣ въ ротъ, хотѣлъ проткнуть позвоночникъ... Я побѣжалъ и — увидѣлъ... Два жандарма вяло и нерѣшительно держали Похитонова за ноги; онъ лежалъ на половину подъ койкой, крѣпко схватившись одной рукой за желѣзный переплетъ ея, а другой стараясь проткнуть себѣ грудь остріемъ ножки. Я ухватился за ножку, чтобы не дать ему искалѣчить себя. Жандармы, увидѣвъ меня, тотчасъ удалились, и Похито-

[1]) Писано въ концѣ января 1896 г.

новъ, почувствовавъ, что у него ноги свободны, сталъ бить меня ногами, крича: „Не мѣшайте мнѣ покончить съ собой!“ Я не выпускалъ ножки изъ рукъ. Когда жандармы увидѣли, что Похитоновъ не перестаетъ барахтаться, то снова схватили его за ноги. Онъ на время затихъ. Я присѣлъ возлѣ и пытался заговорить. Такъ какъ Похитоновъ все время держался за переплетъ койки, лежа на полу, то я пододвинулъ ему подъ голову полушубокъ. Онъ сказалъ: „Вотъ это хорошо!“ Затѣмъ началъ говорить о самоубійствѣ и, между прочимъ, обмолвился фразой: „Я уже лишился одного глаза“. Не могу сказать, насколько серьезно онъ поранилъ себѣ горло и ушибъ или оцарапалъ глазъ ножкой койки. Я пробовалъ снова заговорить съ нимъ, но онъ крикнулъ: „Вонъ отсюда!“ Я отошелъ къ дверямъ. Въ это время онъ снова сталъ барахтаться, и жандармы его вытащили изъ-подъ койки, такъ что онъ только руками держался за нее, а тѣло его висѣло въ воздухѣ, и онъ не переставалъ вырываться. Вдругъ онъ закричалъ раздирающимъ голосомъ: „Батько! ты видишь, какъ они меня мучатъ! Порази ихъ всѣхъ!...“ Ужасно... Затѣмъ на нѣсколько мгновеній успокоился. Озираясь кругомъ, онъ вдругъ увидѣлъ меня и, перекрестившись, взмолился: „Заклинаю васъ вашей матерью, умоляю васъ всѣмъ, что вамъ дорого, — размозжите мнѣ голову или грудь круглякомъ!“...

Тѣмъ временемъ, одинъ унтеръ побѣжалъ дать знать начальству. Явились: смотритель, докторъ, офицеръ и еще нѣсколько жандармовъ (ихъ было въ началѣ только 3). Увидѣвши доктора, Похитоновъ сказалъ, чтобы его пустили, давъ обѣщаніе быть спокойнымъ. Онъ сѣлъ на стульчикъ, спросилъ папиросу, которую ему далъ офицеръ и, закуривши, началъ говорить доктору, что онъ рѣшился покончить съ собой и просилъ не мѣшать ему. Когда же докторъ сталъ его уговаривать, возразилъ, что онъ сегодня написалъ послѣднюю бумагу и свелъ всѣ земные счеты; что докторъ ничего не знаетъ, что уже вчера Господь Богъ во всемъ великолѣпіи снизошелъ на землю, и теперь водворилось царствіе божіе; что возмутительно и безчеловѣчно удерживать его въ этой юдоли слезъ, стенаній и вѣчныхъ мученій, когда онъ можетъ сейчасъ возсоединиться со своимъ отцомъ и своими дорогими родными и пребывать въ вѣчномъ блаженствѣ и чистѣйшей радости... И много, и долго говорилъ въ этомъ родѣ. Затѣмъ попросилъ, чтобъ его сводили снова въ ванну: онъ хочетъ освѣжиться холодной водой. Его повели. Онъ позвалъ меня

къ себѣ. Я сталъ возлѣ плиты. Когда онъ уже кончалъ одѣваться, онъ сказалъ мнѣ: „отодвиньтесь влѣво!“ Я отступилъ, и въ это время на освободившееся пустое мѣсто онъ бросился и схватилъ выдвижную вьюшку, что надъ плитой. Но жандармы тотчасъ схватили его за руки. Въ свѣтлой комнатѣ [1]) онъ пытался еще что-нибудь схватить, но, будучи окруженъ толпой жандармовъ, ничего не могъ сдѣлать. Тогда онъ сталъ жаловаться доктору: зачѣмъ его держатъ за руки, когда онъ спокоенъ. Но докторъ, присутствовавшій при этой сценѣ, сказалъ жандармамъ, чтобы они увели Похитонова подъ руки въ камеру. Здѣсь онъ потребовалъ чаю, и завѣдующій тотчасъ налилъ ему кружку. Онъ снова сталъ бесѣдовать съ докторомъ на тему о самоубійствѣ и обозвалъ его нѣсколько разъ нахаломъ за то, что по разнымъ бумагамъ, которыя Похитоновъ отправлялъ въ Департаментъ, никакихъ рѣшеній до сихъ поръ не получилось. Когда затѣмъ онъ настойчиво сталъ говорить, что долженъ покончить съ собой, то докторъ и смотритель сказали ему, что, если онъ сдѣлаетъ попытку къ самоубійству, на него надѣнутъ сумасшедшую рубаху; при этомъ смотритель сдѣлалъ распоряженіе жандармамъ, чтобы одинъ изъ нихъ безсмѣнно дежурилъ у дверей и смотрѣлъ въ окошечко, а въ случаѣ тревоги звонкомъ давалъ знать въ караулъ, гдѣ будутъ наготовѣ 5 человѣкъ. На угрозы смотрителя относительно сумасшедшей рубахи Похитоновъ отвѣтилъ: „А совѣсть, совѣсть что вамъ на это скажетъ?..“

Докторъ прописалъ ему на ночь хлоралъ-гидрата, чтобы онъ хорошо выспался.

Жизнь Похитонова ужасна... и не удивительно это страстное желаніе умереть, умереть во что бы то ни стало...

Еще зимой, когда онъ былъ относительно въ здравомъ умѣ, и я однажды помогалъ ему носить ящики съ цвѣтами въ паршникъ на храненіе, онъ мнѣ сообщилъ свое рѣшеніе покончить съ собою. Я старался его разубѣдить, выставляя на видъ, что грусть и отчаяніе могутъ пройти и смѣниться жизнерадостнымъ чувствомъ. Но онъ скептически помоталъ головой и сказалъ: „нѣтъ больше силъ терпѣть!“

№ 2. Дорогая Вѣра Николаевна! Я написалъ вамъ записку къ ужину, но когда смотритель мнѣ сказалъ, что Похитонова

[1]) Это была обширная комната рядомъ съ кухней. Ея окна были устроены, какъ въ обыкновенныхъ домахъ, а не вверху, какъ дѣлается въ тюрьмахъ. Поэтому комнату звали «свѣтлой», и она служила для установки горшечныхъ цвѣтовъ, спасая ихъ отъ гибели изъ-за отсутствія свѣта въ камерахъ. Прим. В. Ф.

увозятъ завтра утромъ, на радостяхъ забылъ послать вамъ. Во мнѣ еще тлѣетъ слабая надежда на улучшеніе состоянія Похитонова. Быть можетъ, искусство петербургскихъ психіатровъ и не окажется безсильнымъ при его лѣченіи.

За послѣдніе дни я, впрочемъ, наблюдаю въ немъ рѣзкое ослабленіе умственныхъ способностей. Галлюцинаціи учащаются. Вчерашнюю ночь онъ не спалъ, былъ безпокоенъ и часто кричалъ. Кругъ его пониманія настолько сузился, что онъ не можетъ уже осмыслить важнѣйшихъ предметовъ изъ своей обстановки; отправленія организма совершенно не подчиняются сознанію... Послѣ обѣда у него были галлюцинаціи, и онъ сильно кричалъ. Во время ванны докторъ и смотритель сообщили ему, что завтра его увезутъ въ Петербургъ, но онъ, очевидно, ихъ не понялъ. Смотрителю же показалось, что онъ не вѣритъ словамъ доктора, и онъ предложилъ мнѣ поговорить объ этомъ съ Похитоновымъ. Послѣ ужина я отправился къ Похитонову и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ былъ въ благодушномъ настроеніи, но у него страшный сумбуръ въ головѣ. Изъ моихъ словъ объ увозѣ, а также изъ увѣреній смотрителя и доктора, слышанныхъ имъ ранѣе, у него сложилось смутное сознаніе, что вскорѣ должно что-то случиться, и при томъ хорошее, но онъ не можетъ уже осмыслить такого простого факта, что его увезутъ отсюда, и что для него начнется нѣкоторымъ образомъ новая жизнь. Это хорошее ему представляется то въ видѣ милліардовъ и биллiардовъ рублей, которые посыплются къ нему со всѣхъ сторонъ, то въ видѣ общаго поклоненія, которое воздадутъ ему всѣ живущіе и ранѣе жившіе цари и короли, то въ видѣ наступленія царствія божія. При этой послѣдней мысли онъ такъ увлекся, что не хотѣлъ ждать до завтра и просилъ сейчасъ же принести ему топоръ, чтобъ раскроить всѣмъ намъ черепъ: тогда всѣ мы сразу очутимся въ раю... Отъѣздъ отсюда—для него уже непосильная идея! Какая большая разница къ худшему между его душевнымъ состояніемъ недѣли $2^1/_2$ тому назадъ и теперешнимъ! Тогда у него былъ еще интересъ къ работамъ, къ чтенію, а теперь онъ называетъ величайшимъ „комизмомъ“, что ему не даютъ инструментовъ, ему, по распоряженію котораго работаетъ нѣлое артиллерійское вѣдомство и пропасть всякихъ обществъ. Самая рѣчь его стала безсвязна и подчасъ состоитъ изъ безсмысленнаго набора словъ, напр. въ такомъ родѣ: „стѣна—препятствіе, телеграфость—по телеграфу, а собака съѣла телеграмму—комизмъ“ и т. д. Мы дружески рас-

прощались, но завтра я буду присутствовать при его увозѣ.

Въ то время, какъ я пишу это письмо, Похитоновъ все покрикиваетъ: вѣроятно, у него снова галлюцинаціи.

1 февр. 1896 г.

5-го февраля 1896 г. изъ верхнихъ оконъ новой тюрьмы былъ виденъ неподалеку отъ квартиры доктора черный возокъ... и въ одну минуту разнеслась вѣсть, что Похитонова увозятъ. Его сопровождалъ докторъ Безродновъ, который всегда былъ другомъ заключенныхъ. Переодѣтый жандармъ сидѣлъ на козлахъ...

Итакъ, 12 лѣтъ назадъ Николай Даниловичъ вступилъ въ Шлиссельбургскую обитель—молодымъ, привлекательнымъ человѣкомъ, съ любознательнымъ и развитымъ умомъ, съ живымъ и дѣятельнымъ темпераментомъ... А теперь его увозили и даже обѣщали показать роднымъ... въ какомъ видѣ?!

Это не былъ уже человѣкъ: разумъ погасъ, логика исчезла... ни мысли... ни чувства... ни даже правильныхъ инстинктовъ...

Въ Петербургѣ его помѣстили въ Николаевскій военный госпиталь, въ психіатрическое отдѣленіе.

Но Похитоновъ пробылъ тамъ недолго: въ томъ же 1896 году онъ умеръ... И хорошо, что послѣдніе дни его жизни прикрыты занавѣсомъ для тѣхъ, кто его любилъ, для его товарищей по борьбѣ за свободу и страданіямъ за нее!

В. Фигнеръ.

30 сент. 1906 г.

Іосифъ Дементьевичъ Лукашевичъ.

Іосифъ Дементьевичъ Лукашевичъ родился въ годъ польскаго возстанія, 1 декабря 1863 г. Его отецъ, польскій помѣщикъ Виленской губерніи [1]), хотя и не принималъ активнаго участія въ возстаніи, однако настолько былъ разоренъ военными реквизиціями, что не могъ дать старшему сыну (нынѣ уже умершему) даже средняго образованія: содержаніе въ гимназіи было не по силамъ семьѣ. Когда подросъ Іосифъ, обстоятельства нѣсколько улучшились, но все-таки уже съ V класса виленской классической гимназіи, въ которую онъ поступилъ въ 1875 г., и далѣе, во все время студенчества, Іосифъ Дементьевичъ содержалъ себя самъ—репетиторствомъ. Ранняя необходимость и привычка стоять на собственныхъ ногахъ имѣла громадное воспитательное значеніе для всей духовной личности І. Д. Она создала изъ него то, что англичане зовутъ self-made man: человѣка самостоятельнаго, самодѣятельнаго, трудолюбиваго и съ громадной работоспособностью. Въ дѣтствѣ І. Д. былъ окруженъ условіями, способствовавшими развитію въ немъ любви къ естествознанію. Онъ жилъ въ деревнѣ, вблизи природы; его отецъ былъ любителемъ садоводства и цвѣтовъ, и отъ него І. Д., ребенкомъ, пріобрѣлъ знакомство со множествомъ растеній и отчасти овладѣлъ ихъ номенклатурой; его кузенъ умѣлъ набивать чучела птицъ и передалъ это искусство и І. Д.; тогда же зародились въ немъ—интересъ къ жизни животныхъ и любовь къ нимъ. Въ III-мъ классѣ гимназіи старая технологія, взятая въ библіотекѣ, возбудила въ его любознательномъ умѣ рядъ вопросовъ по химіи, и въ этомъ отношеніи пріобрѣ-

[1]) Имѣнье Быковка, гдѣ Іосифъ Дементьевичъ и нынѣ живетъ съ сестрами.

Іосифъ Дементьевичъ
ЛУКАШЕВИЧЪ.

ченіе въ IV классѣ у букиниста маленькой химіи Роско составило для его умственнаго развитія цѣлую эпоху, раскрывъ совершенно новый міръ, касающійся строенія простыхъ и сложныхъ тѣлъ природы. Съ тѣхъ поръ и навсегда химія стала для І. Д. одной изъ самыхъ любимыхъ наукъ. По его собственному признанію, никакая книга не доставила ему „столько радости“, сколько дала эта маленькая книжка, пріобрѣтенная въ дѣтствѣ. Возбуждая мысль и давая теорію, она предлагала опытъ для провѣрки того или другого положенія, и вотъ потребовалась своя маленькая лабораторія, чтобы продѣлать всевозможныя реакціи. Товарищъ Іосифа Дементьевича по гимназіи—Соболевскій, который и теперь остается его другомъ, помогъ ему въ осуществленіи этого плана и научилъ владѣть паяльной трубкой, послѣ чего І. Д. съ жаромъ принялся за опыты по химіи и пиротехникѣ. На ряду съ этимъ, постепенно, онъ купилъ микроскопъ, электрическую машину, волшебный фонарь и т. п. Все это составило практическую школу, гдѣ среди удачъ и неудачъ пріобрѣталось умѣнье обращаться съ инструментами и развивалась способность изобрѣтать и приспособлять средства для эксперимента. Въ этой школѣ І. Д. учился самодѣятельности, умѣнью оріентироваться при затрудненіяхъ и впервые получалъ техническіе навыки, столь необходимые для натуралиста и въ полномъ блескѣ развитые имъ впослѣдствіи въ Шлиссельбургѣ.

Рядомъ съ практической дѣятельностью шли и теоретическія занятія, и, будучи еще гимназистомъ, І. Д. прочелъ много хорошихъ книгъ, какъ по естествознанію, такъ и по наукамъ общественнымъ (Фогтъ, Бюхнеръ, Леббокъ, Джевонсъ, Д. С. Милль и др.), такъ что ко времени поступленія въ университетъ имѣлъ уже вполнѣ достаточную подготовку.

Въ 83 г. І. Д. кончилъ гимназію и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на естественный факультетъ. Онъ проходилъ курсъ за курсомъ съ блестящимъ успѣхомъ, такъ какъ обладалъ превосходными способностями и никогда не ограничивался однѣми лекціями. Черпая знаніе, по возможности, изъ первоисточниковъ и прекрасно овладѣвъ методами научнаго изслѣдованія, онъ обращалъ на себя вниманіе профессоровъ, и, повидимому, ему предстояла блестящая научная карьера.

Но въ мартѣ 1887 года, когда до окончанія университетскаго образованія оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ арестованъ, судимъ и въ маѣ того же года заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на каторгу безъ срока.

Политическая карьера человѣка, въ 23 года попавшаго въ Шлиссельбургъ, не могла быть продолжительной и сложной. Еще въ VIII классѣ гимназіи Лукашевичъ познакомился съ нелегальной литературой, польской и русской. Она произвела на него глубокое и рѣшающее впечатлѣніе. Почву для этого приготовила сама жизнь. Воспоминанія дѣтства и семейныя традиціи послѣ 63-го года; недовольство и обида у самаго семейнаго очага; общее броженіе и ожесточеніе въ Польшѣ и Литвѣ, придавленныхъ русскимъ сапогомъ со шпорой; преслѣдованіе польской рѣчи въ гимназіи, принудительныя молитвы на русскомъ языкѣ и вынужденное посѣщеніе православныхъ храмовъ въ праздникъ; безсмысленные и безтактные обыски на общихъ квартирахъ учениковъ такого возраста, что сыщики-педагоги могли находить у нихъ только дѣтскія игрушки... Развѣ всего этого не было достаточно, чтобъ возрастить оскорбленное чувство патріота и горячее сердце революціонера?..

Поступивъ въ петербургскій университетъ, І. Д. тотчасъ же попалъ въ студенческій кружокъ самообразованія, занимавшійся изученіемъ политической экономіи и конституціоннаго строя западно-европейскихъ государствъ и С. Америки, а потомъ—въ землячество, въ которомъ состоялъ кассиромъ. Въ этотъ періодъ его жизнь не выходила изъ рамокъ дѣятельности выдающагося студента, сочувствующаго революціоннымъ идеямъ и горячо относящагося ко всѣмъ студенческимъ дѣламъ. Но въ 1885 году онъ познакомился и близко сошелся съ студентомъ Шевыревымъ, который впослѣдствіи былъ казненъ. Этотъ выдающійся человѣкъ, который раньше былъ въ Харьковѣ и о которомъ, къ сожалѣнію, очень мало извѣстно въ революціонномъ мірѣ, былъ энергичнымъ агитаторомъ и организаторомъ.

Университетская молодежь, пылкая и увлекающаяся, представляла, какъ всегда, широкую арену для заведенія многочисленныхъ знакомствъ и связей. И вотъ, Шевыревъ соединившись съ Лукашевичемъ, мобилизировалъ студенчество на разнаго рода кружкахъ и организаціяхъ съ тѣмъ, чтобы потомъ объединить всѣ годные элементы на чисто революціонномъ дѣлѣ.

Въ это время партія Народной Воли настолько потеряла свои главныя силы, что, по свидѣтельству Іосифа Дементьевича, революціонной молодежи университета не къ чему было приставать, и организація, задуманная Шевыревымъ въ 86—87 году, должна была начинать дѣло совершенно самостоятельно, на собственный рискъ и страхъ. Эта организація, во главѣ кото-

рой стали Шевыревъ, Лукашевичъ и третій, замѣчательный по уму и способностямъ, студентъ—Ульяновъ, считала, какъ и Народная Воля, достиженіе политической свободы первой задачей революціонной партіи, а средствомъ признавала политическій терроръ, для чего предполагалось организовать цѣлый рядъ боевыхъ группъ—для каждаго террористическаго акта отдѣльную.

Мало-по-малу къ задуманной организаціи стали стекаться матеріальныя средства и молодыя силы, предлагавшія свое содѣйствіе и услуги. Была устроена типографія, паспортный столъ и динамитная мастерская; организована первая боевая группа изъ 6 человѣкъ, съ Осипановымъ во главѣ, и намѣчены вторая и третья. Организація предполагала повторить 1-ое марта и приготовила бомбы новаго образца, отступавшаго отъ завѣщаннаго Кибальчичемъ и Исаевымъ. Члены первой боевой группы,—три метальщика и три сигнальщика,—были разставлены по опредѣленному плану на Невскомъ проспектѣ 1-го марта 1887 года, въ ожиданіи проѣзда Александра III-го и... на мѣстѣ задуманнаго дѣйствія—всѣ шестеро арестованы... Оказалось, что сыщики выслѣдили заговорщиковъ, благодаря надзору за Андреюшкинымъ, который былъ однимъ изъ дѣйствующихъ въ этотъ день лицъ.

Сигнальщикъ Канчеръ, впослѣдствіи на Сахалинѣ покончившій съ собой, выдалъ послѣ ареста все, что зналъ, указавъ, между прочимъ, и на Іосифа Дементьевича, какъ на участника въ подготовленіи покушенія. Немного спустя назначенъ былъ судъ надъ 15-ью лицами; изъ нихъ семь человѣкъ были приговорены къ смертной казни. Перевезенные въ Шлиссельбургъ, Шевыревъ, Ульяновъ, Андреюшкинъ, Осипановъ и Генераловъ были тамъ повѣшены, а для Лукашевича и Новорусскаго началась каторга безъ срока...

Наши революціонныя партіи только въ новѣйшее время пріобрѣли широкое основаніе въ народныхъ массахъ. До конца 80-хъ годовъ движеніе охватывало, сравнительно, небольшой слой интеллигенціи, вышедшей изъ среды небогатаго дворянства и буржуазіи, да отдѣльные кружки рабочихъ. Идеологія упреждала жизнь: люди съ пробудившимся сознаніемъ, одушевленные альтруистическими идеалами и потребностью къ свободѣ, боролись одинъ на одинъ за лучшее будущее... Остальное населеніе, молча, наблюдало, аплодировало или, задавленное нуждой, жило своей жизнью и было даже плохо освѣдомлено о томъ, во имя чего вверху происходитъ битва... Итакъ,

среди гробового молчанія сошла со сцены „Народная Воля“, а попытка Шевырева и Лукашевича была послѣдней зарницей, завершившей опредѣленный періодъ въ эволюціи революціоннаго движенія, послѣ чего оно сошло, такъ сказать, на дно, чтобы, совершивъ тамъ громадную революціонно-культурную работу и пользуясь пріобрѣтеніями, которыя приносило само время, разлиться бурнымъ потокомъ въ наши дни...

Въ Шлиссельбургѣ Іосифъ Дементьевичъ пробылъ 18½ лѣтъ, которыя посвятилъ, главнымъ образомъ, умственному труду.

„Когда меня привезли въ Шлиссельбургъ,—пишетъ онъ, настроеніе у меня было угнетенное отъ всего пережитаго мной... На первыхъ порахъ я не имѣлъ книгъ, и меня даже не выводили на прогулку... Тогда я занялся однимъ вопросомъ, относящимся къ кубатурѣ тѣлъ. Я зналъ, что существуетъ замѣчательная зависимость между поверхностями и объемами, съ одной стороны, и положеніемъ центра тяжести вращающихся линій и площадей—съ другой.

„Но на какомъ основаніи существуетъ такая зависимость, мнѣ было неизвѣстно, и потому я взялся доказать эту зависимость для всякихъ фигуръ и линій, а также разыскать центры тяжести различныхъ линій, напр., дуги круга, что и сдѣлалъ при помощи элементарной математики. Позднѣе мнѣ пришлось дѣлать изысканія въ области молярной энергіи. Я еще не зналъ, насколько здѣсь приложимо ученіе о потенціалѣ, а также не зналъ, какіе результаты долженъ получить въ данной области. Словомъ, мнѣ приходилось самому выводить рядъ положеній и формулъ относительно потенціала. Когда впослѣдствіи мнѣ удалось добыть „Теорію потенціальной функціи“ Шиллера, то, свѣривъ результаты, полученные мной, съ данными, приведенными у Шиллера, я увидѣлъ, что они тождественны. Это укрѣпило во мнѣ довѣріе къ своимъ силамъ“.

Таковы были первые шаги... Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ въ тюрьму въ различное время и изъ различныхъ источниковъ, безъ всякой послѣдовательности и системы, притекали учебники и научныя книги, запасъ знаній Іосифа Дементьевича расширялся все больше. Но, по мѣрѣ того, какъ эти знанія накоплялись, все сильнѣе чувствовалась потребность въ ихъ систематизаціи, и вопросы объединенія знанія, сведенія положеній отдѣльныхъ наукъ въ цѣльную систему (т.-е. научная философія) все больше и больше поглощали его вниманіе.

„По складу своего ума,—пишетъ онъ,—я менѣе всего могъ

удовлетвориться изученіемъ и усвоеніемъ какой-либо изъ существующихъ философскихъ системъ, такъ какъ разладъ между имѣющимися у меня свѣдѣніями и готовыми положеніями той или другой философемы необходимо заставляли работать мою мысль надъ тѣмъ, какъ избѣжать противорѣчій и непослѣдовательности въ своемъ міровоззрѣніи. Чѣмъ шире становился мой кругозоръ, тѣмъ яснѣе обрисовывалась невозможность уложить мои свѣдѣнія въ рамки какой-либо изъ существующихъ философемъ, и вслѣдствіе этого у меня постепенно созрѣвала мысль попытаться самому синтезировать знаніе, тѣмъ болѣе, что въ переживаемое время философская мысль въ передовыхъ странахъ направлена по преимуществу на разработку исторіи философіи и критику, а не на синтетическую работу. Это и побудило меня написать курсъ научной философіи (въ 7 томахъ), и значительная часть этой работы уже выполнена. Общій планъ моего сочиненія (по духу наиболѣе близкій къ системамъ Спенсера и Огюста Конта) таковъ: Томъ I. Общія начала философіи. Томъ II. Общій обзоръ точныхъ наукъ (математика, геометрія, механика, физика, химія, астрономія). Томъ III. Неорганическая жизнь земли (совокупность процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ неодушевленной природѣ). Томъ IV. Органическая жизнь земли (біологія). Томъ V. Отправленія нервной системы (психологія). Томъ VI. Ученіе объ организованной дѣятельности. Томъ VII. Ученіе объ обществѣ (соціологія)".

Если чрезъ все сочиненіе проводится единая точка зрѣнія, то, съ другой стороны, каждый томъ представляетъ самостоятельное цѣлое и можетъ служить введеніемъ въ отдѣльную область знанія. Но это не простое механическое объединеніе уже готовыхъ знаній: напротивъ, каждый томъ заключаетъ извѣстный элементъ новизны, такъ какъ объединеніе требуетъ новыхъ гипотезъ и новыхъ положеній.

Такъ, во II-мъ томѣ Іосифъ Дементьевичъ объясняетъ лучистую энергію, не прибѣгая къ содѣйствію гипотетическаго эфира, и показываетъ, какимъ образомъ и безъ конкретнаго существованія послѣдняго можно вывести прямолинейное распространеніе свѣтовыхъ, тепловыхъ и другихъ лучей, ихъ отраженіе, преломленіе, поляризацію, интерференцію и т. д.

Въ III-мъ томѣ разработанъ генезисъ горныхъ породъ въ зависимости отъ ихъ положенія въ земной корѣ. Въ IV-мъ удѣлено много вниманія механизму происхожденія цѣлесообразныхъ организацій — безъ участія естественнаго подбора

(напр., отчего появились клапаны въ сердцѣ и венахъ); выясняются характерныя особенности жизненной энергіи и т. д.

V томъ достигъ, по словамъ І. Д., „очень крупныхъ размѣровъ, во-1-хъ, потому, что психологія имѣетъ особенно важное значеніе для философіи и, во-2-хъ, потому, что широко распространено ошибочное мнѣніе, будто анатомія и физіологія мозга ничего существеннаго не могутъ дать психологіи, и будто между психическими и нервными процессами лежитъ непроходимая пропасть". „Я показываю, продолжаетъ онъ, что господствующее параллелистическое ученіе въ психологіи не состоятельно; что между субъективными сознательными процессами и нервными имѣются плавные переходы чрезъ безсознательныя психическія явленія; что субъективныя сознательныя явленія по своимъ основнымъ свойствамъ (какъ единство сознанія, память и воспоминаніе, самодѣятельность воли etc.) тождественны не только съ нервными процессами, но и съ жизненными вообще (отличаясь отъ нихъ не качественно, а количественно); что жизненная энергія имѣетъ такую же самостоятельность, какъ и другіе виды энергіи — теплота, электростатическая энергія, кинетическая, молярная etc., и показываю, какъ количественно измѣрить ее въ абсолютныхъ единицахъ. Однимъ словомъ, провожу мысль, что психическіе процессы представляютъ только своеобразную часть нервныхъ процессовъ вообще, и потому изучать ихъ совершенно отдѣльно отъ послѣднихъ не приходится. Далѣе указываю, что знаніе анатоміи и физіологіи нервной системы не только существенно необходимо для психолога, но что оно даетъ цѣнныя данныя для теоріи познанія. Указанная точка зрѣнія объясняетъ, почему я подвожу психическія явленія подъ отправленія нервной системы".

„Томъ VI заключаетъ въ себѣ ученіе объ организованной дѣятельности (безпорядочная дѣятельность и дѣятельность по опредѣленнымъ правиламъ или организованная—наслѣдственная и традиціонная; инстинкты, нравы, обычаи; борьба, хищничество, паразитизмъ, симбіозъ и т. д.). Этотъ томъ потребовалъ очень много синтетической работы, такъ какъ ученіе о структурныхъ дѣятельностяхъ вовсе не разработано, а безъ знанія происхожденія, развитія, поддержанія и угасанія структурныхъ дѣятельностей нѣтъ возможности построить соціологію на научныхъ основаніяхъ. Для соціолога человѣкъ не простѣйшая единица, съ которою ему приходится имѣть дѣло, а комплексъ структурныхъ дѣятельностей. Кромѣ выясненія того,

что такое общество и общественная организація, каковы типы общественныхъ организацій, я удѣляю много мѣста фактической исторіи развитія общества и государства".

Изъ перечисленныхъ томовъ „Элементарныхъ началъ научной философіи" готовы: III, IV, 1-ая часть V-го тома и большая часть VII-го. По остальнымъ написаны части и отдѣлы, поскольку было возможно въ Шлиссельбургѣ, и подготовленъ матеріалъ для завершенія труда.

Да! поскольку было возможно въ Шлиссельбургѣ... А теперь, когда Лукашевичъ вышелъ оттуда и могъ бы свободно отдаться научной работѣ и, поселившись гдѣ-нибудь въ центрѣ умственной жизни, въ Россіи или за границей, войти въ общеніе со свѣтилами науки, посѣщать лучшіе университеты, библіотеки и музеи,—теперь онъ прикованъ къ жалкой деревушкѣ виленскаго уѣзда безъ права выѣзда оттуда.... Ему дана свобода—безъ свободы, отвлеченная возможность работать на научномъ поприщѣ—безъ возможности фактически осуществить это... Тщетно петербургская Академія Наукъ, на основаніи отзыва Овсянникова и Карпинскаго о V-мъ томѣ сочиненія Лукашевича („Отправленія нервной системы"), хлопотала въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, чтобы ему разрѣшили жить въ Петербургѣ для продолженія научныхъ работъ, а Литературный Фондъ и Шлиссельбургскій Комитетъ обезпечили стипендію на случай поѣздки за границу для той же цѣли... Онъ остается и понынѣ въ глуши, гдѣ условія для занятій наукою почти тѣ же, что и въ Шлиссельбургѣ....

А, между тѣмъ, Іосифъ Дементьевичъ еще находится въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ. 18-лѣтнее суровое заточеніе не сломило его могучаго организма. Грандіозная по росту и тѣлосложенію фигура съ красивой головой способна возбудить вниманіе во всякомъ собраніи людей, и не даромъ существовалъ разсказъ, будто одинъ изъ комендантовъ шлиссельбургской крѣпости (Обуховъ) нарочно заходилъ въ камеру Лукашевича, чтобы полюбоваться на него. Крупныя, правильныя черты, здоровый нѣжный румянецъ и доброе, мягкое выраженіе характеризуютъ лицо І. Д., а его каріе глаза отличаются необычайной, почти дѣтской прозрачностью, что хорошо гармонируетъ съ застѣнчивостью и скромностью, которыя встрѣчаешь при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Ровнаго характера, всегда здоровый и бодрый, живой, веселый, онъ въ Шлиссельбургѣ поражалъ своею жизнерадостностью, вынесенной черезъ всѣ испытанія тюремной жизни.... По своимъ ма-

нерамъ и пріемамъ, учтивости и услужливости—онъ истинный джентльменъ, неспособный ни на какую грубость. Дружная, культурная семья дала ему эти дары. Въ области науки І. Д. осмотрителенъ и принимаетъ все лишь послѣ тщательной критики, взвѣсивъ всѣ „за“ и „противъ“: его умъ холоденъ, какъ и слѣдуетъ для ученаго. Но въ его душѣ таятся искры пылкой ненависти и революціонной страсти. Въ политикѣ—онъ боецъ и полемистъ, увлекающійся, агрессивный, упрямый и не желающій сдаться... Трудно найти большій контрастъ между нимъ, какъ ученымъ, сидящимъ надъ грудой книгъ, и членомъ партіи, сыномъ своего народа—въ бурномъ спорѣ за политическія убѣжденія. Но этотъ огонь таится въ глубинѣ, и нужны особенныя условія, чтобы пламя вырвалось наружу.

Научныя знанія Іосифа Дементьевича поражаютъ своею точностью и опредѣленностью. Въ области усвоеннаго у него нѣтъ колебаній, которыя такъ непріятны въ диллетантѣ: то, что онъ знаетъ, онъ знаетъ вполнѣ, и такъ какъ его свѣдѣнія обнимаютъ всю область естествознанія и точныхъ наукъ, то повседневное общеніе съ нимъ чрезвычайно пріятно и плодотворно: чего ни коснись—отъ него всегда получишь добросовѣстный и точный отвѣтъ. Въ концѣ концовъ—это чаруетъ. Большинство богачей—скупы, но І. Д., будучи богачемъ по своимъ талантамъ и знаніямъ, отличается увлекательнымъ, широкимъ альтруизмомъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ Шлиссельбургѣ онъ былъ неистощимъ и неутомимъ въ помощи товарищамъ на поприщѣ пріобрѣтенія всевозможныхъ знаній. Ранняя педагогическая дѣятельность, когда ему, еще гимназисту, а потомъ студенту, приходилось одновременно и самому учиться, и другихъ учить, выработала изъ него превосходнаго преподавателя. Когда,—то въ одномъ, то въ другомъ дворикѣ Шлиссельбургской крѣпости, — онъ читалъ среди маленькой аудиторіи лекціи по ботаникѣ и зоологіи, кристаллографіи и кристаллоптикѣ, или съ кѣмъ-нибудь занимался аналитической химіей, гистологіей, психологіей, философіей,—нельзя было не думать съ горечью о томъ, что его мѣсто—на профессорской каѳедрѣ, гдѣ его ясное и сжатое краснорѣчіе, простота и наглядность изложенія, искусство экспериментатора—всѣ дары чуднаго лектора—сдѣлали бы его кумиромъ студенчества. Обреченный на тѣсное заключеніе, онъ использовалъ въ немъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ все, что только попадалось въ руки узниковъ изъ научнаго матеріала, и то, что пріобрѣ-

талъ, щедрой рукой и съ самой милой товарищеской любезностью отдавалъ и предлагалъ другимъ, не жалѣя ни труда, ни времени.

Разносторонность Іосифа Дементьевича феноменальна. Въ дѣтствѣ, отъ отца, который былъ любителемъ-живописцемъ, онъ научился владѣть кистью, и въ Шлиссельбургѣ было занимательно и забавно наблюдать, какъ иногда на прогулкѣ, стоя у рѣшетки забора, онъ училъ рисовать масляными красками (на картонѣ и на стеклѣ), акварелью и пастелью, и подъ его искусной рукой выходили то типичный портретъ бюрократа съ бакенами котлеткой, то хорошенькая головка молодой дѣвушки, то красивый полевой цвѣтокъ или птичка... Изъ дерева, для занятій съ товарищами, онъ приготовлялъ кристаллографическія модели, а изъ воска—модели человѣческаго мозга, изящныя фигуры морской звѣзды, сальпы и т. п.; дѣлалъ остроумные приборы и приспособленія по электричеству, оптикѣ, а каждую осень и весну набивалъ цѣлые десятки чучелъ птицъ. Очень много времени отнимало у него опредѣленіе насѣкомыхъ и растеній, особенно изъ тайнобрачныхъ (грибы, водоросли, лишайники, мхи). Его коллекціи по энтомологіи и споровымъ растеніямъ облегчали коллектированіе и изученіе ихъ другими, и для товарищей его дружеская помощь, какъ знатока въ области естествознанія, была неоцѣненна и навсегда останется памятна, такъ какъ въ этого рода альтруистической дѣятельности пальма первенства принадлежитъ ему по справедливости и безъ спора.

В. Фигнеръ.

Михаилъ Васильевичъ Новорусскій.

Михаилъ Васильевичъ Новорусскій вышелъ изъ среды того низшаго сельскаго духовенства, жизнь котораго по матеріальнымъ и моральнымъ условіямъ мало чѣмъ отличается отъ жизни нашего крестьянства.

Его отецъ былъ псаломщикомъ въ селѣ Новой Руссѣ демянскаго уѣзда Новгородской губ.; тамъ въ сентябрѣ 1861 г. и родился М. В. Вся домашняя обстановска была чисто крестьянская, съ обиліемъ нужды и всякихъ горестей. Дѣтей было 13 человѣкъ (изъ нихъ отъ болѣзней умерло семеро); М. В. былъ не изъ старшихъ, но, какъ и во всякой крестьянской семьѣ, ребенкомъ ему приходилось нянчить младшихъ братишекъ и сестру. Порой это такъ досаждало ему, что у него осталось воспоминаніе, какъ отъ всей дѣтской души онъ желалъ смерти одному изъ своихъ питомцевъ, и какъ горько потомъ плакалъ и упрекалъ себя за злыя пожеланія, когда смерть дѣйствительно унесла докучливаго братишку, мѣшавшаго ему играть на улицѣ. Нужда, при обиліи дѣтскихъ ртовъ, была такъ велика, что каждый кусокъ былъ на счету, и старая ворчливая бабушка, присматривавшая въ избѣ во время работъ родителей въ полѣ, отравляла жизнь вѣчно голоднымъ ребятамъ своей воркотней и попреками за неутолимый аппетитъ.

Первоначальное воспитаніе М. В. получилъ, какъ всѣ деревенскія дѣти,—на улицѣ. Съ цѣлой ватагой сверстниковъ онъ рыскалъ по полямъ и болотамъ, проводя цѣлые дни въ лѣсу или на рѣкѣ, и, вообще, велъ жизнь „естественнаго“ человѣка, какъ ведутъ заброшенныя дѣти нашихъ селъ и весей. Эта нищета и вѣчная забота о завтрашнемъ днѣ, царившія дома, жизнь въ тѣснотѣ и удушьи, исполненномъ мелкихъ

Михаилъ Васильевичъ
НОВОРУССКІЙ.

хозяйственныхъ дрязгъ, рано раскрыли передъ М. В. всю оборотную сторону человѣческаго существованія,—и онъ вынесъ закаленнымъ противъ всякихъ матеріальныхъ невзгодъ и глубокимъ реалистомъ, для котораго иллюзій, кажется, не существуетъ. Кромѣ того, изъ него вышелъ человѣкъ труда, не знающій ни устали, ни апатіи, ни даже передышки. Побратимство или, лучше сказать, полное сліяніе въ дѣтствѣ съ окружающей средой тоже наложили на М. В. свою печать, давъ ему полное знаніе народа. Но съ виду, пожалуй, холодное и критическое отношеніе къ деревенскому люду, вынесенное изъ близкаго сношенія съ обнаженнымъ отъ всякихъ прикрасъ мужикомъ, скрываетъ въ немъ глубокую сдержанную любовь къ этимъ насыпкамъ жизни. Выйдя изъ духовнаго сословія, М. В. прекрасно знаетъ и эту среду, въ которой тѣни едва ли не больше, чѣмъ во всякомъ другомъ сословіи, но всѣ недостатки и темныя стороны и до сихъ поръ не погасили въ немъ любовнаго отношенія къ этому своеобразному мірку. Самаго поверхностнаго знакомства съ М. В. достаточно, чтобъ открыть это подводное теченіе въ душѣ его.

Подготовленный старшими братьями, онъ былъ свезенъ на савраскѣ въ старорусское духовное училище со скуднымъ запасомъ необходимой одежды и небольшимъ гостинцемъ для ублаженія ближайшаго начальства. Оттуда, какъ потомъ и изъ семинаріи, онъ возвращался домой на каникулы пѣшимъ ходомъ, чтобы снова окунуться въ домашнюю тѣсноту и деревенскій просторъ.

Оттого его связь съ деревней, съ ея жителями, бывшими товарищами игръ, уцѣлѣла и до сихъ поръ, и по выходѣ изъ Шлиссельбурга, при посѣщеніи родныхъ мѣстъ, деревня встрѣтила его трогательнымъ привѣтомъ, какъ плоть отъ плоти своей. Его бывшіе товарищи устроили ему встрѣчу, ясно показавшую, что память о немъ все время сохранялась, и загадка о его судьбѣ не осталась ими неразгаданной.

Дальше я скажу словами самого М. В.

„По обычаю своихъ предковъ, я проходилъ всю духовную школу, по всѣмъ тремъ этажамъ—духовное училище, семинарію и академію. При этомъ съ 17 лѣтъ учился и содержался на казенный счетъ и, такимъ образомъ, въ общей сложности около 28 лѣтъ [1]) состоялъ государственнымъ пансіонеромъ... Мальчикъ я былъ способный и шаловливый; но послѣднее

[1]) Считая и содержаніе въ тюрьмѣ въ теченіе 18½ лѣтъ.

свойство вытравила школа, а первое—направила на свойственную ей схоластическую дорогу. Одинъ мой либеральный товарищъ по семинаріи даже прозвалъ меня „Ортодоксіей“, а нѣкоторые, сверхъ того, звали „мистикомъ“.

„Въ такомъ званіи я и былъ отправленъ въ 1882 г. на казенный счетъ въ академію (въ Петербургъ). Ѣхалъ я туда съ тайнымъ намѣреніемъ принять „иноческій санъ“, но встрѣтилъ тамъ духъ, мало подходящій для осуществленія такого намѣренія, и хотя вскорѣ этотъ духъ перемѣнился, но для меня уже было поздно, ибо червь сомнѣнія и критики прочно внѣдрился въ меня съ перваго же года.

„Тѣмъ не менѣе, до 1885 г. я учился, какъ самый заправскій студентъ академіи, не имѣя вовсе знакомыхъ въ столицѣ. Лишь съ этого года я выступилъ на сцену общественной жизни, сначала какъ одинъ изъ организаторовъ разсыпавшагося новгородскаго землячества. Въ 1886 г. организовался въ Петербургѣ союзъ землячествъ, въ которомъ я состоялъ въ качествѣ депутата отъ своего землячества. Но чѣмъ-либо серьезнымъ этотъ „союзъ“ себя не проявилъ, если не считать панихиды по Добролюбовѣ въ 25-ю годовщину его смерти 17 ноября 86 г., когда передъ Волковымъ кладбищемъ собралось до тысячи человѣкъ учащейся молодежи. Въ полицейскихъ кругахъ этой демонстраціи (панихида не была допущена) приписывали какое-то особое значеніе, судя по тому, что ей отводилось мѣсто даже въ нашемъ обвинительномъ актѣ.

„Въ 1886 г. я кончилъ академію въ званіи кандидата и, какъ одинъ изъ наиболѣе преуспѣвшихъ, былъ оставленъ при ней въ качествѣ „профессорскаго стипендіата“ для приготовленія къ занятію каѳедры. Въ этихъ видахъ я писалъ магистерскую диссертацію, на каковой и засталъ меня арестъ 3-го марта 87 г.

„На союзныхъ земляческихъ собраніяхъ я познакомился съ А. И. Ульяновымъ, но никакихъ конспиративныхъ дѣлъ съ нимъ не имѣлъ вплоть до 7 февраля 1887 г., когда онъ обратился ко мнѣ съ просьбой—позволить ему приготовить въ моей квартирѣ недостающіе три фунта динамита. Подробностей организаціи этого дѣла излагать здѣсь не буду, скажу только, что динамитъ былъ приготовленъ, а лабораторія осталась у меня и была арестована вмѣстѣ со мной по указанію Канчера, судившагося вмѣстѣ съ нами и выдавшаго моихъ товарищей.

„Какъ видите, никакой роли въ жизни я сыграть не успѣлъ—

ни общественной, ни революціонной. И хотя сидѣлъ 18½ лѣтъ подъ знаменемъ борьбы за торжество освободительныхъ и прочихъ идеаловъ, но всегда конфужусь, когда вижу свое имя на ряду съ настоящими борцами...

„Политическое воспитаніе я успѣлъ получить только въ Шлиссельбургѣ, благодаря необыкновенной любезности П. Н. Дурново, ковавшаго тогда карьеру на нашихъ спинахъ и отправившаго меня туда дозрѣть и сформироваться.

„Мои экономическія понятія не шли дальше безпочвенныхъ симпатій къ мужику и трудящемуся люду вообще, симпатій, частью унаслѣдованныхъ съ дѣтства, частью вынесенныхъ изъ народнической литературы. На долю послѣдней, въ частности, нужно отнести идеализацію общины, какъ особаго уклада русской народной жизни, могущаго послужить базисомъ для реорганизаціи всего экономическаго строя на трудовыхъ началахъ. Объ этой реорганизаціи мы не мало мечтали въ своемъ кружкѣ въ академіи, не уходя, впрочемъ, дальше утопическаго прекраснодушія".

Дѣло, по которому судили М. В., состояло въ приготовленіи покушенія на жизнь императора Александра III. Главные участники, съ бомбами въ рукахъ, были 1-го марта 87 г. взяты на улицѣ. Одинъ изъ арестованныхъ сигнальщиковъ—Канчеръ выдалъ все и всѣхъ и помогъ создать процессъ 15-ти революціонеровъ, которые всѣ и были приговорены въ маѣ того же года къ смертной казни. Но изъ нихъ восьмерымъ судъ ходатайствовалъ замѣнить смертную казнь другими видами наказанія. Въ числѣ ихъ не былъ М. В. Изъ остальныхъ семи казнили—Андреюшкина, Ульянова, Генералова, Шевырева и Осипанова, а Новорусскаго и Лукашевича заключили безсрочно въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ они и оставались до 23 октября 1905 г.

М. В., дѣйствительно, прибылъ въ Шлиссельбургъ, какъ онъ самъ справедливо говоритъ, человѣкомъ не сформировавшимся и совсѣмъ не подготовленнымъ къ участи, которая обрушилась на него, подобно лавинѣ. Какъ еще лишь о немногихъ узникахъ Шлиссельбурга, о немъ можно сказать, что вполнѣ образовался и развился онъ въ стѣнахъ этой крѣпости. Онъ прекрасно и всесторонне, насколько допускали возможныя въ тюрьмѣ образовательныя средства, воспользовался тюремнымъ досугомъ и пополнилъ свое крайне узкое семинарское и академическое образованіе. Не разъ впослѣдствіи онъ удивлялся собственному полнѣйшему невѣдѣнію,

хотя бы во всей обширной области естествознанія, а также и соціологіи. Зато теперь ни одна научная отрасль, кромѣ развѣ высшей математики, не чужда ему. Изъ наукъ, кромѣ естественныхъ (ботаники, зоологіи, минералогіи, физіологіи и психологіи, геологіи и палеонтологіи), М. В. не мало времени отдавалъ статистикѣ и не разъ писалъ очень удачныя, хотя и не лишенныя парадоксовъ, статьи по тому или другому общественному вопросу, иллюстрируя его статистическими данными... Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тюрьмѣ его мысль расширилась и окрѣпла, и изъ неопредѣленнаго расплывчатаго міросозерцанія у него выработалась цѣльная продуманная система. Быть можетъ, она и нѣсколько односторонняя, но въ этомъ ужъ виноваты ненормальныя условія тюрьмы, гдѣ вліянія жизни не смягчаютъ увлеченія доктриной: М. В.—убѣжденный экономическій матеріалистъ, часто впадающій въ крайности, отъ которыхъ люди той же школы, жившіе на свободѣ, кажется, уже отказались.

Въ нашемъ крошечномъ тюремномъ міркѣ, гдѣ все человѣчество воплощалось въ послѣднее десятилѣтіе въ 12—13 сотоварищахъ, М. В. былъ чуть ли не самымъ неутомимымъ и продуктивнымъ работникомъ по всевозможнымъ отраслямъ.

Ремесла (столярное, токарное, переплетное) онъ изучилъ превосходно, и его трудоспособность въ нихъ была изумительна. По временамъ онъ давалъ мнѣ списокъ вещей, сдѣланныхъ въ теченіе полугода. Просматривая этотъ перечень, я могла только восклицать: „у васъ, М. В., золотыя руки!“— такое множество вещей созидалъ онъ, и притомъ всегда въ возможной степени совершенства. Какъ коллекціонеру (по ботаникѣ, энтомологіи, минералогіи), ему въ нашей тюрьмѣ, по всей справедливости, принадлежитъ пальма первенства. Когда мы одно время работали на подвижной музей, никто не могъ превзойти этого несравненнаго труженика по обилію собраннаго и обработаннаго имъ матеріала, по его неистощимой и неоскудѣвающей энергіи!..

Прекрасныя коллекціи, вывезенныя имъ изъ Шлиссельбурга, будутъ когда-нибудь извѣстны широкой публикѣ, такъ какъ украсятъ музей народнаго университета, для котораго М. В. ихъ предназначаетъ. Наша тюрьма единогласно удивлялась самодѣятельности, настойчивости и предпріимчивости М. В. по части разныхъ техническихъ производствъ. Онъ чинилъ часы, органчики, физическіе приборы и всевозможные предметы, повидимому, совсѣмъ погибшіе, но которые несли къ нему разные служащіе,—и онъ дѣлалъ надъ ними чудеса, возвращая

все въ наилучшемъ видѣ. Не разъ онъ смѣшилъ насъ своими предпріятіями, .воздѣлывая картофельную муку для киселя и приготовляя патоку изъ нея, выращивая цикорій и производя удивительныя ягодныя вина (изъ вишни, малины, черной смородины); разъ сдѣлалъ даже изюмъ въ вентиляторѣ изъ кисти винограда, попавшей какъ-то къ намъ на пасхѣ, и, вообще, былъ настоящимъ Колумбомъ при нашемъ скудномъ бюджетѣ. Собирался заняться шелководствомъ и хотѣлъ для этого засѣять огородъ скорцонерой, чтобы кормить ею шелковичнаго червя вмѣсто листьевъ тутоваго дерева, но температура тюрьмы, годная для насъ, оказалась невыносимой для этого нѣжнаго созданья, и проектъ остался неосуществленнымъ.

Новорусскій провелъ всѣ 18½ лѣтъ заключенія, усиленно работая головой и руками, гармонически сочетая умственный и физическій трудъ. Кажется, у него не пропадала безплодно ни одна минута тюремной жизни... И этотъ трудъ помогъ ему не только жить въ тюрьмѣ, но и выйти изъ нея человѣкомъ въ полномъ обладаніи духовныхъ и физическихъ силъ.

В. Фигнеръ.

Михаилъ Федоровичъ Лаговскій.

Родился М. Ф. Лаговскій въ г. Нерехтѣ Костромской губ. въ іюлѣ 1856 г. въ семьѣ небогатаго чиновника, переселившагося вскорѣ въ Оренбургъ. Здѣсь Михаилъ Федоровичъ отданъ былъ въ военную гимназію (бывшій Неплюевскій кадетскій корпусъ); но въ тѣ времена въ военныхъ гимназіяхъ давалось общее образованіе по программѣ реальныхъ училищъ, и военнымъ духомъ пахло въ нихъ очень мало. По окончаніи курса въ этой гимназіи, М. Ф. учился въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ въ Москвѣ, откуда въ 1875 году былъ выпущенъ прапорщикомъ.

Полученное на казенный счетъ образованіе потребовало затѣмъ обязательной службы по назначенію начальства. Послѣднее давно уже неблагосклонно относилось къ Лаговскому, считая его „неблагонадежнымъ“ (еще въОренбургѣ онъ обвинялся въ участіи въ какихъ-то тайныхъ сходкахъ), и молодой офицеръ назначенъ былъ во 2-й Восточно-Сибирскій батальонъ, стоявшій въ Забайкальи. Жизнь въ Троицкосавскѣ, на границѣ Китая, оказалась очень тяжелой и въ матеріальномъ, и еще болѣе въ духовномъ отношеніи,—и въ 1877 году, послѣ ряда безуспѣшныхъ хлопотъ о переводѣ въ Россію, Лаговскій настоялъ на отставкѣ.

Проживъ послѣ того 1½ года въ небольшомъ имѣніи матери подъ Костромою, гдѣ наравнѣ съ крестьянами исполнялъ всѣ сельскія работы, Михаилъ Федоровичъ опять поступаетъ въ 1880 году въ военную службу, но въ концѣ лѣта 1881 г. уже подвергается въ Ярославлѣ аресту за храненіе нелегальныхъ изданій. Съ этого момента и начинается для него—тянувшаяся съ короткими перерывами до конца жизни—мрачная полоса тюрьмы и изгнанія...

Михаилъ Ѳедоровичъ
ЛАГОВСКІЙ.

Приговоренный административно къ ссылкѣ въ западную Сибирь, осенью 1882 г. М. Ф. былъ отправленъ туда изъ Москвы этапнымъ порядкомъ, но съ дороги его почему-то вернули обратно и всю зиму опять протомили въ острогѣ. Высылка состоялась лишь весной 1883 г. Однако, недолго пришлось ему пробыть въ Сибири (въ г. Маріинскѣ Томской губ.): при обычной встрѣчѣ мѣстными ссыльными товарищей-революціонеровъ, провозимыхъ этапомъ дальше, произошла ссора съ конвоемъ, которую мѣстныя власти раздули въ „нападеніе на караулъ“, и Лаговскому, какъ бывшему офицеру, грозили серьезныя кары. Онъ предпочелъ бѣжать и, ставъ нелегальнымъ, вступить въ ряды партіи „Народной Воли“.

Начало 1884 года, когда Лаговскій, послѣ труднаго и тяжелаго путешествія черезъ Киргизскую степь, безъ денегъ и даже безъ паспорта, пробрался въ Петербургъ, было критическимъ моментомъ въ жизни русской соціально-революціонной партіи. Только-что раздѣлалась она съ Судейкинымъ и Дегаевымъ, такъ долго державшими революціонныя силы въ искусственной спячкѣ, и послѣднія, какъ весенній потокъ, неожиданно сорвавшій съ себя ледяныя путы, бѣшено-радостно метались изъ стороны въ сторону, не зная, куда направиться и что дѣлать. Шли словопренія... Начинались кое-гдѣ раздоры, естественно ослаблявшіе организаціонную дисциплину и бдительность... А растерявшаяся было послѣ убійства Судейкина полиція уже успѣла оправиться и спокойно, методически выбирала намѣченныя жертвы... Съ марта 1884 года онѣ начали падать одна за другою. Въ числѣ первыхъ арестованныхъ былъ М. Ф. Лаговскій. Онъ взятъ былъ на улицѣ (квартиру его открыли не скоро), и при немъ оказался тотъ же рецептъ столь напугавшаго правительство Дм. Толстого новаго взрывчатаго вещества необычайной силы, что и у арестованнаго вскорѣ Н. П. Стародворскаго. Никакихъ другихъ серьезныхъ провинностей за Лаговскимъ не числилось, но и этого было достаточно для безотвѣтственнаго правительства, чтобы расправиться съ бывшимъ офицеромъ „примѣрно“, т.-е. безпримѣрно-несправедливо и жестоко. Безъ тѣни чего-либо похожаго даже на тотъ „шемякинъ судъ“, какимъ судили въ тѣ времена крупныхъ политическихъ преступниковъ, простымъ административнымъ приказомъ—10 октября 1885 г. Михаилъ Лаговскій былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и заключенъ въ ней на 5 лѣтъ. Это было время, когда шлиссельбургскіе узники подвергались самымъ

суровымъ репрессаліямъ и мучительнымъ униженіямъ; и тому же режиму подвергнутъ былъ никакимъ судомъ не осужденный и не лишенный по закону правъ штабсъ-капитанъ Лаговскій. Характерно, что когда уже въ 1899 году, находясь на свободѣ, М. Ф. вытребовалъ свой указъ объ отставкѣ, тамъ значилось, что онъ „не былъ ни подъ судомъ, ни слѣдствіемъ“, и что „въ службѣ сего оберъ-офицера не было обстоятельствъ, лишающихъ его права на знакъ отличія за безпорочную службу...“ Зачѣмъ понадобилось Толстому и Дурново такое явное и ни съ чѣмъ несообразное нарушеніе формы и „законности“ — остается до сихъ поръ загадкой.

Въ октябрѣ 1890 года кончался назначенный 5-лѣтній срокъ заключенія, и М. Ф. съ волненіемъ готовился къ выходу на свободу. И каковъ же былъ для него ударъ, когда ему объявили бумагу о продленіи шлиссельбургскаго заточенія еще на 5 лѣтъ. Это было равносильно смертному приговору, такъ какъ ничто больше не гарантировало, что по прошествіи новыхъ пяти лѣтъ самовластные министры еще и еще разъ не насмѣются надъ своей беззащитной жертвой!

Съ этого именно времени нервная система несчастнаго Лаговскаго серьезно пошатнулась. Между прочимъ, переведенный за какую-то провинность, вмѣсто карцера, въ зданіе „старой тюрьмы“, онъ сидѣлъ въ камерѣ, смежной съ тою, гдѣ такъ трагически погибъ М. Ф. Грачевскій; онъ слышалъ бѣготню стражи за ключами, грубое волоченіе тѣла изъ камеры въ корридоръ, стоны умирающаго и острый запахъ его горѣлаго тѣла... Лаговскій пришелъ въ изступленіе и яростно билъ кулаками въ дубовую, окованную желѣзомъ, дверь; палачамъ было, однако, не до него...

Наконецъ, въ 1895 году онъ выпущенъ былъ изъ Шлиссельбурга и высланъ на три года подъ надзоръ полиціи въ г. Караколъ (Пржевальскъ). Но и тутъ судьба не сразу дала отдыхъ его измученной душѣ, пославъ ему новую пытку: за долгій періодъ могильной жизни Михаила Федоровича связи его съ родными совершенно утерялись, и долгое время онъ никакъ не могъ ихъ возобновить. Въ эти дни онъ былъ на порогѣ подлиннаго сумасшествія... По счастью, удалось все же отыскать мать, брата и другихъ родственниковъ, и подъ благотворнымъ вліяніемъ свиданія съ ними, живыхъ впечатлѣній любви и дружбы опасность безумія устранилась; нервная система Михаила Федоровича мало-по-малу начала приходить въ порядокъ.

Жизнь въ Караколѣ была, тѣмъ не менѣе, не изъ легкихъ. Вмѣсто каменныхъ стѣнъ кругомъ была дикая, чужая пустыня... Свиданіе съ родственниками было кратковременно, а переписка подвергалась цензурѣ полиціи; занятій никакихъ не разрѣшалось.

Наконецъ, въ 1898 году М. Ф. получилъ возможность вернуться въ Россію, хотя и съ многочисленными ограниченіями права выбора мѣстожительства, занятій и пр. Попытка служить въ земствѣ не удалась, объ учительствѣ нечего было и думать. М. Ф-чу, однако, посчастливилось поступить на желѣзную дорогу завѣдующимъ хлѣбнымъ элеваторомъ—сначала въ г. Сердобскѣ (Сарат. губ.), а затѣмъ въ г. Балашовѣ; одновременно началось сотрудничество въ газетѣ „Саратовскій Дневникъ". Зародились даже мечты переселиться въ Саратовъ и совсѣмъ отдаться литературной работѣ... Но судьба судила иначе: 29 мая 1903 г. Михаилъ Федоровичъ, купаясь въ р. Хопрѣ, утонулъ.

Въ одномъ изъ своихъ шлиссельбургскихъ стихотвореній покойный говорилъ:

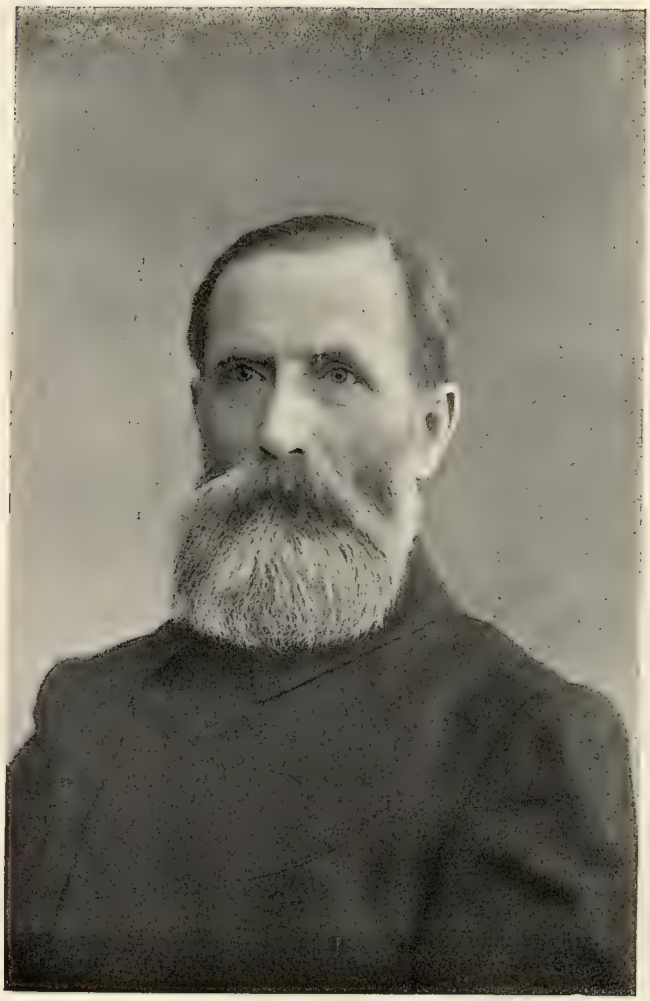
Загорѣлась зорька ясная,
Разукрашенъ бѣлый свѣтъ,
Но ко мнѣ моя прекрасная
Не приходитъ,—нѣтъ, какъ нѣтъ!
Все сижу, да жду погодушки.
Да ужъ будетъ ли она?
Ахъ, безъ милой, безъ свободушки,
Словно полночь, жизнь темна!
Годы йдутъ другъ за дружкою...
Что-то будетъ впереди?
Иль сведетъ судьба съ подружкою,
Какъ заснетъ ужъ все въ груди?

Горькій вопросъ этотъ оказался пророческимъ: свобода пришла къ своему вѣрному рыцарю, когда его сторожилъ уже вѣчный сонъ—сонъ смерти...

Это была прямолинейная, открытая душа, бурно преданная интересамъ общественнаго блага, готовая на безграничное самоотверженіе. Это былъ подвижникъ эпохи 70 годовъ, вынужденный жестокой россійской дѣйствительностью отдаться суровой работѣ разрушенія, когда всѣ струны его нѣжно-поэтической души звучали тоской по идеалу всеобщей любви. Будь же легка тебѣ родная земля, скромный и честный работникъ зари русскаго освобожденія!

Михаилъ Родіоновичъ Поповъ.

Михаилъ Родіоновичъ Поповъ, сынъ священника, родился 14-го ноября 1851 г. въ мѣстечкѣ Глафировкѣ (Ростовскаго-на-Дону уѣзда, Екатеринославской губерніи, нынѣ Области войска Донского), крѣпостномъ владѣніи помѣщика Нарецкаго, гдѣ отецъ его въ то время былъ діакономъ. Здѣсь провелъ М. Р. первыя десять лѣтъ своей жизни, въ теченіе которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Онъ видѣлъ каждое воскресенье Нарецкаго, любовавшагося изъ окна на то, какъ у барской конюшни хлещутъ плети и розги по тѣлу провинившихся за недѣлю крѣпостныхъ, видѣлъ издѣвательства надъ крестьянами со стороны барской челяди, слышалъ жалобы заключенныхъ въ тюрьмѣ при барской конторѣ пойманныхъ бѣглыхъ, которые сбѣгали отъ барина въ вольныя донскія степи, слышалъ разсказы объ ужасахъ крѣпостного права и отъ отца и матери, у которыхъ были крѣпостные родственники. Разсказъ матери о томъ, какъ помѣщикъ Ковалинскій запоролъ на смерть плетьми ея дѣда, остался на всю жизнь въ его памяти. Вообще, его дѣтство внушило ему неопредѣленное, но сильное чувство ненависти къ старому порядку. Другое чувство, вынесенное имъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, было—любовь къ народу и сочувствіе его страданіямъ. Священника о. Родіона крестьяне, какъ и всѣ окружающіе, любили и уважали, и постоянно шли къ нему за совѣтомъ, довѣряя ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Самому М. Р. приходилось неоднократно быть заступникомъ за крѣпостныхъ предъ помѣщикомъ. Нарецкій, хотя и пропитанный насквозь крѣпостническими привычками, былъ человѣкъ не злой; разбитый параличемъ и совершенно одино-



Михаилъ Родіоновичъ

ПОПОВЪ.

кій, онъ съ любовью относился къ дѣтямъ духовенства своего села, охотно выслушивалъ ихъ просьбы и часто ихъ удовлетворялъ. Такимъ образомъ, съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ М. Р. привыкъ къ мысли о настоятельной необходимости активно вступаться за обиженныхъ и угнетаемыхъ. Его семья постоянно боролась съ тяжелой нуждой. Было тяжелое время, когда одна изъ его сестеръ отъ неустанной работы потеряла зрѣніе (на одинъ глазъ). И эта тяжелая борьба его семьи за существованіе наложила свой отпечатокъ на характеръ М. Р., закаливши его физически и нравственно, вложивши въ него привычку къ упорному труду.

Въ 1861 г. М. Р. отвезли въ частную школу въ Ростовъ-на Дону для подготовки въ среднеучебное заведеніе. Здѣсь пробылъ онъ одинъ годъ, когда, послѣ колебаній между гимназіей и духовнымъ училищемъ, его отдали въ духовное училище въ г. Маріуполѣ, изъ-за неимѣнія средствъ содержать въ гимназіи. Годы, проведенные въ духовномъ училищѣ (1862—1868), прошли почти безслѣдно для развитія М. Р. Это была настоящая бурса Помяловскаго со всѣми ея прелестями. Ненависть учащихся къ учителямъ, истязавшимъ дѣтей, доходила до того, что послѣ смерти жестокаго смотрителя ученики, дежурившіе у гроба, издѣвались надъ его трупомъ, били его и выкрикивали тѣ ругательства, на которыя при жизни не скупился покойный. Ненависть противъ мучителя оказалась сильнѣе дѣтскаго страха предъ смертью и трупомъ покойника. Только одинъ учитель оставилъ по себѣ болѣе хорошія воспоминанія. Горькій пьяница, онъ, подобно другимъ учителямъ, билъ дѣтей немилосердно; но ученики, которыхъ звалъ онъ по имени и отчеству, чувствовали, что онъ относится къ нимъ съ любовью и вниманіемъ. Зоркій глазъ опытнаго, хотя и вѣчно-пьянаго, педагога отмѣтилъ М. Р. среди массы ребятъ.—„Михаилъ Родіоновичъ не будетъ „кнышехватомъ“, не будь я Даніилъ Кондратычъ Дыбскій, если я ошибаюсь, а я рѣдко ошибаюсь!“ говаривалъ онъ часто. Этимъ хотѣлъ онъ сказать, что М. Р. не пойдетъ въ ряды того духовенства, которое живетъ поборами съ крестьянъ, не брезгуя „кнышами“ (маленькими свадебными хлѣбцами).

Въ Екатеринославской духовной семинаріи М. Р. пробылъ съ 1868 по 1872-й годъ. Здѣсь учителя, по большей части, были вѣрны завѣтамъ 60-хъ годовъ. Семинаристы слышали отъ нихъ на урокахъ лекціи о смутномъ времени, о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ, о малороссійскомъ казачествѣ, объ обще-

ственномъ движеніи въ З. Европѣ, о Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Тургеневѣ; нѣкоторые учителя читали на урокахъ и разбирали съ семинаристами статьи изъ „Отечественныхъ Записокъ“, другіе собирали молодежь у себя на дому. Къ М. Р. и его тремъ товарищамъ, собиравшимся въ университетъ, учителя особенно благоволили. Эти годы имѣли сильное вліяніе на М. Р.

Вмѣсто университета, М. Р. поступилъ въ петербургскую медико-хирургическую академію (нынѣ—военно-медицинская), гдѣ пробылъ съ 1872-го по 1876-й годъ. Въ 1874 г. онъ участвовалъ, между прочимъ, въ студенческихъ безпорядкахъ по поводу проф. Ціона, но не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Именно въ эти годы произошло грандіозное „движеніе въ народъ“. Старшій товарищъ и другъ М. Р., молодой врачъ І. В. Аптекманъ („старый землеволецъ“) отправился также въ народъ, увлекая многихъ своимъ примѣромъ. Но М. Р., находившійся тогда въ кружкѣ д-ра Владыкина (изъ Новочеркаска), не послѣдовалъ примѣру товарищей. Мысль о необходимости постоянной работы въ народѣ заставляла его отдаться наукѣ, чтобы, окончивъ курсъ, работать въ народѣ въ качествѣ врача. Въ этотъ періодъ онъ усердно занимался медициной, съ особенной любовью работая по гистологіи подъ руководствомъ проф. Заварыкина. Но жизнь оказалась сильнѣе. Уже съ осени 1875 г. М. Р. принялъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, не покидая, однако, академіи. Съ октября 1875 г. и по май 1876 г. М. Р. жилъ подъ Петербургомъ въ Колпинѣ, лишь изрѣдка являясь въ академію (въ клинику) и ведя все время пропаганду среди колпинскихъ рабочихъ. Его товарищемъ и сотрудникомъ въ дѣлѣ пропаганды былъ выдающійся рабочій Алексѣй Николаевичъ Петерсонъ [1]). М. Р. знакомилъ рабочихъ съ ученіемъ К. Маркса, читая и объясняя имъ I томъ „Капитала“ (изданный въ Россіи въ 1872 г.),—причемъ первыя главы онъ излагалъ по популярному (переводному, рукописному) пересказу І. Моста, а начиная съ главы о рабочемъ днѣ—по собственному изложенію Маркса. Въ этотъ періодъ М. Р. былъ друженъ съ товарищемъ по академіи Н. И. Кибальчичемъ и, только благодаря случайности, не былъ арестованъ, явившись на квартиру Кибальчича, гдѣ послѣ обыска и ареста сидѣла полицейская засада.

[1]) А. Н. Петерсонъ арестов. въ февр. 1878 г., какъ членъ «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза», сосланъ въ Арханг. губ., бѣжалъ, вскорѣ снова арест. въ Спб. и сосланъ въ Якут. обл.; въ 1902 г. арестованъ по дѣлу партіи с.-р. и послѣ долгой тюрьмы сосланъ въ Вологодскую губ.

Весной 1876 г. вопросъ о томъ, куда идти, сталъ предъ М. Р. во весь ростъ. Нельзя было заниматься и наукой, и революціей. Нужно было выбирать. Остановившись на Сампсоньевскомъ мосту, по дорогѣ на переходные экзамены, и глядя въ черныя волны Невы, М. Р. глубоко задумался надъ этимъ вопросомъ. Это былъ моментъ перелома, моментъ рѣшенія, опредѣлившаго его судьбу. Съ этого мѣста и съ этой минуты онъ пошелъ по тому пути, который привелъ его къ подножію висѣлицы, а оттуда на Карійскую каторгу, въ Алексѣевскій равелинъ и, наконецъ, въ Шлиссельбургъ. М. Р. отдался безповоротно и навсегда дѣлу русской революціи.

Въ это время, въ средѣ революціонной интеллигенціи, подъ вліяніемъ разгрома „хожденія въ народъ", возникло стремленіе замѣнить летучую пропаганду агитаціей за насущные интересы народа путемъ постоянныхъ и прочныхъ „поселеній" революціонеровъ въ народѣ. Но для этого необходимы были, помимо спеціальнаго знанія извѣстной профессіи, свѣдѣнія чисто техническаго характера о земледѣліи, не говоря уже о болѣе широкомъ и подробномъ изученіи положенія русскаго крестьянства. М. Р. отправился въ Таврическую губернію, гдѣ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ у содержателя почтовыхъ лошадей Хотинскаго было устроено хозяйство, въ которомъ работала и училась молодежь, готовившаяся идти въ народъ. Отсюда, пробывши здѣсь недолго, М. Р. выѣхалъ въ Ростовъ на Дону. Въ мѣстномъ (т. наз. „донскомъ") кружкѣ работали тогда Емельяновъ (извѣстный—по дѣлу о Казанской демонстраціи 1876 г. и по расправѣ съ нимъ въ 1877 г. Трепова—подъ именемъ Боголюбова), В. А. Осинскій и Л. Н. Гартманъ. Въ этомъ кружкѣ, состоявшемъ изъ интеллигентовъ и занимавшемся преимущественно чтеніемъ и разборомъ легальной и нелегальной литературы, съ цѣлью подготовки для работы въ народѣ, принялъ участіе и М. Р. вмѣстѣ съ Юріемъ Типченко и Мозговымъ. Затѣмъ, желая ближе ознакомиться съ народомъ, М. Р. отправился по Дону изъ Ростова, черезъ Калачъ, въ Царицынъ, вмѣстѣ съ грузчиками лѣса. Волга притягивала тогда къ себѣ вниманіе революціонеровъ, мечтавшихъ создать по всему Поволжью, среди населенія, которое должно было помнить бунты Разина и Пугачева, рядъ своихъ поселеній. Съ Волги М. Р. поѣхалъ къ осени въ Петербургъ.

Здѣсь, осенью 1876 г. собрались представители различныхъ соціально-революціонныхъ кружковъ, съ цѣлью положить конецъ вредной для дѣла разрозненности и несогласованности

дѣйствіи, и объединились въ единую партію, которая впослѣдствіи приняла имя „Земли и Воли“. Вмѣстѣ съ Харьковскимъ вошелъ въ организацію и Ростовскій („Донской“) кружокъ, представителями котораго явились В. Осинскій и Емельяновъ. Ал. Михайловъ въ своей автобіографіи, отмѣчая вліятельныхъ лицъ вновь образовавшейся партіи, упоминаетъ и о Михаилѣ Поповѣ „съ компаніей“. Осенью прибылъ въ Петербургъ Я. Стефановичъ, съ цѣлью добыть оружіе для подготовлявшагося имъ крестьянскаго возстанія въ чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Съ цѣлью добыть средствъ на это дѣло, М. Р., по порученію партіи, выѣхалъ въ Астрахань. Въ это время Баранниковъ, работавшій въ Астрахани въ кузницѣ, ликвидировалъ свое дѣло, и такъ какъ миссія М. Р. кончилась неудачей, то оба они купили возъ съ рыбой, пару лошадей и двинулись въ Макарьевъ, чтобы по дорогѣ вести пропаганду и подыскивать мѣста для поселеній въ мѣстностяхъ съ наиболѣе революціонно настроеннымъ населеніемъ. Доѣхать пришлось М. Р. и Баранникову только до Царицына. Дорогой вели они устную пропаганду, распространяя также нелегальную литературу, причемъ „Хитрая Механика“ имѣла особенный успѣхъ.

Между тѣмъ, 6-го декабря 1876 г. во время первой демонстраціи на Казанской площади былъ арестованъ (а въ 1877 г. приговоренъ къ долгосрочной каторгѣ) братъ М. Р., студентъ Академіи Художествъ Илья Родіоновичъ Поповъ. М. Р. пришлось хлопотать по поводу этого дѣла, ѣздить за матерью въ Самарскъ (гдѣ съ 1861 г. отецъ его былъ священникомъ), присутствовать на процессѣ.

Большую часть 1877 г. М. Р. жилъ въ Ростовѣ на Дону, дѣятельно работая въ „донскомъ“ кружкѣ, вмѣстѣ съ Ю. Тищенко и Хотинскимъ. Самымъ выдающимся членомъ этого кружка былъ (казненный въ Кіевѣ въ 1879 г.) В. Андр. Осинскій, который былъ тогда секретаремъ сперва ростовской уѣздной земской, а потомъ—городской управы. При помощи либеральнаго тогдашняго городского головы (впослѣдствіи камергера и министра путей сообщенія и казнокрада) Кривошеина, Осинскій наполнилъ ростовское городское управленіе революціонерами. Осинскій помогъ М. Р. устроиться въ земской управѣ, но оттуда М. Р. ушелъ изъ-за несогласія съ предсѣдателемъ управы Сарандинаки. Затѣмъ, въ качествѣ студента-медика, онъ работалъ въ ростовскомъ лазаретѣ Краснаго Креста (открытомъ по случаю войны). Работа кружка со-

стояла въ пропагандѣ среди интеллигенціи, рабочихъ и въ сношеніяхъ съ астраханскимъ и саратовскимъ поселеніями. Изъ донского кружка многіе ушли въ народъ. Сюда также направлялись многія лица изъ Петербурга, чтобы отсюда ѣхать въ поселенія на Волгу. Попытка М. Р. вести пропаганду среди „босяковъ", совершенно негодныхъ въ этомъ смыслѣ, и среди береговыхъ рабочихъ-грузчиковъ (и по сіе время представляющихъ наиболѣе несознательную и наименѣе организованную часть ростовскаго пролетаріата)—была совершенно неудачна. За то работа среди заводскихъ и желѣзно-дорожныхъ рабочихъ дала блестящіе результаты: были организованы правильные кружки среди рабочихъ, особенно желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Такимъ образомъ, М. Р., уже имѣвшій опытъ пропаганды въ рабочей средѣ, продолжалъ дѣло пропаганды и организаціи ростовскихъ рабочихъ, начатое „Южно-русскимъ рабочимъ союзомъ" (1875 г.). Благодаря связямъ въ обществѣ, кружокъ сумѣлъ избѣжать разгрома: мѣстный протоіерей предупредилъ о готовившихся обыскахъ у мѣстныхъ „радикаловъ", о которыхъ онъ случайно узналъ, играя въ карты съ жандармскимъ полковникомъ. Въ Александровскѣ-Грушевскѣ успѣшно работалъ среди мѣстныхъ шахтеровъ, при помощи ростовскаго кружка, одинъ изъ его членовъ, Быковцевъ. Нужно добавить, что осенью 1877 г., уже въ отсутствіе М. Р. изъ Ростова, созданная его трудами рабочая организація была разгромлена. Шпіонъ-рабочій Никоновъ не могъ указать интеллигентовъ, работавшихъ въ кружкахъ. Зато онъ указалъ, при выходѣ рабочихъ изъ мастерскихъ, на нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые послѣ тюремнаго заключенія были высланы и сосланы административно. За это предательство Никоновъ былъ 1 февраля 1878 г. убитъ Ивичевичемъ при помощи В. Осинскаго и Сентянина.

Когда въ 1905 г. М. Р. пріѣхалъ въ Ростовъ на Дону, тамъ были еще старики рабочіе, помнившіе о его пропагандѣ.

Зиму 1877—78 гг. М. Р. пробылъ въ Петербургѣ, продолжая работу, преимущественно среди заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. 24 февр. 1878 г. онъ принялъ участіе въ демонстраціи на похоронахъ студента Подлевскаго, умершаго послѣ долговременнаго тюремнаго заключенія. Присутствуя на засѣданіи суда Особаго присутствія Сената по дѣлу 193-хъ, М. Р. былъ потрясенъ рѣчью И. Н. Мышкина, съ которымъ впослѣдствіи свела его и сдружила тюрьма (на Карѣ и въ Шлиссельбургѣ). Наравнѣ съ Г. В. Плехановымъ и Ник. Лопати-

нымъ, М. Р. сыгралъ видную роль въ руководствѣ забастовкой у Торнтона, въ мартѣ 1878 г. Онъ былъ одинъ изъ землевольцевъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ рабочимъ. Моментъ этотъ въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи хорошо описанъ Плехановымъ. М. Р. долженъ былъ принять участіе въ вооруженномъ нападеніи на стражу, перевозившую Мышкина въ центральную каторжную тюрьму, а когда это предпріятіе не удалось, М. Р. съ другими товарищами поѣхалъ въ Харьковъ для того, чтобы вооруженной рукой отбить Войнаральскаго при перевозкѣ его на лошадяхъ. Участвовать въ этомъ нападеніи ему не пришлось, такъ какъ Фроленко, незадолго передъ тѣмъ, подъ видомъ ключника, освободившій изъ кіевской тюрьмы Дейча, Стефановича и Боховскаго, поручилъ ему отвезти первыхъ двухъ въ Петербургъ. Самъ же Фроленко замѣстилъ М. Р. въ попыткѣ отбить Войнаральскаго. М. Р. проводилъ кіевскихъ бѣглецовъ до Петербурга, гдѣ сдалъ ихъ Зунделевичу, позаботившемуся отправить ихъ далѣе, заграницу.

Въ концѣ іюня 1878 г. М. Р. выѣхалъ въ Воронежскую губернію основывать тамъ новое поселеніе народниковъ. Послѣ неудачи съ попыткой отбить Войнаральскаго, въ Воронежъ пріѣхали съ той же, что и Поповъ, цѣлью (изъ Харькова) Квятковскій, Марія Ник. Оловенникова-Ашанина, Баранниковъ и М. Ф. Фроленко. Подъ видомъ офени, сперва одинъ и пѣшкомъ, а затѣмъ въ телѣгѣ съ товаромъ, вмѣстѣ съ Квятковскимъ, своимъ задушевнымъ другомъ, М. Р. обслѣдовалъ значительную часть Воронежской губерніи. Благодаря довѣрію, которое оба друга завоевали въ крестьянской средѣ, имъ нетрудно было вести свои развѣдки. Бобровскій уѣздъ показался наиболѣе удобнымъ для революціонной работы. Особенно владѣнія царской фамиліи — Чесменка, гдѣ жилъ в. к. Николай Николаевичъ (старшій), Казачковка, Хрѣновое—привлекли вниманіе М. Р. и Квятковскаго сильнымъ неудовольствіемъ и почти нескрываемымъ ропотомъ крестьянъ. Для великокняжескихъ охотъ выгонялись на волчью облаву цѣлыя деревни... М. Р. и Квятковскій составили планъ использовать это недовольство и поднять крестьянское возстаніе; но когда М. Р. явился въ Воронежъ для доклада о положеніи дѣлъ и съ предложеніемъ осуществить намѣченный имъ и Квятковскимъ планъ, то его встрѣтило здѣсь письмо отъ Александра Михайлова изъ Петербурга. Михайловъ сообщалъ о почти полномъ разгромѣ центральной партійной организаціи, послѣдовавшемъ

послѣ убійства Мезенцева (4 авг.) объ октябрьскихъ арестахъ Адріана Михайлова, Ольги Натансонъ, Колѣнкиной, Трощанскаго и др. Михайловъ требовалъ, чтобы Поповъ немедленно явился на подкрѣпленіе расшатанной центральной организаціи. Какъ ни горько было М. Р. разставаться съ работой въ народѣ, но 20 ноября 1878 г. онъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ и Квятковскій, ждала М. Р. работа по возобновленію разрушенной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ участіе въ рядѣ террористическихъ актовъ того времени. Возвратясь въ концѣ марта 1879 г. въ Петербургъ изъ поѣздки, совершенной по распоряженію Исполнительнаго Комитета (дезорганизаторской группы партіи „Земли и Воли"), М. Р. въ тотъ же день принялъ участіе въ обсужденіи вопроса о покушеніи на жизнь имп. Александра II, внесеннаго на разсмотрѣніе совѣта партіи. Въ этомъ совѣщаніи не были оглашены имена лицъ, бравшихся за выполненіе предпріятія (Соловьева, Гольденберга и Кобылянскаго), но Поповъ зналъ, что такое намѣреніе заявлялъ Гольденбергъ. Но не потому только, что Гольденбергъ былъ еврей и его покушеніе могло быть истолковано нежелательнымъ образомъ, а и изъ глубокихъ принципіальныхъ соображеній М. Р. горячо возражалъ противъ цареубійства. Принимая прямо или косвенно участіе во всѣхъ террористическихъ актахъ, совершенныхъ до раскола „Земли и Воли" на двѣ партіи, М. Р. считалъ убійство Александра II, окруженнаго въ глазахъ народа ореоломъ освободителя, крупной политической ошибкой.

Присутствовавшіе раскололись на двѣ крайнія группы, и пренія приняли бурный характеръ. Когда со стороны лѣвой было заявлено, что нѣкто (оказалось впослѣдствіи—Соловьевъ) проситъ довести до свѣдѣнія организаціи „Земли и Воли" о своемъ рѣшеніи, во что бы то ни стало, пойти на убійство Александра II, и что онъ останется при этомъ своемъ рѣшеніи и въ томъ случаѣ, если организація выскажется противъ и откажетъ ему въ помощи въ этомъ дѣлѣ, поднялась цѣлая буря. Особенно потеряли мѣру М. Р. и Квятковскій, задушевные друзья, очутившіеся на этотъ разъ въ противоположныхъ лагеряхъ. Возмущенный анархическимъ заявленіемъ неизвѣстнаго, не желавшаго считаться съ требованіями партійной дисциплины въ такомъ высоко важномъ вопросѣ, Поповъ заявилъ: „Гг., если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ среды нашей не явится и Комис-

саровъ со своимъ намѣреніемъ, не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?!“ На это Квятковскій съ неменьшей запальчивостью отвѣтилъ по адресу Попова: „Если Комиссаровымъ будешь ты, то я и тебя застрѣлю!..“

За два дня до покушенія Соловьева (2 апр. 1879 г.) М. Р. выѣхалъ изъ Петербурга съ полномочіемъ созвать съѣздъ землевольцевъ въ одномъ изъ городовъ средней Россіи. Мѣстомъ для съѣзда онъ избралъ Тамбовъ, который затѣмъ пришлось перемѣнить на Воронежъ, благодаря нѣкоторой неосторожности части съѣхавшихся землевольцевъ. М. Р. отправился въ поѣздку по поселеніямъ, лежавшимъ на Юго-Востокѣ Россіи, съ цѣлью, во-первыхъ, сообщать товарищамъ о причинѣ, мѣстѣ и времени предстоящаго съѣзда, во-вторыхъ, агитировать среди „деревенщиковъ“ за полное прекращеніе террористическихъ дѣйствій и сосредоточеніе всѣхъ силъ исключительно на пропагандѣ. Пріѣздъ его сопровождался повсюду совѣщаніями революціонеровъ о программѣ и тактикѣ партіи, на которыхъ опредѣлились рѣзко два направленія: одни соглашались съ Поповымъ, другіе стояли за то, чтобы террористической борьбой вырвать у правительства минимальныя условія свободы, обезпечивающія возможность безпрепятственной соціалистической пропаганды. Измѣнивши, вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ, мѣсто съѣзда, Поповъ долженъ былъ прожить два дня въ Козловѣ, встрѣчая пріѣзжающихъ товарищей и направляя ихъ въ Воронежъ, вмѣсто Тамбова.

На съѣздѣ М. Р. былъ однимъ изъ самыхъ правыхъ, вмѣстѣ съ Г. В. Плехановымъ, который даже покинулъ съѣздъ, когда рѣшено было оказать группѣ террористовъ („Лигѣ цареубійства“) помощь людьми и деньгами. Когда Желябовъ сталъ развивать программу политической борьбы, какъ единственной соотвѣтствующей переживаемому Россіей моменту, Поповъ возразилъ ему, что свести всю дѣятельность организаціи „Земля и Воля“ на политическую борьбу легко, но едва ли также легко будетъ указать предѣлъ, дальше котораго идти соціалистамъ не позволительно. Поповъ полагалъ, что въ тотъ моментъ „деревенщики“, изъ которыхъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ, должны были все-же сдѣлать уступку террористамъ.

Причина заключалась въ томъ, что, во-первыхъ, изъ партіи навсегда ушли бы наиболѣе энергичные люди, такіе, какъ А. Д. Михайловъ, А. И. Желябовъ, М. Н. Оловенникова,

кова, А. И. Зунделевичъ, которые были твердо убѣждены, что въ данный моментъ нѣтъ мѣста иной борьбѣ, кромѣ борьбы за политическую свободу, и временно покинули бы ее такіе люди, какъ Перовская, Баранниковъ, Квятковскій, Фигнеръ, Фроленко, полагавшіе, что разъ начатое дѣло, дѣло Соловьева, нужно довести до конца... Во-вторыхъ, правая сторона „Земли и Воли“ принимала во вниманіе, что въ данный моментъ, при наличныхъ обстоятельствахъ, „деревенщики“ безсильны создать въ деревнѣ что-либо крупное, способное имѣть большое агитаціонное значеніе. Къ тому-же, такія лица, какъ Перовская и Баранниковъ, открыто заявляли, что они только временно присоединяются къ лѣвымъ во имя мести за товарищей, находящихся въ плѣну у правительства. Сознавая, что бороться съ такимъ настроеніемъ въ данный моментъ безполезно для общаго дѣла революціи, М. Р., вмѣстѣ съ правыми, пошелъ на уступку лѣвымъ.

Послѣ воронежскаго съѣзда М. Р. отправился снова по Юго-Востоку Россіи оповѣстить поселенія о принятыхъ на съѣздѣ рѣшеніяхъ, а также съ цѣлью добыть на югѣ (въ Ейскѣ) большое количество паспортныхъ бланковъ для паспортнаго бюро партіи. Возвращаясь съ юга, М. Р. явился ночью въ Воронежъ, на квартиру революціонера Тулисова, передать его сестрѣ паспортные бланки. Но этимъ временемъ самъ Тулисовъ былъ уже арестованъ, а въ квартирѣ его сестры шелъ обыскъ. Поповъ выдалъ себя за желѣзнодорожнаго техника, который мимоѣздомъ, по приказанію начальства, завезъ Тулисову отвѣтъ на его прошеніе о принятіи на службу телеграфистомъ. Поповъ такъ хорошо игралъ свою роль, что жандармскій офицеръ, не подвергнувъ его обыску и не взглянувъ даже въ документы, которые Поповъ представлялъ настойчиво въ подтвержденіе своихъ словъ, приказалъ проводить М. Р. въ комнату хозяйки. Благополучно доведя до конца свою роль, Поповъ ушелъ, унося съ собою паспортные бланки, а на слѣдующій день помогъ бѣжать изъ Воронежа нѣкой Шурѣ Ивановской.

Въ концѣ іюля 1879 г. Стефановичъ и Дейчъ, возвратившіеся изъ-за границы, стали подавать надежду на устройство въ чигиринскомъ уѣздѣ крестьянскаго возстанія, на этотъ разъ уже безъ всякихъ мистификацій; а „деревенщики“ потребовали пересмотра партійной программы. Надежды Дейча и Стефановича были основаны на сообщеніяхъ крестьянъ, сидѣвшихъ въ кіевской тюрьмѣ по чигиринскому дѣлу, о томъ,

что, если вѣрить разсказамъ ихъ женъ, ходившихъ на свиданія, то въ Чигиринѣ можно вновь начать дѣло, открыто агитируя за аграрную программу землевольцевъ. Попову предложили отправиться туда въ качествѣ „крамаря“ (офени) и на мѣстѣ убѣдиться въ осуществимости предположеній. Поповъ отправилъ раньше Петрова, судившагося потомъ по его процессу, который долженъ былъ установить адреса и произвести предварительныя развѣдки. Свѣдѣнія, привезенныя Петровымъ, совершенно опровергли предположенія, строившіяся въ Кіевѣ и Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, разногласія, обнаружившіяся рѣзко уже на воронежскомъ съѣздѣ,вспыхнули съ новой силой и повели къ окончательному и формальному расколу въ партіи. Крайніе съ обѣихъ сторонъ настояли на раздѣленіи. Отъ лѣвой были избраны А. Михайловъ, Л. Тихомировъ и Зунделевичъ, а отъ правой Поповъ и Я. Стефановичъ. Эти лица составили коммиссію, выработавшую условія раздѣленія единой партіи „Земли и Воли“ на „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“.

Съ чувствомъ глубокаго волненія подписалъ М. Р. условія раздѣленія. Этотъ расколъ отрывалъ его отъ дорогихъ друзей, съ которыми онъ четыре года дѣлилъ вмѣстѣ всѣ труды и опасности, всѣ радости и горести. — „Кто-кто, Родіонычъ, а вы пожалѣете о раздѣлѣ! — сказалъ ему Тихомировъ:- Вѣдь всѣ мы остаемся тѣми же самыми, что и были, и различаемся только въ оцѣнкѣ настоящаго момента“.—„Разъ завертѣвшееся колесо въ одну сторону трудно будетъ поворотить въ другую“,—съ грустью отвѣтилъ М. Р. Эти слова его оказались пророческими.

Послѣ раздѣленія партій М. Р. выѣхалъ въ Кіевъ, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ осуществимости плановъ Стефановича. Но такъ какъ надежды чернопередѣльцевъ на Чигиринъ потерпѣли крушеніе, то Поповъ сталъ подымать среди чернопередѣльцевъ вопросъ о соединеніи расколовшихся половинъ „Земли и Воли“. При разговорѣ со Стефановичемъ въ Кіевѣ Поповъ пришелъ къ убѣжденію, что и тотъ не противъ воссоединенія партій. Позже, какъ извѣстно, Стефановичъ примкнулъ къ партіи Народной Воли. Но вскорѣ же Фроленко привезъ Попову извѣстіе о томъ, что Стефановичъ не въ Петербургѣ, гдѣ должны были начаться переговоры о соединеніи, а въ Одессѣ, и что онъ, а въ особенности Л. Г. Дейчъ, и слышать теперь не хотятъ о соединеніи. Въ этомъ М. Р. убѣдился лично, отправившись въ Одессу, гдѣ онъ свидѣлся съ

обоими чигиринскими бунтарями. Оба они звали М. Р. съ собой за границу, не указывая точно причины, по которой они временно покидаютъ Россію. М. Р. не согласился, не желая ни на минуту покинуть революціонной работы и стремясь осуществить свою идею о возсозданіи единой „Земли и Воли“. Поэтому, отказавшись сопровождать Дейча и Стефановича за границу, Поповъ вступилъ въ переговоры съ одесскими народовольцами, во главѣ которыхъ стояли тогда В. Н. Фигнеръ, Колодкевичъ и Кибальчичъ. Было рѣшено, что кіевляне и одесситы будутъ вести дѣла на югѣ совмѣстно; было также постановлено основать, по образцу Сѣвернаго, Южно-Русскій Рабочій Союзъ и убрать съ дороги двухъ генералъ-губернаторовъ, одесскаго—Тотлебена и кіевскаго—Черткова. Съ послѣдней цѣлью М. Р. взялъ рядъ уроковъ по „бомбовѣдѣнію“ у Кибальчича. Возвратившись въ Кіевъ, М. Р. собралъ мѣстныя силы, преимущественно чернопередѣльцевъ и, не мирясь съ расколомъ с.-революціонной партіи на двѣ части, пытался свою кіевскую группу построить на основѣ старой общей программы. Кіевскіе народовольцы вошли въ ея составъ; самая же группа обѣщала вести дѣла совмѣстно съ одесситами. Такимъ образомъ, Попову удалось связать свою работу съ работой большинства друзей, ушедшихъ въ „Народную Волю“, начавши попытку вести, одновременно съ участіемъ въ террористическихъ дѣйствіяхъ, работу въ народѣ. Динамитные снаряды, необходимые для покушеній на должностныхъ лицъ были доставлены въ Кіевъ Поповымъ.

Новая автономная организація, созданная Поповымъ, просуществовала однако недолго, всего съ ноября 1879 по конецъ первой четверти 1880 г., мѣсяцевъ пять. Послѣ разгрома ея и послѣ ареста Попова въ Кіевѣ продолжали революціонную работу уже чистые народовольцы. Дѣятельность кіевской организаціи выразилась въ пропагандѣ среди студенчества и среди интеллигенціи, въ пропагандѣ и организаціи рабочихъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ, въ Южно-Русскій Рабочій Союзъ. Это былъ второй по счету Южно-Русскій Рабочій Союзъ, такъ какъ первый союзъ подъ этимъ именемъ дѣйствовалъ въ Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону еще въ 1874—5 г. Работа по организаціи рабочихъ была привычнымъ дѣломъ для М. Р., и онъ обращалъ на него особое свое вниманіе. Послѣ ареста Попова дѣло Южно-Русскаго Рабочаго Союза было особенно сильно расширено работой Е. Ковальской и Щедрина. Кромѣ пропаганды, кіевскіе революціонеры

подготовляли покушенія на нѣкоторыхъ лицъ, дѣятельность которыхъ признавалась особенно вредной для дѣла революціи. На первомъ планѣ стоялъ безпощадно и безсмысленно жестокій генералъ-губернаторъ Чертковъ. За время его главноначальствованія въ Кіевѣ казни не прекращались. Между прочимъ, былъ казненъ молодой, несовершеннолѣтній студентъ университета св. Владимира Іосифъ Розовскій за то, какъ гласилъ обвинительный актъ, что онъ, „принадлежа къ тайному противозаконному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства и выразившему свою дѣятельность рядомъ преступленій, въ томъ числѣ неоднократныхъ покушеній на священную особу Гос. Императора, въ видахъ этого сообщества распространялъ возмутительныя сочиненія“! Итакъ, этого юношу повѣсили за то, что онъ имѣлъ у себя на дому нѣсколько прокламацій „Народной Воли“. Правда, судъ принялъ также во вниманіе, что у Розовскаго переночевалъ какъ-то осужденный впослѣдствіи по дѣлу Попова на 20 лѣтъ каторги революціонеръ Сергѣй Диковскій. Это было неоффиціально сообщено суду жандармскимъ управленіемъ. Но этотъ фактъ еще болѣе подчеркиваетъ всю „правомѣрность“ юридическаго убійства, совершеннаго судомъ и генералъ-губернаторомъ. Хлопотали они также объ устройствѣ тайной типографіи. Поповъ съ этой цѣлью разсылалъ въ разныя мѣста Кіевской губерніи людей на развѣдки о наиболѣе удобномъ для типографіи пунктѣ, а также заботился о пріобрѣтеніи шрифта, станка и т. п. Нечего, конечно, и упоминать о дѣятельности группы, направленной на увеличеніе денежныхъ средствъ путемъ сборовъ, на устройство т. н. паспортнаго дѣла и помощи сосланнымъ, заключеннымъ и нелегальнымъ товарищамъ.

Между тѣмъ, съ весны 1879 г. за дѣятельностью кіевскихъ революціонеровъ усердно слѣдили черезъ своихъ агентовъ Новицкій и Судейкинъ, которые имѣли также шпіона въ средѣ землевольцевъ. Этотъ шпіонъ былъ кр. Леонтій Забрамскій (или Зембрамскій), уголовный арестантъ, которому „политическіе“ Избицкій и Малавскій предложили содѣйствовать революціонерамъ, состоя въ качествѣ яко бы шпіона при жандармскомъ управленіи, сообщая жандармамъ малозначущія свѣдѣнія, но зато предупреждая о мѣрахъ противъ революціонеровъ. Объ этомъ донесъ Новицкому случайно узнавшій тюремный надзиратель, и когда Забрамскій предложилъ свои услуги, Новицкій согласился ихъ принять, но втайнѣ учредилъ

надзоръ за Забрамскимъ и за лицами, съ которыми входилъ тотъ въ сношенія. Нужно добавить, что этотъ планъ принадлежалъ не безталанному Новицкому, а его „геніальному“ помощнику Судейкину. Наблюденіе дало хорошіе для жандармовъ результаты; оно выяснило связи между рядомъ революціонеровъ. Когда жандармы сочли себя достаточно освѣдомленными, они начали аресты, но производили ихъ какъ бы случайно. Тѣмъ не менѣе, послѣ ареста Попова и, особенно, Иванова, замѣнившаго М. Р. на посту руководителя группы, подозрѣнія землевольцевъ, что Забрамскій все выдалъ жандармамъ, превратились въ увѣренность. Рѣшено было его убить. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ заманить Забрамскаго въ удобное для убійства мѣсто, студ. Поликарповъ (онъ же „татаринъ“) 4 марта 1880 г. нанесъ Забрамскому 15 колотыхъ и рѣзаныхъ ранъ, но не смертельныхъ. Забрамскій успѣлъ убѣжать, а Поликарповъ застрѣлился. Это дало поводъ къ заарестованію всѣхъ заподозрѣнныхъ лицъ.

22-го февр. 1880 г. М. Р. проводилъ на вокзалъ М. Ф. Фроленко, а также одно лицо, командированное имъ по дѣламъ устройства типографіи въ одномъ имѣніи; онъ шелъ по Крещатику, когда былъ внезапно схваченъ. Находившееся у него въ карманѣ письмо Софьи Перовской изъ Курска, въ которомъ она писала о свиданіи, указывая адресъ гостинницы, въ которой она остановилась, М. Р. успѣлъ уничтожить, такъ какъ полицейскій, обыскивавшій его, не вынулъ этого письма, хотя, явно, и нащупалъ его. Зато другія бумаги были отобраны и фигурировали на судѣ. 25-го февр. былъ взятъ на улицѣ, съ бомбой въ рукахъ, студ. Игн. Кирилл. Ивановъ, видный членъ кіевской группы. Въ результатѣ дознанія было создано дѣло о 29 подсудимыхъ, но 8 человѣкъ были или переданы въ распоряженіе другихъ жандармскихъ управленій, или наказаны (сосланы) административно. Такимъ образомъ, создалось дѣло 21-го, которое, согласно распоряженію генералъ-губернатора, было передано на разсмотрѣніе военно-окружного суда. Слушалось дѣло съ 14-го по 26-е іюля, при закрытыхъ дверяхъ. Отчетъ, напечатанный въ „Кіевлянинѣ“ и перепечатанный другими газетами, былъ составленъ извѣстнымъ кіевскимъ черносотенцемъ г. Пихно. Можно себѣ представить, какъ онъ реферировалъ все происходившее. Предсѣдательствовалъ ген.-майоръ Слуцкій; обвинялъ извѣстный военный прокуроръ, полк. Стрѣльниковъ; защищали кандидаты на военно-судебныя должности Добровольскій, Булгаковъ и (Попова)—Бѣльскій.

Въ обвинительномъ актѣ названы слѣдующіе подсудимые: крестьянинъ Сев. Ильяшенко-Куценко (30 л.); студ. кіев. унив. Мих. Клименко (23 л.); жена потомств. почет. гражд. Викторія Левенсонъ; слуш. акушер. курс. при кіев. унив. Фанни Рефертъ (22 л.); мѣщанка Шейва Шехтеръ (24 л.), слушательница акушер. курс. при Спб. медико-хирург. акад.; студ. кіев. ун., австр. поддан. Соломонъ Лотрингеръ (21 г.); студ. харьк. ветерин. инст. Вл. Жуковъ (20 л.); мѣщ. Никита Левченко (21 г.); студ. кіев. ун. Болеславъ Костецкій (23 л.); студ. кіев. ун. Ник. Подревскій (25 л.); сынъ губерн. секр. Ник. Петровъ (29 л.); студ. кіев. ун. Игнатій Кирилловичъ Ивановъ (22 л.); неизвѣстный, именовавшійся Бойченко, а потомъ назвавшійся Филатовымъ (17 л.); тамбов. мѣщ. Хрущовъ (онъ же Троицкій — 23 л.); мѣщ. Веньяминъ Позенъ (18 л.); дворянинъ, сынъ капитана I ранга, Ѳеодоръ Юрковскій (27 л.); сынъ свящ. Сергѣй Диковскій, братъ его сынъ св. Моисей Диковскій; сынъ свящ., быв. студ. медико-хирург. акад. Мих. Поповъ (28 л.), студ. харьк. унив. Дм. Буцынскій (25 л.); студ. одесск. унив., сынъ дьячка Павелъ Лозяновъ (или Лозьяновъ) (19 л.). Эти же лица перечислены и въ приговорѣ, кромѣ Филатова, вмѣсто котораго фигурируетъ какой-то Михайловъ. Быть можетъ, Филатовъ былъ осужденъ подъ именемъ Михайлова. Кромѣ того, къ дознанію по дѣлу привлекались рабочіе: Данько (смазчикъ), мѣщ. Ромасевъ, обвинявшійся въ разсылкѣ прокламацій Исполн. Комитета Народн. Воли о взрывѣ 19 ноября; Кобылянскій (впослѣд. шиссель-буржецъ); студ. Козловскій; раб. Романченко и др.

Перечисленные въ обвинительномъ актѣ лица обвинялись въ томъ, что „составили въ гор. Кіевѣ тайное противозаконное сообщество, имѣющее цѣлью путемъ насилія ниспровергнуть существующій государственный порядокъ, для чего они поддерживали сношенія съ такими же кружками, находящимися въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Имперіи, устраивали сходки для обсужденія средствъ къ произведенію соціальной революціи, пріобрѣтали и распространяли возмутительныя прокламаціи, поддѣлывали подложные паспорта для снабженія ими членовъ кружка и, замысливъ убійство нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, пріобрѣли для этого разрывные снаряды, причемъ главными руководителями этого сообщества были М. Поповъ и Иг. Ивановъ“. Кромѣ того, Ивановъ обвинялся въ вооруженномъ сопротивленіи при обыскѣ въ участкѣ, Юрковскій—въ участіи въ похищеніи полутора милліона руб.

посредствомъ подкопа подъ херсонское казначейство, и нѣкоторыя лица обвинялись въ пріобрѣтеніи и проживательствѣ по подложнымъ паспортамъ.

Спеціально о Поповѣ содержались въ обвинительномъ актѣ слѣдующія указанія. Поповъ носилъ въ средѣ революціонеровъ имя „генерала", „Василія Николаевича" (въ немногихъ случаяхъ подлинное свое—„Михаилъ Родіоновичъ"). Онъ былъ главнымъ распорядителемъ соц.-револ. кружка въ Кіевѣ. Держалъ себя очень конспиративно: часто мѣнялъ свой костюмъ, а въ концѣ янв. 1880 г. сбрилъ бороду, которую носилъ раньше. При немъ найдены были шифрованныя записки, стихи „возмутительнаго содержанія", конспиративныя записки на папиросной бумагѣ, письмо изъ тюрьмы осужденнаго за полит. преступленіе Арс. Богуславскаго къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. Забрамскій показалъ, что отъ Поликарпова онъ слыхалъ, будто Поповъ участвовалъ въ убійствѣ шефа жандармовъ Мезенцова, а ему, Забрамскому, Поповъ, будто бы, говорилъ, что уѣхалъ изъ Петербурга, такъ какъ его зналъ тамъ одинъ шпіонъ, трупъ котораго былъ потомъ найденъ въ Невѣ. Въ Кіевѣ, по увѣренію Забрамскаго (добавимъ, ложному), Поповъ квартиры не имѣлъ, а жилъ, скрываясь у разныхъ лицъ. Попову принадлежалъ замыселъ тайной типографіи. Это онъ командировалъ за границу Ильяшенко за типографскими принадлежностями, а Забрамскому, вмѣстѣ съ Петровымъ (онъ же Дьяченко) поручилъ найти въ Нѣжинѣ квартиру для типографіи. Попову принадлежитъ мысль заложить мину подъ мостомъ на Безаковской улицѣ для взрыва при проѣздѣ ген.-губернатора. За проволокой для этого взрыва ѣздилъ Поповъ въ Харьковъ въ февралѣ 1880 г. Попову принадлежатъ мысль и планъ убійства полк. Стрѣльникова. Динамитные снаряды принадлежали Попову, ибо когда Ивановъ 25 ф. бралъ у него, Забрамскаго, снарядъ, то ссылался на приказаніе Попова. Поповъ велъ при Забрамскомъ переговоры съ представителемъ казатинскаго революціоннаго кружка о разсылкѣ членовъ его для убійства должностныхъ лицъ и освобожденія политическихъ заключенныхъ. Поповъ получалъ изъ Петербурга революціонную литературу (какъ, напр., „Народную Волю") и распредѣлялъ ее для распространенія. По распоряженію Попова были распространены прокламаціи Исполн. Комитета Народн. Воли о взрывѣ 19 ноября. Поповъ распоряжался добываніемъ денегъ на революціонныя цѣли: такъ, онъ лично получилъ отъ какой-то богатой кіевской барыни 2000 руб. Кіевскій кружокъ имѣлъ

особый уставъ, подъ названіемъ „Уставъ террористовъ“ (?), который Забрамскій видѣлъ у Попова, Жукова и С. Диковскаго. Петровъ, принадлежащій къ харьковскому кружку террористовъ, былъ вызванъ Поповымъ для устройства тайной типографіи въ Нѣжинѣ, а затѣмъ уѣхалъ обратно въ Харьковъ только съ разрѣшенія Попова. Поповъ приказалъ С. Диковскому, ѣхавшему въ Одессу, зайти къ какому-то „Сашкѣ“ и взять у него планъ для предполагавшагося подкопа подъ полтавское казначейство. Стаховскій (отставн. шт.-кап.) давалъ Попову деньги на революціонное дѣло и велъ, въ присутствіи Забрамскаго, съ Поповымъ переговоры объ устройствѣ типографіи въ его, Стаховскаго, имѣніи. У студ. Козловскаго найдена была записка къ „Василію Николаевичу“, въ которой сообщалось, что, по мнѣнію автора записки, „дѣло № 2 вполнѣ возможно“. По этому поводу Забрамскій показалъ, что когда Поповъ уѣзжалъ въ Харьковъ за проволокой для взрыва моста при проѣздѣ ген.-губернатора, то говорилъ Забрамскому, что изъ Одессы долженъ пріѣхать „Сашка“ и озаботиться производствомъ этого взрыва, что они называли дѣломъ № 2. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ отъѣзда Попова къ Забрамскому явился Юрковскій и разспрашивалъ его о количествѣ динамита, причемъ, узнавъ, что динамита только 2 ящика, замѣтилъ, что этого мало, но что есть еще динамитъ у „Идола“. У Фанни Рефертъ найдена была нелегальная литература въ свертках съ надписями, между прочимъ, „Попову“. Кромѣ Забрамскаго, далъ показанія, нужныя жандармамъ, рабочій кр. Ильяшенко, пріѣхавшій въ Кіевъ съ рекомендаціей какого-то революціонера съ юга. Онъ показалъ, что „Василій Николаевичъ“ (онъ же Поповъ) снабжалъ его деньгами, затѣмъ посылалъ его на работу въ качествѣ извозчика въ Ворожбу, гдѣ онъ долженъ былъ ознакомиться съ окрестностями въ цѣляхъ революціонеровъ. Поповъ привелъ его на Ботаническую улицу, гдѣ въ одной квартирѣ онъ видѣлъ револьверы, а также слышалъ разговоры Попова и другихъ лицъ. Говорили о встрѣчѣ новаго (1880 г.) въ кругу рабочихъ, среди которыхъ „дѣла“ идутъ хорошо; о пріобрѣтеніи типографскихъ станковъ и шрифта, о какихъ-то приготовленныхъ стеклянныхъ шарикахъ; объ отправкѣ въ Одессу какого-то „Кости“ для завѣдыванія тамъ кассой и кружкомъ рабочихъ; о библіотекѣ и покупкѣ револьверовъ и т. п. Жандармскіе унтеръ-офицеры Продеусъ, Демидовъ, Станъ, Рудичъ, Гурьевъ, Карпенко и Максимовъ, слѣдившіе за обвиняемыми, установили своими показаніями

фактъ сходокъ обвиняемыхъ сперва на квартирѣ Клименко и Левенсонъ, а затѣмъ у Жукова и у Забрамскаго, на которыхъ бывалъ и Поповъ, извѣстный унтеръ-офицерамъ подъ именемъ „генерала“ и „Василія Николаевича“. Забрамскій показалъ, что на сходкахъ у Клименко говорили о пропагандѣ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, распространяли нелегальную литературу („Заживо-погребенные“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и др.), подводили итоги сборамъ на арестованныхъ и нелегальныхъ, обсуждали планъ убійства генералъ-губернатора. возлагая это дѣяніе на Левенсонъ, которая должна была совершить покушеніе на пріемѣ. Но, вслѣдствіе заявленія Попова товарищамъ объ извѣстіи, полученномъ отъ петербургскихъ товарищей, что Левенсонъ—женщина болтливая и ненадежная, сходки у Клименко прекратились и возобновились у Забрамскаго и у Жукова. Здѣсь обсуждался планъ устройства тайной типографіи для печатанія „Чернаго Передѣла“, говорилось о пропагандѣ среди населенія Кіевской и Волынской губерній, какъ элемента весьма революціонно настроеннаго. У Жукова, а потомъ у Иванова, была т. н. „канцелярія“ революціонеровъ. Въ ноябрѣ 79 г. возникъ вопросъ о соединеніи съ украинофилами, и тогда же начали запасаться разрывными снарядами и оружіемъ (такъ, напр., Забрамскій видѣлъ у Жукова 18 револьверовъ и кинжалы). Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ Попову принадлежала главная роль.

Кромѣ показаній Забрамскаго и С. Ильяшенко, свѣдѣнія объ участіи въ революціонномъ движеніи Сергѣя и Моисея Диковскихъ были сообщены жандармамъ въ доносѣ, поданномъ одесскому ген.-губернатору Юліей Диковской, женой Моисея, на мужа и его брата въ ноябрѣ 1879 г. Подводя итоги обвиненіямъ, предъявленнымъ подсудимымъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что производившіе дознаніе жандармы и прокуроръ (а за ними и судъ) видѣли въ подсудимыхъ, по преимуществу, террористовъ, и именно народовольцевъ, такъ какъ, очевидно, имъ осталась неизвѣстной истинная сущность организаціи кіевской группы. Въ приговорѣ своемъ судъ смѣшалъ всѣхъ въ одну массу, опредѣливши, что почти всѣ они были членами сообщества, имѣвшаго цѣлью путемъ террора добиться политической свободы. Между тѣмъ, многіе изъ осужденныхъ были мирные пропагандисты, народники, не имѣвшіе никакого отношенія къ террору.

Большинство подсудимыхъ, на вопросъ о принадлежности къ соціально-революціонной партіи, отвѣтили отрица-

тельно, нѣкоторые же „не безъ театральной аффектаціи“ (по мнѣнію судебнаго референта Пихно) объявили, что по убѣжденіямъ своимъ они соціалисты-революціонеры, принадлежатъ къ фракціи террористовъ, поставившихъ своею цѣлью достичь политической свободы какимъ-бы то ни было путемъ. Девятнадцатилѣтній Лозяновъ съ гордостью добавилъ, что онъ активный членъ означенной фракціи и считаетъ путь насилія единственно возможнымъ для борьбы съ правительствомъ. Буцинскій заявилъ, что онъ политическій революціонеръ, но не соціалистъ; Подревскій,—что онъ не соціалистъ; С. Диковскій,—что онъ соціалистъ, но не террористъ; Жуковъ,—что онъ соціалистъ по убѣжденіямъ, но не членъ сообщества; Ивановъ,—что онъ народникъ, сторонникъ мирной пропаганды; Юрковскій,—что онъ не причастенъ къ кіевской организаціи.

Такимъ образомъ, было ясно, что предъ судомъ находятся люди различныхъ взглядовъ, и что они далеко не всѣ террористы. Но суду до этого не было дѣла.

Что касается Попова, то онъ, на вопросъ Стрѣльникова, принадлежитъ-ли онъ къ партіи террористовъ, отвѣтилъ коротко: „Я—революціонеръ“. Стрѣльниковъ, обращаясь къ судьямъ, сказалъ: „Листъ, какъ былъ бѣлымъ, такъ и остался“, желая дать этимъ понять, что Поповъ уклоняется отъ отвѣта.

— „Напрасно вы такъ думаете, г. прокуроръ,—сказалъ Поповъ,—и думаете такъ, очевидно, плохо понимая значеніе слова революціонеръ. Я же думаю, что, разъ я революціонеръ, то, значитъ, не остановлюсь ни передъ какими средствами, дозволяемыми политической этикой и ведущими къ государственному перевороту. Если же не отвѣтилъ на вашъ вопросъ, террористъ-ли я, то лишь потому, что не желалъ доставить вамъ удовольствіе казнить меня безъ всякаго труда съ вашей стороны. Террористическіе акты разсматриваются существующими законами Россіи, какъ уголовное преступленіе, и я уже вамъ предлагаю потрудиться надъ тѣмъ, чтобы доказать, что я прибѣгалъ къ актамъ, которые квалифицируются, какъ уголовное преступленіе“. На это Стрѣльниковъ отвѣтилъ, что вполнѣ удовлетворенъ. Въ перерывѣ-же засѣданія онъ подошелъ къ Попову и увѣрялъ его, что напрасно онъ думаетъ, будто-бы ему, Стрѣльникову, пріятно возвести Попова на эшафотъ. Тѣмъ не менѣе, тотъ же Стрѣльниковъ, узнавши отъ охранявшаго въ судѣ подсудимыхъ жандармскаго капитана Скандрикова о шуточномъ пари Попова, что по ихъ процессу никого не повѣсятъ, воскликнулъ въ своей рѣчи: „По-

вѣсьте ихъ, гг. судьи, такъ какъ Поповъ даже готовъ держать пари, что его не повѣсятъ!..“ Тотъ-же Стрѣльниковъ, когда выдававшій на дознаніи Ильяшенко заявилъ на судѣ, что его показанія выдуманы жандармами, принудившими его подписать ихъ, заявилъ со злостью судьямъ: „Не слѣдуетъ придавать значенія показаніямъ Ильяшенки на судѣ: для меня ясно, что Поповъ пообѣщалъ ему 50 р., и Ильяшенко сказалъ то, что ему продиктовалъ Поповъ“. Это заставило всѣхъ, не исключая и судей, улыбнуться, а защитникъ въ своей рѣчи сказалъ, что не находитъ нужнымъ опровергать слова прокурора, ибо кто-же допуститъ, что за 50 р. Ильяшенко согласится идти на 15-лѣтнюю каторгу.

Прокуроръ, Стрѣльниковъ, въ своей рѣчи изложилъ вкратцѣ исторію соціально-революціоннаго движенія въ Россіи съ конца 50-хъ г., упомянулъ о нигилизмѣ, пояснилъ судьямъ, что „русскій соціализмъ есть тотъ-же нигилизмъ, перенесенный на практическую почву“(!). Перейдя отъ соціалистовъ-пропагандистовъ къ бунтарской фракціи прокуроръ „объяснялъ ея появленіе тѣмъ общимъ закономъ прогресса, въ силу котораго воръ становится разбойникомъ(!)...“ Изложивши различіе между „ученіемъ соціальной фракціи“ (очевидно, чернопередѣльческой) и „появившейся въ 1879 г. фракціи террористовъ“ (очевидно, народовольческой), прокуроръ доказывалъ по данному дѣлу, что всѣ подсудимые принадлежатъ къ одному кружку; что кружокъ этотъ составляетъ часть террористической фракціи; что преслѣдуемыя имъ цѣли тѣ самыя, которыя указаны въ обвинительномъ актѣ. Признавая Попова, Иванова, Сергѣя Диковскаго и Юрковскаго виновными въ дѣяніи, общемъ всѣмъ подсудимымъ, онъ просилъ примѣнить къ нимъ ст. 249.

Послѣ длинной и весьма талантливой рѣчи Иванова говорилъ Поповъ. О ней намъ извѣстно лишь то, что угодно было сообщить о ней г-ну Пихно, а именно: „Поповъ говоритъ тихимъ, ровнымъ голосомъ о положеніи аграрнаго вопроса въ Россіи, о необходимости его разрѣшенія и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя будутъ вызваны, если этотъ вопросъ разрѣшится на основаніи принциповъ соціализма. Указавъ болѣе кратко о вліяніи, которое имѣлъ-бы соціализмъ на промышленность и торговлю (sic!), подсудимый говоритъ о своемъ взглядѣ на тѣ средства, которыми должны дѣйствовать соціалисты для достиженія своей цѣли“. Въ такой формѣ, конечно, трудно представить себѣ, что именно сказалъ М. Р. въ по-

слѣднемъ словѣ. Характерно, однако, что даже и въ этомъ изложеніи рѣчи чувствуется, что ее говорилъ народникъ-землевольецъ.

1880 г. іюля 26 дня кіевскій военно-окружной судъ, выслушавъ дѣло о пот. почет. гражд. М. Р. Поповѣ и товарищахъ призналъ ихъ виновными:

1) Попова, Иванова, С. и М. Диковскихъ, Буцынскаго, Юрковскаго, Лозянова, Ильяшенко-Куценко, Левченко, Михайлова, Хрущова, Жукова, Позена, Шехтеръ, Левенсонъ, Костецкаго, Петрова и Рефертъ—въ принадлежности къ тайному противозаконному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе путемъ насилія государственнаго и общественнаго порядка въ Россіи, причемъ Поповъ и Ивановъ были руководителями, а остальные сообщниками; 2) Клименко, Подревскаго и Лотрингера въ недонесеніи объ означенномъ сообществѣ. Сверхъ того: а) Юрковскаго, Михайлова, Лозянова, Хрущова, Ильяшенко-Куценко, С. Диковскаго, Буцынскаго, Жукова, Левенсонъ, Попова и Петрова въ пріобрѣтеніи и проживательствѣ по подложнымъ паспортамъ; б) Юрковскаго въ вооруженномъ похищеніи съ подкопомъ и взломомъ, изъ херсонскаго губерн. казначейства, вмѣстѣ съ другими, болѣе полутора милліона рублей, для тайнаго сообщества, причемъ признанъ руководителемъ. А потому постановилъ... подсудимыхъ Попова и Иванова лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе; изъ остальныхъ, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на каторжныя работы въ рудникахъ: Юрковскаго, С. Диковскаго и Буцынскаго срокомъ на 20 лѣтъ; М. Диковскаго, Ильяшенко-Куценко, Левченко, Михайлова, Хрущова, Шехтеръ, Левенсонъ, Костецкаго, Петрова, Рефертъ, Клименко, Подревскаго и Лотрингера—на 15 лѣтъ; Лозянова, Позена и Жукова—на 10 лѣтъ. Приговоръ представить на усмотрѣніе ген.-губернатора. Судъ ходатайствовалъ также о замѣнѣ наказанія подсудимымъ вмѣсто ссылки на каторжныя работы въ рудникахъ ссылкою на заводы: Жукова и Позена—на 7 лѣтъ, Шехтеръ и Левенсонъ на шесть лѣтъ, Костецкаго, Петрова и Рефертъ на 4 года, Клименко и Подревскаго—ссылкою въ Сибирь на поселеніе: Клименко въ болѣе отдаленныя мѣста, съ лишеніемъ ихъ всѣхъ правъ состоянія; Лотрингера подвергнуть тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

Генералъ-губернаторъ утвердилъ этотъ приговоръ, а также

ходатайство суда. Смертная казнь висѣла надъ головой Попова и Иванова. Но времена уже измѣнились. Россіей правилъ Лорисъ-Меликовъ съ его „диктатурой сердца“. Поэтому генералъ-губернатору было сообщено отъ имени главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, что, по всеподданнѣйшему докладу его, Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ замѣнить назначенную Попову и Иванову смертную казнь ссылкою въ каторжныя работы безъ срока. Числа 6—7-го августа Попова и Иванова вызвали въ тюремную контору.

Оба они приготовились къ смерти и думали, что ихъ ведутъ убивать. Поэтому, странно прозвучали для нихъ слова губернатора, что „по великомилосердію Его Величества“ имъ дарована жизнь. Поповъ задумался на мгновеніе и разсѣянно спросилъ: „Больше ничего?..“—„Больше ничего!“ воскликнулъ изумленный его равнодушіемъ губернаторъ. Вмѣсто мгновенной смерти правительство даровало Попову 26 лѣтъ сплошного мученія на Карѣ, въ Петропавловкѣ, въ Шлиссельбургѣ. Осенью 1880 г. Поповъ былъ отвезенъ въ Карійскую каторжную тюрьму, гдѣ пробылъ до 1882 г.

Приговоръ 26 іюля 1880 г. на много лѣтъ прервалъ участіе М. Р. въ дѣлѣ русской революціи. Воздерживаясь отъ подробной оцѣнки его дѣятельности съ 1875 по 1880-й годъ, мы не можемъ не замѣтить, что его революціонная біографія есть, вмѣстѣ, исторія партіи „Земли и Воли“. Онъ былъ однимъ изъ основателей этой партіи въ 1876 г., онъ работалъ въ ней все время ея существованія, и даже тогда, когда она распалась, пытался возродить ее, чтобы сплотить снова всѣхъ борцовъ около стараго знамени. Трудно сказать, что вышло бы изъ этой попытки Попова, если бы созданная имъ организація не была разбита правительствомъ. Быть можетъ, ему удалось бы соединить борьбу за политическую свободу съ работой въ средѣ рабочихъ, съ борьбой за всестороннее освобожденіе рабочаго класса. Поповъ былъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ работниковъ въ русскомъ рабочемъ движеніи, и не удивительно было бы, если бы онъ, подобно друзьямъ и сотрудникамъ, Плеханову и Дейчу, пришелъ бы къ научному соціализму, къ ученію Маркса, къ соціальдемократіи. Возможно было, однако, и то, что, вступивши на путь террора, Поповъ окончательно и формально примкнулъ бы къ „Народной Волѣ“, которой суждено было стать на долгое время единственной активной, боевой организаціей русской революціонной интеллигенціи.

Поповъ не былъ теоретикомъ, онъ былъ человѣкъ дѣла; его дѣятельность была такъ же многообразна, какъ дѣятельность его партіи: онъ велъ пропаганду среди рабочихъ, онъ работалъ надъ устройствомъ поселеній въ крестьянствѣ, онъ участвовалъ въ террористическихъ дѣяніяхъ, онъ былъ организаторомъ и руководителемъ революціонныхъ группъ. Словомъ, не было дѣла, отъ котораго бы онъ отказался, предъ которымъ бы задумался, разъ только это дѣло должно было служить завѣтной цѣли его жизни: завоеванію для русскаго народа земли и воли.

Мы изложимъ лишь вкратцѣ то, что пришлось пережить М. Р. съ 1880 г. по 1905-й годъ. Въ 1882 г. М. Р., который занималъ въ политической каторжной тюрьмѣ должность „пекаря", дававшую ему возможность сноситься съ внѣшнимъ міромъ, былъ однимъ изъ главныхъ пособниковъ и устроителей дерзкаго побѣга съ Кары 8 товарищей. Бѣжали Мышкинъ, Хрущовъ, Юрковскій, Минаковъ, Моисей Диковскій, Левченко, и Баломезъ. Нѣкоторые были схвачены неподалеку, а Мышкинъ и Хрущовъ за 3000 верстъ, во Владивостокѣ. Когда побѣгъ былъ открытъ, произошло отвратительное побоище, а затѣмъ 12 чел. (въ числѣ ихъ и М. Р.) политическихъ, наиболѣе непріятныхъ начальству, были перевезены въ т. н. Нижне-Карійскую тюрьму. Здѣсь сидѣли до 15 іюля 1882 г. 8 чел., предназначенные къ увозу въ Петербургъ, а именно: Поповъ, Щедринъ, Геллисъ, Буцынскій, Кобылянскій, Игн. Ивановъ, Волошенко и Пав. Орловъ. Затѣмъ ихъ повезли въ Петербургъ. „Главарями побѣга и голоднаго бунта на Карѣ считаютъ почему-то Попова и другихъ—писали тогда изъ Сибири въ женевское „Вольное Слово" (№ 48),—говорятъ, что даже высшія сибирскія власти не знаютъ, куда ихъ везутъ". Ихъ везли въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. 17 сент. 1882 г. Поповъ былъ доставленъ туда. Тамъ пришлось пробыть ему 2 года. Что такое представлялъ изъ себя равелинъ въ то время, можно представить себѣ, читая воспоминанія Поливанова и Фроленки. Одинъ за другимъ умирали заключенные отъ цынги, чахотки и т. п. болѣзней. Игн. Ивановъ заболѣлъ острымъ душевнымъ разстройствомъ. Заключенные готовили, по предложенію Мышкина, бурный протестъ, желая добиться или смерти, или улучшенія положенія. Но внезапно, 1 авг. 1884 г., ихъ увезли въ Шлиссельбургъ. Поповъ былъ въ числѣ тѣхъ, кому суждено было пробыть въ немъ слишкомъ 21 годъ. Кромѣ него, въ крѣпость были при-

везены его товарищи съ Карійской каторги: Мышкинъ, Минаковъ, Малавскій, Щедринъ, Бущинскій, Кобылянскій, Геллисъ, Долгушинъ, Юрковскій. Всего десять. Всѣ они, кромѣ Попова, не дожили до освобожденія. Мышкинъ и Минаковъ были разстрѣляны (за оскорбленіе тюремщиковъ), Щедринъ сошелъ съ ума, остальные поумирали. Иги. Иванова привезли изъ сумасшедшаго дома въ Казани, долго держали и увезли обратно. Находясь въ Шлиссельбургѣ, Поповъ, какъ и на волѣ, продолжалъ неустанно бороться, бороться за достойное человѣка, болѣе сносное существованіе въ тюрьмѣ. Быть можетъ, этой неустанной борьбѣ онъ обязанъ тѣмъ, что пережилъ своихъ товарищей. Въ 1902 г. онъ попытался передать на волю письмо къ матери, помимо жандармско-тюремной цензуры. Это было открыто, и начались репрессіи. Поповъ не былъ „цареубійцей", какъ выражались жандармы, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ все время однимъ изъ тѣхъ шлиссельбуржцевъ, къ которымъ не примѣнили ни одной амнистіи, ни въ 1883 г., ни въ 1894, ни въ 1896, ни въ 1904. Мало того: къ нему, какъ и къ его товарищамъ, не былъ примѣненъ законъ о зачетѣ одиночнаго заключенія, равно какъ и правила о переводѣ въ т. наз. вольную команду. Тянулись долгіе безконечные годы. Умеръ отецъ. Мать тщетно хлопотала о прощеніи или о сокращеніи срока наказанія, наконецъ, только о свиданіи. Отвѣтомъ было молчаніе. Какъ-то разъ, принцесса Уэльская, нынѣ королева англійская, тронутая судьбою М. Р., просила о смягченіи его участи. Ей отвѣтили холодно и твердо: „Никогда и ни слова больше объ этомъ человѣкѣ. Это—человѣкъ мертвый!"... Онъ былъ похороненъ въ каменномъ гробу Шлиссельбурга, заживо и безнадежно похороненъ. Если бы это зависѣло отъ тѣхъ, кто его тамъ похоронилъ, то его освободила бы только смерть. Но народъ, добывая себѣ свободу, великимъ порывомъ октябрьскихъ дней, открылъ также двери Шлиссельбурга и для стараго борца за „Землю и Волю". 15-го ноября 1905 г. его привезли изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ находился съ 28 окт., на Николаевскій вокзалъ. До мѣста назначенія его провожали два переодѣтыхъ жандарма. Онъ числился ссыльно-поселенцемъ. Но онъ уже чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ. Около него была мать, ждавшая его 26 долгихъ лѣтъ. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!" стояло въ заголовкѣ „Начала" и „Новой Жизни", лежавшихъ передъ нимъ.—„Мы, соціалисты-революціонеры", читалъ онъ въ „Сынѣ Отечества". Рѣчи окружавшихъ гово-

рили объ одномъ—о свободѣ, именемъ которой наполненъ былъ воздухъ. Поѣздъ уносилъ его на далекій югъ, въ родной городъ. И онъ не могъ заснуть въ эту ночь, первую ночь долго-жданной, желанной свободы.

С. Сватиковъ.

Произведенія М. Р. Попова: ст. «Къ біографіи Иполита Никитича Мышкина». (Изъ воспоминаній, «Былое», Спб., 1906, февр., с. 252 также въ отдѣльномъ изданіи „Донской Рѣчи"). Ст. «Земля и Воля» наканунѣ воронежскаго съѣзда», «Былое», Спб., 1906, августъ, с. 13; нѣсколько статей (воспом.), напечатанныхъ въ газетѣ «Донская Рѣчь», въ Ростовѣ-наДону, въ періодъ 25 ноября—8 дек. 1905 г.

Матеріалы для біографіи М. Р. Попова: Воспоминанія Л. Н. Гартмана «Былое» загр. изд., № 3, с 180; то же въ журн. «Рус. Истор. Библ», № 4, перепечатка заграничн. изд. «Былого», вып. I, 1906 г., изд. А. Парамоновой; «Общее Дѣло» № 37, № 51; «Рус. Ист. Библ.» загр. изд., № 6, «Литература партіи Народ. Воли», с. 534, 540, 546; (объ Ал. Н Петерсонѣ) «Рус Ист. Библ.» № 6 загр. изд., с. 60; (о братѣ М. Р.—Ильѣ) тамъ же, стр. 63, а также «Правит. Вѣсти» 1876 г. 9 дек. и у Базилевскаго «Госуд. прест. въ Россіи» (легал. изд) т. I, 345, и т. II (нелег. изд.), стр. 1 и сл.; Автобіограф. замѣтки А. Д. Михайлова: «На Родинѣ», № 3, с. 59 и особ. 65 и «Былое» 1906 г., февр., с. 156, особенно стр 162; «Процессъ В. Засуличъ», изд. «Современникъ», Спб., 1906, с. 123—125; Тунъ. Исторія револ. движеній въ Россіи. Изд. Библ. для всѣхъ, Спб., 1906, предисл., с. 30, 39; с. 163, 181; Тунъ, съ примѣч. Шишко. изд Парамонова «Дон. Рѣч.», с. 142, 147, 154 5, 164—5; «Отзвуки Жизни» вып. I. Е. Серебряковъ. Очеркъ по исторіи «Земли и Воли», Спб, 1906, изд. «Свобод Труда» с. 11, 22—24. 40. 45. 47. 48. 53 со; (о стачкѣ въ Нов. Бумаго-пряд. и на др. фабрикахъ»: «Плехановъ «Рус. Рабочій въ револ. движеніи». Спб, 1906, изд. «Пролетаріатъ», стр. 39—54; К. Пажитновъ «Рабочее движеніе въ Россіи», изд «Нов. Міръ», с. 23—25; «Темы Жизни» № 9, А. Ельницкій, «Первые шаги рабоч. движ. въ Россіи», 1906, Спб, с 21—24, с. 38; В. Бурцевъ «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ», «Былое» 1906, янв., 176—178, 192; Ю. Стекловъ «Историч. подготовление рус. соц.-демократіи», Спб., 1906, с. 77, примѣч.; «Былое» № 6 (загр.) воспом. Е. Н. Ковальской (о Южн. Русскомъ Раб. Союзѣ; Куклинъ «Итоги революц. движ». Женева. 1903, примѣч., с. 229—233. Офиціальныя свѣдѣнія о процессѣ 21-го (въ іюлѣ 1880, въ кіев. военно-окр. судѣ) см. въ перепечаткѣ изъ «Кіевлянина» въ газ. «Голосъ» 1880 г.—обвинительный актъ въ №№ 231—237, 239—241, 248—249, 251, 255, 270 и сл., отчетъ о дѣлѣ (сочиненія извѣстнаго Пихно) №№ 202, 206, 207, 210, 215, 217, 218, а также телеграммы въ № 213, 218, 189, и хроника въ № 192. См. также ст. «Отъѣздъ М Р. П.» въ «Сынѣ Отеч.», 16 нояб. 1905; въ «Началѣ» 1905 г., 18 ноября «Открытое письмо»; «Вольное Слово» 1882 г, Женева, № 48; «Революціонная Россія» № 14; Свѣдѣнія изъ секретной книги жандармовъ въ загран. «Быломъ» № 5 (янв. 1904 г.), с. 77 и друг., а также въ «Быломъ» 1906 г., авг., изъ показаній Ѳ. Курицына, с. 283; свѣдѣнія о жизни въ Шлиссельбургѣ въ воспоминаніяхъ Л. Волкенштейнъ, М. Ю Ашенбреннера, М. В. Новорусскаго и мн. др., напечатанныхъ преимущественно въ «Быломъ», кое-что въ загран. изд. 1897 г.

ЛЮДВИГЪ ВАРЫНСКІЙ.

Людвигъ Варынскій.

Л. Варынскій родился въ 1856 г. въ селѣ Мартыновкѣ Кіевской губерніи. Онъ происходилъ изъ богатой помѣщичьей семьи. Хотя имѣніе отца Варынскаго и было конфисковано во время возстанія 1863 г., однако многочисленная семья Варынскихъ могла вести безбѣдное существованіе въ арендованномъ ею довольно крупномъ имѣніи. Воспитываясь въ этой обстановкѣ, Людвигъ былъ типичнымъ „барчукомъ“, не обнаруживавшимъ вплоть до переѣзда въ Петербургъ никакихъ революціонно-соціалистическихъ стремленій. Окончивъ гимназію въ Бѣлой Церкви, Варынскій поступилъ въ С.-Петербургскій Технологическій институтъ, гдѣ сразу же столкнулся съ кружками молодежи, принимавшими дѣятельное участіе въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи. Идеи революціоннаго народничества произвели очень сильное вліяніе на впечатлительную душу юноши, который сразу же сталъ въ ряды активныхъ борцовъ. Однако, ему не суждено было долго пробыть въ Петербургѣ. Въ томъ же самомъ 1875 году, когда онъ туда пріѣхалъ, полиція выслала его на родину за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Цѣлый годъ пробылъ В. въ родной Мартыновкѣ подъ надзоромъ полиціи, весь погруженный въ изученіе литературы по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ.

Въ концѣ 1876 г. В. пріѣзжаетъ въ Варшаву, гдѣ уже существовалъ среди молодежи рядъ соціалистическихъ кружковъ, начинавшихъ пропагандистскую дѣятельность между рабочими. Соціалистической литературы тогда еще въ Польшѣ не было, и молодымъ агитаторамъ приходилось ограничиваться устной пропагандой. Съ этой цѣлью первые польскіе соціа-

листы поступали на фабрики, чтобы постоянно находиться въ тѣсномъ общеніи съ рабочимъ классомъ. Варынскій поступилъ на фабрику Лильпена, гдѣ и проработалъ до осени 1877 г. Все это время онъ жилъ вмѣстѣ съ Людвигомъ Кобылянскимъ. Въ ихъ общей квартирѣ варшавская полиція произвела первый въ Варшавѣ обыскъ по соціалистическому дѣлу.

Осенью 1877 г. Варынскій поступаетъ въ агрономическій институтъ въ Пулавахъ (Н. Александрія). Это, съ одной стороны, дало ему возможность уклониться отъ исполненія воинской повинности, а съ другой—завязать сношенія съ пулавской молодежью. В. основываетъ въ Пулавахъ соціалистическій кружокъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варшавой. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года В. поселяется опять въ Варшавѣ, заводитъ собственную слесарную мастерскую и превращаетъ ее въ очагъ соціалистической пропаганды. Въ Варшавѣ В. создаетъ первую соціалистическую рабочую организацію, сгруппировавъ имѣвшіяся налицо спропагандированныя силы вокругъ „кассы сопротивленія“, задачей которой было руководить борьбой рабочихъ съ фабрикантами на экономической почвѣ. Количество членовъ „кассы сопротивленія“ росло очень быстро. Въ маѣ ихъ было около 150, въ іюнѣ уже до 300. Работа подвигалась успѣшно, между прочимъ, и потому, что появилась и агитаціонная литература. Въ маѣ В. поѣхалъ заграницу, гдѣ вышло сразу 7 агитаціонныхъ брошюръ, которыя и были доставлены имъ въ Варшаву въ количествѣ 6000 экз. Хотя В. не зналъ нѣмецкаго языка, и происходило это во время господства исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ, ему удалось вполнѣ благополучно справиться съ возложенной на него товарищами задачей.

Между тѣмъ, связи среди рабочихъ разрослись такъ быстро, что приходилось устраивать многолюдныя собранія—сначала въ квартирахъ, а впослѣдствіи и подъ открытымъ небомъ. Къ движенію примыкало все больше и больше рабочихъ. Мало-по малу на собраніе стали появляться довольно подозрительныя личности. 8-го августа (н. ст.) 1878 г. наступила катастрофа. Были произведены первые аресты соціалистовъ, продолжавшіеся почти три мѣсяца. Варынскому пришлось скрываться. Онъ перешелъ на нелегальное положеніе, но не покинулъ ни Варшавы, ни агитаціонной дѣятельности. Ежедневно онъ бывалъ на нѣсколькихъ собраніяхъ и поддерживалъ духъ терроризованныхъ арестами рабочихъ. Въ сентябрѣ, при вліятельномъ участіи Варынскаго, въ Варшавѣ была выработана пер-

вая польская соціалистическая программа, извѣстная подъ названіемъ „брюссельской".

Въ томъ же сентябрѣ В. направляется въ Галицію, гдѣ онъ сплотилъ существовавшіе уже въ то время соціалистическіе рабочіе и студенческіе кружки и создалъ первую серьезную организацію — сначала во Львовѣ, а затѣмъ и въ Краковѣ, куда онъ переѣхалъ въ началѣ декабря. Изъ Кракова онъ заѣзжалъ и въ Вѣну, гдѣ по его почину тоже возникъ польскій соціалистическій кружокъ. Будучи „нелегальнымъ", В. велъ свою работу и въ Галиціи на варшавскій образецъ — тайно. Вскорѣ, однако, слѣды этой работы были обнаружены полиціей: Варынскаго арестовали 9-го февраля (н. ст.) 1879 г. вмѣстѣ съ тремя его товарищами. Къ дѣлу Варынскаго было привлечено еще 33 товарища. Собранный австрійской прокуратурой матеріалъ далъ ей возможность создать громкое дѣло, сослужившее большую службу развитію соціализма въ Галиціи. Первый въ Галиціи соціалистическій процессъ „Варынскаго и 33 соумышленниковъ" продолжался два мѣсяца — съ 16-го февраля по 16 апрѣля (н. ст.) 1880 г. и прошелъ необыкновенно эффектно. Впервые широкая публика познакомилась съ идеей соціализма и съ ея глашатаемъ, причемъ всеобщая симпатія была на ихъ сторонѣ. Судъ присяжныхъ вынесъ оправдательный вердиктъ всѣмъ обвиняемымъ, только нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ незначительнымъ карамъ за неисполненіе полицейскихъ предписаній, касавшихся прописки паспортовъ и т. д. Варынскій, который въ качествѣ главнаго оратора среди подсудимыхъ сыгралъ очень выдающуюся роль въ краковскомъ процессѣ, былъ приговоренъ къ 7-дневному аресту и затѣмъ высланъ изъ Австріи, какъ заграничный подданный.

Вмѣстѣ съ другими товарищами изъ Царства Польскаго онъ отправляется въ Женеву, гдѣ съ октября 1879 г. началъ выходить первый польскій соціалистическій органъ „Równość". Въ Женевѣ В. оставался до декабря 1881 г. и принималъ участіе въ редактированіи какъ этого изданія, такъ и замѣнившаго его (съ 15-го августа 1881 г.) „Przedświt'a". Въ качествѣ делегата этого послѣдняго органа В. выступаетъ на интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ (1881, октябрь). Изъ литературныхъ работъ В. заслуживаютъ вниманія статьи: „Существуетъ ли у насъ рабочій вопросъ" (Równość) и „Филиппина Пласкевицкая" („Przedświt"). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что В. не былъ ни выдающимся тео-

ретикомъ, ни талантливымъ публицистомъ. Это былъ, прежде всего, человѣкъ практическаго дѣла, даровитѣйшій организаторъ и агитаторъ.

Не мудрено поэтому, что заграничная жизнь была ему въ тягость. Онъ всѣми силами души стремился на родину, въ тѣ рабочія массы, съ которыми такъ сжился и внѣ которыхъ чувствовалъ себя очень плохо. И вотъ, въ декабрѣ 1881 г. Варынскій возвращается въ Варшаву.

Въ Варшавѣ В. занялся возстановленіемъ разбитой недавними арестами организаціи. Онъ очень скоро связываетъ между собой разрозненныя группы и кружки и создаетъ руководящій ими органъ—„Рабочій Комитетъ“, который, собственно говоря, былъ зародышемъ возникшей въ 1882 г. партіи „Пролетаріатъ“. Съ возникновеніемъ „Пролетаріата“ роль Варынскаго въ движеніи еще болѣе выросла. Онъ былъ душой этой партіи. Благодаря его энергіи, къ ней примкнулъ цѣлый рядъ выдающихся личностей—между прочимъ, петербургскій кружокъ польскихъ соціалистовъ со Станиславомъ Куницкимъ во главѣ. На виленскомъ съѣздѣ (въ концѣ 1882 г.) представителей двухъ польскихъ соціалистическихъ группъ, не вошедшихъ въ „Пролетаріатъ“, Варынскому удалось убѣдить Куницкаго и его товарищей переѣхать въ Варшаву.

Послѣ виленскаго съѣзда дѣятельность „Пролетаріата“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность В. сильно разростается. 13-го февраля (н. ст.) 1883 г. появилась историческая прокламація „Пролетаріатъ“ (написанная Варынскимъ), взывавшая къ противодѣйствію распоряженію варшавскаго оберъ-полицеймейстера, вводившаго на фабрикахъ полицейско-санитарный осмотръ работницъ. Полиція должна была уступить: распоряженіе оберъ-полиціймейстера было отмѣнено. Побѣда „Пролетаріата“ была для всѣхъ очевидна. Это сильно содѣйствовало дальнѣйшему развитію партіи.

Въ апрѣлѣ 1883 г. Варынскій ѣдетъ въ Парижъ, чтобы организовать тамъ заграничное представительство „Пролетаріата“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти въ болѣе тѣсныя отношенія съ „Народной Волей“. Первая задача была исполнена успѣшно. Что же касается второй, то оказалось, что Парижъ былъ для подобнаго предпріятія совершенно неподходящимъ пунктомъ. Поэтому Варынскій, возвратясь въ Варшаву, тотчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ. Но тамъ онъ наткнулся на Дегаева, въ то время еще не изобличеннаго товарищами. Результатомъ его петербургскихъ переговоровъ было то, что за нимъ въ

Варшаву поѣхали шпіоны, которые выслѣдили квартиру Варынскаго. Однако, они вели себя такъ нахально, что Варынскій во время замѣтилъ ихъ преслѣдованія и поспѣшилъ скрыться.

15-го сентября (н. ст.) 1883 г. вышелъ № 1 „Пролетаріата“— перваго соціалистическаго органа, издаваемаго въ Варшавѣ. Варынскій проредактировалъ два первыхъ №№ этого изданія. 28-го сентября послѣдовалъ арестъ Варынскаго. Онъ оказалъ сопротивленіе при арестѣ, сваливъ съ ногъ ударомъ кулака околоточнаго, явившагося его арестовать, но ускользнуть изъ рукъ полиціи ему не удалось...

2¼ года просидѣлъ Варынскій подъ слѣдствіемъ въ X павильонѣ варшавской цитадели. На судѣ Варынскій выступилъ главнымъ ораторомъ отъ имени партіи. Онъ развивалъ ея программу въ блестящей рѣчи и объявилъ, что вполнѣ раздѣляетъ всѣ тактическіе взгляды „Пролетаріата“. Хотя всѣ террористическіе акты „Пролетаріата“ были совершены тогда, когда В. находился уже въ заключеніи, хотя союзъ „Пролетаріата“ съ „Народной Волей“ былъ заключенъ уже послѣ ареста В., однако онъ заявилъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность и за эти проявленія дѣятельности „Пролетаріата“. Его приговорили къ 16 годамъ каторжныхъ работъ. 1-го марта 1886 г. Варынскаго перевезли въ Шлиссельбургъ, откуда ему уже не суждено было выйти...

Этотъ крѣпкій, здоровый, полный силъ человѣкъ не вынесъ заключенія въ Шлиссельбургѣ. Его натура, жаждущая кипучей, лихорадочной дѣятельности, не могла примириться съ ужасными условіями шлиссельбургской могилы. На десятомъ мѣсяцѣ заключенія онъ заболѣлъ цынгой, къ которой вскорѣ присоединились: одышка, мигрень, невралгія, глазная болѣзнь и, наконецъ, чахотка. Съ конца января 1889 г. онъ уже не поднимался съ постели, а въ февралѣ скончался. Прошло болѣе двухъ лѣтъ, пока вѣсть о смерти творца „Пролетаріата“ дошла до его товарищей и жены. Только послѣ освобожденія Яновича друзья и товарищи Варынскаго узнали о всѣхъ его страданіяхъ въ Шлиссельбургѣ.

Людвигъ Фомичъ Яновичъ.

Л. Ф. Яновичъ, подобно своему товарищу по революціонной дѣятельности и заключенію въ Шлиссельбургѣ, Варынскому, происходилъ изъ помѣщичьей семьи. Онъ родился въ 1858 г. въ шавельскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Изъ шавельской гимназіи онъ перешелъ въ виленское реальное училище, откуда направился въ Москву, чтобы тамъ поступить въ Петровско-Разумовскій земледѣльческій институтъ. Въ Москвѣ Яновичъ принималъ участіе въ студенческой жизни и сблизился съ русскими революціонерами.

Въ 1881 г. Яновичъ выѣхалъ за границу, побывалъ на интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ, затѣмъ посѣтилъ Парижъ. Возвратясь на родину, Яновичъ перешелъ на нелегальное положеніе, и посвятилъ всѣ свои силы партіи „Пролетаріатъ“. Онъ агитируетъ, занимается организаціей рабочихъ, пишетъ прокламаціи, доставляетъ партіи денежныя средства и т. д. Арестъ прерываетъ эту кипучую дѣятельность.

30-го іюля (н. ст.) 1884 г. въ молочной фермѣ Геннеберга въ Варшавѣ сошлись три члена „Пролетаріата“ — Дембскій, Славинскій и Яновичъ. Агентъ тайной полиціи, Ламбертъ, вошелъ въ помѣщеніе фермы вмѣстѣ съ помощникомъ пристава Оже, чтобы арестовать Славинскаго и его товарищей. Когда Ламбертъ заявилъ, что они арестованы, Яновичъ вынулъ револьверъ, но агентъ схватилъ его за руки. Увидѣвъ это, одинъ изъ товарищей Яновича схватилъ Ламберта за шею, но долженъ былъ отступить, получивъ ударъ шашки капитана Оже. Въ это время раздался выстрѣлъ, и Ламбертъ упалъ, чѣмъ воспользовались Дембскій и Славинскій, которые бѣжали, сбивъ

Людвигъ Фомичъ
ЯНОВИЧЪ.

съ ногъ Оже. Этотъ послѣдній кинулся-было догонять убѣгавшихъ, но вскорѣ вернулся. Между тѣмъ, Яновичъ боролся съ Ламбертомъ, котораго ему удалось ранить въ животъ. Яновичъ попытался-было бѣжать, но попалъ въ руки полицейскихъ, которые прибѣжали на выстрѣлъ.

При арестованномъ Яновичѣ нашли 700 рублей, револьверъ, кинжалъ, нѣсколько №№ „Пролетаріата“, записки и корреспонденціи. Когда его вели въ участокъ, онъ крикнулъ: „да здравствуетъ Пролетаріатъ!“

Настали долгіе мѣсяцы заключенія въ цитадели. Условія, въ которыхъ обвиняемые въ принадлежности къ „Пролетаріату“ находились въ X павильонѣ, были таковы, что цѣлый рядъ узниковъ впалъ въ психическое разстройство. Тому же подвергся и Яновичъ. Наконецъ, начался процессъ „Пролетаріата“, закончившійся, какъ извѣстно, трагически для множества лицъ. Яновича (обвиняемаго, кстати сказать, въ преступленіяхъ, о совершеніи которыхъ ему и не снилось, какъ, напр., подготовка покушенія на цензора Янкуліо и Секержинскаго) приговорили къ 16 годамъ каторги.

Въ концѣ февраля 1886 г. его вмѣстѣ съ Варынскимъ увезли въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости, откуда они были переведены затѣмъ въ Шлиссельбургъ. Въ Шлиссельбургѣ Яновичъ пробылъ болѣе 10 лѣтъ. Онъ чувствовалъ себя тамъ сравнительно лучше другихъ заключенныхъ и сохранялъ все время рѣдкую бодрость. Яновичъ редактировалъ одинъ изъ тюремныхъ рукописныхъ журналовъ, много занимался статистикой, и когда, на основаніи манифеста 1896 г., перевезенъ былъ въ Средне-Колымскъ, то казалось, что мрачное десятилѣтіе заключенія въ Шлиссельбургѣ не оставило въ его психикѣ роковыхъ слѣдовъ.

Яновичъ примкнулъ къ польской соціалистической партіи (П. П. С.) и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ ея заграничнаго органа „Przedświt“. Уже въ февралѣ 1896 г. „Przedświt“ помѣщаетъ его первую статью о Шлиссельбургѣ. За этой статьей послѣдовали другія (воспоминаніе о Л. Кобылянскомъ и Л. Варынскомъ; о послѣднихъ минутахъ приговоренныхъ къ смертной казни членовъ „Пролетаріата“; рядъ корреспонденцій изъ Якутской области). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Яновичъ заканчивалъ обширный статистико-экономическій трудъ, обосновывавшій экономическія доказательства въ пользу необходимости включенія въ соціалистическую программу требованія независимости Польши. Этотъ трудъ былъ направленъ, главнымъ обра-

зомъ, противъ извѣстнаго памфлета Розы Люксембургъ объ экономическомъ развитіи Царства Польскаго [1]).

Въ ссылкѣ Яновичъ пользовался всеобщей любовью, какъ человѣкъ чрезвычайно душевный и отзывчивый на всякія горести и страданія. Онъ обладалъ способностью вносить умиротвореніе въ самыя озлобленныя и ожесточенныя проклятыми условіями жизни сердца. Мечты объ участіи въ живой политической дѣятельности на родинѣ или, по крайней мѣрѣ, о систематической литературной работѣ за границей не покидали его.

Когда въ 1902 г. Яновичъ былъ вызванъ въ Якутскъ въ качествѣ свидѣтеля по громкому дѣлу Ергина, товарищи приготовили все, чтобы устроить ему удачный побѣгъ. Однако, судьба рѣшила иначе. Оказалось, что десять лѣтъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ не прошли даромъ: въ послѣднюю минуту нервы отказались служить дольше... 30-го мая (н. ст.) 1902 г. Яновичъ покончилъ съ собой, оставивъ записку, въ которой писалъ: „Меня убиваетъ русское правительство, и пусть на него падетъ отвѣтственность за мою смерть, точно такъ же, какъ и за гибель безчисленнаго ряда другихъ моихъ товарищей.“

[1]) Въ сокращенномъ видѣ работа Яновича была напечатана въ „Научномъ Обозрѣніи“.

Дмитрій Яковлевичъ
СУРОВЦОВЪ.

Дмитрій Яковлевичъ Суровцевъ.

Сынъ священника, Дмитрій Яковлевичъ Суровцевъ родился въ 1853 году въ Вологодской губерніи. По окончаніи духовной семинаріи, Д. Я. поступилъ въ Петровскую земледѣльческую академію въ Москвѣ. Но здѣсь юношу захватило вскорѣ въ свои волны, подобно большинству лучшей молодежи 70-хъ годовъ, народническое движеніе, и, бросивъ академію, Суровцевъ очутился въ кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи народнымъ учителемъ. Однако, уже черезъ годъ онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Холмогоры. Бѣжавъ въ 1878 году съ мѣста ссылки и проживая нелегально въ разныхъ городахъ Россіи, Д. Я. работалъ въ рядахъ партіи „Народной Воли“. Въ декабрѣ 1882 года онъ вторично арестованъ былъ въ тайной одесской типографіи, вмѣстѣ съ Дегаевымъ, который сдѣлался вскорѣ извѣстнымъ предателемъ.

Въ октябрѣ 1884 года петербургскій военно-окружной судъ, разбиравшій дѣло В. Н. Фигнеръ и военной организаціи, приговорилъ Суровцева къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, которыя волей администраціи замѣнены были одиночнымъ заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ. Коронаціонный манифестъ 1896 г. нѣсколько сократилъ этотъ срокъ, и въ слѣдующемъ году Суровцевъ попалъ въ Якутскую область, въ ужасный Среднеколымскъ.

Но и здѣсь Д. Я. не палъ духомъ и съ страстнымъ увлеченіемъ отдался земледѣлію, почти невозможному въ суровомъ среднеколымскомъ климатѣ. Земля тамъ въ теченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ въ году мерзлая, а въ короткое лѣто культивированнымъ растеніямъ не даютъ покоя многочисленные суслики и овражки; въ довершеніе всего, работать приходилось

безъ помощниковъ, и у всякаго другого, кромѣ Суровцева, скоро опустились бы руки, но его увлеченія „землею“ и его оптимизма ничто не могло сломить!..

„Амнистія“ 21 октября 1905 года перевела, наконецъ, Суровцева изъ Среднеколымска въ Якутскъ, а въ настоящее время онъ прибылъ уже въ Европейскую Россію.

Эту краткую біографическую замѣтку мы позволимъ себѣ заключить въ высшей степени характерными словами Д. Я. въ одномъ изъ его писемъ: „Все пережитое горе давно уже забылъ, какъ и тотъ морозъ, который приходилось выносить въ Колымскомъ краѣ. Жалѣю объ одномъ, что не довелъ до конца начатаго земледѣлія...“

Михаилъ Петровичъ
ШЕБАЛИНЪ.

Михаилъ Петровичъ Шебалинъ.

Михаилъ Петровичъ Шебалинъ родился въ Казанской губерніи въ 1857 году, но, такъ какъ отецъ его, мировой посредникъ, служилъ въ 70-хъ годахъ въ Подольской губерніи, то гимназію М. П. окончилъ въ Каменецъ-Подольскѣ, въ одномъ изъ наиболѣе революціонныхъ тогда городовъ Россіи, давшемъ движенію не одно извѣстное и славное имя. Съ 1878 по 1882 г. М. П. былъ студентомъ-математикомъ петербургскаго университета, и въ эти годы расцвѣта партіи „Народной Воли“ окончательно сложились его соціально-революціонные взгляды и убѣжденія.

По окончаніи Шебалинымъ университетскаго курса, партіей было предложено ему, какъ совершенно не скомпрометтированному до тѣхъ поръ человѣку, принять на себя роль хозяина центральной народовольческой типографіи. Михаилъ Петровичъ согласился и вмѣстѣ съ женою, урожденной Богораз, устроилъ въ 1883 году въ Петербургѣ тайную типографію, въ которой печатались „Листки Народной Воли“ и различныя революціонныя брошюры.

Между тѣмъ, подобно большинству членовъ партіи, М. П. и не подозрѣвалъ, что вся народовольческая организація уже находится въ цѣпкихъ рукахъ „инспектора секретной полиціи“ Судейкина, и что самъ „Петръ Алексѣевичъ“, черезъ котораго онъ, Шебалинъ, сносится съ „исполнительнымъ комитетомъ“, не кто иной, какъ ловкій и хитрый предатель С. П. Дегаевъ...

Послѣдній велъ, какъ извѣстно, двойную игру и, выдавъ все и всѣхъ Судейкину (въ томъ числѣ и Шебалина), задумалъ подъ конецъ снова сдѣлаться искреннимъ революціонеромъ, замести всѣ слѣды своего предательства и отдѣлаться

отъ самого патрона убійствомъ. Посвятивъ въ этотъ свой планъ лишь очень немногихъ изъ жившихъ за границей революціонеровъ (главнымъ образомъ, Льва Тихомірова), онъ началъ убѣждать и умолять Шебалина и его жену перейти немедленно на нелегальное положеніе. Просьбы эти не были, однако, подкрѣплены какими-либо ясными и основательными доводами; Шебалины по прежнему считали себя „чистыми“ въ глазахъ полиціи и, согласившись переѣхать въ концѣ 1883 года въ Кіевъ, продолжали и тамъ жить подъ настоящимъ своимъ именемъ.

16 декабря 1883 года былъ убитъ въ Петербургѣ Судейкинъ. Съ его смертью жандармерія на нѣкоторое время страшно растерялась и не знала, куда кинуться на поиски. Но мало-по-малу потерянные было концы раскинутыхъ всюду Судейкинымъ и Дегаевымъ сѣтей были отысканы, въ томъ числѣ и имя Шебалина. За его квартирой въ Кіевѣ стали усиленно слѣдить, и, наконецъ, 4 марта 1884 г. былъ устроенъ большой погромъ, въ результатѣ котораго осенью того же года кіевскій военно-окружной судъ отправилъ въ каторгу и на поселеніе — Шебалина съ женою, Караулова, Панкратова, Мартынова, Дашкевича, Васильева и др.

По не вполнѣ выясненнымъ до сихъ поръ причинамъ, М. П. не былъ отосланъ на Кару или Сахалинъ, а заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и провелъ ровно 12 лѣтъ, безъ всякихъ скидокъ и сокращеній. Жена его съ маленькимъ сыномъ умерла еще въ 1885 году въ московской пересыльной тюрьмѣ, но ему стало извѣстно объ этомъ лишь много лѣтъ спустя...

Въ ноябрѣ 1896 года М. П. Шебалинъ увезенъ былъ, наконецъ, въ Вилюйскъ Якутской области на поселеніе, откуда въ 1901 году, получивъ крестьянскія права, перебрался въ г. Якутскъ. Въ силу „амнистіи“ 21 окт. 1905 г., вернулся въ настоящее время въ Европейскую Россію, гдѣ лишенъ, однако, права жить въ столичныхъ городахъ.

Такъ мрачно и безрадостно прошла эта рано загубленная гнуснымъ предательствомъ жизнь, — жизнь человѣка съ кристально-чистой душой, стойкаго борца и идеальнаго товарища.

Михаилъ Юльевичъ
АШЕНБРЕНЕРЪ.

Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ.

Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ родился въ 1842 году. Его дѣдъ по отцу эмигрировалъ по политическимъ причинамъ изъ Германіи въ царствованіе Александра I и былъ сначала преподавателемъ математики и военныхъ наукъ въ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ бригаднымъ командиромъ въ Омскѣ. По дорогѣ въ Сибирь, въ Казани, онъ встрѣтился съ красивой и очень образованной дѣвушкой и женился на ней. Къ дѣвушкѣ этой былъ неравнодушенъ С. Т. Аксаковъ, и, можетъ быть, именно по этой причинѣ характеристика дѣда Михаила Юльевича въ „Семейной Хроникѣ“ Аксакова не отличается безпристрастностью. Отъ этого брака родился отецъ Михаила Юльевича, учившійся затѣмъ въ инженерномъ училищѣ и проходившій военную службу въ качествѣ инженернаго офицера. Онъ былъ женатъ на дочери генерала Наумова,— одного изъ дѣятелей отечественной войны 1812 года.

Михаилъ Юльевичъ воспитывался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, учился очень хорошо и выпущенъ изъ корпуса на 18-мъ году жизни съ чиномъ поручика. Для характеристики Михаила Юльевича изъ времени пребыванія его въ такъ называвшемся „третьемъ спеціальномъ классѣ кадетскаго корпуса“ укажемъ на такой эпизодъ: въ классъ этотъ поступилъ изъ упраздненнаго Брестскаго корпуса полякъ Сервatовичъ, державшійся отъ товарищей совершенно въ сторонѣ. Однажды вечеромъ среди кадетъ загорѣлся жестокій споръ. Ашенбреннеръ, одинъ противъ многихъ, защищалъ кавказскихъ горцевъ, ссылаясь на то, что они сражаются за свою независимость. Оппоненты говорили о культурной миссіи Россіи, объ округленіи границъ, необходимости защиты русскихъ

отъ набѣговъ горцевъ и т. д. Въ жару спора, вдругъ, къ Ашенбреннеру подошелъ Серватовичъ и поцѣловалъ его. Такая, непривычная въ кадетскомъ быту, нѣжность удивила всѣхъ, и споръ прекратился. Вслѣдъ затѣмъ Серватовичъ отвелъ Ашенбреннера въ сторону и сталъ разспрашивать его: „Скажите, пожалуйста, Ашенбреннеръ, вы, должно быть, не русскій?“ — „Нѣтъ, русскій,“—отвѣчалъ Ашенбреннеръ. Серватовичъ покачалъ головой: „Но у васъ нѣмецкая фамилія?“—и онъ сталъ разспрашивать, не было ли среди предковъ Ашенбреннера не русскихъ. Когда же Михаилъ Юльевичъ сказалъ ему, что одна изъ его бабушекъ была полька, то Серватовичъ просіялъ: „Ну, конечно, теперь все ясно!“—и, отвѣчая на недоумѣвающій взоръ своего собесѣдника, прибавилъ: „Вотъ почему вы и защищали такъ страстно справедливое и святое дѣло!“

Въ выпускномъ классѣ кадеты много читали и познакомились съ произведеніями Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и даже Герцена. Все это не могло не расширить въ значительной степени горизонтъ военной молодежи. Дальнѣйшее развитіе ея шло рука объ руку съ развитіемъ самосознанія всей передовой части русскаго общества. Будучи уже офицерами, Ашенбреннеръ и его товарищи занимались естественными науками, интересовались матеріалистической философіей,—главнымъ образомъ, Фейербахомъ,—читали Дарвина, Спенсера. Во время польскаго возстанія двое изъ товарищей Ашенбреннера, Серватовичъ и Олендзскій, командовали повстанскими отрядами и были казнены, а третій товарищъ—Каплинскій попалъ въ каторжныя работы по дѣлу разстрѣлянныхъ офицеровъ Арнгольдта и Сливицкаго. Въ 1864 году Ашенбреннера предназначали къ переводу въ одинъ изъ дѣйствовавшихъ въ Польшѣ гвардейскихъ полковъ, но онъ отказался, по нежеланію принимать участіе въ подавленіи возстанія. Дѣло могло окончиться для Ашенбреннера очень печально, но начальство отнеслось къ этому поступку снисходительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Михаилъ Юльевичъ былъ переведенъ въ Туркестанъ, гдѣ пробылъ $4^1/_2$ года и вернулся въ Россію уже штабъ-офицеромъ.

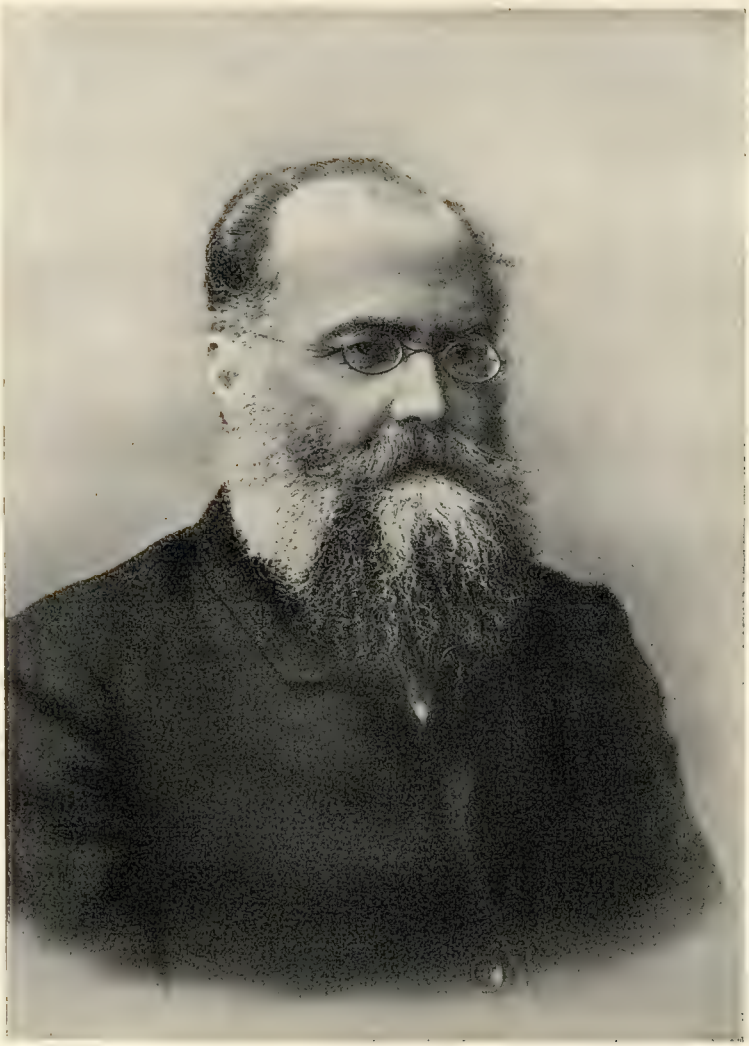
До турецкой войны Ашенбреннеръ жилъ въ захолустьяхъ Бессарабіи, а послѣ войны въ большихъ городахъ Херсонской губерніи. Въ 1880 году на югѣ стали возникать военно-революціонные кружки, организаціи которыхъ Михаилъ Юльевичъ отдался со всѣмъ пыломъ души.

Въ 1882 году на югъ пріѣхалъ делегатъ отъ центральнаго

военнаго кружка лейтенантъ А. В. Буцевичъ, который и предложилъ мѣстнымъ кружкамъ внести въ свою программу активное содѣйствіе партіи „Народной Воли“. Предложеніе Буцевича было принято, и вскорѣ Ашенбреннеръ былъ призванъ въ центральный кружокъ, гдѣ ему было предложено объѣхать всѣ военные кружки въ Россіи съ цѣлью сведенія всѣхъ ихъ программъ къ единой программѣ центральнаго кружка. Сверхъ того, Ашенбреннеръ долженъ былъ во время той же поѣздки озаботиться подысканіемъ корреспондентовъ для предполагавшагося военно-революціоннаго журнала, предупредить о намѣченномъ съѣздѣ делегатовъ отъ военныхъ кружковъ и выбрать городъ для такого съѣзда. Всѣ эти предпріятія не были приведены въ исполненіе, благодаря начавшейся вскорѣ послѣ того предательской дѣятельности Дегаева. Начались массовые аресты среди военнослужащихъ. Въ числѣ другихъ въ мартѣ 1883 года былъ арестованъ и Ашенбреннеръ. Въ сентябрѣ 1884 года 6 офицеровъ—Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, баронъ Штромбергъ, Тихоновичъ и Ювачевъ—были преданы суду вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ, Л. А. Волкенштейнъ и др. Всѣ названныя 8 лицъ были приговорены къ повѣшенію, и по отношенію къ Рогачеву и Штромбергу приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Остальные 6 человѣкъ были заключены въ Шлиссельбургъ, гдѣ Ашенбреннеръ и протомился цѣлыхъ 20 лѣтъ. Только въ сентябрѣ 1904 года былъ, наконецъ, освобожденъ изъ Шлиссельбурга и водворенъ на жительство въ качествѣ ссыльно-поселенца въ Смоленскѣ. Время пребыванія своего въ Шлиссельбургѣ М. Ю. Ашенбреннеръ художественно изобразилъ въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ январской книжкѣ журнала „Былое“ за 1906 годъ. Тамъ же помѣщены и другія воспоминанія этого выдающагося дѣятеля русскаго освободительнаго движенія.

Германъ Александровичъ Лопатинъ.

Яркая и разносторонняя личность Г. А. Лопатина всегда производила сильное впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ только судьба ставила его въ отношенія,—разумѣется, на каждаго по своему. Крупные теоретики поражались свѣжестью и гибкостью его ума. Практики съ удивленіемъ открывали въ этомъ человѣкѣ рѣдкую способность оріентироваться среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ жизни и осуществлять во всѣхъ подробностяхъ задуманные планы. Революціонеры, люди общества, высшіе и низшіе чиновники, рабочіе и крестьяне и просто обыватели почти при самомъ началѣ знакомства съ Лопатинымъ чувствовали, что передъ ними находится недюжинный человѣкъ. И эта способность импонировать всякому достаточно указываетъ на разнообразіе качествъ ума и сердца Г. А. Лично я довольно близко былъ знакомъ съ Лопатинымъ съ весны 1883 г. по весну 1884 г., въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ съ перерывами годъ наканунѣ своего окончательнаго ареста. И если бы я долженъ былъ полагаться только на свои воспоминанія,—я былъ въ то время совсѣмъ неопытнымъ молодымъ человѣкомъ 24 лѣтъ, Германъ же Александровичъ, приближавшійся къ сорока годамъ, былъ въ цвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ,—то я былъ бы очень затрудненъ ролью біографа этой исключительно-крупной личности. Но мнѣ пришлось слышать и до личнаго знакомства съ Г. А., и послѣ знакомства съ нимъ такъ много разсказовъ о немъ изъ устъ Глѣба Успенскаго, П. Л. Лаврова, Энгельса, младшей и средней дочерей Маркса, Поля Лафарга и т. д. и т. д.,—все, какъ видите, людей, могущихъ быть хорошими судьями,—что моя задача значительно облегчается.



Германъ Александровичъ
ЛОПАТИНЪ.

Германъ Лопатинъ родился 13 января 1845 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, въ дворянской семьѣ, но среднее образованіе получилъ въ гимназіи г. Ставрополя (Кавказскаго), куда родители его переѣхали, когда мальчику было не болѣе пяти лѣтъ. Кончивъ гимназическій курсъ съ золотою медалью, 17-лѣтній юноша поступилъ (1862 г.), слѣдуя тогдашнему теченію, на естественное отдѣленіе математическаго факультета, въ петербургскій университетъ. Здѣсь его живая и общительная природа скоро дѣлаетъ его популярнымъ среди товарищей, а блестящія дарованія быстро выдвигаютъ его въ первые ряды работающихъ студентовъ, между которыми онъ выдается своею жизнерадостностью, отнюдь не мѣшающею серьезности его занятій. Четыре года спустя онъ выдерживаетъ экзаменъ на кандидата естественныхъ наукъ, представивъ на разсмотрѣніе факультета очень оригинальную и обстоятельную диссертацію по столь волновавшему въ то время умы вопросу о „самопроизвольномъ зарожденіи“. Несмотря на то, что эта работа била въ забрало господствующимъ тогда теоріямъ, искренность тона и солидность аргументаціи молодого ученаго обратили на себя общее вниманіе профессоровъ, и Лопатину было предложено остаться при университетѣ. Но уже съ самой ранней молодости,—выражаясь словами самого же Германа Александровича, который пронзнесъ ихъ на судѣ, 20 лѣтъ спустя,—его „свободолюбивой натурѣ претило наложить на себя оковы какой бы то ни было обязательности“. Лопатинъ отказался отъ каѳедры и раскрывавшейся передъ нимъ оффиціальной научной карьеры.

То было въ 1866 г. Вскорѣ каракозовскій выстрѣлъ вызвалъ свирѣпую и во многихъ отношеніяхъ комичную по своей нелѣпости реакцію. Повсюду обыски, аресты, ссылки отмѣчали шествіе полицейской вакханаліи, предводимой „Муравьевымъ-вѣшателемъ“. Былъ арестованъ и Лопатинъ. Къ счастью для него, та самая жизнерадостность, которая заставляла съ недовѣріемъ относиться къ нему, какъ къ человѣку „не серьезному“, членовъ „Ада“, не желавшихъ ввести Германа Александровича въ число заговорщиковъ, выручила его изъ рукъ чтецовъ человѣческаго сердца въ жандармскихъ и прочихъ мундирахъ. Самъ проницательный г. Никифераки выразилъ мнѣніе, что такого шутника и весельчака, какъ Лопатинъ, никакая революція не собьетъ съ пути безпечальнаго прожиганія жизни. И Германъ Александровичъ былъ выпущенъ, что дало ему возможность развить свою рѣдкую энергію и изобрѣтательность

по части предупрежденія близко или далеко причастныхъ къ каракозовскому дѣлу лицъ и впервые заставило знакомыхъ Лопатина оцѣнить солидныя качества человѣка, обманывавшаго въ свои молодые годы вѣчнымъ легкомысліемъ поверхностныхъ наблюдателей.

Въ 1867 г. его безпокойная и ищущая борьбы натура гонитъ его за границу, въ Италію, въ ряды волонтеровъ Гарибальди, который подготовлялъ въ то время новую кампанію противъ папскаго Рима. Но французскія „шаспо“ на службѣ у клерикализма „совершили чудеса“ во время битвы при Ментонѣ, и не успѣлъ Германъ Александровичъ надѣть на себя красную рубашку гарибальдійца, какъ плѣнъ главы кампаніи дѣлаетъ путешествіе Лопатина безцѣльнымъ. И „удалый добрый молодецъ“ (какъ впослѣдствіи назоветъ его Глѣбъ Успенскій, собиравшійся дать цѣлый художественный разсказъ о плѣнившемъ его Лопатинѣ) возвращается на родину, успѣвъ познакомиться во время этого путешествія съ Герценомъ.

Вскорѣ по возвращеніи Германъ Александровичъ арестуется за участіе въ чисто культурной дѣятельности такъ называемаго „рублеваго общества“, имѣвшаго цѣлью распространеніе грамотности въ деревнѣ, и ссылается подъ надзоръ родителей въ Ставрополь, гдѣ поступаетъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ, который души не чаетъ въ талантливомъ и энергичномъ служащемъ и даетъ ему самыя деликатныя порученія: уговорить бунтующихъ крестьянъ и т. п. Къ этому времени относится шутливое письмо Лопатина къ пріятелю, письмо, въ которомъ „коллежскій секретарь“ (чинъ, до котораго успѣлъ дослужиться Германъ Александровичъ, ставшій правою рукою очарованнаго имъ помпадура) возвѣщаетъ свое твердое намѣреніе „удалиться изъ предѣловъ ввѣренной ему губерніи въ вольную Америку“. Это письмо, найденное на квартирѣ упомянутаго пріятеля въ Питерѣ вызываетъ новый арестъ Лопатина. Но „удалый добрый молодецъ“ бѣжитъ съ гауптвахты, становится нелегальнымъ, увозитъ „по спопутности“ (изъ Кадникова!) Петра Лавровича Лаврова въ столицу, а затѣмъ направляетъ его за границу (въ Парижъ), куда и самъ пріѣзжаетъ въ началѣ 1870 г.

Во время этой болѣе продолжительной заграничной поѣздки, Лопатинъ вступаетъ въ одну изъ секцій Интернаціонала, знакомится въ Швейцаріи съ Бакунинымъ и Нечаевымъ, въ Англіи съ Марксомъ и Энгельсомъ, поражаетъ своимъ умомъ и эрудиціей обоихъ родоначальниковъ „научнаго соціализма“, близко

сходится съ ними и принимается переводить первый томъ „Капитала", устанавливая замѣчательно остроумно и точно русскіе термины, соотвѣтствующіе многозначительнымъ и крайне труднымъ для передачи неологизмамъ Маркса.

Но этотъ замѣчательный трудъ былъ продвинутъ Г. А—емъ лишь на 1/3 перваго тома „Капитала" (и затѣмъ продолженъ Н. Ф. Даніельсономъ). Въ головѣ Германа Александровича созрѣлъ, отвлекшій его отъ научной работы, дерзкій, но чрезвычайно умно задуманный планъ — вернуться въ Россію и освободить Чернышевскаго, который, какъ ему казалось, только и могъ стать авторитетнымъ руководителемъ русскаго, сильно обмелѣвшаго къ тому времени, революціоннаго движенія. Лопатинъ былъ уже близко у своей цѣли, пробираясь подъ видомъ члена географическаго общества, все дальше и дальше на востокъ и возбуждая у сибирскихъ обывателей даже предположеніе, что это — важный ревизоръ, путешествующій инкогнито, какъ вдругъ телеграмма, посланная Третьему Отдѣленію изъ Швейцаріи пронюхавшимъ планъ Лопатина шпіономъ, помѣшала блестящему предпріятію, а самого Германа Александровича привела къ тюрьмѣ. Два раза пускался онъ въ бѣгство, продѣлавъ во время второй попытки цѣлое путешествіе (и не забывая вести научный журналъ его), пока, наконецъ, третья, эффектно выполненная попытка не освободила его изъ когтей самодержавія. Къ этой эпохѣ относится знакомство съ Лопатинымъ сибирскаго Гарунъ-аль-Рашида, генералъ-губернатора Синельникова, который, въ качествѣ просвѣщеннаго деспота, и спалъ и видѣлъ, какъ бы приручить славнаго революціонера и пустить въ ходъ его изъ ряду вонъ выдающіяся способности для административнаго облагодѣтельствованія ввѣреннаго ему края.

Въ 1873 г., послѣ трехлѣтняго вынужденнаго скитанья по русскимъ острогамъ и дорожнымъ этапамъ, Лопатинъ появляется снова „за рубежомъ" и окунается въ ставшую кипучей къ тому времени жизнь заграничной эмиграціи, сохраняя пріятельскія отношенія съ выдающимися представителями соперничающихъ фракцій, но самъ не вступая ни въ одну изъ организацій. Такъ, онъ пишетъ отъ времени до времени во „Впередъ", и его блестящая корреспонденція о „не-нашихъ", и его письмо къ Александру II производятъ немалую сенсацію. Онъ является даже посредникомъ между П. Л. Лавровымъ и Тургеневымъ по денежной части, передавая отъ знаменитаго романиста, увлеченнаго, подобно столькимъ лю-

дямъ, могучей индивидуальностью Лопатина, издателю „Впередъ“ суммы на поддержаніе журнала. Но онъ отказывается участвовать въ редактированіи этого органа, несмотря на личную дружбу съ Лавровымъ. Это третье, и самое продолжительное, пребываніе Лопатина за-границей длится почти шесть лѣтъ, но прерывается смѣлыми поѣздками въ Россію на „нелегальномъ положеніи“, пока одна изъ такихъ поѣздокъ, предпринятая въ 1879 г., не заканчивается арестомъ Германа Александровича, выданнаго однимъ презрѣннымъ шпіономъ, увѣрявшимъ Лопатина въ своей безграничной преданности.

Снова на цѣлые четыре года Германъ Александровичъ попадаетъ въ подневольное положеніе. Тюрьма, ссылка—сначала въ Ташкентъ, потомъ въ Вологду—направляютъ по очень узкому фарватеру этотъ большой корабль, которому, согласно пословицѣ, было надо и большое плаванье. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, находясь въ Петербургѣ, я впервые услышалъ яркую художественную характеристику Лопатина изъ устъ Успенскаго, который познакомился съ нимъ, когда жилъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ въ Парижѣ. Въ то время Г. А. проживалъ въ Ташкентѣ, и ходили слухи, что онъ, отъ нечего дѣлать, пристроился къ хлѣбной торговлѣ.—Вы знаете Лопатина?—началъ по этому поводу свое описаніе Глѣбъ Иванычъ, попыхивая вѣчной папироской. — Это вотъ какой человѣкъ: сегодня онъ великому Карлу Марксу объяснитъ, что у него должно полагаться въ слѣдующемъ томѣ „Капитала“, а на завтра онъ у его степенства, Ѳедора Поликарпыча, главнымъ прикащикомъ будетъ орудовать, и хозяинъ въ ножки будетъ ему кланяться, прося продолжать коммерцію; а послѣ завтра нашъ Германъ Александровичъ на улицѣ знакомаго адвоката встрѣтитъ да подъ его именемъ, въ ближнемъ окружномъ судѣ, уголовное дѣло выиграетъ. Такъ вотъ кто такой Лопатинъ: это—точно самая сильная паровая машина, и только проведите приводъ отъ его головы къ любому дѣлу, и онъ начнетъ вамъ работать, какъ никто“.

Лично съ Лопатинымъ я познакомился весною 1883 г. въ Парижѣ, куда Г. А. удалось-таки убѣжать изъ вологодскаго плѣненія. Я былъ въ числѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, приглашенныхъ П. Л. Лавровымъ для выслушанія одной изъ его статей, предназначавшихся къ печати. То былъ, если не ошибаюсь, біологическій очеркъ „Хлопоты науки съ низшими организмами“, который долженъ былъ появиться въ „Отече-

ственныхъ Запискахъ". До начала чтенія радушный хозяинъ познакомилъ насъ съ какимъ-то высокимъ, плотнымъ господиномъ. Но не разслышали ли мы путемъ его фамиліи, или, можетъ быть, Петръ Лаврычъ назвалъ намъ апокрифическое имя, — хорошо не помню, — только никто изъ насъ до самаго конца чтенія и не подозрѣвалъ, что передъ нами, добродушно и остроумно шутя, находится знаменитый Лопатинъ. Насъ всѣхъ, помню, крайне забавляли жесты, которыми Германъ Александровичъ, не желая прерывать читавшаго вслухъ автора, характеризовалъ внѣшній видъ и пріемы всѣхъ тѣхъ животныхъ, именами которыхъ пестрѣли страницы лавровскаго этюда.

Въ то время „Народная Воля" шла на убыль, но въ обществѣ и интеллигенціи партія была еще окружена ореоломъ историческаго величія. Въ Парижѣ приготовлялся къ печати первый номеръ „Вѣстника" подъ редакціей П. Л. Лаврова и Льва Тихомірова. Я былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого изданія и, конечно, живо интересовался мнѣніями Г. А. относительно партіи, имя которой прогремѣло по всему міру. Припоминаю, что въ теченіе полугода взгляды Лопатина потерпѣли въ этомъ пунктѣ знаменательное измѣненіе. Но именно самый процессъ этой эволюціи показываетъ, какой чуткостью и политическимъ пониманіемъ обладалъ этотъ, казалось бы, уже вполнѣ сложившійся человѣкъ. Съ самаго начала этого обмѣна мыслей, путемъ котораго редакторы журнала и находившіеся тогда въ Парижѣ народовольцы старались завербовать въ партію такую крупную личность, какой былъ Лопатинъ, оказалось, что Германъ Александровичъ, собственно, вполнѣ сознавалъ значеніе политической борьбы противъ самодержавія, съ такой энергіей и блескомъ веденной Народною Волею. Но его отталкивалъ заговорщицкій, строго конспиративный и централизованный способъ борьбы. И это понятно: его широкой и разносторонней индивидуальности казались колодками тѣ условія подпольной дѣятельности, въ какія добровольно загоняли себя фанатики партійной дисциплины, хотя и сами бывшіе очень крупными людьми,—въ родѣ хотя бы Александра Михайлова. На этой-то почвѣ разыгрывался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кризисъ въ мужественной душѣ Германа Александровича. Къ осени 1883 г. Лопатинъ значительно подошелъ къ народовольцамъ и, конечно, сейчасъ же занялъ здѣсь исключительное положеніе одного изъ политическихъ руководителей и боевыхъ практиковъ. Замѣчая упадокъ партіи, уступая настояніямъ нѣ-

которыхъ лицъ, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, — П. Л. Лаврова, М. Н. Полонской (Ашаниной),—Г. А. рѣшилъ посвятить весь свой умъ и энергію на приданіе новой жизни „Народной Волѣ“. Его короткое, но полное отваги и блеска служеніе партіи закончилось арестомъ всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вступленія въ ряды народовольцевъ. Обстоятельства и причины его ареста (5 октября 1884 г.) достаточно извѣстны. И всѣмъ, знающимъ хоть маломальски исторію русскаго революціоннаго движенія, памятно его трагически безстрашное поведеніе на судѣ въ маѣ 1887 г., гдѣ онъ въ страстной и нервной рѣчи изобразилъ картину своего отчаянія при видѣ послѣдовавшихъ за его арестомъ проваловъ и бросилъ въ лицо членамъ военнаго трибунала послѣднія хлещущія ихъ, какъ ударъ бича, слова: „пощады я просить не желаю и увѣренъ, что сумѣю умереть такъ же мужественно, какъ и жилъ“.

Но Герману Александровичу не было суждено умереть: приговоренный судомъ къ смертной казни, „помилованный“ Александромъ III, бросившимъ его на вѣчное заключеніе въ шлиссельбургскомъ каменномъ гробу, Лопатинъ снова среди насъ послѣ 18-лѣтняго летаргическаго сна, который онъ раздѣлялъ съ другими героями—нынѣ уже торжествующей отчасти—русской революціи. Ибо не забудемъ, что русская революція воззвала въ 1905 году къ жизни и свѣту солнца своихъ славныхъ „заживо-погребенныхъ“. И окончательное торжество назрѣвшаго великаго переворота превратитъ ихъ не только въ полноправныхъ, но въ первыхъ русскихъ истинно свободныхъ гражданъ, своею борьбою, своими страданіями, своею беззавѣтною преданностью свободѣ и соціализму положившими основаніе русской гражданственности.

Въ одномъ изъ писемъ Лопатина изъ крѣпости къ роднымъ, которое было переслано его старому другу, П. Л. Лаврову, почти совсѣмъ наканунѣ смерти послѣдняго, и которое ветеранъ русскаго движенія читалъ мнѣ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, встрѣчается выраженіе, которое глубоко поразило меня: „они слизнули у меня жизнь“. Они, т.-е. нашъ чудовищный архаическій режимъ съ его великими и малыми приспѣшниками... Нѣтъ, имъ всетаки не удалось слизнуть цѣликомъ эту благородную и высоко поучительную жизнь! И хотѣлось бы думать, что судьба сохранила намъ Германа Александровича Лопатина, между прочимъ, и для того, чтобы съ тѣмъ литературнымъ талантомъ, который обнаруживается въ

его письмахъ, — порою, настоящихъ диссертаціяхъ, — и который приводилъ въ восторгъ Тургенева, самъ „удалый добрый молодецъ“ изобразилъ намъ любопытный и вмѣстѣ глубоко идейный романъ своей жизни, романъ „рыцаря духа“ на рубежѣ XIX и XX столѣтій...

Н. Е. Кудринъ.

Александръ Ильичъ Ульяновъ.

Братъ мой, Александръ Ильичъ Ульяновъ, родился 31-го марта 1866 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ отецъ мой былъ учителемъ гимназіи. Онъ росъ спокойнымъ, здоровымъ ребенкомъ; 4-хъ лѣтъ выучился самоучкою читать, а 8-ми лѣтъ поступилъ въ приготовительный классъ симбирской классической гимназіи. Къ этому времени отецъ получилъ мѣсто инспектора народныхъ училищъ въ Симбирскѣ, и вся семья переѣхала туда. Отецъ горячо взялся за дѣло народнаго образованія, которое пришлось ставить тогда впервые въ глухой провинціи, проводилъ много времени въ разъѣздахъ по ней и работалъ вообще очень много. Мать была постоянно занята дома. Съ дѣтства насъ окружала атмосфера глубокой, серьезной привязанности и постояннаго труда. Не по лѣтамъ серьезный и вдумчивый ребенокъ, братъ отличался кроткимъ, привязчивымъ характеромъ и былъ очень любимъ и въ семьѣ, и въ школѣ. Но переходъ отъ искренней семейной жизни къ пропитанной ложью школѣ былъ нелегокъ для такой правдивой и честной натуры, какой былъ мой братъ. Недаромъ онъ сказалъ какъ-то въ дѣтствѣ, что самые отвратительные пороки—это трусость и ложь.

Преподаватели были все дореформенные, заслуженные. Былъ старикъ-нѣмецъ, просидѣвшій свой стулъ и преподававшій второму поколѣнію по одному учебнику, однимъ допотопнымъ методомъ, съ одними прибаутками. Былъ суровый формалистъ преподаватель греческаго языка и старикъ-преподаватель исторіи,— чудакъ, съ котораго, говорятъ, Гончаровъ списалъ своего Козлова. Человѣкъ, страстно любившій науку, чрезвычайно начитанный, онъ въ жизни являлся какимъ-то диковин-

Александръ Ильичъ
УЛЬЯНОВЪ.

нымъ ископаемымъ и не умѣлъ внушить любви къ наукѣ дѣтямъ. Онъ, вообще, совсѣмъ не обладалъ педагогическимъ даромъ и, уходя въ свое изложеніе, не замѣчалъ совершенно, что дѣлалось въ классѣ. Ученики прекрасно изучили всѣ его слабыя стороны и пользовались широко его глухотой, его разсѣянностью и подчасъ порядкомъ мучили его.

Былъ требовательный законоучитель и нѣсколько ненормальный учитель физики и математики,—другой уродливый продуктъ среды и узкой спеціализаціи. Были постоянно мѣняющіеся, одинъ неинтеллигентнѣе другого, французы. Былъ, наконецъ, карьеристъ-учитель латинскаго языка, съ которымъ классъ сталъ сразу на ножи (а братъ въ первыхъ рядахъ), съ которымъ чуть не вышло гимназическаго скандала и котораго поколотили таки потомъ въ другой гимназіи. А завѣдовалъ всѣмъ допотопный генералъ, съ „домашнимъ“ образованіемъ, пролѣзшій „въ люди“ какими-то неправдами, широко примѣнявшій взяточничество и воровство и впослѣдствіи скандально влетѣвшій на этомъ.

Вотъ тотъ душный, промозглый воздухъ, которымъ брату приходилось дышать въ школѣ. Такая школа налегала, главнымъ образомъ, на зубристику, а братъ, съ дѣтства стремившійся относиться ко всему сознательно, особенно ненавидѣлъ ее. Въ младшихъ классахъ долбленье нѣмецкой басни наизусть приводило его, обыкновенно, въ мрачное настроеніе на весь вечеръ. Въ старшихъ онъ не любилъ уроковъ исторіи, хотя науку эту очень любилъ, выписалъ даже въ IV-мъ классѣ на свои карманныя деньги историческій журналъ и перечиталъ много книгъ историческаго характера; не любилъ онъ и классныхъ сочиненій, и его дѣльныя, но краткія и сжатыя, чуждыя всякой цвѣтистости сочиненія не всегда удостоивались лучшей отмѣтки. Именно правдивость и честность брата дѣлала для него особенно тяжелой тогдашнюю школу. Онъ не прибѣгалъ къ обходамъ, которые одни только дѣлали сноснымъ наваливаемое въ то время на учениковъ бремя домашнихъ занятій, а работалъ самостоятельно и добросовѣстно. Отецъ направлялъ его немного въ младшихъ классахъ, но дальше онъ работалъ одинъ, а затѣмъ, являясь пораньше въ гимназію, дѣлился результатами съ товарищами; на это же уходила и большая часть перемѣнъ. Если принять во вниманіе, что всѣ симпатіи страстно влекли брата въ другую сторону,—онъ съ дѣтства любилъ математику, а въ старшихъ классахъ началъ съ жаромъ заниматься естественными науками, — то придется признать массу

выдержки и силы характера въ упорномъ трудѣ его надъ предметами, изученіе которыхъ онъ считалъ безполезнымъ, въ трудѣ настолько настойчивомъ, что онъ, самый младшій въ классѣ, шелъ все время первымъ и 17-ти лѣтъ съ золотой медалью окончилъ гимназію. И въ то время, какъ его болѣе старшіе товарищи забавлялись, — устраивали домашніе спектакли, танцовали,—онъ, по словамъ одного однокурсника, „одинъ на весь классъ работалъ".

А отдыхомъ былъ опять-таки трудъ. Съ VI-го класса гимназіи братъ принялся изучать естественныя науки и началъ съ химіи. Руководителя въ этой области у него никакого не было, приходилось все начинать самостоятельно, своимъ единичнымъ трудомъ, домашними, такъ сказать, средствами. И онъ сталъ тратить всѣ свои карманныя деньги,—у него въ послѣднихъ классахъ кромѣ всѣхъ занятій еще и уроки бывали,—на пріобрѣтеніе необходимыхъ книгъ и приборовъ. Все дѣлалось чрезвычайно экономно. Вообще, никогда много на себя не тратившій, братъ сталъ съ этой поры дорожить всякимъ грошомъ, десять разъ прикидывая и взвѣшивая, какой приборъ болѣе необходимъ, а какой онъ можетъ какими-нибудь домашними средствами смастерить. При этомъ самые немудрящіе приборы приходилось выписывать изъ Казани, такъ какъ въ Симбирскѣ того времени ничего нельзя было достать. Одинъ только источникъ нашелся тамъ у брата: умеръ въ то время, какъ онъ былъ въ старшихъ классахъ гимназіи, тотъ чудакъ-учитель исторіи, о которомъ мы упоминали выше, и хозяева его стали распродавать оставшіеся послѣ него книги и химическіе приборы. И вотъ Саша отправлялся туда послѣ гимназіи, рылся въ разномъ хламѣ и приносилъ курсъ химіи Меншуткина и Мендѣлеева, какія-нибудь колбы, тигели и т. п. Покупалъ онъ тамъ и историческія книги, какъ, напр., „Умственное развитіе Европы" Дренера. Такъ постепенно составилась у него цѣлая лабораторія, съ помощью которой онъ сталъ основательно проходить курсъ химіи. Для этой цѣли онъ попросилъ позволенія,—въ послѣднее лѣто передъ окончаніемъ гимназическаго курса, — занять небольшую кухоньку на дворѣ и сидѣлъ въ этой импровизованной лабораторіи цѣлыми днями, не боясь уже отравлять воздухъ домашнимъ.

Прямо удивительно, какъ много могъ онъ работать въ душные лѣтніе дни,—мы прямо вытаскивали его на прогулки.

А между тѣмъ, братъ очень любилъ природу. Катанье на лодкѣ, а позднѣе охота—были его любимыми удовольствіями, и

съ той страстностью, которую онъ вносилъ во все, чѣмъ занимался, онъ странствовалъ по многу верстъ въ погонѣ за дичью, спалъ гдѣ-нибудь подъ стогомъ. Здоровье было у него крѣпкое, зрѣніе хорошее. Вообще, онъ не страдалъ ни однимъ изъ тѣхъ физическихъ недостатковъ, которые сопутствуютъ обыкновенно усиленнымъ умственнымъ занятіямъ. Его упорная работа была естественнымъ проявленіемъ его недюжинныхъ силъ, онъ работалъ не нервами. Помню, какъ я была поражена, когда уже въ студенческіе годы онъ сказалъ разъ тономъ серьезнаго сожалѣнія: „больше 16-ти часовъ въ сутки я работать не могу“.

Чрезвычайная чуткость и глубина переживаній соединялись въ немъ съ спокойнымъ и выдержаннымъ характеромъ. Онъ съ дѣтства прямо неспособенъ былъ выйти изъ себя, поднять голосъ, а между тѣмъ—его нравственная личность импонировала окружающимъ уже съ дѣтства. Запечатлѣлся въ моей памяти одинъ случай изъ того времени, когда Сашѣ было лѣтъ 10. Отецъ, уходя изъ дому, за что-то рѣзко побранилъ меня. Лишь только дверь захлопнулась за нимъ, и я осталась вдвоемъ съ братомъ, какъ, глубоко разобиженная, я воскликнула съ возмущеніемъ:—„гадкій папа!“—Какъ это можно говорить такъ, Аня?!—сказалъ братъ. Серьезное огорченіе, звучавшее въ этихъ простыхъ словахъ, подѣйствовало на меня сильнѣе, чѣмъ могъ бы подѣйствовать самый строгій выговоръ матери, отца,—кого угодно изъ старшихъ. Вся моя досада разлетѣлась, какъ дымъ, и я была озабочена лишь однимъ: возстановить себя во мнѣніи брата. — „У меня вѣдь это такъ сорвалось, я не думала такъ въ самомъ дѣлѣ“, — говорила я, заглядывая въ его глаза, страшась больше всего на свѣтѣ потерять въ его мнѣніи. А между тѣмъ, братъ былъ годомъ моложе меня.

Но такое прямое осужденіе мы, братья и сестры, а также товарищи Саши, слышали отъ него рѣдко,—развѣ что-нибудь особенно возмутитъ его. Онъ былъ очень сдержанъ и не любилъ дѣлать замѣчаній. И только во взглядѣ его можно было прочесть неодобреніе. И неловко становилось подъ этимъ внимательнымъ, глубокимъ взоромъ, проникавшимъ, казалось, въ твою душу глубже, чѣмъ ты самъ могъ заглянуть въ нее, и невольно и самъ ты заглядывалъ въ нее внимательнѣе, взвѣшивая, что̀ онъ увидѣлъ тамъ, что̀ ему не понравилось. И невольно навстрѣчу этому взору тянулись лучшіе отростки души, и каждый, чувствуя себя лучшимъ съ нимъ, чувствовалъ

себя и болѣе счастливымъ, — я этимъ объясняю, почему всѣ такъ любили бывать съ нимъ, такъ любили его... Свое мнѣніе о чемъ-нибудь, свое сужденіе о томъ или иномъ поступкѣ онъ высказывалъ обыкновенно лишь тогда, когда его просили, но случалось почему-то такъ, что его часто просили объ этомъ. Можетъ быть, потому, что его мнѣніе, даже рѣзко неодобрительное, не бывало обидно, — настолько оно бывало просто и искренно серьезно, настолько чуждо всякаго самомалѣйшаго тщеславія или сознанія своего превосходства, стремленія вліять и властвовать. Душа тянулась къ нему совершенно свободно, безъ всякаго опасенія за свою самостоятельность. Я не видала также человѣка, который подмѣчалъ бы такъ охотно—я сказала бы даже радостно—все хорошее въ людяхъ, который отдавалъ бы такую безкорыстную и щедрую дань всякому таланту, всякой способности другого. — „Какъ это ты умѣешь?“ — говорилъ онъ, напримѣръ, о такой бездѣлкѣ, которой онъ не умѣлъ, — вѣрнѣе, не дѣлалъ лишь потому, что былъ занятъ болѣе серьезнымъ.

Характеръ брата проявлялся и въ его литературныхъ симпатіяхъ. Онъ рано сталъ знакомиться съ отечественной литературой и за гимназическіе годы перечиталъ всѣхъ ея корифеевъ.

Онъ не набрасывался на беллетристику, какъ часто бываетъ въ эти годы, но читалъ чрезвычайно сознательно, составляя себѣ обо всемъ прочитанномъ самостоятельное мнѣніе. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ ему,—тогда 12-лѣтнему мальчику, — понравилась всего больше личность Долохова,—этотъ сильный и смѣлый, независимый характеръ. У Тургенева онъ указалъ мнѣ на повѣсть „Часы“.—Такъ, бездѣлка,—сказалъ онъ,—но очень симпатичные характеры (Давида и его невѣсты).

Любимцемъ его сталъ вскорѣ Базаровъ. На этомъ сказалось, конечно, вліяніе Писарева, котораго онъ съ большимъ увлеченіемъ прочиталъ отъ доски до доски.

Любимымъ его поэтомъ былъ Некрасовъ, и въ этомъ же возрастѣ—отъ 11—12 лѣтъ—онъ, вообще не любившій читать стихи, читалъ съ большой силою выраженія „Пѣсню Еремушкѣ“ и „Размышленія у парадная подъѣзда“— свои любимыя вещи.

Въ гимназическіе же годы братъ прочелъ Бокля, Дрэпера, Дарвина, Молешотта и цѣлый рядъ книгъ по естествознанію.

Такимъ образомъ, въ университетъ онъ пріѣхалъ (осенью

83 года) уже съ серьезной научной подготовкой, съ сильно развитой способностью къ самостоятельному труду и прямотаки страстно набросился на науку.

Я пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ съ нимъ, и многія изъ первыхъ впечатлѣній мы переживали вмѣстѣ. Такъ, въ одно изъ воскресеній мы пошли съ нимъ осматривать Петропавловскую крѣпость, которая произвела на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе; на мнѣ оно тяготѣло, какъ предчувствіе. Мы осматривали соборъ и гробницы, а мысли были съ заключенными, и, обмѣнявшись нѣсколькими словами о томъ, гдѣ именно могутъ сидѣть они, мы шли всю обратную дорогу молча, подавленные. Помню также похороны Тургенева; мы попали въ конецъ процессіи и были оттѣснены отъ кладбища. Масса казаковъ, общее впечатлѣніе гнета и подавленности. Питеръ давалъ намъ первые наглядные уроки... Саша мало говорилъ, но видно было, какъ все это возмущаетъ его. Одинъ разъ, помню, онъ высказался особенно рѣзко. Это было весной 84-го года, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“. На курсахъ прошелъ невѣрный слухъ, будто бы Щедринъ арестованъ, и я передала объ этомъ Сашѣ, когда онъ пришелъ ко мнѣ послѣ перваго удачнаго экзамена по химіи, чтобы провести вмѣстѣ вечеръ. Я сама, конечно, была возмущена этимъ слухомъ, но я прочувствовала его лишь тогда, когда увидала, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на брата. За минуту радостный и довольный, братъ весь измѣнился въ лицѣ: — „Это такой наглый деспотизмъ,—лучшихъ людей въ тюрьмѣ держать!“—сказалъ онъ тихо, но съ такой силой негодованія, что мнѣ стало жутко. Я уже не рада была, что передала этотъ слухъ, испортившій намъ весь вечеръ: братъ сидѣлъ мрачный и молчаливый, и мнѣ не удалось развлечь его...

Первые два года братъ жилъ очень замкнуто, видаясь лишь съ товарищами-земляками, вмѣстѣ съ которыми имъ было основано скоро сибирское землячество. Сначала цѣлью его была исключительно самопомощь, потомъ присоединились стремленія самообразованія, и въ послѣдніе годы у насъ былъ намѣченъ рядъ рефератовъ по исторіи крестьянства, которую мы рѣшили изучать, главнымъ образомъ, съ экономической стороны. Больше вышло, какъ водится, разговоровъ и обмѣна мнѣній. Забѣгали и такъ частенько товарищи-земляки. Братъ встрѣчалъ ихъ всегда сердечно, радъ бывалъ разговорамъ, безпечнымъ шуткамъ и самъ принималъ въ нихъ участіе, хотя больше слушалъ. Иногда броситъ мысль, дастъ тему для раз-

говора и опять слушаетъ. Когда разговоръ принималъ черезчуръ пустой характеръ, онъ становился угрюмѣе и уходилъ въ себя. И часто тогда болтавшій смущенно умолкалъ или мѣнялъ тему. При немъ невольно подтягивались какъ-то, и даже если въ комнатѣ было много народу, и двое-трое говорили межъ собой, то все же они говорили не совсѣмъ такъ, какъ если бы это не при немъ было. Конечно, все это выходило невольно, но онъ былъ центромъ всего, хотя меньше всего стремился къ этому и сидѣлъ обыкновенно молча гдѣнибудь въ углу.

„Ты молчишь",—говорилъ разъ подъ хмелькомъ одинъ его пріятель, студентъ-лѣсникъ, угрюмый и необщительный въ трезвомъ видѣ, но разговорчивый, когда выпивалъ, что случалось нерѣдко: — „ты все больше молчишь, а заговоришь—и всѣ спасуютъ".—Кто спасуетъ? Я спасую? — шутливо-добродушно переспросилъ слушавшій съ пятаго на десятое его болтовню братъ.

„Нѣтъ, не ты,—другіе, всѣ спасуютъ передъ тобой".—

— А, другіе, а я думалъ, я спасую,—осторожно подавалъ ему реплики братъ, стараясь удержать потокъ его рѣчей. И надо было видѣть, какъ деликатенъ и чуткъ былъ съ нимъ братъ, какъ его улыбка была чужда всякой насмѣшки, какое это было терпѣливое, идеально-братское отношеніе..... — Ну, знаешь, мы съ тобой болтаемъ, а сестрѣ вѣдь заниматься надо, мы вѣдь ей мѣшаемъ, пожалуй,—сказалъ онъ, наконецъ, уводя съ собою расходившагося друга. Братъ любилъ музыку и особенно пѣніе и обыкновенно убѣдительнѣе всѣхъ присутствующихъ просилъ товарища съ голосомъ пѣть еще и еще. Устраивались дуэты, тріо, пѣли хоромъ. Братъ любилъ: „Богъ всесильный, богъ любви", „Нелюдимо наше море", „Полосыньку" и мн. др. А послѣдній годъ онъ всего охотнѣе слушалъ „Замученъ тяжелой неволей". Помню, какъ сейчасъ, выраженіе его лица на послѣдней вечеринкѣ, на которой мы были съ нимъ вмѣстѣ, когда пѣли этотъ гимнъ. Такое глубоко-сосредоточенное, такое почти мученическое было у него лицо, что у меня заскребло на сердцѣ, и я отвела глаза. Помню, какъ хозяинъ дома, гдѣ была вечеринка, запротестовалъ, когда Саша пожелалъ, чтобы запѣли „Замученъ"....—Вѣдь это похоронный гимнъ?!—„Да, похоронный!" съ удареніемъ и нѣсколько вызывающе отвѣтилъ братъ.

Вечеринка эта, вообще, какъ-то не ладилась. Братъ былъ мраченъ, и всѣмъ было не по себѣ.

Первые два или два съ половиной года Саша занимался исключительно естественными науками (слушаніе лекцій Семевскаго о крестьянахъ, чтеніе журналовъ и нѣкоторыхъ запрещенныхъ книгъ—было отдыхомъ). И въ Симбирскѣ первыя два лѣта онъ занимался естествознаніемъ. Любимымъ его предметомъ, на которомъ онъ хотѣлъ спеціализироваться, стала зоологія. И на 3-емъ курсѣ онъ выполнилъ уже самостоятельную работу по зоологіи на предложенную университетомъ тему о сегментарномъ органѣ у Clepsine complanata (кольчатыхъ червей) и былъ награжденъ за нее золотой медалью. Факультетскій отзывъ объ этой работѣ гласитъ, между прочимъ, такъ: „Въ этой хорошо обслѣдованной области каждый новый фактъ имѣетъ тѣмъ бо́льшую цѣну, что онъ добывается значительнымъ трудомъ. Провѣрять, а тѣмъ болѣе поправлять работы такихъ опытныхъ изслѣдователей, какъ Лейдигъ и Шульце, или такую тщательную работу, какъ работа Бёрно,—для этого нужно имѣть значительную долю опытности и прилежанія".—И, точно донеся до конца то бремя естественныхъ наукъ, которое взялъ на себя,—оставался еще, правда, годъ съ небольшимъ занятій, но все главное было уже сдѣлано,—братъ обратился къ общественнымъ наукамъ. Не изъ-за недостатка интереса обратился онъ къ нимъ лишь на 3-ій годъ университетской жизни,—въ своей рѣчи на судѣ онъ говорилъ, что сталъ интересоваться общественной жизнью уже съ 9 лѣтняго возраста,—а потому, что онъ не могъ заниматься ими серьезно, пока была другая поставленная имъ передъ собою серьезная цѣль, а дѣлать что-нибудь слегка, мимоходомъ, онъ не умѣлъ. Онъ и Говорухину на убѣжденія [1]) его заниматься общественными дѣлами указывалъ, что такое серьезное дѣло требуетъ особенно большой подготовки. „Ну, развѣ это революціонеры?!" -говорилъ ему братъ о нѣкоторыхъ знакомыхъ студентахъ.

На послѣднее лѣто братъ набралъ себѣ книгъ уже исключительно по общественнымъ наукамъ,—по исторіи, исторіи политической экономіи и соціализма на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Видное мѣсто среди нихъ занималъ „Капиталъ" Маркса.

Съ весны 86-го года онъ сошелся ближе со многими сту-

[1]) Въ своемъ рефератѣ, прочитанномъ въ 88-мъ году за границей, Говорухинъ говоритъ, что его удивляло, какъ такой недюжинный человѣкъ, какъ Ульяновъ, былъ чуждъ всякимъ общественнымъ интересамъ (!!), и приписываетъ, видимо, себѣ заслугу, что У. повернулъ къ этимъ интересамъ...

дентами-естественниками, а съ осени того же года кругъ его знакомыхъ сталъ очень быстро расширяться. Возникла идея о союзѣ землячествъ,—предпріятіе, которое въ то время считалось очень серьезнымъ и должно было ставиться очень конспиративно. Братъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ и былъ выбранъ въ союзный совѣтъ. Этимъ совѣтомъ была подготовлена демонстрація по поводу 25-лѣтія со дня смерти Добролюбова,—17-го ноября 1886 года. Мирная демонстрація молодежи наткнулась тотчасъ же на разныя полицейскія преграды. У воротъ кладбища была устроена цѣлая полицейская засада, пропустившая на могилу лишь небольшую депутацію съ вѣнками; при обратномъ шествіи на Невскій путь ея былъ прегражденъ на Лиговкѣ взводомъ казаковъ съ шашками наголо. Что было дѣлать?—„Идти впередъ!“—сказалъ братъ. Онъ былъ страшно возмущенъ, и лицо его приняло выраженіе какой-то желѣзной рѣшимости. Имъ же или при его содѣйствіи было составлено и отгектографировано воззваніе къ обществу по поводу Добролюбовской демонстраціи.

Демонстрація эта была въ то время полнаго отсутствія какихъ-либо общественныхъ проявленій событіемъ очень яркимъ и значительнымъ; она заставила насъ, молодежь 80-хъ годовъ, не избалованную такими случаями, глубоко почувствовать и сладкое чувство солидарности, и возмущеніе произволомъ. Но если сильно было впечатлѣніе ея на каждаго изъ насъ, то насколько сильнѣе должно было лечь оно на брата, переживавшаго все страшно глубоко, неспособнаго мириться съ насиліемъ. А тутъ пошли еще аресты товарищей, по обыкновенію произвольно выхватываемыхъ, ихъ тоскующія письма съ родины.... Братъ сталъ замѣтно угрюмѣе послѣ этой демонстраціи, и я считаю, что она была однимъ изъ сильныхъ толчковъ, подвинувшихъ его къ террору. О необходимости его говорилъ все время Говорухинъ, чаще всѣхъ видавшійся съ братомъ, на немъ настаивалъ и Шевыревъ. Отдѣльному покушенію не придавалось большого значенія,—указывалось на необходимость цѣлаго ряда террористическихъ актовъ, запугивающихъ правительство и удерживающихъ его отъ крайнихъ проявленій произвола.—„Я не вѣрю въ терроръ, я вѣрю въ систематическій терроръ“,—говорилъ не разъ, по словамъ Говорухина, братъ. Намѣчались и слѣдующія террористическія группы. Но послѣ ареста нѣкоторыхъ изъ ихъ участниковъ эта вѣра стала колебаться. Поэтому Говорухинъ убѣждалъ перенести дѣло на осень, и братъ, по его словамъ, колебался. Но Шевыревъ настаивалъ, чтобы покуше-

ніе было совершено теперь же, мотивируя тѣмъ, что многое уже почти готово и многіе уже замѣчены и все равно могутъ попасться. Говорухинъ приводилъ еще въ своемъ рефератѣ одинъ, очень характерный, разговоръ его съ братомъ о Шевыревѣ. Братъ замѣтилъ, что Шевыревъ вводитъ въ дѣло черезчуръ молодыхъ, неопредѣлившихся людей, которые вступаютъ въ число революціонеровъ не сознательно, а подъ давленіемъ личности, превосходящей ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Это краткое замѣчаніе показываетъ, во-1-хъ, что братъ былъ недоволенъ тѣмъ, какъ дѣло ставилось Шевыревымъ, а во-2-хъ, какъ чутко и съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ личности другихъ, какъ глубоко сознавалъ онъ отвѣтственность болѣе сильныхъ и убѣжденныхъ передъ тѣми, которые идутъ за ними недостаточно сознательно и губятъ себя.

Эта глубина и серьезность по отношенію къ другимъ тѣмъ поразительнѣе, что самому брату было въ то время только 20 лѣтъ...

Почему же, однако, замѣчая, что постановка дѣла оставляетъ желать многаго, братъ не бросилъ его? Потому, что для его натуры бросить начатое дѣло, возложивъ всю отвѣтственность на товарищей, было прямо физически невозможно. Къ себѣ онъ былъ строгъ неумолимо. Разъ онъ взялъ на себя какое-нибудь бремя, онъ несъ его уже до конца, со всѣми сложными послѣдствіями того дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ.

Вступивъ въ центральный кружокъ лишь 17-го февраля, послѣ отъѣзда Шевырева въ Крымъ (по болѣзни), онъ вошелъ ближе въ дѣло тогда, когда оно стало наиболѣе рискованнымъ и когда на него одного легло столько функцій, что онъ поневолѣ могъ возбуждать подозрѣнія. И хозяева его казались все болѣе ненадежными... Многіе совѣтовали ему смѣнить квартиру, и онъ самъ собирался сдѣлать это, но за массой дѣлъ не могъ собраться. И тѣмъ не менѣе, въ его квартирѣ производились такія рискованныя части работы, какъ рѣзка желѣза для снарядовъ или набивка трубокъ динамитомъ. Онъ далъ адресъ въ Вильно для извѣщенія о посылкѣ матеріаловъ для взрывчатыхъ веществъ, и онъ же встрѣтилъ Канчера на вокзалѣ и взялъ у него эти привезенные имъ матеріалы. Самъ онъ отправился также въ Парголово для изготовленія недостающихъ трехъ фунтовъ динамита и для опытовъ съ метательными снарядами, — трехдневное отсутствіе его обратило тогда вниманіе хозяевъ. А 1-го марта, когда ему и дру-

гому участнику стало не втерпежъ отъ невѣдѣнія того, что произошло, онъ отправился за справками прямо на квартиру Канчера, гдѣ и былъ арестованъ. „Обстоятельства сложились очень невыгодно для Ульянова“,—говоритъ одинъ изъ участниковъ этого дѣла. Но можно ли объяснить случайными обстоятельствами то, что во всѣхъ болѣе рискованныхъ функціяхъ дѣла онъ оказывался всегда впереди?

И въ то же время посреди всего этого риска, послѣ рѣшенія поставить на карту свою жизнь—братъ оставался внѣшне спокойнымъ и невозмутимымъ. Его обычная уравновѣшенность не измѣнила ему и тутъ. Онъ только бывалъ болѣе мрачнымъ, болѣе углубленнымъ въ себя, чѣмъ раньше, больше торопился и имѣлъ болѣе занятый видъ; онъ переживалъ все страшно глубоко, и эти глубокія и сильныя переживанія, которыя чувствовалъ какъ-то неясно каждый, поднимали его выше другихъ.

Въ то время какъ Шевыревъ, по свидѣтельству Говорухина, не могъ ничего дѣлать и читать, находясь въ постоянной ажитаціи, братъ работалъ все время. Онъ слушалъ лекціи и продолжалъ практическія занятія; онъ настолько сохранялъ спокойствіе и присутствіе духа, что могъ даже работать надъ самостоятельной, вновь предложенной университетомъ темой по зоологіи,—кажется, объ органѣ зрѣнія у какихъ-то червей. Эту способность научной работы при такихъ условіяхъ и при такомъ душевномъ состояніи отмѣчаютъ съ удивленіемъ и Говорухинъ, и нѣкоторые другіе. Кромѣ того, и въ сферѣ революціонной работы онъ не ограничивался подготовленіемъ къ террористическому акту. Онъ перевелъ и подготовлялъ къ изданію „Критику философіи“ Маркса изъ „Deutsch-Französische Jahrbücher“ и намѣчалъ къ изданію нѣкоторыя другія вещи; онъ составилъ и печаталъ программу партіи; онъ ходилъ на Галерную гавань заниматься съ рабочими и пытался завязать связи съ солдатами Петропавловской крѣпости. И въ то же время онъ перечиталъ массу книгъ по общественнымъ вопросамъ, готовясь основательно къ занятіямъ въ разныхъ кружкахъ. Просто изумительна была та энергія и разносторонность, которую онъ обнаружилъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца,—онъ точно зналъ, что жить ему уже недолго, и спѣшилъ проявить свою дѣятельность больше и ярче, чѣмъ во всю прежнюю свою жизнь.

Приблизительно за недѣлю до 1-го марта, братъ устроилъ побѣгъ Говорухину. Онъ заложилъ для этой цѣли свою зо-

лотую университетскую медаль, достать всѣ нужные адреса и еще пришелъ проводить его къ поѣзду.

Показанія Горкуна и Канчера выдали брата съ головою. На него упалъ отъ этихъ показаній самый яркій свѣтъ, потому что онъ стоялъ, дѣйствительно, впереди, не отказываясь ни отъ какой работы, органически неспособный выгородить себя, сложить что-либо на другихъ. И этотъ яркій свѣтъ, оставившій другихъ въ тѣни, сосредоточилъ на немъ, какъ въ фокусѣ, весь замыселъ, всю инпціативу и подготовленіе дѣла. И онъ ничего не отрицалъ; онъ отказался отъ защитника и въ своей рѣчи,—единственной принципіальной въ этомъ процессѣ,—указывалъ на общія условія, при которыхъ въ Россіи возможенъ лишь одинъ видъ борьбы—терроръ. Подтверждая всѣ показанія о немъ Горкуна и Канчера, онъ былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы выгородить тѣхъ, кого можно. Такъ, когда хозяйка Шмидовой утверждала, что ей принесъ какія-то вещи Андреюшкинъ, братъ заявилъ, что не Андреюшкинъ, а онъ принесъ Шмидовой эти вещи (его знакомство со Шмидовой было уже установлено). Свидѣтеля Чеботарева онъ спросилъ, видалъ ли тотъ когда-нибудь на его квартирѣ Новорусскаго,—чтобы показать, что знакомство его съ этимъ послѣднимъ было не близкое.

Это стремленіе брата выгораживать другихъ отмѣтилъ въ своей рѣчи и прокуроръ Неклюдовъ, сказавшій, что „Ульяновъ признаетъ себя виновнымъ во всемъ,—вѣроятно, также и въ томъ, чего онъ не дѣлалъ".

— „Если вамъ нужно что-нибудь,—говорите на меня",—шепнулъ братъ на судѣ одному изъ своихъ товарищей, который прочелъ при этомъ въ его глазахъ безповоротную рѣшимость умереть. И онъ, дѣйствительно, спасъ жизнь одному товарищу, взявъ на себя большую часть его вины.

Да, онъ былъ изъ тѣхъ, которые берутъ на свои плечи все „горе міра", которые идутъ на самое трудное, на самое самоотверженное дѣло съ полнымъ забвеніемъ себя и съ постоянной думой о томъ, чтобы облегчить по возможности участь тѣхъ, кто идетъ съ ними рядомъ... И такъ просто идутъ они на это дѣло, идутъ на смерть!..

„Я хотѣлъ убить человѣка,—значитъ, и меня могутъ убить",—сказалъ онъ на одномъ изъ свиданій матери.

Онъ горячо любилъ мать и отца. Когда за годъ передъ тѣмъ онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, онъ грустилъ такъ сильно и долго, что это бросилось въ глаза всѣмъ его

товарищамъ. Когда мать пришла къ нему на первое свиданіе, онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни, прося ее простить его за причиняемое имъ горе. Онъ говорилъ ей, что у него есть долгъ не только передъ семьей, и, рисуя ей безправное, задавленное положеніе родины, указывалъ, что долгъ каждаго честнаго человѣка бороться за освобожденіе ея.

— Да, но эти средства такъ ужасны...

— „Что же дѣлать, если другихъ нѣтъ, мама“,—отвѣтилъ онъ.

И онъ всячески старался примирить мать съ ожидавшей его участью.

— „Надо примириться, мама“,—говорилъ онъ.

И онъ напоминалъ ей о меньшихъ дѣтяхъ, о томъ, что слѣдующіе за нимъ братъ и сестра кончаютъ въ этомъ году съ золотыми медалями и будутъ утѣшеніемъ ей.

Убитая горемъ мать долго убѣждала и просила его подать прошеніе о помилованіи.

— „Не могу я сдѣлать этого послѣ всего, что призналъ на судѣ“,—отвѣчалъ братъ.—„Вѣдь это же будетъ неискренне.“

На этомъ свиданіи присутствовалъ нѣкій молодой прокуроръ, нѣсколько разъ отходившій къ двери и выходившій даже изъ камеры, чтобы дать возможность матери переговорить свободнѣе съ сыномъ. При послѣднихъ словахъ брата онъ обернулся и, со слезами на глазахъ, воскликнулъ:

— Правъ онъ, правъ!

— „Слышишь, мама, что люди говорятъ“,—сказалъ тогда братъ.

— У меня просто руки опустились,—разсказывала объ этомъ свиданіи мать.

Всѣ служившіе въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, куда на время суда былъ переведенъ изъ крѣпости братъ, относились къ нему съ особымъ бережнымъ вниманіемъ. И братъ говорилъ матери:—„Мнѣ здѣсь хорошо, и люди здѣсь все такіе симпатичные“.

На другомъ свиданіи въ разговоръ вмѣшался начальникъ Дома Пр. Закл., также убѣждая брата подать прошеніе.

Братъ отвѣчалъ и ему то же и, стремясь примирить мать, рисовалъ ей весь ужасъ вѣчнаго заточенія.

— „Тамъ вѣдь и книги даютъ только духовныя,—эдакъ вѣдь къ полному идіотизму придешь. Неужели ты бы этого желала для меня, мама?!“

Потомъ онъ вспомнилъ, что остался долженъ 30 р. одному знакомому, и попросилъ мать выкупить его медаль, заложен-

ную за 100 руб., продать ее и вырученные такимъ образомъ 30 руб. вернуть этому знакомому. Просилъ также разыскать и вернуть двѣ одолженныя имъ рѣдкія книги.

Мать имѣла съ нимъ еще одно свиданіе въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ же, содержавшейся въ то время въ Д. Пр. З., свиданія съ братомъ дано не было, хотя мы оба просили объ этомъ.

Онъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургъ и казненъ 8-го мая 1887 года, рано по-утру.

. . . . . .

И долго потомъ мнѣ казалось, что онъ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу изъ-за того или иного поворота улицы своими большими, рѣшительными шагами, въ пальто нараспашку, опираясь на толстый набалдашникъ своего дождевого зонта,— и его черные глаза глядятъ на меня съ той сосредоточенной рѣшимостью и съ той глубокой грустью, которыя вселяли въ меня за послѣднее время какую-то безотчетную тревогу и тоску...

А. Ульянова.

Петръ Яковлевичъ Шевыревъ.

29 іюня 1863 г. родился, 7-го мая 1887 г. казненъ.

Трудно сказать многое о столь молодой, безвременно угасшей жизни. Вся она еще была въ зародышѣ, въ благихъ мечтаніяхъ и порывахъ, которымъ не суждено было ни распуститься полнымъ цвѣтомъ, ни — тѣмъ болѣе — дать плоды. Многое остается также скрытымъ, благодаря тайнѣ процесса, имѣвшаго мѣсто въ одинъ изъ самыхъ глухихъ и мрачныхъ моментовъ русской исторіи, когда небывалая запуганность охватила все русское общество, и о самомъ дѣлѣ 1 марта 1887 года оно узнало лишь изъ трехъ газетныхъ строкъ оффиціознаго происхожденія. Но и то немногое, что мы знаемъ о П. Я. Шевыревѣ, говоритъ о недюжинной натурѣ, полной иниціативы и энергіи.

Происходилъ онъ изъ купеческой среды, давшей Россіи не только комическіе типы для произведеній Островскаго, но и не мало свѣтлыхъ именъ, борцовъ за освобожденіе родины.

Въ своей семьѣ Петръ Яковлевичъ не былъ духовно одинокъ: старшій братъ его составилъ себѣ научное имя, хотя и въ узкой области энтомологіи; обѣ сестры учились на высшихъ женскихъ курсахъ.

Пройдя харьковскую гимназію одновременно съ М. И. Туганъ-Барановскимъ, онъ поступилъ въ харьковскій же университетъ въ 1883 г. Здѣсь еще на первомъ курсѣ онъ носился съ проектами устройства электрической наборной машины. Его изобрѣтательный умъ былъ направленъ на служеніе родному просвѣщенію путемъ открытій и усовершенствованій въ области техники.

Но раннія знакомства, пріобрѣтенныя случайно въ революціонной

Петръ Яковлевичъ

ШЕВЫРЕВЪ.

ціонной средѣ, направили его кругозоръ въ другую сторону. Для всякаго же, кто устремлялъ свое вниманіе въ эту сторону, становилось очевиднымъ, что ни изобрѣтенія, ни реформы невозможны тамъ, гдѣ на все требуется разрѣшеніе начальства, гдѣ просвѣщенію ставятъ сознательныя препоны, гдѣ, словомъ, нѣтъ политической свободы. А потому первой и главнѣйшей задачей для всякаго, желающаго дѣйствовать, становилось достиженіе этой свободы, во что бы то ни стало.

Натура у Петра Яковлевича была удивительно живая, подвижная и предпріимчивая, она вся рвалась къ дѣятельности. Въ то же время здоровье его было хрупкое (замѣчались уже признаки чахотки), и потому старшій братъ настоялъ на томъ, чтобы онъ перевелся въ петербургскій университетъ, гдѣ могъ находиться подъ бдительнымъ наблюденіемъ лучшихъ врачей. Этотъ переѣздъ въ центръ русской жизни и мысли далъ Шевыреву возможность еще шире развернуть свои революціонные порывы и планы, которые приняли здѣсь окончательное направленіе.

Петръ Яковлевичъ оказался вскорѣ однимъ изъ иниціаторовъ, а затѣмъ и организаторомъ террористическаго замысла, извѣстнаго подъ именемъ „дѣла второго 1-го марта".

Въ Петербургѣ онъ быстро оріентировался и скоро завелъ въ студенческой средѣ самыя широкія знакомства. Не было, кажется, ни одного студенческаго собранія,—а всѣ они тогда были конспиративныя!—въ которомъ не оказался бы и онъ участникомъ. Онъ организовалъ студенческую столовую, состоялъ членомъ научно-литературнаго общества при университетѣ, всюду успѣвая бывать и отовсюду стараясь пріобрѣтать и людей, и средства.

Благодаря этому, онъ хорошо былъ извѣстенъ въ студенческой средѣ того времени, хотя о его тайной дѣятельности догадывались лишь немногіе, стоявшіе къ нему ближе.

Но, несмотря на свою осторожность и проницательность, и онъ отогрѣлъ на груди змѣю, привлекши къ дѣлу Канчера, который соблазнилъ его своей расторопностью и дѣловитостью, но послѣ ареста выдалъ и его самого, и всѣхъ прочихъ, кого только зналъ.

Въ заключеніе, надо сказать нѣсколько словъ о томъ странномъ впечатлѣніи, которое П. Я. произвелъ на многихъ своимъ упорнымъ запирательствомъ на судѣ. Людямъ, близко знавшимъ его, извѣстно, что такой образъ дѣйствій былъ предрѣшенъ имъ заранѣе.

„Когда мнѣ придется предстать предъ судомъ,—говорилъ онъ товарищамъ еще до ареста,—я не намѣренъ излагать свои воззрѣнія. Мы только продолжаемъ дѣло нашихъ предшественниковъ, которыми уже достаточно сказано и о томъ, чѣмъ вызвана террористическая борьба, и о томъ, чего добиваются революціонеры. Къ тому же, говорить на негласномъ судѣ, предъ одними сыщиками да жандармами, совершенно излишне. Практичнѣе отрицать свое участіе въ дѣлѣ. Этимъ, во-первыхъ, избѣгается опасность сказать что-нибудь лишнее, что можетъ повредить товарищамъ, а во-вторыхъ, чѣмъ ничтожнѣе мы будемъ казаться нашимъ врагамъ, тѣмъ легче будетъ борьба съ ними".

Шевыревъ только остался вѣренъ своему взгляду на дѣло. Огульное отрицаніе имъ всего (несмотря на подавляющія улики) производило, поэтому, на судъ двойственное впечатлѣніе: не знавшіе его считали это малодушіемъ, легкомысленнымъ желаніемъ спасти себѣ жизнь во что бы то ни стало, знавшіе—видѣли въ этомъ насмѣшку надъ судомъ и надъ палачами русской свободы...

М. Новорусскій.

Василій Денисьевичъ

ГЕНЕРАЛОВЪ.

Василій Денисовичъ Генераловъ.

Василій Денисовичъ Генераловъ, казакъ Потемкинской станицы области войска Донского, былъ студентъ петербургскаго университета 20-ти лѣтъ.

Мы не имѣемъ о немъ другихъ біографическихъ свѣдѣній. На допросѣ онъ показалъ, между прочимъ: „Придя къ заключенію, что только однимъ терроромъ можно достигнуть осуществленія цѣлей, къ которымъ стремится партія Народной Воли, я предоставилъ себя въ распоряженіе означенной партіи на всякій террористическій фактъ, который она считала бы въ этихъ цѣляхъ полезнымъ“. И затѣмъ участвовалъ въ изготовленіи метательнаго снаряда и выходилъ съ нимъ на улицу вмѣстѣ съ Андреюшкинымъ и Осипановымъ. Вмѣстѣ съ ними онъ безмолвно прослушалъ длинную процедуру судоговоренія и столь же стойко и невозмутимо встрѣтилъ смерть въ шлиссельбургскомъ застѣнкѣ 8 мая 1887 г.

М. Н.

Пахомій Ивановичъ Андреюшкинъ.

Пахомій Ивановичъ Андрѣюшкинъ, государственный крестьянинъ Кубанской области, родился въ 1865 г. на Кавказѣ. Мать его, крестьянка одной изъ внутреннихъ губерній, была незаурядной женщиной по уму и особенно по характеру. Брошенная отцомъ своего ребенка, богатымъ грекомъ С., она не потерялась и сумѣла не только сама устроиться, но и дать образованіе своему сыну, опредѣливши его сначала въ городское училище, а потомъ въ Кубанскую гимназію (въ Екатеринодарѣ).

Здѣсь выросъ, развился и окончательно сформировался П. Ив. въ самоотверженнаго, стойкаго юношу, унаслѣдовавшаго отъ матери ея желѣзную энергію. Какъ водится, въ гимназіи того времени болѣе помрачали, чѣмъ просвѣщали. И потому даровитые ученики всѣми способами искали внѣшкольнаго образованія. П. Ив. сталъ основателемъ кружка саморазвитія, составившаго свою небольшую библіотечку, которую пополняли, главнымъ образомъ, студенты-земляки. П. Ив. былъ библіотекаремъ этой „нелегальной“ библіотеки. Постоянное чтеніе, товарищескія собранія и горячіе идейные дебаты сдѣлали его еще въ гимназіи убѣжденнымъ противникомъ того соціально-политическаго „строя“, который покоился на нищетѣ, невѣжествѣ и безправіи.

Поступивши въ 1886 г. въ петербургскій университетъ, Андрѣюшкинъ инстинктивно примкнулъ къ передовой части студенчества и въ то же время тотчасъ почувствовалъ весь ужасъ полицейскаго гнета, которымъ торжествовавшая тогда реакція сковала молодежь и все, что рвалось къ развитію и самодѣятельности.

Выхода, казалось, не было, и надежды на какую-либо мирную перемѣну этого жестокаго режима не предвидѣлось вовсе.

Сознаніе всеобщей безправности и беззаконности дѣйствій

Пахомій Ивановичъ
АНДРЕЮШКИНЪ.

правительства, административно отмѣнявшаго законы предыдущаго царствованія, невольно наталкивало горячую молодую мысль на крайнія средства борьбы съ такимъ порядкомъ вещей...

Таково было настроеніе, вызвавшее „дѣло второго 1-го марта", къ которому И. Нв. примкнулъ не безъ борьбы и не безъ долгихъ колебаній. И не мудрено. Онъ брался за роль, которая почти неминуемо должна была повести его лично къ трагическому концу. А, между тѣмъ, его жизнь только-что начиналась. Къ тому же, у него была уже въ Екатеринодарѣ невѣста (Сердюкова), которую потомъ привезли на судъ, какъ бы нарочно для того, чтобы она прошла весь крестный путь своего жениха, а можетъ быть—и для того, чтобы дать испытаніе его собственному мужеству. Ее обвиняли въ недонесеніи на любимаго человѣка...

Какъ бы то ни было, онъ взялся лично, вмѣстѣ съ Генераловымъ и Осипановымъ, осуществить актъ гнѣва и мести...

При третьемъ выходѣ на улицу съ метательнымъ снарядомъ въ рукахъ онъ былъ арестованъ и затѣмъ судимъ вмѣстѣ съ другими 14-ю, привлеченными къ дѣлу. На допросѣ онъ показалъ только, что рѣшился на это дѣло послѣ продолжительнаго размышленія, и что на его квартирѣ приготовлялись нѣкоторыя составныя части снарядовъ. Отъ дальнѣйшихъ показаній, какъ здѣсь, такъ и на судѣ, онъ отказался. А потому обвинительный актъ, въ качествѣ характеристики его личности, приводилъ его собственныя слова, найденныя у него въ записной книжкѣ и въ перехваченномъ письмѣ.

Въ первой говорилось:

„Каждая жертва полезна; если вредитъ, то не дѣлу, а личности; между тѣмъ какъ личность ничтожна въ сравненіи съ торжествомъ великаго дѣла".

Изъ письма приводилось:

„Значитъ, такова ужъ моя судьба!"

Да, такова была его судьба! Безмолвно, затѣмъ, перенесъ онъ всю процедуру судопроизводства и столь же безмолвно и непоколебимо взошелъ на эшафотъ на третій день по пріѣздѣ въ Шлиссельбургъ. Торжествующее „правосудіе" сочло нужнымъ почему-то подвергнуть еще новому испытанію обреченныхъ на смерть, заставивъ прожить здѣсь въ ожиданіи цѣлыхъ трое сутокъ. Быть можетъ, ихъ держали въ эти дни въ убѣжденіи, что они привезены въ Шлиссельбургъ для жизни, а не для казни...

М. Новорусскій.

Василій Степановичъ Осипановъ.

„Мѣщанинъ города Томска, бывшій студентъ, 26 лѣтъ“ — такъ опредѣлялъ обвинительный актъ этого замѣчательнаго человѣка, взятаго 1 марта 1887 года на улицѣ съ бомбой въ рукахъ.

О дѣтствѣ его намъ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно. На судѣ онъ былъ все время нѣмъ, какъ рыба, и успѣлъ только возразить своему защитнику Турчанинову, который въ концѣ своей краткой рѣчи обратился къ суду за милосердіемъ.

Поднявшись со скамьи тотчасъ послѣ того, какъ защитникъ сѣлъ, Василій Степановичъ сказалъ:

— Я хочу только заявить суду, что помилованія отъ него я не прошу и не желаю.

Когда настала его очередь сказать послѣднее слово, онъ хотѣлъ-было говорить что-то принципіальное, но предсѣдатель прервалъ его на полусловѣ и заявилъ, что въ послѣднемъ словѣ подсудимый можетъ говорить только то, что служитъ ему въ пользу, а отнюдь не во вредъ.

По окончаніи томской гимназіи, гдѣ В. С. былъ уже достаточно начитанъ въ соціальныхъ вопросахъ, онъ поступилъ въ казанскій университетъ. И здѣсь, какъ и въ Томскѣ, онъ участвовалъ въ дѣятельности Краснаго Креста—учрежденіи, тогда совершенно нелегальномъ.

Когда его взгляды на политическую борьбу окончательно сформировались, онъ перешелъ въ Пб. университетъ съ нарочитою цѣлью дѣйствовать лично съ оружіемъ въ рукахъ. Необыкновенно выдержанный, рѣшительный, съ огромнымъ самообладаніемъ, съ чисто стальными нервами, онъ, какъ нельзя лучше, подходилъ для этой цѣли. Ни смутить, ни своротить его съ дороги, кажется, невозможно было ничѣмъ.

Василій Степановичъ
ОСИПАНОВЪ.

Предъ выходомъ на улицу ему предложили на всякій случай яду. Онъ отказался, сказавши, что сумѣетъ выдержать все до конца. И онъ, дѣйствительно, выдержалъ. Съ тѣмъ же непоколебимымъ спокойствіемъ, съ какимъ проходилъ мимо слѣдователей и судей, взошелъ В. С. и на эшафотъ 8-го мая 1887 г. въ Шлиссельбургѣ.

Такъ погибла на зарѣ жизни эта на рѣдкость выпуклая и стойкая индивидуальность, въ которой воплотилась, можетъ быть, богатырская душа кого-нибудь изъ его свободолюбивыхъ предковъ: внѣшнія черты Осипанова изобличали явную примѣсь какой-то инородческой сибирской крови...

М. Новорусскій.

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

(1858 — 1906).

«У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ.»

Некрасовъ.

10 января 1906 г. во Владивостокѣ среди первыхъ жертвъ, обагрившихъ на Дальнемъ Востокѣ своею кровью нарождающуюся народную свободу, оказалась и Людмила Александровна Волкенштейнъ, сраженная наповалъ пулями нашихъ усмирителей. Ей не выпало на долю увидать воочію ту желанную свободу, дѣлу которой она отдала 30 лучшихъ лѣтъ своей жизни; но зато судьба избавила ее, кроткую и мягкую, полную любви и сострадания ко всему страждущему и угнетенному, отъ ужаснаго зрѣлища тѣхъ кровавыхъ событій недавняго прошлаго и настоящаго, въ обстановкѣ которыхъ еще до сихъ поръ идетъ упорная борьба за народную свободу. Поразившая ее солдатская пуля прервала ея жизнь въ тотъ моментъ общаго подъема духа и свѣтлыхъ надеждъ, когда и для нея послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ испытаній и страданій въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ, улыбнулась, наконецъ, возможность возвратиться изъ своего изгнанія въ Россію, въ кругъ друзей и товарищей, и увидѣть снова родину, такъ горячо любимую ею.

Людмила Александровна Волкенштейнъ, урожденная Александрова, родилась въ Кіевской губ. 18 сент. 1858 г. Отецъ Л. А. занималъ мѣсто казеннаго лѣсничаго, благодаря чему она и провела свое дѣтство среди деревенскаго простора, въ тишинѣ и уединеніи лѣса. Величавое молчаніе лѣсныхъ великановъ, мягкія краски окружающей южной природы и картины

ея неумолкаемой жизни какъ бы наложили свой отпечатокъ на душевный складъ дѣвочки-ребенка, придавъ ея характеру ту же мягкость, даже нѣкоторую мечтательность, и заложили въ ней очень рано ту инстинктивную любовь ко всему живущему, изъ которой позднѣе развилась уже сознательная любовь къ людямъ, ко всему человѣчеству и въ особенности къ угнетенной, обездоленной его части. По словамъ Л. А., уже много лѣтъ спустя, въ жестокіе шлиссельбургскіе годы, даже жалкая природа и скудная зелень шлиссельбургскихъ клѣтокъ-огородовъ успокаивали и умиротворяли ее въ острыя минуты душевныхъ тревогъ и страданій...

10—11-ти лѣтъ Л. А. поступила въ одну изъ кіевскихъ гимназій. Въ то же время, или немного ранѣе, ея отецъ оставилъ службу и переселился со всею семьею въ Кіевъ.

У Л. А. было еще два брата и три сестры. Отношенія ея къ родителямъ были неодинаковы. Отца своего, человѣка грубаго и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичнаго, который и въ семьѣ установилъ дурныя отношенія, она не любила и не уважала, сохранивъ о немъ навсегда тяжелое воспоминаніе. Однажды, когда она была уже взрослой гимназисткой, отецъ поднялъ на нее руку, и тогда ея мать, страстно любившая дочь, устроила ее на отдѣльной квартирѣ, совершенно независимо отъ семьи. Но зато свою мать она горячо любила и уважала, какъ человѣка добраго, гуманнаго и твердаго, приписывая всегда ея воспитательному вліянію и наслѣдственности съ ея стороны всѣ свои хорошія черты и свойства.

В. Н. Фигнеръ разсказываетъ въ своей статьѣ, посвященной памяти Л. А., какъ послѣдняя еще дѣвочкой на гимназической скамьѣ выступала въ роли защитницы обиженныхъ. Разъ одинъ учитель позволилъ себѣ посмѣяться надъ уродствомъ другой ученицы—горбатой дѣвочки.—„Вы не смѣете унижать и насмѣхаться! Вы не смѣете поступать такъ!“—закричала на весь классъ Л. А., сконфузя до-нельзя учителя и пріобрѣтя этимъ заступничествомъ горячую любовь и преданность обиженной подруги.

Обладая хорошими способностями Л. А., относилась довольно небрежно къ своимъ гимназическимъ занятіямъ, которыя не удовлетворяли ее. Не желая подвергаться переэкзаменовкѣ, она оставила гимназію до окончанія курса безъ диплома. Постороннимъ чтеніемъ занималась она уже давно и была уже достаточно ознакомлена съ соціалистическими ученіями.

Познакомившись со студентомъ-медикомъ (или уже окончившимъ курсъ?) кіевскаго университета Александромъ Александровичемъ Волкенштейномъ, Л. А. скоро вышла за него замужъ. Ея мужъ занялъ мѣсто земскаго врача въ Черниговской губ., и они вдвоемъ отправились туда для служенія народу. Л. А., нѣсколько знакомая съ медициной (она раньше слушала курсъ сестеръ милосердія, а помимо этого, кажется, еще и акушерскіе курсы), нашла и себѣ занятіе, работая подъ руководствомъ мужа въ качествѣ акушерки и сидѣлки-фельдшерицы. Черезъ много-много лѣтъ судьба снова соединила ихъ на такой же работѣ.

Александръ Александровичъ Волкенштейнъ принадлежалъ къ петербургскому кружку чайковцевъ, но постепенно, не порывая рѣзко, отдалился отъ революціоннаго дѣла. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ арестованъ и привлеченъ по процессу 193-хъ. Имѣя уже малютку-сына, родившагося во время заключенія отца, Л. А. ѣздила въ Петербургъ для свиданій съ мужемъ, проживала тамъ все время суда и, такимъ образомъ, довольно рано, хотя и не на личномъ опытѣ, познакомилась съ тюрьмою и ея обстановкой. Оправданный по суду, А. А. Волкенштейнъ возвратился съ женою въ Кіевъ, гдѣ у нея завязались революціонныя знакомства, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывалось и настроеніе, подъ вліяніемъ котораго совершился переломъ въ ея жизни.

Наступила уже вторая половина 70-хъ гг. Это было время, когда правительство, относясь крайне подозрительно и враждебно ко всякой даже чисто культурной дѣятельности въ народѣ, ставило ей всевозможныя препоны. Отнимая возможность самой мирной работы, оно въ то же время продолжало и усиливало репрессіи во всѣхъ сферахъ общественной жизни, доводя ихъ по отношенію къ политическимъ заключеннымъ даже до жестокости. Въ атмосферѣ воцарившагося произвола и насилія всякое чуткое сердце, даже любящее и кроткое, загоралось негодованіемъ и научалось совмѣщать любовь къ людямъ съ ненавистью къ ихъ поработителямъ и угнетателямъ.

«Что-жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что жъ любовь молчитъ?
Иль въ любви однѣ лишь слезы
Есть у васъ для кровныхъ бѣдъ?
Или силы для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?»

Эти слова погибшаго въ каторгѣ поэта и для Л. А., какъ и для многихъ другихъ, звучали страстнымъ призывомъ къ дѣятельной любви-борьбѣ, той любви, во имя которой нужно идти на всякія жертвы и гибель. Голосъ сердца звалъ Л. А. на революціонную борьбу, которая, какъ разъ въ это время (въ 1878 году), разгоралась на югѣ.

Но рѣшеніе осложнялось личными условіями: приходилось неизбѣжно сдѣлать трудный выборъ между революціонной дѣятельностью и семьей, между гражданскимъ долгомъ и личнымъ чувствомъ къ мужу и сыну. Совмѣстить то и другое было невозможно, и Л. А. пришлось пережить сложную внутреннюю драму, мимо которой даже хорошіе люди проходятъ часто безъ вниманія и произносятъ легкомысленный приговоръ, объясняя недостаткомъ материнскихъ чувствъ и семейныхъ привязанностей ту жертву, принося которую сердце матери обливается кровью и исходитъ болью. Чувство высшаго порядка, чувство гражданскаго долга перевѣсило у Л. А. всѣ другія чувства... Въ концѣ 1878 г. она приняла предложеніе Валеріана Осинскаго и поселилась въ Харьковѣ вмѣстѣ съ Зубковскимъ въ качествѣ хозяйки конспиративной квартиры, въ которой происходили совѣщанія и подготовлялось покушеніе на харьковскаго губернатора князя Крапоткина, проявившаго особое рвеніе при избіеніи въ 1878 г. харьковскихъ студентовъ и крайнюю жестокость по отношенію къ политическимъ каторжанамъ, заключеннымъ въ Зміевской и Бѣлгородской централкахъ, находившихся въ его вѣдѣніи. Послѣ совершенія Гольденбергомъ 9 февраля 1879 г. этого террористическаго акта Л. А., самолично устроивъ благополучный отъѣздъ его изъ Харькова, возвратилась въ Кіевъ. Позднѣйшій арестъ Гольденберга и его показанія, въ которыхъ, въ числѣ многихъ другихъ, онъ оговорилъ и ее, принудили Л. А. уѣхать за границу. Для того, чтобы тотчасъ перейти въ положеніе „нелегальнаго“ революціонера, у нея не было еще достаточнаго опыта и навыка. Своего маленькаго сына она оставила пока на попеченіи его бабушки—своей матери.

Л. А. не имѣла въ виду долго оставаться за границей, но судьба и обстоятельства часто смѣются надъ такими намѣреніями. Выѣхать изъ Россіи, эмигрировать—гораздо легче, чѣмъ вернуться обратно въ видѣ нелегальнаго.

Проведя менѣе года въ Швейцаріи и на югѣ Франціи, Л. А. переѣхала въ Румынію (въ Добруджу), гдѣ и прожила довольно долго (кажется, около года) въ обществѣ нѣсколь-

кихъ русскихъ эмигрантовъ. Малосодержательная эмигрантская жизнь не могла, конечно удовлетворить ее, и, въ поискахъ хоть какого-нибудь дѣла, она перебралась въ Болгарію, занявъ мѣсто смотрительницы больницы, завѣдующимъ которой былъ русскій врачъ Ю—ъ, близкій другъ мужа Людмилы Александровны.

Около двухъ лѣтъ провела Л. А. въ Болгаріи, посвящая себя, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, еще уходу за больными. Но такимъ дѣломъ ей было трудно наполнить свою жизнь.

Не для этого покинула она родину, порвала всѣ свои личныя связи и привязанности. И сознаніе, и властный голосъ сердца тянули на другую дорогу, звали ее идти въ „станъ погибающихъ“, и она вторично ушла въ этотъ станъ, который и сдѣлался для нея съ тѣхъ поръ родиной, семьей, во имя которыхъ никакая жертва, никакое страданіе не казались ей трудными и невозможными.

Лѣтомъ 1883 г. Л. А. окончательно рѣшилась вернуться въ Россію, съ готовностью на всякій подвигъ. Далеко не каждая въ ея положеніи рѣшилась бы ѣхать въ Россію. За четыре почти года заграничной жизни она потеряла всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ изъ революціоннаго міра и всякія связи съ Россіей, которая переживала тогда очень смутное время—самый разгаръ неразгаданной еще „дегаевщины“. Всѣ эти неблагопріятныя условія не остановили Л. А., и осенью 1883 г. она уже пріѣхала въ Петербургъ съ паспортомъ болгарской подданной, достаточно владѣя болгарскимъ языкомъ, чтобы играть свою роль. Л. А. намѣревалась, прежде всего, поступить на высшіе женскіе курсы, чтобы вполнѣ легализироваться и найти первую точку опоры для своей работы. Прожила она, однако, на свободѣ очень недолго и осенью же 1883 г. была арестована, почему именно—осталось неизвѣстнымъ: по всей вѣроятности, это тоже дѣло рукъ Дегаева, который зналъ о ея пріѣздѣ.

На допросѣ Л. А. заявила о своемъ полномъ сочувствіи дѣятельности Народной Воли, включая и террористическую часть ея, подтвердила свое участіе въ дѣлѣ Кропоткина, а пріѣздъ свой объяснила намѣреніемъ принять личное участіе въ дальнѣйшей дѣятельности партіи. Судилась Л. А. черезъ годъ по процессу Вѣры Фигнеръ, отказалась по принципу отъ защитника, отказалась принимать участіе въ судѣ, чѣмъ, конечно, вызвала противъ себя спеціальную злобу властей. Л. А.

была приговорена къ смертной казни, которая при конфирмаціи приговора была ей замѣнена 15-ти-лѣтними каторжными работами съ заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ. Жестокость приговора въ значительной степени обусловливалась независимымъ и гордымъ поведеніемъ Л. А. на допросахъ и на судѣ. Съ трогательною простотою описывала она впослѣдствіи, съ какимъ умиленіемъ надѣвала она на себя арестантское рубище,—рубище въ полномъ смыслѣ этого слова,—въ которое тотчасъ послѣ суда нарядили ее и В. Н. Фигнеръ. Съ гордостью протянула она руки, чтобы на нихъ надѣли цѣпи, въ которыхъ везли ихъ обѣихъ изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургъ, и демонстративно побрякивала ими все время дороги.

Шлиссельбургская тюрьма въ качествѣ политической централки (идея которой принадлежала министру внутр. дѣлъ гр. Толстому) открыла свою дѣятельность осенью 1884 г., и въ числѣ первыхъ лицъ, привезенныхъ туда, находилась Л. А. Ей пришлось, такимъ образомъ, пережить весь первый наиболѣе тяжкій періодъ жизни этой исторической тюрьмы, гдѣ она провела въ заключеніи 12 лѣтъ своей жизни. Если положеніе замурованныхъ тамъ людей было вообще ужасно, то въ особенности ужасно было оно для двухъ женщинъ, отданныхъ властною рукою подъ постоянный бдительный надзоръ озвѣрѣлыхъ и жестокихъ мужчинъ-жандармовъ. Имъ обѣимъ приходилось отвоевывать себѣ шагъ за шагомъ самыя элементарныя условія жизни. Русское правительство, подводя всѣхъ попавшихъ въ Шлиссельбургъ подъ единый жестокій режимъ, усугубляло жестокость его для двухъ женщинъ, изолируя ихъ отъ остальныхъ товарищей, обрекая ихъ такимъ образомъ на полное одиночество даже и тогда, когда съ теченіемъ времени для мужского контингента заключенныхъ обстановка жизни нѣсколько смягчилась (явилась возможность личнаго общенія, благодаря прогулкѣ вдвоемъ, совмѣстнымъ работамъ и т. п.). Если подобная изоляція женщинъ впослѣдствіи и не осуществлялась вполнѣ на практикѣ, благодаря дружному натиску заключенныхъ, то произошло это, во всякомъ случаѣ, не отъ недостатка старанія и рвенія какъ высшей власти, такъ и исполнителей ея велѣній.

На второмъ году своего заключенія Л. А. вынесла тяжелую болѣзнь—сильный плевритъ, грозившій перейти въ воспаленіе легкихъ, и только сильный организмъ помогъ ей справиться съ этою болѣзнью. Призракъ смерти постоянно виталъ

тогда подъ шлиссельбургскими сводами, унося чуть не ежемѣсячно то одну, то другую жертву. Агонія умиравшихъ происходила у всѣхъ на глазахъ, несмотря на крѣпко запертыя двери одиночекъ. Стоны умирающихъ доносились до слуха сосѣдей-товарищей, безсильныхъ оказать какую-либо помощь. Для Л. А., съ ея горячимъ, отзывчивымъ сердцемъ, съ ея нѣжною душою, окружающая страшная дѣйствительность превращалась въ сплошной ужасъ, въ сплошную трагедію. И зато съ какою беззавѣтною любовью взялась она за свою какъ бы провиденціальную миссію—утѣшенія страждущихъ и больныхъ, когда измѣнившіяся къ лучшему условія тюремной жизни открыли ей хоть нѣкоторую возможность приходить на помощь къ тѣмъ, кто нуждался въ ней, возможность, впрочемъ, очень ограниченную, потому что и при измѣнившемся режимѣ положеніе женщинъ продолжало оставаться въ значительной степени изолированнымъ. Всѣ больные тѣломъ или духомъ какъ-то инстинктивно тѣснились къ Л. А., всегда находя у нея сочувствіе, теплую дружескую ласку, утѣшеніе, какъ бы согрѣваясь и освѣщаясь лучами ея всеобъемлющей любви. Самому мнѣ, автору этихъ строкъ, приговоренному тюремнымъ врачемъ къ смерти и, дѣйствительно, медленно умиравшему въ теченіе $1^1/_2$—2 лѣтъ, на своемъ собственномъ опытѣ пришлось испытать, чѣмъ являлась Л. А. для всякаго больного.

Есть всему предѣлъ, есть предѣлъ и силамъ человѣка. Уставала порою и Л. А., уставала и душою, и тѣломъ и тогда объявляла друзьямъ, что ей нужно самой отдохнуть, побыть въ полномъ уединеніи, и просила не нарушать ея одиночества. Но обыкновенно проходила какая-нибудь недѣля — и Л. А. снова появлялась въ кругу товарищей, дѣлая это нерѣдко черезъ силу, потому что понимала, какъ вліяло на окружающихъ ея отсутствіе.

Очень часто, особенно въ первые годы, тюремная шлиссельбургская жизнь принимала бурный характеръ. Происходили столкновенія, протесты, единичныя и коллективныя, со всѣми ихъ неизбѣжными, при царившемъ тогда режимѣ, послѣдствіями. И Л. А. всегда была въ первыхъ рядахъ товарищей... Шесть или семь мѣсяцевъ провела она, между прочимъ, въ „сараѣ“ (старой тюрьмѣ), не желая отставать отъ товарищей, переведенныхъ туда, какъ въ карцеръ,—не желая оставлять ихъ однихъ, безъ поддержки въ этомъ мрачномъ и уединенномъ склепѣ.

Врагъ всякихъ компромиссовъ, въ томъ числѣ и тюрем-

ныхъ, Л. А. держала себя ригористкой по отношенію къ тюремной администраціи. Точно такъ же держала она себя и по отношенію къ наѣзжавшимъ въ Шлиссельбургъ высшимъ сановникамъ, отказавшись, напр., выслушать отъ товарища министра вн. дѣлъ Шебеко извѣстія о матери (это были первыя извѣстія, которыя она могла получить) только потому, что въ предыдущій свой пріѣздъ генералъ этотъ обошелся крайне грубо съ нѣкоторыми товарищами. Пережить долгіе годы шлиссельбургскаго заточенія и сохранить послѣ нихъ образъ и подобіе человѣка можно было только при условіи постояннаго труда, работъ, придававшихъ хотя бы иллюзію смысла этой жизни. Л. А. всегда была занята, всегда была за дѣломъ. Не говоря уже о чтеніи, которому отдавали значительную часть времени всѣ заключенные (съ той поры, какъ въ Шлиссельбургѣ появились книги), съ открытіемъ мастерскихъ Л. А. постоянно работала въ нихъ,—въ столярной, токарной, переплетной,—обшивала товарищей, вязала имъ фуфайки, шали, туфли и т. д. Еще за нѣсколько лѣтъ до окончанія срока каторги, когда и передъ ней открывалась перспектива быть увезенной изъ Шлиссельбурга, она занялась подготовкой себя къ фельдшерской дѣятельности, съ цѣлью служить окружающимъ людямъ и въ томъ глухомъ углу Сибири, въ который судьба должна была занести ее.

Подъ руководствомъ одного изъ товарищей—Лукашевича, знатока въ естествознаніи, она проходила анатомію, физіологію, гистологію, работала надъ микроскопическими препаратами, обнаруживъ при этихъ занятіяхъ рѣдкую усидчивость и упорство въ достиженіи поставленной цѣли.

Въ концѣ 1896 г. совершенно неожиданно было объявлено примѣненіе коронаціоннаго манифеста, приблизительно, къ половинѣ заключеннымъ, въ томъ числѣ и къ Л. А., и такимъ образомъ за три года до окончанія срока передъ нею открылись двери тюрьмы. Со слезами истиннаго горя сообщила она товарищамъ вѣсть о своемъ освобожденіи. „Какъ же я уѣду одна,—говорила она, рыдая,—какъ же я оставлю васъ здѣсь безъ надежды на освобожденіе?“ И на этотъ разъ уже намъ, остающимся, приходилось утѣшать и успокаивать ее. Не на радость, впрочемъ, приходилось Л. А—ѣ покидать Шлиссельбургъ. Новое правительство, вѣрное себѣ и своимъ исконнымъ традиціямъ, измѣнило для нея только обстановку тюрьмы, назначивъ мѣстомъ поселенія страшный Сахалинъ.

Въ концѣ ноября 1906 г. Л. А., послѣ 12-лѣтняго зато-

ченія, оставила Шлиссельбургъ въ обществѣ еще четырехъ товарищей. Въ Петербургѣ, въ первый разъ послѣ 18-лѣтней разлуки, увидала она сына, уже юношу-студента вмѣсто того малютки, которымъ когда-то она оставила его. Мужъ Людмилы Александровны при первомъ же извѣстіи о предстоящемъ ей переселеніи на Сахалинъ ликвидировалъ свои личныя и служебныя дѣла и отправился слѣдомъ за нею дѣлить вмѣстѣ горе и лишенія ссыльной жизни ужаснаго острова.

На Сахалинъ Л. А. была отправлена моремъ. Морской 55-дневный путь дался ей нелегко. Больная, истомленная долгимъ переѣздомъ, она все же занималась въ пароходномъ лазаретѣ уходомъ за больными и умирающими пересыльными, слѣдовавшими, какъ и она, на Сахалинъ. По прибытіи туда, мѣстомъ жительства ей былъ назначенъ постъ Корсаковъ, гдѣ ея мужъ получилъ мѣсто врача, завѣдующаго больницей округа, а сама Л. А. устроилась въ качествѣ фельдшерицы при этой же больницѣ.

Тяжелая, жестокая картина сахалинскихъ нравовъ и порядковъ сразу обступила ее на новомъ мѣстѣ. Изъ одной юдоли она попала въ другую, еще горшую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Вдвоемъ съ мужемъ начала Л. А. борьбу противъ окружавшихъ ее ужасовъ и жестокостей. Что приходилось испытывать при этой борьбѣ ей, юридически безправной и формально подчиненной той же озвѣрѣлой сахалинской администраціи—можетъ представить себѣ каждый. „Уже второй годъ живу здѣсь, фельдшерствую,—писала она тоже освобожденному изъ Шлиссельбурга товарищу, Панкратову.—Больныхъ много, но больные страдаютъ не столько отъ болѣзней, сколько отъ жестокостей администраціи. Здѣсь каждый сторожъ, надзиратель—и царь, и богъ по своей власти, и дикій звѣрь по своей безсердечности и неумолимости. Малѣйшій проступокъ уголовныхъ арестантовъ наказывается розгами, а знаешь, что значитъ здѣсь „проступокъ“?.. Понравится жена уголовнаго какому-нибудь „сторожу“—вотъ и проступокъ. Не проходитъ у меня дня безъ исторіи. Ведемъ съ А. А. (мужъ Л. А.) отчаянную борьбу съ начальствомъ. Стараемся уговаривать, доказывать. Какъ бываешь счастлива, когда удается освободить кого-нибудь отъ тѣлеснаго наказанія!..

„...Страшно устаю, задыхаюсь въ этой ненормальной атмосферѣ. Хотѣлось бы отдохнуть. Скоро, можетъ быть, переведутъ въ Александровскій постъ“.

Переводъ этотъ, дѣйствительно, скоро состоялся, но не при-

несъ Л. А—ѣ желаннаго отдыха и успокоенія. Здѣсь ее окружили тѣ же самыя сцены дикихъ варварскихъ расправъ, розогъ, плетей, началась та же самая борьба на защиту жертвъ озвѣрѣлыхъ тюремщиковъ.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія на Сахалинѣ Л. А. получила, наконецъ, право переѣхать на материкъ. И давно было уже пора. Изстрадавшаяся, измученная, она жаждала отдыха, настоятельно нуждалась въ немъ. „Наконецъ-то, я переѣзжаю съ Сахалина во Владивостокъ,—писала она тому же Панкратову.—Какъ я рада, что освобожусь отъ здѣшнихъ ужасныхъ, раздирающихъ душу картинъ. Не буду видѣть изсѣченныхъ до мяса спинъ, почернѣвшихъ отъ боли лицъ. Это что-то нечеловѣческое. Поздравь меня, Василій!.. Я измучилась, пора отдохнуть, силъ нѣтъ продолжать такую жизнь!“

Непривѣтливо встрѣтила Л. А. и на материкѣ высшая администрація. Амурскій генералъ-губернаторъ Гродековъ не считалъ возможнымъ, въ „видахъ государственной безопасности“, разрѣшить измученной, истерзанной женщинѣ поселиться во Владивостокѣ и собирался водворить ее въ глухомъ медвѣжьемъ углу Уссурійскаго края. Только случай выручилъ ее и спасъ отъ этой участи. Во Владивостокѣ разразилась сильная холера, для борьбы съ которой не оказалось медицинскаго персонала, а на вызовъ городского управленія желающихъ не являлось. Тогда Алекс. Алекс. Волкенштейнъ предложилъ городу свои услуги, поставивъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы и жена осталась во Владивостокѣ. Городское управленіе ухватилось за это предложеніе: полетѣла въ Хабаровскъ телеграмма, и, въ концѣ концовъ, генералъ-губернаторъ положилъ гнѣвъ на милость. Л. А—ѣ было разрѣшено поселиться во Владивостокѣ. Это было осенью 1902 г.

Здѣсь Л. А. немного отдохнула отъ ужасныхъ картинъ и кошмаровъ своего многолѣтняго прошлаго. Безъ работы, безъ живого дѣла жизнь ея, разумѣется, не могла наладиться. У ея мужа, прекраснаго врача, оказалась скоро громадная практика, и помимо ея онъ открылъ амбулаторію, гдѣ всегда оказывалось достаточно работы и для Л. А., занимавшейся кромѣ этого самостоятельно бактеріологическимъ анализомъ. Имена супруговъ Волкенштейнъ сдѣлались скоро очень популярными въ городѣ, въ особенности среди бѣднѣйшей части городского населенія, для котораго всегда была открыта безплатная медицинская помощь. Это была только одна сторона дѣятельности Л. А., постоянная будничная работа—всегдашній

спутникъ ея многострадальной жизни. Еще будучи на Сахалинѣ, она ознакомилась въ Корсаковскомъ округѣ, при посредствѣ японскаго коммерческаго агента Инакова, съ положеніемъ японскихъ рабочихъ на сахалинскихъ рабочихъ промыслахъ и напечатала въ 1902 г. въ „Русскомъ Богатствѣ“ интересную статью объ этомъ вопросѣ. Эта работа была переведена на японскій языкъ и произвела сильное впечатлѣніе въ прогрессивныхъ сферахъ японскаго общества, а самъ Инаковъ вспоминалъ съ восторгомъ о своемъ знакомствѣ съ Л. А. Нѣсколькими годами раньше появились за границей воспоминанія Л. А. о Шлиссельбургѣ, знакомыя теперь и широкой русской публикѣ. Это былъ первый голосъ, поднявшій завѣсу съ того, что творилось въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ.

Живя во Владивостокѣ, Л. А. избѣгала больного общества, уклонялась отъ тѣхъ знаковъ вниманія и овацій, которыми встрѣчали ее лучшіе прогрессивные элементы. Замѣчательная скромность была отличительною чертою ея характера. Безъискусственная простота и ровность обращенія гармонично дополняли собою эту скромность, за которой чувствовалась, однако, та нравственная сила, для которой не нужны украшенія и эффекты. Несмотря на уединенную жизнь, Л. А. охотно принимала у себя кружокъ друзей и хорошихъ знакомыхъ. Учащаяся молодежь всегда встрѣчала въ ея домѣ радушіе и ласку. Она часто бывала молчалива и задумчива. Страшныя картины прошлаго еще властно царили надъ ея душою... Но когда разговоръ касался ея завѣтныхъ думъ, тѣхъ вопросовъ русской жизни, разрѣшеніе которыхъ составляло цѣль и являлось смысломъ ея жизни, она воодушевлялась, начинала говорить горячо и краснорѣчиво. Разгорѣвшись, какъ бы помолодѣвъ, она производила въ такія минуты неотразимое впечатлѣніе на своихъ собесѣдниковъ.

Близкіе ея знакомые замѣчали, что по временамъ какое-то мрачное облако заволакивало ея милое, красивое лицо. Эти признаки печали совпадали обыкновенно съ моментомъ прихода во Владивостокъ пароходовъ добровольного флота съ арестантами, среди которыхъ оказывались нерѣдко ея новые молодые товарищи по дѣлу, отправляемые на Сахалинъ. И тогда ее видали отправляющеюся на прибывшій пароходъ въ сопровожденіи китайца-носильщика, нагруженнаго всякой провизіей. Иногда Л. А. исчезала вдругъ съ горизонта Владивостока. Ея отсутствіе длилось недѣлю, двѣ, три, и затѣмъ снова появлялась она, еще болѣе печальная и задумчивая. Стороною

узнавали потомъ, что она ѣздила на Сахалинъ, гдѣ томились еще ея друзья, товарищи, для которыхъ посѣщенія ея являлись радостью и утѣшеніемъ. Крѣпкая связь соединяла ее съ этимъ страшнымъ островомъ. Это была связь всего прошлаго, общихъ страданій, борьбы за лучшее будущее и глубокой вѣры, что оно наступитъ когда-нибудь.

Русско-японская война дала новый толчекъ ея дѣятельности. Не сочувствуя ей, возмущаясь тою кровавой авантюрой, въ которую правительство легкомысленно и преступно вовлекло Россію, къ неповиннымъ жертвамъ ея она относилась съ присущимъ ей всегда чувствомъ состраданія и любви. Много поработала Л. А. при организаціи курсовъ для сестеръ милосердія въ помѣщеніи музея общества изученія Амурскаго края, писала и читала лекціи, помогала слушательницамъ и, вообще, работала безъ устали въ этомъ дѣлѣ, съ свойственною ей стойкостью и энергіей. У нея была способность доводить начатое до конца, не останавливаясь на полдорогѣ.

Началось освободительное движеніе, охватившее уже не отдѣльныя, изолированныя группы, а всю Россію. Эта яркая заря грядущей свободы и надежды на близкую побѣду освѣтила послѣдніе дни жизни Л. А. Для нея наступили дни радости, подъема духа и горячей работы. Передъ ней открывались запертыя до тѣхъ поръ двери на родину, не порабощенную и безгласную, а воспрянувшую и возставшую за дѣло своего освобожденія.

10 янв. 1906 г. въ депутацію отъ митинга, шедшую во главѣ съ военнымъ губернаторомъ ген. Флугомъ къ коменданту хлопотать отъ имени нижнихъ чиновъ за д-ра Ланковскаго, былъ сдѣланъ предательскій залпъ изъ-за угла, положившій на мѣстѣ 40 чел. Въ числѣ убитыхъ оказалась и Л. А., пораженная наповалъ нѣсколькими пулями...

Перестало биться великое, благородное сердце, навѣки почила та, для которой вся жизнь была непрерывнымъ подвигомъ любви, гражданскаго долга и самоотверженія.

Похороны Л. А. состоялись 13 января.

Отдаленная могила ея, навѣрно, не будетъ забыта, и освободившійся народъ сумѣетъ почтить память одной изъ лучшихъ женщинъ своей родины.

Сергѣй Ивановъ.

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

(Попытка біографіи.)

Многосложна душа. . . . . .
. . . . . .
Взять захочешь аккордъ, полный звуковъ живыхъ.
А глядишь—диссонансъ раздается.

(Стихотворенія В. Н. Фигнеръ, стр. 17).

Для сердца людского родъ мукъ измѣнить—
Нерѣдко предѣлъ всѣхъ мечтаній.

(Тамъ же, стр. 37).

Въ 1869 году, въ Казанскомъ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ окончила курсъ дворянка тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи Вѣра Николаевна Фигнеръ. По окончаніи курса, она вернулась въ свое дворянское гнѣздо и черезъ $1^1/_2$—2 года вышла замужъ за судебнаго слѣдователя Филиппова. А въ 1883 году—вотъ какое показаніе дала она на предварительномъ слѣдствіи, производившемся генералъ-маіоромъ Середой:

„Принадлежу къ революціонной партіи Народной Воли, къ организаціи Исполнительнаго Комитета. Принимала изъ событій послѣднихъ годовъ участіе въ 1876 г. въ демонстраціи на Казанской площади, знала о ея приготовленіи и цѣли. Въ 1879 г. знала и одобрила замыселъ Александра Соловьева; въ томъ же году вмѣстѣ съ Николаемъ Кибальчичемъ отправилась въ Одессу, доставила мѣсто желѣзнодорожнаго сто-

рожа Фроленку и на своей квартирѣ хранила все необходимое для мины на желѣзной дорогѣ. Въ 1880 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ цареубійству во время проѣзда императора черезъ Одессу, состоявшихъ въ устройствѣ мины на Итальянской улицѣ, при чемъ доставила необходимыя для этого денежныя средства. Въ 1881 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ 1 марта, доставила часть денежныхъ средствъ для магазина Кобозева; послѣднія приспособленія бомбъ 1 марта были сдѣланы на моей квартирѣ у Вознесенскаго моста. Изъ послѣдующихъ событій принимала участіе въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и въ организаціи типографіи Народной Воли въ Одессѣ".

Таковъ былъ сжатый, сухой перечень фактовъ изъ жизни В. Н.,—нѣчто вродѣ послужного списка, гдѣ отмѣчены походы и сраженія. Между этими датами, 1869—1883, легла огромная полоса русской жизни, развернулась и закончилась эволюція того русскаго общественнаго движенія, которое называется—„семидесятые годы", „народничество", „народовольчество". Между этими датами, въ указанной схемѣ, протекла лучшая пора, молодость В. Н., періодъ высшаго расцвѣта человѣческой личности, — періодъ высшей радости жизни. Содержаніе этихъ 14 лѣтъ, разумѣется, нельзя вмѣстить въ рамки указанной схемы. Не потому, что этотъ сухой перечень говоритъ только о томъ, что В. Н. пожелала вскрыть изъ своего прошлаго,—а потому что эта схема черезчуръ формальна и не говоритъ о сущности, подсчитываетъ количество и не говоритъ о качествѣ. Даже болѣе подробныя ея показанія, даже ея замѣчательная рѣчь на судѣ... Она говорила на судѣ и передъ судомъ, плѣнная, во вражескомъ станѣ... Такой строгій къ себѣ человѣкъ, вообще, сдержанно и скупо дѣлится съ другими своими чувствами, своею интимною жизнью,—и не предъ врагами стала бы она исповѣдываться.

Случайно жизнь не кончилась на этой главѣ,—говорю случайно, такъ какъ В. Н. была приговорена къ смертной казни,—и началась слѣдующая глава ея жизни, долгая, огромная глава жизни, 20 лѣтъ Шлиссельбургской крѣпости. Тамъ тоже была жизнь, продолжалась біографія... О ней мало показаній В. Н...

Скупыя личныя воспоминанія въ статьѣ о Л. А. Волкенштейнъ, короткія упоминанія о В. Н. въ очеркахъ другихъ плѣнниковъ Шлиссельбургской крѣпости, да ея стихи, гдѣ много нѣжныхъ и грустныхъ воспоминаній о дѣтствѣ, о прошломъ, обращеніе къ нѣжно-любимой матери, къ сестрѣ, къ то-

варницамъ, гдѣ луга и цвѣты и пасхальная ночь, но не звенятъ цѣпи, не гремятъ замки тюремныхъ дверей и только изрѣдка проносится полузадушенный, задавленный стонъ гордаго человѣка... Не сказала еще рѣчи Вѣра Николаевна предъ исторіей, предъ великимъ судомъ русскаго народа объ этой полосѣ своей біографіи.

Понять хочу я эту жизнь, которая перейдетъ въ исторію, какъ примѣръ исключительной человѣческой жизни. Только попытаться понять...

Такъ все мирно началось и такъ трагически продолжалось... Ни въ той средѣ, изъ которой вышла В. Н. и которая окружала ее, ни въ обстоятельствахъ ея личной жизни не было ничего, что толкало бы В. Н. на тотъ путь, по которому она пошла. Милая дворянская провинціальная семья... Институтъ для благородныхъ дѣвицъ въ Казани... Опять согласная, ласковая дружеская семья... Черезъ годъ—полтора бракъ, тоже въ предѣлахъ родного уѣзда, съ тетюшскимъ дворяниномъ, мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ... Отцы дружили... Старое дворянское гнѣздо, какихъ много было еще на границѣ 60—70-хъ годовъ, населенное Татьянами, Асями, Еленами, обвѣянное музыкой Чайковскаго...

Правда, это было дворянское окраинное гнѣздо, стоявшее на рубежѣ полупокоренныхъ, нерѣдко возставшихъ инородческихъ племенъ, на краю, бокъ-о-бокъ съ той вольницей, которая населяла Пріуралье. Въ старомъ домѣ жили суровыя традиціи прошлаго, воспоминанія о строгихъ людяхъ того строгаго прошлаго. Старый домъ видалъ крѣпостныя времена, и запахъ крѣпостного права еще живъ былъ тогда въ комнатахъ стараго дома. Онъ помнилъ и пугачевщину. Смутныя легенды жили въ семьѣ. Два Фигнера были повѣшены въ пугачевское время. Прабабушку В. Н., китаянку, вывезенную изъ Китая прадѣдомъ В. Н., дворовые люди спрятали въ погребѣ отъ пугачевской вольницы, и, послѣ ухода ея, нашли въ погребѣ мертвую барыню и родившагося ребенка, бабушку В. Н. по матери.

Но въ пору дѣтства и юности В. Н. все было мирно и ласково въ мирномъ домѣ. И если была разница съ другими провинціальными дворянскими гнѣздами, то именно въ смыслѣ наименьшей вѣроятности того пути, по которому пошла В. Н. Тамъ не было характерной для шестидесятыхъ годовъ борьбы отцовъ и дѣтей. Кому приходилось встрѣчаться съ матерью В. Н. и кто знаетъ ту исключительную нѣжную привязанность

матери и дочери, тотъ пойметъ, что не мать В. Н. могла бороться съ дѣтьми, въ смыслѣ противодѣйствія ихъ прогрессивнымъ идеямъ. Отецъ В. Н. былъ, повидимому, другого типа, болѣе суроваго и строгаго, но, насколько мнѣ извѣстно, именно къ В. Н., своей старшей дочери, онъ питалъ особенную нѣжность. И потомъ онъ умеръ черезъ годъ—полтора послѣ выхода В. Н. изъ института, и, кажется, по его настоянію былъ ускоренъ бракъ В. Н. Вотъ что писала она въ Шлиссельбургѣ, суммируя свое прошлое:

Тамъ добру и наукѣ съ сестрой
Свою жизнь посвятить мы рѣшились
И, судьбу вызывая на бой,
Надъ отцовской могилой склонились.

(Стих., стр. 10).

Она не убѣгала изъ родительскаго дома на курсы, не проклинали ее родители... И поѣздка въ 72-мъ году за границу не была крупнымъ переломомъ въ ея личной жизни, не была разрывомъ съ прошлымъ,—вмѣстѣ съ мужемъ уѣхала Вѣра Николаевна—добывать „науку“, дѣлать „добро“.

Эпоха 60-хъ годовъ положила свою печать на В. Н., но не она цѣликомъ сложила ее: она не сдѣлала В. Н. „шестидесятницей“. Шестидесятые года не такъ рѣзко проявились въ провинціи, и толстыя стѣны института для благородныхъ дѣвицъ смягчали долетавшіе бурные звуки. Это былъ смутный ароматъ новой жизни, слабо ощущавшійся за толстыми стѣнами института, похожій на тотъ смутный ароматъ полей и цвѣтовъ, что доносится въ окно провинціальной тюрьмы; институтъ продолжалъ жить старыми традиціями 30—40-хъ годовъ. Не спорю, 60-е года со всѣмъ тѣмъ великимъ содержаніемъ, которое несли они, оказали большое вліяніе на молоденькую институтку. Сказалось на ней и чисто женское движеніе, проснувшееся великое чувство женской чести, литература Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, и бунтъ науки и всеобщая тяга къ естественнымъ наукамъ... Быть можетъ, именно 60-е года и отчасти Писаревъ заставили ее избрать именно медицину, гдѣ такъ реально-ощутимо, такъ интимно-тѣсно связаны добро и наука. И въ тѣхъ письмахъ, которыя она писала долго спустя изъ Шлиссельбургской крѣпости, въ томъ огромномъ вниманіи, съ которымъ она относится тамъ къ естественно-научному образованію своихъ племянниковъ и племянницъ, видно, какимъ глубокимъ, неизгладимымъ пластомъ легла въ ея душѣ наука шестидесятыхъ годовъ.

Но не одни шестидесятые года сложили ее. У нея не было разрыва съ старымъ, подчеркиванья новаго. Ее тянетъ къ красотѣ и искусству въ его старыхъ формахъ, къ тому, чѣмъ жили люди, раньше жившіе. Она любила музыку и, черезъ годъ послѣ окончанія института, собиралась поступить въ консерваторію. Тамъ же, въ этихъ письмахъ — признаніе, что на нее имѣли огромное вліяніе романы и повѣсти, въ смыслѣ складыванія ея души, и „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена повидимому, былъ однимъ изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя не стираются жизнью.

Ея стихи, ея проза... Если вы будете вглядываться въ ея манеру письма, въ стиль и тонъ ея стиховъ,—на васъ повѣетъ далекимъ прошлымъ пушкинско-лермонтовскаго періода,—тотъ же прекрасный русскій старый языкъ, то же раздумье въ стихахъ, та же сдержанная манера чувствованія. „И мнится мнѣ“, „чредой“, „проста, любезна, сердечна“, — старые обороты пестрятъ въ стихотвореніяхъ В. Н., и отзвукъ далекихъ дней русской поэзіи слышится въ нихъ.

Поздней осенью, порою,
Такъ по лѣсу пробѣжитъ
Тихій вѣтеръ и листвою
Пожелтѣвшей зашумитъ.
Тотъ осенній вѣтеръ дальній,
Тѣ умершіе листы
Говорятъ, какъ другъ печальный,
Какъ увядшія мечты...—

пишетъ В. Н. въ 1889 году въ Шлиссельбургской крѣпости.

Были вліянія, — литературы, эпохи, быть можетъ, личныя вліянія... Но В. Н. была не изъ тѣхъ, которые легко принимаютъ окраску среды, она никогда не была глиной въ рукахъ горшечника. Въ извѣстномъ смыслѣ она сама складывала себя, сама выбирала среду, сама отыскивала и выбирала свой путь, и если людей раздѣлять на глину и горшечниковъ, — была горшечникомъ, а не глиной. Тогда, въ 71-мъ году, въ Тетюшскомъ уѣздѣ, да и во всей Россіи, не много было дѣвушекъ, которыя уѣзжали за границу учиться медицинѣ, и очень мало было женщинъ, которыя черезъ годъ послѣ брака мѣняли уютное дворянское гнѣздышко на анатомическій театръ и химическую лабораторію заграничнаго медицинскаго факультета. Она шла не по проторенному пути, а была въ первыхъ рядахъ русскихъ женщинъ, прокладывавшихъ пути будущимъ поколѣніямъ русскихъ женщинъ, закладывавшихъ фундаментъ

одного изъ немногихъ русскихъ зданій, которыми Россія вправѣ гордиться предъ Западной Европой.

Въ 1876-мъ году В. Н. возвратилась изъ-за границы революціонеркой, запасшись наукой, съ новымъ пониманіемъ „добра“. И опять-таки она сама складывала себя, сама вырабатывала формулу „добра“, которое нужно было нести, по ея мнѣнію, въ Россію. Конецъ шестидесятыхъ годовъ и начало 70-хъ было временемъ перелома русской жизни, временемъ исканія новыхъ путей, новыхъ методовъ въ жизни. Кончался періодъ непреклоннаго естествознанія и мыслящихъ реалистовъ, только что появился „Прогрессъ“ Михайловскаго. Въ 72-мъ году вышелъ 1-ый томъ „Впередъ“ Лаврова, формировался кружокъ „Чайковцевъ“ въ Петербургѣ, а съорганизовавшійся въ Женевѣ кружокъ русскихъ „вырабатывалъ хожденіе въ народъ“; не было учительства, не было сложившихся программъ, установленнаго „поведенія“. Въ періодъ строенія, въ періодъ складыванія революціоннаго движенія 70-хъ годовъ—вошла въ него Вѣра Николаевна Фигнеръ. За ней было уже шесть лѣтъ жизни внѣ стѣнъ института, замужество, нѣсколько лѣтъ научной работы,—по тѣмъ временамъ она уже не молоденькой вошла въ революціонную партію. И она вошла послѣ долгой работы мысли, сомнѣвающейся, строгой мысли, послѣ долгихъ споровъ съ Женевскимъ кружкомъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ русскихъ дѣвушекъ, судившихся потомъ въ процессѣ 50.

Ей было не легко отказаться отъ своего пониманія добра въ смыслѣ культурно-просвѣтительной работы, ей было тяжело бросить науку, которую она любила, бросить за полгода до полученія диплома врача. Но эта работа строгой мысли привела ее къ заключенію, что народное благо не будетъ достигнуто тѣми путями, которыя она намѣчала раньше, и что другое дѣло, болѣе важное, болѣе нужное, чѣмъ наука, зоветъ ее изъ лабораторіи и клиникъ швейцарскаго университета. Она такъ рѣшила, и ея рѣшеніе, какъ всѣ рѣшенія В. Н., было непоколебимо и неуклонно доведено до конца,—до приговора къ смертной казни, до 20 лѣтъ Шлиссельбургскаго заточенія.

Съ дѣтства она любила цвѣты, любила музыку... Въ институтѣ она была вѣрующая,—той сладкой вѣрою дѣтскихъ лѣтъ, которая доносится въ поэтически-грустныхъ отзвукахъ даже изъ стѣнъ Шлиссельбурга, въ воспоминаніяхъ о пасхальной ночи, въ культѣ Христа. Она любила то же самое,

она жила тѣми же чувствами, какими жили лучшія дворянскія гнѣзда пушкинско-лермонтовскаго періода. И когда я отвлекаюсь отъ условій дѣйствительности и забываю схему ея жизни, все, что было съ возврата изъ-за границы, — предо мной встаетъ поэтическій и благородный образъ русской женщины, неизвѣстно почему вылившійся въ Россіи въ такую прекрасную и оригинальную форму, — русскую женщину давнихъ временъ.

Красивый и благородный давній образъ... Ей писали въ альбомы Пушкинъ и Лермонтовъ свои посвященія, она шла съ мужемъ-декабристомъ въ сибирскіе рудники, она смотритъ на меня съ пожелтѣвшихъ листовъ писемъ людей сороковыхъ годовъ, которыя мнѣ приходилось читать въ архивѣ П. А. Бакунина. Это она встаетъ изъ повѣстей Тургенева, изъ музыки Чайковскаго...

Почему же В. Н. вышла другая? Почему ея жизнь сложилась иначе, не такъ, какъ жизнь ея матерей и бабушекъ? Только автобіографія самой Вѣры Николаевны отвѣтитъ на этотъ вопросъ, и для меня, не имѣющаго въ рукахъ никакихъ указаній самой В. Н., есть только одинъ отвѣтъ: взаимодѣйствіе условій русской жизни и личныхъ свойствъ Вѣры Николаевны сложило ея жизнь, привело ее къ тому, къ чему она пришла. Безпощадность русской дѣйствительности, жестокость, не знающая предѣловъ, русскаго правительства и неизбывность горя русскаго народа—съ одной стороны и строгая совѣсть Вѣры Николаевны, суровая логика ея мысли, не допускавшая полурѣшеній, полудѣйствованія—съ другой стороны... И то прекрасное и благородное, что лежало въ руской женщинѣ, дошедшее до своего логическаго конца,—эволюція русской женщины...

Та прежняя русская женщина была только жена. Прекрасная жена и благородный человѣкъ, — она шла за своимъ мужемъ на горе и страданія,—и туда, въ эту сторону, расходовала огромное мужество и великое самопожертвованіе. Она долго жила мечтами и не имѣла дѣла, куда могла бы вложить свои мечты. Она шла въ монастырь, какъ Лиза „Дворянскаго гнѣзда“, она искала и долго безплодно искала друга-мужа, съ которымъ могла бы идти на то великое и прекрасное, куда звали ее великія мечты, гордый умъ и строгая совѣсть. Елена изъ „Наканунѣ“ нашла только болгарина и уѣхала въ Болгарію, чтобы тамъ реализовать свои мечты, накормить голодную совѣсть, такъ какъ не было у себя дома поставлено

въ должной остротѣ дѣло борьбы за правду, такъ какъ не съ кѣмъ было идти на эту борьбу.

Вѣра Николаевна пошла одна, за свой страхъ и за свой разумъ, и она была одна изъ первыхъ, открывшихъ серію новыхъ историческихъ русскихъ женщинъ.

Мнѣ незачѣмъ повторять подробности біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ за періодъ ея революціонной дѣятельности. Онѣ достаточно извѣстны изъ ея собственныхъ показаній, отрывковъ „обвинительнаго акта“ и появлявшихся въ печати неполныхъ отрывочныхъ замѣтокъ другихъ дѣятелей революціоннаго движенія. А то, что не опубликовано, можетъ опубликовать только сама В. Н. Но есть тутъ другая трудность: ея біографіи за этотъ періодъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ біографія партіи „Народной Воли“; подробности ея біографіи, факты ея жизни за этотъ періодъ есть подробности, факты жизни партіи „Народной Воли“ въ цѣломъ, и, слѣдовательно, развернуть картину ея жизни за періодъ съ 1875 по 83-ій годъ— значитъ развернуть картину всего революціоннаго движенія 70-хъ гг., и только подъ этимъ общимъ освѣщеніемъ получитъ должное освѣщеніе духовная и фактическая эволюція В. Н.

Въ этомъ, конечно, лежитъ огромный общественный интересъ ея біографіи, но задача эта слишкомъ велика для меня, и не въ короткой замѣткѣ рѣшать ее. Тѣмъ не менѣе, я не могу не коснуться, хотя бы въ общихъ чертахъ, этой стороны біографіи В. Н.

Быть можетъ, никто изъ дѣятелей революціоннаго движенія 70-хъ гг. такъ не сплеталъ свою судьбу съ начала и до конца съ судьбой партіи; никто такъ не характеренъ для общей картины движенія, съ начала и до конца, какъ Вѣра Николаевна Фигнеръ. И въ этомъ индивидуальная особенность ея личности, какъ революціоннаго дѣятеля, въ этомъ—и личный, и общественный интересъ ея біографіи. В. Н. продѣлала на себѣ всю ту эволюцію, которую пережила партія. У нея былъ также періодъ расплывчатаго революціонизма, идиллическаго хожденія въ народъ, сводившагося въ значительной мѣрѣ къ культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Она вернулась въ Россію для революціи, но не для террора. У ней явилась другая цѣль, чѣмъ раньше, иная задача — добиться „передачи всей земли въ руки крестьянской общины“, но пути дѣятельности остались, въ сущности, тѣ же, какіе она намѣтила для себя, уѣзжая за границу. Она сдала фельдшерскій экзаменъ и поступила въ земство фельдшерицей. Она

лѣчила тамъ, учила дѣтей, просвѣщала крестьянъ. „Я не подверглась бы никакому преслѣдованію нигдѣ кромѣ Россіи, и даже считалась бы небезполезнымъ членомъ общества“,—говорила она на судѣ.

Легальная дѣятельность въ деревнѣ оказалась невозможной. „Въ очень скоромъ времени противъ меня составилась цѣлая лига, во главѣ которой стояли предводитель дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ: урядникъ, писарь и т. д.“. „Вокругъ меня образовалась полицейско-шпіонская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы прійти ко мнѣ въ домъ. Вотъ эти-то обстоятельства и привели меня къ вопросу—что я могу сдѣлать при данныхъ условіяхъ?“ Оказалось, что старыми путями идти нельзя, оказалось при томъ, что это не личная судьба В. Н., и что въ ту же стѣну уперлись, къ тому же вопросу пришли и другіе работавшіе, какъ и она, въ деревнѣ. И только это, „только горькая необходимость заставила меня отказаться отъ первоначальнаго взгляда и вступить на другой путь“. „Моя предыдущая жизнь,—говоритъ она дальше,—привела меня къ тому убѣжденію, что единственный путь, которымъ данный порядокъ можетъ быть измѣненъ, есть путь насильственный“. „Разъ принявши это положеніе, я уже пошла этимъ путемъ до конца. Я всегда требовала отъ личности,—какъ отъ другихъ, такъ, конечно, и отъ себя,—послѣдовательности и согласія слова съ дѣломъ“... Мнѣ слѣдовало бы, собственно, не дѣлать выписокъ, а привести цѣликомъ эту замѣчательную рѣчь В. Н. на судѣ, такъ какъ она необыкновенно ярко и логично развертываетъ эволюцію В. Н.

Медленно, раздумчиво, съ размышленіемъ и сомнѣніями, пришла она, подъ давленіемъ непреклонной логики русской жизни, къ негнущейся, непреклонной тактикѣ, методу дѣйствій второй половины движенія 70-хъ гг., какъ пришла, при ея непрерывающемся разностороннемъ участіи, вся партія. При ея разностороннемъ,—правильнѣе сказать—всестороннемъ участіи...

Она принимала участіе въ теоретической работѣ партіи, въ выработкѣ программъ, самого направленія, въ знаменитомъ раздѣлѣ „Земли и Воли“ на „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“, въ Воронежскомъ и другихъ съѣздахъ, и она же принимала участіе въ проведеніи въ жизнь новыхъ методовъ дѣйствованія, вытекавшихъ изъ теоретическихъ перестроекъ, изъ постановленій съѣзда. Она заводила обширный кругъ знакомствъ, въ которомъ фигурировали представители

всѣхъ классовъ общества, начиная отъ профессора и генерала, помѣщика и студента, врача и чиновника до рабочаго и швеи, и вездѣ, гдѣ могла, проводила революціонныя идеи и защищала образъ дѣйствія партіи „Народной Воли“, и она же перевозила динамитъ, устраивала лабораторію въ своей квартирѣ, сама начиняла бомбы и таскала мѣшки съ землей для того, чтобы скрыть слѣды подкопа, оказавшагося ненужнымъ. И когда Исполнительный Комитетъ настаивалъ, чтобы она специализировалась въ области пропаганды въ „обширномъ кругѣ знакомствъ“, она отчаянно защищалась и упорно настаивала на своемъ правѣ таскать мѣшки и начинять бомбы. „Я хотѣла и требовала себѣ другой роли“ (помимо пропаганды),—говорила она въ своей рѣчи на судѣ,—„я не могла бы съ спокойной совѣстью предлагать другимъ участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бъ сама не участвовала въ нихъ.“

Трудно расцѣнивать роли отдѣльныхъ личностей въ революціонномъ движеніи 70-хъ гг. Оно не было заговоромъ, и въ немъ не было, какъ въ заговорѣ, центральной фигуры, къ которой все стягивалось и отъ которой все исходило, но, несомнѣнно, В. Н. дѣлалась центромъ тамъ, гдѣ она работала. И были особенныя причины, лежавшія въ личности В. Н., почему такъ выходило. Какъ особенность личной біографіи В. Н., нужно отмѣтить, что она медленно, съ размышленіемъ и сомнѣніемъ, подходила къ тому или другому пути своей жизни, и уже не сходила съ него, доходила до конца этого пути, разъ вступала на него. Но не въ этомъ, не въ „послѣдовательности и согласіи слова съ дѣломъ“, не въ глубокой, размышляющей мысли и не въ непреклонной волѣ, съ которою проводились въ жизнь результаты этого размышленія, по крайней мѣрѣ, не въ нихъ однихъ найдемъ мы объясненіе той роли, которую играла В. Н. въ партіи. Въ ней было обаяніе. То обаяніе, та власть человѣка надъ человѣкомъ, которыя не даются ни размышленіемъ, ни волей, которыя такъ-же независимы отъ программы, отъ самого человѣка, какъ его глаза, какъ тембръ его голоса. Чтобы собирать кругомъ себя генерала и помѣщика, рабочаго и швею, чтобы имѣть то непреодолимое вліяніе на литераторовъ и офицеровъ, на молодежь и умудренныхъ опытомъ либераловъ, противъ котораго у людей не было силъ бороться, нужно было имѣть нѣчто исключительно индивидуальное, обаятельное. Я не буду приводить примѣры изъ дѣятельности В. Н.—ихъ много, и нѣкоторые попали въ печать (хотя бы случай съ адвокатомъ Самарскимъ-Буховцемъ, приво-

димый въ воспоминаніяхъ Михайловскаго), — я отмѣчу лишь фразу самого Михайловскаго: „...Но ни о комъ изъ нихъ не вспоминаю я съ такимъ благоговѣніемъ, какъ о Вѣрѣ Фигнеръ“. Нужно хорошо знать Н. К. Михайловскаго, его сдержанность и, такъ сказать, застегнутость, его аскетизмъ въ эпитетахъ и скупость въ похвалахъ, чтобы понять и въ должной мѣрѣ оцѣнить его „благоговѣніе“.

* * *

Быть можетъ, на этомъ мнѣ нужно было бы поставить точку, на судѣ, на захлопнувшейся двери тюрьмы. Случайно смертный приговоръ не приведенъ былъ въ исполненіе. За напряженной „вольной“ жизнью послѣдовало слишкомъ 20 лѣтъ Шлиссельбургскаго безмолвія.

Но тамъ, за стѣнами Шлиссельбургской крѣпости, продолжалась жизнь, долгихъ 20 лѣтъ жизни,—тамъ тоже была біографія. У меня мало матеріаловъ для этой біографіи, и, чтобы говорить о ней, мнѣ нужно отправляться отъ того, что дала біографія вольнаго человѣка, къ тому скудному и тяжкотрудному, что есть въ стихахъ Вѣры Николаевны, въ ея воспоминаніяхъ о Л. А. Волкенштейнъ, личныхъ разсказахъ и отрывочныхъ воспоминаніяхъ другихъ шлиссельбуржцевъ... И, прежде всего, нужно исходить изъ психологіи В. Н., поскольку она вырисовалась въ предыдущей дѣятельности и въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ, неуполномоченному человѣку, дозволительно касаться ея...

Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій обронилъ фразу: „никакихъ спеціальныхъ дарованій у нея не было“. Я понимаю эту мысль, но ей нужно дать расширенное толкованіе. Когда мы встрѣчаемся съ человѣкомъ, намъ бросаются въ глаза прежде всего индивидуальныя черты, углы личности, и невольно, по инстинктивному стремленію выдѣлить даннаго человѣка изъ ряда другихъ людей, мы инстинктивно прежде всего ищемъ какую-нибудь индивидуальную яркую сторону, какой-нибудь центральный пунктъ, который могъ бы объяснить намъ человѣка, къ которому можно было бы свести данную индивидуальность. Такихъ угловъ, такихъ спеціальныхъ удлиненій отдѣльныхъ чертъ не было въ В. Н. Если можно говорить о гармоніи человѣческой индивидуальности, гдѣ все на своемъ мѣстѣ, и ничто не выдвигается въ удлиненную линію, то это нужно сказать именно о В. Н. Въ мѣру должнаго соотношенія зале-

гали въ ней мысль и чувство, вѣра и сомнѣніе, любовь и гнѣвъ, размышленіе и дѣйствованіе, слово и дѣло. Въ массѣ людей такая гармонія создаетъ средняго обывателя, сѣраго человѣка; когда же все это отпущено человѣку въ большомъ размѣрѣ,— получается большой, очень большой человѣкъ, получается та великая гармонія, изъ которой вытекаетъ великая красота человѣка. И великая мука для него... Мука изъ отсутствія спеціальныхъ удлиненныхъ линій, будетъ ли то мысль, которая способна обуздать чувство и подсказать ему должную формулу успокоенія, будетъ ли то удлиненное чувство безраздѣльной вѣры, съ которою тепло человѣку на свѣтѣ... Въ многосложной душѣ—„много мѣстъ... больныхъ“, и рядомъ съ аккордами, полными звуковъ живыхъ, диссонансы раздаются...

Быть можетъ, изъ тяжелыхъ наслѣдій человѣка самое тяжелое—размышленіе и связанное съ нимъ сомнѣніе. И, чѣмъ крупнѣе умъ, тѣмъ тяжелѣе и глубже размышленіе... И у кого полнота души, у того и полнота муки...

Вѣра Николаевна Фигнеръ вошла въ тюрьму въ 1883 году, когда партія „Народной Воли“ была разгромлена, правительство вѣшало и разстрѣливало, общество бездѣйствовало, народъ молчалъ, и когда поднималось, могло подняться „сомнѣніе“.

«Вошла съ расшатанной душой
Я въ эти сумрачныя стѣны,
И прогремѣлъ въ ушахъ, вслѣдъ за мной,
Гулъ торжествующей измѣны...
Сюда съ собой я принесла
Тяжелыхъ дней воспоминанья,
Но здѣсь всю горечь испила
Безмолвной муки и страданья».

Такъ пишетъ о себѣ В. Н. въ своемъ воистину трагическомъ стихотвореніи (стр. 35), которое мнѣ больно приводить цѣликомъ.

Измученная тяжкой, напряженной революціонной дѣятельностью, долгой непереносной конспиративной жизнью, подъ вѣчной угрозой сыска, съ „разоренной душой“,—вошла она въ сумрачныя стѣны тюрьмы, и за нею остались „гулъ торжествующей измѣны“ и „тяжелыхъ дней воспоминанья“.

«И все, что въ глубинѣ души,
На самомъ днѣ ея таилось,
Среди таинственной тиши
Грозою страстной разразилось...—

пишетъ В. Н. въ томъ же стихотвореніи. „Страстная гроза“

находитъ исходъ въ томъ, о чемъ говоритъ слѣдующее стихотвореніе:

«На помощь, какъ другъ, къ намъ приходитъ судьба,
Въ тюрьмѣ предлагая покой одинокій.
Съ умомъ утомленнымъ, съ душою больной,
Въ живую могилу мы сходимъ
И полный поэзіи миръ и покой
Въ стѣнахъ молчаливыхъ находимъ»...

Но „тяжелыхъ дней воспоминанья“ не уходятъ изъ души, и „страстная гроза“ время-отъ-времени просыпается, и глубокимъ трагизмомъ звучитъ огромный по вложенному въ него психологическому содержанію, достойный стать рядомъ съ величайшими изреченіями человѣка и получающій особенно зловѣщее освѣщеніе въ темныхъ нѣдрахъ Шлиссельбургской крѣпости, тезисъ, крикомъ вырвавшійся изъ этого предпослѣдняго стихотворенія:

«Для сердца людского родъ мукъ измѣнить—
Нерѣдко предѣлъ всѣхъ мечтаній!»

Подробности жизни узниковъ Шлиссельбургской крѣпости достаточно извѣстны. Я не буду говорить о разнообразныхъ методахъ мучительства, на которые было такъ богато мыслью правительство, и которые примѣнялись по отношенію къ заключеннымъ, — они извѣстны; и, если дѣлать характеристику, я остановился бы на подробности, на мелочи, такъ какъ мелочи, изъ которыхъ складывается жизнь, быть можетъ, наиболѣе характеризуютъ ее: два года В. Н. не давали гребенки причесываться...

Тамъ была жизнь, большая жизнь. Тамъ умирали люди, и живые люди слушали, прислушивались, какъ стонетъ и послѣднимъ кашлемъ кашляетъ умирающій человѣкъ. Тамъ наглые люди нагло оскорбляли безоружныхъ, беззащитныхъ людей; тамъ люди сжигали себя. Туда привозили людей съ воли затѣмъ, чтобы повѣсить въ стѣнахъ крѣпости и тайкомъ сравнять съ землей безвѣстныя могилы. Тамъ была жизнь, были и радости, увлеченія. Блѣдный лучъ солнца заглядывалъ порой и въ темныя стѣны живой могилы; не очень много и не слишкомъ часто, но и жители шлиссельбургской тюрьмы испытывали „пріятныя волненія, которыя возникаютъ при видѣ такихъ ординарныхъ вещей, какъ облако или голубое небо (Восп. М. В. Новорусскаго)“. Расцвѣтали цвѣты на грядкахъ,—простенькіе цвѣточки Фроленка, горѣлъ махровый макъ Полива-

нова. Тамъ росли настоящіе зеленые овощи, настоящая рѣпа, морковь и капуста, крыжовникъ и малина, тамъ росъ конспиративный табакъ, и люди увлекались табачною фабрикой и винокуреннымъ заводомъ, разводили цыплятъ и куръ. Была химія, была математика, была астрономія, были лекціи, иллюзія науки... И со страницъ старыхъ журналовъ изрѣдка заглядывала блѣдная русская жизнь въ темную тюрьму.

Было много дѣлъ и у В. Н. Она сама столярничала, дѣлала шкафы, столы и табуретки, точила на токарномъ станкѣ, переплетала книги, занималась ажурными работами по дереву, рисовала, выучилась шить башмаки, составляла коллекціи, сдѣлала жестяной кофейникъ, соломенную шляпу, которою очень гордился получившій ее узникъ-товарищъ. Читала много и, какъ прежде, интересовалась беллетристикой, естественными науками и философскимъ синтезомъ человѣческаго знанія, переводила съ англійскаго Киплинга и два раза въ годъ получала письма и писала письма, — сестрамъ, братьямъ, дѣтямъ сестеръ и братьевъ и въ особенности матери, которую она нѣжно и трепетно любила, о которой думала и тревожилась триста шестьдесятъ пять дней въ году. И выращивала „спротъ“ ласточекъ, гнѣзда которыхъ лѣтнія бури сбрасывали съ карнизовъ тюрьмы. Ласточки были умныя и ласковыя. Онѣ бѣгали за В. Н. по камерѣ, какъ собачки, онѣ влѣзали ей на колѣни, и случалось, когда В. Н. лежала на кровати съ книгой, неожиданно ласточка появлялась на груди ея, и писк и щебетанье, словно младенческіе крики, поднимались въ камерѣ въ четыре часа утра, когда просыпались ласточки. А потомъ В. Н. выпускала ласточекъ на свободу... А сама оставалась одна, въ неволѣ, за стѣнами тюрьмы...

Да, ласточки, книги, два письма въ годъ, жестяной кофейникъ, двѣ грядки въ огородѣ, „полный поэзіи миръ и покой“... Но М. Ю. Ашенбреннеръ пишетъ: „цвѣты, птицы, шахматы, торты и огороды, въ сущности, намъ не были нужны. Намъ нужна была свобода“...

Имъ нужна была свобода,—всѣ облака, все голубое небо, все солнце; имъ нужны были дорогіе близкіе люди, имъ нужно было не томиться отъ неизвѣстности о томъ, что дѣлается на волѣ, какая судьба постигла дѣло, на которое они положили свою жизнь. Иногда нужна была свобода и для того, чтобы быть одному,—у кого развивался „вкусъ къ одиночеству“, кто усиленно стремился создать себѣ „полный поэзіи миръ и покой“.

Къ ней, одинокой узницѣ, которая на волѣ была центромъ,

чье желаніе „для многихъ было закономъ (Ашенбр.), тянулись люди, друзья, товарищи съ своими радостями и бурными протестами“... Энергичная, отважная, самоотверженная, пишетъ тотъ же М. Ю. Ашенбренеръ, — она всегда была впереди; и не удивительно, что въ большихъ и малыхъ дѣлахъ всѣ взоры невольно обращались къ ней, ожидая отъ нея слова, знака или примѣра“. А сама В. Н. пишетъ въ воспоминаніяхъ о Л. А. Волкенштейнъ, что у нея бывали настроенія, когда она „прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ“... Не всегда человѣку удается родъ мукъ измѣнить, и свобода одиночества иногда трудно добывается въ тюрьмѣ.

В. Н. оставалась все та же въ тюрьмѣ, какъ и на волѣ, съ своимъ глубокимъ размышленіемъ, медленнымъ рѣшеніемъ и непреклонной волей, доводившей рѣшеніе до конца.

Она долго не соглашалась на уговоры Л. А. Волкенштейнъ протестовать путемъ отказа отъ прогулокъ въ пользу товарищей, лишенныхъ ихъ, отказывалась на серьезныхъ основаніяхъ. Но, когда рѣшила, она до конца довела свое рѣшеніе, и хотя потомъ „все спуталось и смѣшалось“, полтора года лишала себя, по ея признанію, самаго дорогого и радостнаго,— свиданія съ Л. А. Волкенштейнъ, которая была свѣтлымъ ангеломъ Шлиссельбургской тюрьмы, которая была для В. Н. „утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ“.

Не во внѣшнихъ мучительствахъ и издѣвательствахъ и не въ одной тяжести Шлиссельбургской неволи была мука В. Н. Она лежала внутри ея, въ ней самой, въ ея вѣчномъ размышленіи, въ тяжелыхъ воспоминаніяхъ о томъ, что составляло все содержаніе ея жизни, ея вѣру, ея мысли.

Такъ описываетъ она свое Шлиссельбургское настроеніе въ письмѣ къ Архангельскимъ ссыльнымъ. Она говоритъ о солдатѣ изъ картины Верещагина „На Шипкѣ“: „Смѣна не приходитъ... и не придетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, вьется и понемногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ-подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца. Такъ жили мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспоминанія, которыя тускнѣли и стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣлись, изживали свою жизнь—а смѣны все не было и не было!“

Она была увѣрена, что все кончено, что изъ сугробовъ Шлиссельбургской тюрьмы нѣтъ выхода, и что смѣна не придетъ. Это было долго (двадцать лѣтъ), такъ долго и такъ было трудно примиреніе и добытое тяжкими жертвами спокойствіе, что, когда смѣна пришла, — не чувство радости, не восторгъ предъ свободой проснулись въ заморенной душѣ, а страшная боль, какъ отъ вскрывшихся ранъ, какъ та жестокая, невыносимая боль, которую испытываютъ замерзшіе люди, когда ихъ приводятъ къ жизни...

...„И вдругъ! опять ударъ въ замкнутую дверь“,—пишетъ она П. Ф. Якубовичу. „Ахъ, П. Ф., когда человѣкъ уже рѣшилъ, что все кончено, и примирился съ этимъ, отказался жить, то быть вновь разбуженнымъ крикомъ „живи!“—это цѣлая трагедія, мука, отъ которой даже и сейчасъ я не могу освободиться“...

У меня почти нѣтъ личныхъ воспоминаній о Вѣрѣ Николаевнѣ—я мало знакомъ былъ съ ней. Я помню ее въ 76 году: вскорѣ послѣ возвращенія своего изъ-за границы, она заходила ко мнѣ не надолго по дѣлу. Мелькомъ видѣлъ ее еще разъ въ ту же зиму. И у меня не осталось въ памяти ни словъ, ни жестовъ, ни тембра голоса,—ярко осталось только жизнерадостное, свѣтлое, озаренное лицо. Оно такъ выдѣлилось изъ другихъ лицъ и осталось такъ ярко у меня, что я и теперь узналъ бы въ толпѣ, на улицѣ, то лицо 76-го года... А потомъ я знаю другое лицо, которое знаютъ всѣ,—лицо 83-го года въ Петербургской тюрьмѣ, передъ судомъ... И я долго и упорно смотрю на эти опущенные углы рта, строгіе глаза и сурово сложенный лобъ, на это потемнѣвшее лицо съ трагическимъ отблескомъ, стараюсь вспомнить то свѣтлое, озаренное прекрасное лицо — и мнѣ трудно вспомнить его. Мнѣ кажется, цѣлая пропасть легла между этими двумя лицами, и что въ этомъ вся біографія Вѣры Николаевны. И это прекрасное другой трагической красотой лицо кажется мнѣ символомъ. Въ этихъ двухъ лицахъ — все движеніе 70-хъ годовъ.

С. Елпатьевскій.

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

30-го сентября 1904 года всѣ немногочисленные уже обитатели Шлиссельбургской тюрьмы переживали минуты тревоги и волненія. Весь обычный обиходъ тюремной жизни, налаженный уже годами, нарушался событіемъ совершенно исключительнымъ, вызывавшимъ у всѣхъ сложное чувство радости и въ то же время печали. Въ этотъ день изъ Шлиссельбургской крѣпости увозили на поселеніе, послѣ 22-лѣтняго заключенія, дорогого и любимаго ихъ товарища, Вѣру Николаевну Фигнеръ, увозили неизвѣстно куда и неизвѣстно на что.

До тѣхъ поръ почти всѣ, выбывавшіе изъ Шлиссельбурга, водворялись въ самыхъ глухихъ и страшныхъ мѣстахъ Сибири—въ отдаленнѣйшихъ городахъ Якутской области и на Сахалинѣ, попадая такимъ образомъ, какъ говорится, изъ огня да въ полымя. Такая же участь могла ожидать и Вѣру Николаевну. Тѣмъ не менѣе, и это было для нея, какъ и для всякаго шлиссельбуржца, громаднымъ шагомъ впередъ, являясь тѣмъ неизбѣжнымъ этапомъ, черезъ который необходимо было пройти всякому, чтобы воскреснуть къ жизни изъ глухой постылой могилы. Все же для товарищей, провожавшихъ Вѣру Николаевну, чувство радости, вызываемое ея освобожденіемъ, отравлялось мыслью о разлукѣ съ нею,—разлукѣ, можетъ быть, навсегда.

Въ небольшой кучкѣ людей (оставалось ихъ всего 10 человѣкъ), совершенно отрѣзанныхъ отъ всего живого, появлялась громадная брешь, ощущалась такая пустота, которую ничѣмъ нельзя было заполнить, ощущалась тѣмъ болѣзненнѣе и сильнѣе, что въ теченіе многихъ лѣтъ В. Н. являлась тѣмъ естественнымъ центромъ тюремнаго житья-бытья, около котораго

привычно группировались остальные ея товарищи. И невольно вмѣстѣ съ радостью тоскливое чувство щемило ихъ сердца. То же смутное двойственное чувство переживала и сама уѣзжавшая. Перспектива близкой, столь желанной, хотя бы даже только полусвободы омрачалась и для нея мыслью о покидаемыхъ товарищахъ, съ которыми была прожита чуть не половина жизни,—о товарищахъ, связанныхъ съ нею не только тѣсными узами привязанности и дружбы, но и общностью пережитыхъ вмѣстѣ страданій и горя, т.-е. именно тѣмъ, что всегда наиболѣе прочно и близко связываетъ людей. Было и еще нѣчто, что̀ бросало мрачную тѣнь на грядущее будущее. Вставалъ тревожный вопросъ: сможетъ ли, сумѣетъ ли она, привыкшая за долгіе годы къ своеобразной тюремно-тепличной обстановкѣ, войти въ курсъ новой и во многомъ измѣнившейся жизни; сможетъ ли, способна ли она понять это „новое“ и съ прежнею чуткостью отозваться на запросы и задачи осложнившейся и далеко ушедшей впередъ жизни.

Налицо были примѣры трудности такого приспособленія: трое изъ освобожденныхъ шлиссельбуржцевъ, оставивъ за собой тюремныя стѣны и переживъ все, какъ казалось, самое ужасное, покончили съ собой, оказавшись не въ силахъ разрѣшить эту нелегкую задачу...

Эти мысли и тревожное ожиданіе нарушали цѣльность радостнаго настроенія, которое такъ естественно было бы предположить у человѣка, выходящаго на свѣтъ Божій послѣ 22-лѣтняго заключенія.

Помнится мнѣ, какъ расплакалась Вѣра Николаевна въ самый день своего отъѣзда, прочитавъ нѣсколько риѳмованныхъ строкъ, написанныхъ ей на прощаніе однимъ изъ товарищей. Привожу ихъ здѣсь не въ качествѣ поэтическаго произведенія, а лишь потому, что, по словамъ самой Вѣры Николаевны, они вѣрно передавали ея чувство и настроеніе.

«Что тебѣ сказать мнѣ на прощанье?
Міръ живой открылся предъ тобой...
Новизна, тревога ожиданья
Поднимаютъ смутныхъ мыслей рой.
Позади остались башни, стѣны,
Горизонтъ широкій манитъ вдаль,
Приближенье жизни перемѣны
Будитъ въ сердцѣ радость и печаль.
Годъ за годомъ гнетъ тюрьмы жестокій
Рвалъ всѣ связи, разбивалъ мечты,
И теперь, какъ путникъ одинокій,

На порогѣ жизни стала ты.
Жизнь впередъ ушла... Все измѣнилось;
Мы же знали только мракъ тюрьмы.
И боязнь въ душѣ зашевелилась,
Что отъ жизни ужъ отстали мы.
Но не бойся, жизнь тебя захватитъ,
Овладѣетъ мыслью и душой
И сторицею тебѣ заплатитъ
За тюремный мертвенный покой.
Кто, какъ ты, привыкъ въ тюрьмѣ суровой
Лишь въ трудѣ забвенье находить,
Для того всегда есть путь готовый
Свѣтъ и счастье въ жизнь людей вносить.»

Не легко, конечно, связать двѣ порванныя нити жизни и перешагнуть черезъ тотъ провалъ, какимъ являлось для Вѣры Николаевны шлиссельбургское заточеніе. Впрочемъ, заботливое начальство, поселивъ ее послѣ 22-лѣтняго заключенія около береговъ Бѣлаго моря, сдѣлало съ своей стороны все, чтобы изолировать ее отъ всякихъ жизненныхъ вѣяній, и только съ трудомъ удалось ей впослѣдствіи выбраться изъ этихъ дикихъ мѣстъ.

Вѣра Николаевна Фигнеръ родилась 24-го іюня 1852 года въ тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губ. въ имѣніи „Никифоровка“, принадлежавшемъ ея матери. Семья Фигнеръ, въ числѣ предковъ которой числится извѣстный партизанъ 1812 г., состояла изъ 8 человѣкъ дѣтей. Двое изъ нихъ умерли маленькими, а изъ оставшихся 4 сестеръ и двухъ братьевъ В. Н. была старшею. Странное совпаденіе: ея отецъ, также какъ и отецъ другой Шлиссельбургской узницы, Л. А. Волкенштейнъ, занималъ мѣсто казеннаго лѣсничаго. Раннее дѣтство В. Н. прошло въ суровой семейной школѣ. Мать, очень рано вышедшая замужъ, была женщина кроткая, любящая, но безгласная, нашедшая въ лицѣ мужа суроваго главу и повелителя, которому она и покорялась безпрекословно почти до самой его смерти. Это былъ человѣкъ вспыльчивый и суровый, деспотическій характеръ котораго ложился тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ окружающихъ. Для семьи его слово должно было быть, и на самомъ дѣлѣ всегда было, безаппеляціоннымъ закономъ, а безпрекословное подчиненіе его волѣ—девизомъ, предъ которымъ все преклонялось. Повинуясь этой волѣ, мать не смѣла даже ласкать и баловать своихъ дѣтей, не смѣла вступаться за нихъ и защищать ихъ отъ частыхъ вспышекъ отцовскаго гнѣва.

Въ этомъ режимѣ все было предусмотрѣно и соблюдалось неукоснительно. Дѣти должны были вставать и ложиться въ разъ навсегда установленное время, одѣваться и причесываться по формѣ, оффиціально здороваться и прощаться съ родителями, креститься и благодарить послѣ всякаго пріема пищи, не разговаривать во время ѣды, съѣдать все, что даютъ, безъ остатка, хотя бы и съ отвращеніемъ, довольствоваться простой пищей, чтобы не изнѣживать желудка, никогда ничего не просить, не брать и не трогать безъ спроса, въ особенности отцовскихъ вещей; терпѣливо переносить холодъ и всякія лишенія и т. д. Всякое нарушеніе этихъ правилъ влекло за собой суровыя, даже жестокія наказанія, причемъ нерѣдко отецъ пускалъ въ ходъ ременную плетку о трехъ концахъ, всегда висѣвшую на-готовѣ въ его кабинетѣ. Даже такіе неизбѣжные инциденты дѣтской жизни, какъ паденіе и ушибъ, неосторожное обращеніе съ огнемъ или обжогъ кипяткомъ влекли за собой наказаніе, какъ бы въ дополненіе того, что уже претерпѣлъ ребенокъ. Впрочемъ, физическія наказанія доставались преимущественно на долю мальчиковъ. Дѣвочекъ отецъ не билъ послѣ того, какъ однажды чуть не искалѣчилъ 6-лѣтнюю Вѣрочку за капризъ въ бурю при переѣздѣ на паромѣ черезъ Волгу. Но и отъ этого было не легче. Дѣти, въ концѣ концовъ, не только боялись отца пуще огня, но положительно трепетали передъ нимъ, боясь больше всякаго физическаго наказанія одного его холоднаго, пронизывающаго взгляда, отъ котораго ничто не ускользало. Да о томъ, чтобы скрыть отъ отца какую-нибудь дѣтскую вину или шалость, не могло быть и рѣчи. Отъ дѣтей требовалась строжайшая правдивость и собственное признаніе въ своей винѣ. Сама мать служила примѣромъ этой правдивости: любящая и кроткая, она не утаивала отъ отца ни одного дѣтскаго проступка, зная всѣ послѣдствія его гнѣва, которымъ она ихъ подвергаетъ. Въ этой мрачной, тяжелой обстановкѣ ранняго дѣтства слагался характеръ дѣвочки, превратившейся впослѣдствіи не только въ революціонерку, но и въ одну изъ самыхъ выдающихся, энергичныхъ борцовъ русскаго освободительнаго движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ. Интересно было бы прослѣдить и выяснить, въ силу какихъ условій и подъ чьимъ вліяніемъ слагался этотъ исключительный во многихъ отношеніяхъ психологическій типъ женщины-революціонерки, но объ этомъ приходится пока дѣлать только гадательныя предположенія. Все же можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что

при наличности врожденнаго темперамента суровая обстановка ранняго дѣтства съ его военно-казарменнымъ режимомъ и прямолинейностью практиковавшейся системы воспитанія, оказала свое вліяніе на развитіе дѣтскаго характера. Нѣкоторыя чисто женскія черты его какъ бы стирались, дополняясь и осложняясь другими, свойственными по общепринятому мнѣнію преимущественно мужчинѣ. Рельефными чертами выступаютъ въ характерѣ В. Н. такія черты, какъ выдающаяся энергія и настойчивость въ достиженіи того, что признано необходимымъ. Непреклонная рѣшимость въ важныхъ принципіальныхъ вопросахъ, доходящая порой до суровости. Что касается боязни колебаній или сожалѣнія о томъ, чего нельзя измѣнить — эти чувства остались навсегда чуждыми ея натурѣ, и разъ принятое рѣшеніе или начатое дѣло неизмѣнно доводилось ею до конца.

„Сидя въ предварительномъ заключеніи,—говорила В. Н. въ своей рѣчи на судѣ,—я часто думала, могла ли моя жизнь идти иначе, и могла ли она кончиться чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ скамьи подсудимыхъ; и каждый разъ я отвѣчала себѣ: нѣтъ". Передъ нами налицо сильная воля, доминирующая надъ другими душевными свойствами, особенно въ принципіальныхъ вопросахъ, и полное соотвѣтствіе слова съ дѣломъ. Эта воля можетъ только или подчиниться другой, еще болѣе сильной, или подчинять себѣ другихъ, деспотически, порою немного по-женски, но при этомъ въ такой формѣ, при которой подчиненіе не тяготитъ, а является добровольнымъ и естественнымъ. Послѣднее объясняется, конечно, и другими богатыми внутренними и внѣшними данными, въ которыхъ не отказывалъ Вѣрѣ Николаевнѣ даже ея заклятый врагъ—русское правительство. „Гибкій и блестящій умъ ея въ соединеніи съ красивой внѣшностью, чисто женская способность очаровывать людей съ перваго взгляда, съ перваго слова, умѣнье незамѣтно приводить ихъ къ признанію своей идеи — все это производило такое впечатлѣніе, что не разъ одинъ часъ разговора съ нею встряхивалъ человѣка и выводилъ его на другую дорогу".

Къ счастью, среди людей, окружавшихъ Вѣру Николаевну въ раннемъ дѣтствѣ, кромѣ выпуклой, грозной фигуры отца, наводившаго ужасъ на дѣтей, и любящей, но безгласной и совершенно подавленной авторитетомъ мужа матери, находился человѣкъ, присутствіе и вліяніе котораго до извѣстной степени смягчало сурово-казарменную атмосферу родительскаго дома. Этимъ человѣкомъ была старуха няня, образъ которой

навсегда остался для В. Н. свѣтлымъ воспоминаніемъ ея дѣтства, — та типичная крѣпостная няня русскихъ дворянскихъ семей стараго времени, для художественнаго воспроизведенія которой слѣдовало бы, по всей справедливости, отвести особое мѣсто въ русской литературѣ. Сколько добрыхъ чувствъ пробуждали въ сердцахъ своихъ питомцевъ эти простыя русскія женщины, сколько радостей, ласки и тепла вносили онѣ въ ихъ жизнь, дополняя, какъ бы по наитію свыше, многіе недочеты домашняго воспитанія и корректируя своимъ вліяніемъ обычную ненормальность семейной обстановки помѣщичьихъ гнѣздъ стараго крѣпостного времени.

Въ семьѣ Фигнеръ няня пользовалась исключительнымъ привилегированнымъ положеніемъ, особымъ почетомъ и уваженіемъ. Шестилѣтней дѣвочкой она была взята въ барскій домъ къ дѣдушкѣ Вѣры Николаевны въ качествѣ подруги его дѣтскихъ игръ, вмѣстѣ съ нимъ выросла, вынянчила затѣмъ всѣхъ его дѣтей, въ томъ числѣ и мать Вѣры Николаевны, а теперь ростила и холила 3-ье поколѣніе Фигнеръ.

Бодрая и живая, несмотря на свои 70 слишкомъ лѣтъ, всегда занятая всевозможными хлопотами и работами по хозяйству, она являлась для дѣтей тѣмъ единственнымъ въ домѣ существомъ, съ которымъ они чувствовали себя легко и свободно. „Среди убійственной атмосферы казармы и бездушія, — говоритъ Вѣра Николаевна въ своемъ разсказѣ „Моя Няня“ (XIV Сборникъ „Знанія“), — единственной свѣтлой точкой, одной отрадой и утѣшеніемъ была няня. Внѣ ея не было ни свободы, ни признанія личности въ ребенкѣ, какъ будущемъ человѣкѣ, ни пониманія дѣтскаго характера, дѣтскихъ потребностей... ни малѣйшаго снисхожденія къ дѣтскимъ слабостямъ... одна безпощадность и плеть... Только въ комнатѣ няни, куда отецъ никогда не заходилъ, только съ ней одной чувствовали мы себя самими собой: людьми, дѣтьми и даже господами, и притомъ любимыми, балованными дѣтьми господскими. Это былъ своего рода храмъ —у бѣжище, гдѣ униженный и оскорбленный могъ отдохнуть душой. Здѣсь можно было излить всѣ свои дѣтскія горести и обиды, найти ласку и сочувствіе... зарывшись въ няшины колѣни, выплакать горе и осушить слезы ея поцѣлуями... Добрая душа! какъ бы мы безъ нея жили!? Это былъ цѣлый міръ теплоты и нѣжности, непринужденной веселости, любви и преданности... И какъ подумаешь, что эта привязанность и нѣжная отзывчивость изливалась въ теченіе мно-

гихъ и многихъ лѣтъ не на одно, а на цѣлыя три поколѣнія,—невольно останавливаешься съ благоговѣніемъ."

Старая няня, какъ умѣла и какъ могла, баловала дѣтей, кормила ихъ сластями, разсказывала сказки, легенды о поволжскихъ разбойникахъ и о зарытыхъ кладахъ, уносившія дѣтей отъ тяжелой домашней прозы въ таинственный міръ грезъ и фантазій. Разумѣется, и они платили своей заступницѣ и утѣшительницѣ горячей привязанностью, а впослѣдствіи, когда подросли и очутились въ лучшихъ домашнихъ условіяхъ, взяли ее подъ свое покровительство и, въ свою очередь, баловали и холили ее. И не удивительно, что когда, много лѣтъ спустя, Вѣра Николаевна, вышедшая уже замужъ, возвратилась изъза границы и, пріѣхавши въ родную усадьбу, посѣтила сельское кладбище, то изъ трехъ могилъ близкихъ людей — отца, тетки и няни—самой дорогой оказалось могила няни.

Въ 1863-мъ году, 11-ти лѣтъ, Вѣра Николаевна поступила въ Казанскій Родіоновскій Институтъ. Обладая прекрасными способностями, она училась блестяще и въ теченіе всего времени пребыванія тамъ была общей любимицей учителей и подругъ. Шестилѣтнее затворничество института скрашивалось для нея тѣмъ, что вслѣдъ за нею туда же поступила ея сестра Лидія. Лѣтнія вакаціи, на которыя дѣвочки пріѣзжали домой, позволяли имъ не отрываться совсѣмъ отъ домашней среды и семьи, внутренняя жизнь которой тѣмъ временемъ сильно измѣнилась. Вѣяніе 60-хъ годовъ не прошло безслѣдно и для отца Вѣры Николаевны, пробудивъ лучшія стороны его натуры. Въ немъ произошелъ полный нравственный переворотъ. Человѣкъ умный и много читавшій, онъ захотѣлъ и сумѣлъ оріентироваться въ новомъ положеніи. Бывшій крѣпостникъ, какимъ онъ являлся до тѣхъ поръ по отношенію къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ, постепенно превратился въ либерала и занялъ мѣсто мирового посредника; нравъ его смягчился, прежняя необузданность характера и поведенія смѣнилась сдержанностью по отношенію ко всѣмъ окружающимъ. Благотворное вліяніе оказала на него въ этомъ отношеніи жена, выросшая и окрѣпшая умственно и нравственно, благодаря чтенію и жизненному опыту, и превратившаяся изъ тихаго ребенка, какимъ она вышла замужъ, въ умную и развитую женщину, способную руководить развитіемъ своихъ дѣтей, въ близкаго и любящаго ихъ друга, какимъ она и оставалась для нихъ до самой смерти. Отношенія между отцомъ и дѣтьми тоже измѣнились, смягчились. Въ поэтическихъ воспоминаніяхъ Вѣры

Николаевны объ отчемъ кровѣ, относящихся къ болѣе позднему періоду дѣтства, звучатъ уже другія ноты, рисуются иныя, болѣе свѣтлыя картины:

«Этотъ домъ ужъ теперь опустѣлъ
И стоитъ одинокъ, какъ гробница,
А когда-то онъ смѣхомъ звенѣлъ
И мелькали въ немъ милыя лица...
На каникулы шумной толпой
Мы въ родное гнѣздо прилетали..
Шаловливой, веселой гурьбой
Мать съ отцомъ, какъ вѣнкомъ, окружали...

Институтъ и его казенная наука не могли дать много для общаго развитія своимъ питомицамъ. Въ этомъ смыслѣ гораздо больше дала Вѣрѣ Николаевнѣ семья, о чемъ она и говоритъ сама, вспоминая въ томъ же, выше цитированномъ стихотвореніи свой старый домъ, подъ кровлею котораго протекло ея дѣтство:

«Тамъ я первую книжку прочла,
Умъ и сердце надъ ней пробудились...
Тамъ же послѣ цѣль жизни нашла—
Идеалы въ душѣ зародились.

Дома подъ руководствомъ матери началось знакомство съ литературой. Вмѣстѣ прочли онѣ русскихъ классиковъ и писателей той эпохи—Тургенева, Гончарова, Рѣшетникова, Помяловскаго и др., отъ которыхъ перешли къ знаменитымъ критикамъ-публицистамъ, Писареву и Добролюбову, а впослѣдствіи и къ передовой журналистикѣ того времени. Институтка-дѣвочка превращалась постепенно въ дѣвушку, выростала духовно, и въ душѣ ея зазвучали неяснымъ аккордомъ новыя струны. Подъ вліяніемъ чтенія и размышленій надъ окружающей дѣйствительностью, у нея начало пробуждаться сознаніе ненормальности того общественнаго строя, при которомъ лишь незначительное, привилегированное меньшинство, къ которому принадлежитъ и она, пользуются, благодаря случайности рожденія, всѣми благами цивилизаціи, матеріальными и духовными, въ то время какъ темная, некультурная масса народа обречена на тяжелый физическій трудъ, нищету и безправіе, лишена всего того, что развиваетъ, облагораживаетъ человѣка и скрашиваетъ его жизнь. Нужно прибавить, что во всемъ этомъ не было никакого посторонняго революціоннаго вліянія, ни личнаго, ни литературнаго. Появившіяся чувства и идеи зарождались совершенно само-

стоятельно, развиваясь путемъ медленнаго, органическаго роста, что всегда придаетъ имъ наибольшую глубину и прочность. Съ революціонной литературой, тогда еще скудной въ Россіи, Вѣра Николаевна познакомилась уже значительно позже въ бытность свою за границей.

Въ 1869 году В. Н. кончила съ первымъ шифромъ казанскій институтъ. Передъ молодой 17-лѣтней дѣвушкой открывалась блестящая, заманчивая перспектива. Красивая, изящная, образованная и матеріально обезпеченная, она имѣла, повидимому, всѣ данныя на успѣхъ въ такъ называемомъ свѣтѣ, на блестящую партію и т. п. Но ея чувства и мысли уже неудержимо рвались въ другую сторону. Смутные до тѣхъ поръ запросы ума и сердца выливались въ опредѣленную форму—въ сознаніе необходимости найти себѣ разумную цѣль въ жизни и въ горячее стремленіе, чтобы эта цѣль клонилась къ благу несчастныхъ, обездоленныхъ судьбою людей. Но необходимо было прійти къ какому-нибудь конкретному рѣшенію, намѣтить практическій путь для осуществленія своихъ стремленій. Тутъ пришли на помощь Вѣрѣ Николаевнѣ журналистика того времени и то женское движеніе, которое было въ разгарѣ въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ частности большое вліяніе на нее имѣлъ примѣръ первой русской женщины-врача Сусловой, имя которой гремѣло тогда по Россіи, указавъ на дѣятельность врача, какъ на самую подходящую для удовлетворенія ея стремленій. Но практическое осуществленіе этого плана по разнымъ причинамъ отложилось на два года.

Въ 1870 году, черезъ годъ по выходѣ изъ института, Вѣра Николаевна вышла замужъ за судебнаго слѣдователя казанской губ. А. В. Филиппова. Вскорѣ послѣ этого умеръ ея отецъ. Вся семья съ матерью перебралась на жительство въ Казань, а молодые поселились въ ихъ деревнѣ, гдѣ и прожили первый годъ послѣ свадьбы. Этотъ годъ былъ, кажется, единственнымъ въ жизни В. Н. прожитымъ ею для себя, во имя личной любви, личнаго счастья. Вслѣдъ за этой мимолетной весной сердца вся дальнѣйшая ея жизнь протекла уже въ такихъ условіяхъ, при которыхъ свое „я“ отходило всегда далеко на задній планъ, и для личной жизни не было и не могло быть мѣста. За годами ученія за границей, посвященными упорному труду, идетъ длинный 7—8 лѣтній періодъ, отданный всецѣло дѣлу борьбы съ насиліемъ, зломъ и угнетеніемъ, той тяжелой, неустанной, изнуряющей умъ и душу, борьбы съ

сильнымъ неумолимымъ врагомъ, о которой такъ вѣрно говоритъ Н. А. Морозовъ въ одномъ стихотвореніи, обращенномъ изъ неволи къ борющимся друзьямъ:

«Тяжкій крестъ привелось вамъ принять,
Легкій жребій мнѣ вышалъ на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.
Трудно жить, чтобъ порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы силъ не съѣдала тоска,
Если счастье въ борьбѣ измѣняло.

Эту горькую чашу борьбы и тоски, съѣдающей силы борцовъ, пила она до дна въ теченіе своей многолѣтней революціонной работы. А затѣмъ—Шлиссельбургскія стѣны на цѣлыя 20 лѣтъ окутали ея жизнь глубокимъ мракомъ.

Выйдя замужъ, В. Н. продолжала лелѣять планы будущей медицинской дѣятельности. Неожиданно для себя она нашла поддержку и сочувствіе имъ въ своемъ мужѣ, благодаря чему вопросъ этотъ разрѣшился самъ собой безъ столкновеній съ кѣмъ-либо. Въ 1871 году, черезъ годъ послѣ свадьбы, мужъ В. Н. вышелъ въ отставку, и они вдвоемъ отправились въ Цюрихъ для поступленія на медицинскій факультетъ. Выборъ заграничнаго университета не былъ дѣломъ случая или каприза. Женскій медицинскій институтъ, функціонировавшій уже тогда въ Петербургѣ, былъ поставленъ непрочно и не гарантировалъ для своихъ слушательницъ окончаніе курса. „А такъ какъ,—говоритъ В. Н.,—рѣшеніе у меня было твердое, и я не хотѣла сойти съ разъ принятаго пути, то я рѣшила отправиться за границу".

Появленіе В. Н. въ Цюрихѣ совпало съ моментомъ значительнаго общественнаго оживленія. Только что совершившіяся событія въ Парижѣ (парижская коммуна) и происшедшая тогда революція въ Испаніи находили сильный отголосокъ въ Западно-европейскомъ рабочемъ мірѣ. Борьба въ интернаціоналѣ и успѣхи соціалъ-демократической пропаганды въ Германіи также привлекали къ себѣ общественное вниманіе. Для русскихъ Цюрихъ являлся въ это время своего рода каѳедрой, высшей школой общественныхъ наукъ, откуда велась пропаганда соціалистическихъ ученій. Проживавшіе въ Цюрихѣ М. Бакунинъ и П. Лавровъ читали публичныя лекціи и устраивали рефераты, поднимавшіе горячіе споры и возбуждавшіе новые вопросы. Здѣсь впервые въ прокламаціи Баку-

нина, имѣвшей цѣлью поддержать Нечаева, раздался призывъ „идти въ народъ", развитый и обоснованный впослѣдствіи въ его книгахъ „Государственность и анархія" и „Историческое развитіе Интернаціонала". Здѣсь встрѣчались и преломлялись различныя соціалистическія и революціонныя теченія — „Бакунизмъ, Лавринизмъ, Якобинство"—и вырабатывались теоретическія программы, получавшія затѣмъ практическое осуществленіе въ Россіи.

Новая атмосфера, новый міръ идей и чувствъ охватилъ молодую женщину, перенесенную сюда прямо изъ глухой русской провинціи. Передъ нею какъ бы открывалась завѣса, за которой развертывался широкій горизонтъ. Здѣсь впервые познакомилась она съ соціалистическимъ ученіемъ, сразу покорившимъ ее. „Идея соціализма,—говоритъ В. Н.,—была воспринята мною первоначально почти инстинктивно. Мнѣ казалось, что она есть не что иное, какъ расширеніе тѣхъ филантропическихъ идей, которыя возникли у меня раньше. Ученіе, обѣщающее равенство, братство и общечеловѣческое счастіе, должно было подѣйствовать на меня ослѣпляющимъ образомъ. Вмѣсто какихъ-нибудь „тетюшанъ" у меня явилось представленіе о народѣ, о человѣчествѣ".

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Цюрихѣ собралось много русской молодежи, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ сюда изучать медицину. Среди этой молодежи возникали разные соціалистическіе кружки, въ одинъ изъ которыхъ вошла и В. Н. Большинство членовъ этого кружка,—сестры Субботины, Лидія Фигнеръ, Джабадари, Александрова, Топоркова, Бардина, Чикоидзе и др.—судились впослѣдствіи по процесу 50-ти. Организація его, по словамъ В. Н., была весьма слабая: „каждый членъ могъ приступить когда угодно и какъ угодно къ своей дѣятельности. Дѣятельность же состояла въ пропагандѣ идей соціализма, въ розовой надеждѣ, что народъ въ силу своей бѣдности и неблагопріятнаго соціальнаго положенія непремѣнно соціалистъ, что достаточно одного слова, чтобъ онъ воспринялъ соціалистическія идеи. То, что мы называли соціальной революціей, имѣло скорѣе характеръ мирнаго переворота, т.-е. мы думали, что меньшинство, видя невозможность борьбы, принуждено будетъ уступить большинству, сознавшему свои интересы, такъ что о пролитіи крови не было и рѣчи".

За границей Вѣра Николаевна провела слишкомъ 4 года. Это было время напряженной умственной работы, въ которой

какъ бы закалялись силы и выдержка будущаго передового бойца русской революціи. Наряду съ спеціальными медицинскими занятіями, къ которымъ Вѣра Николаевна относилась всегда серьезно и добросовѣстно, много времени удѣлялось ею кружковымъ дебатамъ, общему чтенію, въ частности же ознакомленію съ литературой по соціальнымъ вопросамъ. Элементъ общественный уже доминировалъ въ ея мысляхъ и чувствахъ, и поэтому выработка опредѣленнаго міровоззрѣнія представлялась для нея такимъ же важнымъ, неотложнымъ дѣломъ, какъ и усвоеніе избранной спеціальности.

Въ 1873 году появилось извѣстное правительственное сообщеніе, полное клеветы и нападокъ на русскую молодежь, учащуюся за границей. Особой опалѣ подвергался Цюрихскій университетъ. Правительство предлагало всѣмъ учащимся въ немъ русскимъ вернуться на родину, предупреждая, что полученіе докторскаго диплома не дастъ имъ права медицинской практики въ Россіи. Подчиняясь этому вызову, большинство членовъ кружка, къ которому принадлежала В. Н., возвратились на родину,—возвратились, впрочемъ, только для того, чтобы тотчасъ же принять непосредственное личное участіе въ такъ называемомъ „движеніи въ народъ“. Такимъ образомъ, правительство своимъ вызовомъ лишь ускорило для многихъ тотъ процессъ революціоннаго развитія, предупредить который оно хотѣло.

Но В. Н. не хотѣла сразу положить оружіе и отказаться отъ того, къ чему она такъ настойчиво стремилась. „Я всегда отличалась,—говоритъ она,—нѣкоторымъ консерватизмомъ, въ томъ смыслѣ, что принимала свое рѣшеніе не быстро, но, разъ принявши, отступала уже съ трудомъ“. Слишкомъ обидно было ей бросать ту работу, на которую было потрачено уже два года. Въ виду этого В. Н. покинула Цюрихъ и переѣхала въ Бернъ, чтобы продолжать тамъ свое медицинское образованіе. Въ это же время произошелъ разрывъ ея съ мужемъ, который возвратился въ Россію. Дѣло кончилось скоро формальнымъ разводомъ, и съ тѣхъ поръ ихъ дороги разошлись уже навсегда. Около двухъ лѣтъ прожила В. Н. въ Бернѣ, попрежнему дѣля свое время между спеціальною работою въ университетѣ и другими приватными занятіями. Но событія, происшедшія въ Россіи, снова вторглись въ ея жизнь и поставили на первую очередь новыя практическія задачи. Въ 1875 году почти всѣ члены Цюрихскаго кружка, возвратившіеся въ Россію по вызову правительства и занявшіеся соціалистической

пропагандой въ народѣ, были арестованы, въ числѣ ихъ и сестра В. Н.—Лидія. Уцѣлѣвшіе отъ погрома товарищи писали Вѣрѣ Николаевнѣ, настойчиво убѣждая ее пріѣхать въ Россію, для того, чтобы поддержать дѣло кружка и возобновить его работу, нарушенную арестами. Есть натуры,—и къ числу ихъ принадлежитъ В. Н.,—на которыя неудача, пораженіе не вліяютъ угнетающимъ образомъ, вызывая, напротивъ, новый приливъ энергіи, стремленіе еще и еще помѣряться съ противникомъ. Трудно было ей поэтому устоять передъ призывомъ друзей къ активной революціонной дѣятельности, и притомъ въ такую минуту, когда нужно было напрягать всѣ силы, чтобы поддержать пошатнувшееся дѣло. Къ тому же, В. Н., находившаяся уже на 4-мъ курсѣ, считала свои медицинскія познанія достаточными для того, чтобъ тотчасъ же примѣнить ихъ къ дѣлу, и смотрѣла на полученіе степени врача-хирурга лишь какъ на удовлетвореніе личнаго тщеславія. Обсудивъ все это и порѣшивъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, В. Н. распростилась съ Бернскимъ университетомъ и въ концѣ 1875 года возвратилась въ Россію. Это было тѣмъ рѣшительнымъ шагомъ въ ея жизни, тѣмъ Рубикономъ, перейдя который, она никогда уже не отступала назадъ.

Послѣ возвращенія В. Н. изъ-за границы начинается семилѣтній періодъ ея революціонной дѣятельности (1876—1883 г.), которая могла бы послужить богатымъ матеріаломъ для историка, пожелавшаго прослѣдить на живомъ конкретномъ примѣрѣ всѣ фазы развитія русскаго революціоннаго движенія за означенный періодъ времени, постепенный ростъ въ немъ политической идеи и послѣдовавшій неизбѣжный переходъ его отъ мирной соціалистической пропаганды къ тѣмъ боевымъ схваткамъ, громъ которыхъ надолго нарушилъ спокойствіе правительства и его увѣренность въ своей прочности и безопасности. Цѣлые годы переживала она вмѣстѣ съ друзьями-товарищами, изъ которыхъ въ концѣ концовъ уцѣлѣли столь немногіе, всѣ перипетіи героической борьбы небольшой кучки отважныхъ людей съ всесильнымъ правительствомъ, и ея мѣсто всегда было въ авангардѣ борющагося отряда. Ея настойчивое стремленіе принимать непосредственное участіе въ наиболѣе опасныхъ боевыхъ предпріятіяхъ вызывало нерѣдко оппозицію среди товарищей, знавшихъ ей цѣну и оберегавшихъ ее для тѣхъ ролей, въ которыхъ она была незамѣнима. Но въ основѣ этого стремленія никогда не лежало чувство мщенія или хотя бы даже доля жестокости, въ которой склонно

было обвинять ее правительство. Объясняется это стремленіе мотивами чисто этическаго характера. „Мнѣ казалось, говоритъ В. Н., что разъ я теоретически признала, что только насильственнымъ путемъ можно что-нибудь сдѣлать, то я обязана принимать непосредственное участіе въ тѣхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ предприняты той организаціей, къ которой я примкнула... Я не могла съ спокойной совѣстью предлагать другимъ участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бы сама не участвовала въ нихъ, и только участіе давало мнѣ право обращаться съ различными предложеніями къ другимъ лицамъ... Я знала, что и судъ всегда обратитъ вниманіе на то, принимала ли я непосредственное участіе въ дѣлѣ... и я считала прямо подлостью толкать другихъ на тотъ путь, на который не шла бы сама". Много душевной чуткости нужно имѣть человѣку, не знающему лично В. Н., чтобы понять и оцѣнить эту столь рѣдкую въ людяхъ щекотливость совѣсти, которая была ей особенно присуща.

Подъ суровой и неуклонной послѣдовательностью, которою проникнута вся ея дѣятельность, нужно сумѣть разглядѣть тѣ высоко нравственные запросы, предъявляемые къ себѣ гораздо строже, чѣмъ къ другимъ, которые побуждали эту чуткую молодую женщину всегда имѣть для себя не только отвѣтственное, но и опасное мѣсто.

Возвращеніе В. Н. въ Россію совпало съ тѣмъ моментомъ, когда „движеніе въ народъ" переживало уже нѣкоторый кризисъ, возбуждая въ умахъ многихъ сомнѣніе въ его цѣлесообразности. Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе ея работать въ народѣ осталось неизмѣннымъ, и она искала лишь подходящаго мѣста и товарищей для осуществленія своихъ давнишнихъ плановъ. Проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ и заведя тамъ сношенія съ арестованными товарищами и рабочими, она побывала затѣмъ въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ велась уже или намѣчалась пропаганда среди фабрично-заводскаго населенія, знакомилась съ практической постановкой этого дѣла и сама принимала въ немъ дѣятельное участіе, благодаря чему даже привлекалась къ дознанію по дѣлу пропаганды въ Московской и Вологодской губерніяхъ. Побывала она и въ Петербургѣ, гдѣ, между прочимъ, принимала участіе въ демонстраціи, устроенной на Казанской площади въ декабрѣ 1876 г., и вообще приглядывалась къ тѣмъ настроеніямъ, которыя царили въ то время въ революціонныхъ сферахъ. Но все это служило только какъ бы практической школой, въ которой

развивался ея крупный агитаторскій талантъ, покорявшій себѣ впослѣдствіи всѣхъ сталкивавшихся съ нею, — школой, выработавшей ту конспиративную умѣлость, благодаря только которой и могла просуществовать такъ долго Вѣра Николаевна, переживъ весь длинный и опасный періодъ народовольческаго наступленія.

Посѣщая въ 1876 г. Петербургъ, Москву и другіе провинціальные города, Вѣра Николаевна познакомилась и сошлась близко со многими членами функціонировавшаго тогда кружка народниковъ, извѣстныхъ подъ оригинальнымъ прозвищемъ „Троглодитовъ“. Нѣкоторыхъ изъ нихъ она знала еще за границей. Къ числу членовъ этого кружка, во главѣ котораго стоялъ Натансонъ, принадлежали: Богдановичъ, Александръ Михайловъ, Иванчинъ, Исаевъ, Софья Лешернъ, Соловьевъ, Квятковскій и многіе другіе, явившіеся впослѣдствіи наиболѣе дѣятельными членами „землевольческой“ и „народовольческой“ организаціи. Наученные прошлымъ опытомъ, народники этого момента задавались цѣлью поставить болѣе широко и устойчиво дѣло соціально-революціонной пропаганды въ деревнѣ, охвативши своею организаціей возможно большій районъ ея. Вмѣсто прежнихъ пропагаторскихъ путешествій, совершавшихся въ одиночку отдѣльными лицами, проэктировалось устроить прочныя поселенія въ деревнѣ интеллигентовъ — въ одиночку и по группамъ, съ цѣлью соціалистической пропаганды и созданія той чисто народной организаціи, которая, развившись и окрѣпнувъ, могла бы начать борьбу противъ существующаго строя. На первый разъ предполагалось устроить подобное поселеніе въ Донской области, въ районѣ поволжскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Въ концѣ 1876 и началѣ 1877 г. этотъ планъ началъ приводиться въ исполненіе. Въ числѣ другихъ членовъ кружка, двинувшихся въ народъ, находилась и Вѣра Николаевна, поселившаяся въ качествѣ земской фельдшерицы, вмѣстѣ съ своей сестрой Евгеніей, въ деревнѣ Студенцы Самарской губ.

Такимъ образомъ, давнишніе ея планы и мечты получили, наконецъ, осуществленіе, впрочемъ не надолго. Не успѣла она хорошенько оглядѣться и ознакомиться съ окружающими условіями и людьми, какъ черезъ три мѣсяца неожиданное осложненіе заставило ее покинуть только что занятое мѣсто. Въ Петербургѣ была арестована на Николаевскомъ вокзалѣ нѣкая Чепурина, свидѣтельница по дѣлу 193-хъ, везшая Вѣрѣ Николаевнѣ въ Самару много писемъ. По тогдашнему времени

этихъ писемъ было вполнѣ достаточно, чтобы навлечь на адресата всяческія подозрѣнія и полицейскія репрессіи. Александръ Квятковскій поспѣшилъ въ Самару предупредить Вѣру Николаевну, и лѣтомъ 1877 года они вмѣстѣ вернулись въ Петербургъ. Здѣсь прожила она до начала 1878 г., принимая участіе въ дѣятельности петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, расширяя кругъ знакомыхъ и пріучаясь къ практикѣ революціонныхъ работъ.

Первая неудача не измѣнила плановъ В. Н. и не ослабила ея стремленіе къ дѣятельности въ народѣ, а продолжавшееся еще и по окончаніи процесса 193-хъ движеніе въ народъ помогло ей устроиться въ деревнѣ не одиноко. Въ началѣ 1878-го года прежніе „Троглодиты“ сорганизовались уже на болѣе прочныхъ основахъ въ группу, получившую названіе „Земля и Воля“.

Измѣнившіяся условія дѣятельности выдвинули на очередь новыя задачи политическаго характера. Тѣмъ не менѣе, наряду съ усиленіемъ политическаго элемента и возникновеніемъ идеи непосредственной борьбы съ правительствомъ (дезорганизаціи его), пріобрѣтавшими все болѣе и болѣе сторонниковъ въ революціонныхъ кругахъ, прежняя народническая программа деревенской дѣятельности оставалась у землевольцевъ неприкосновенной и практически осуществлялась. Къ лицамъ, уже поселившимся въ цѣляхъ пропаганды въ нѣсколькихъ губерніяхъ (Саратовской, Самарской, Астраханской, Тамбовской, Воронежской губ., въ землѣ Войска Донского и др. мѣстахъ) въ качествѣ волостныхъ писарей, земскаго медицинскаго и учительскаго персонала и т. п., продолжали присоединяться новые пропагандисты. Въ числѣ ихъ находилась и Вѣра Николаевна. Лѣтомъ 1878 г. она снова очутилась въ деревнѣ, устроившись въ качествѣ земской фельдшерицы въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. вмѣстѣ съ сестрой Евгеніей, которая взялась за обученіе крестьянскихъ дѣтей.

Тѣ условія и та обстановка, въ которыхъ очутилась опять В. Н., оказались крайне неблагопріятными; полицейскій режимъ, уже всесильно царившій тогда въ Россіи, окружалъ желѣзнымъ кольцомъ всякаго интеллигента, появлявшагося въ деревнѣ, и ставилъ всевозможныя преграды всѣмъ попыткамъ даже самой мирной, культурной работы.

«Вспоминается мнѣ та пора,
Какъ по нивамъ родимаго края
Раздалось, сѣрый людъ пробуждая,

Слово братства, свободы, добра...
Какъ забили въ смятеньи тревогу
Слуги мрака, оковъ и цѣпей
И покровомъ терновыхъ вѣтвей
Застилали къ народу дорогу.»

Поселившись вторично въ деревнѣ, Вѣра Николаевна была уже достаточно опытна и обладала тѣмъ тактомъ, который вполнѣ гарантировалъ ее отъ какихъ-нибудь неосмотрительныхъ поступковъ.

Не задаваясь на первое время никакими спеціально-революціонными практическими цѣлями, она прежде всего хотѣла подойти ближе къ деревенскому люду, познакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ, привлечь его симпатіи и заручиться его довѣріемъ къ себѣ, какъ къ человѣку, которому близки его нужды, интересы и печали. Ни въ какихъ нелегальныхъ поступковъ нельзя было обвинить Вѣру Николаевну. Тѣмъ не менѣе, мѣстное начальство тотчасъ же подняло тревогу. Началась та мелкая травля, цѣну которой можетъ понять вполнѣ только человѣкъ, испытавшій ее на себѣ. „Противъ меня, разсказываетъ В. Н., въ очень скоромъ времени составилась цѣлая лига, во главѣ которой стояли предводитель дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ урядникъ, писарь и т. д. Про меня распространяли всякіе слухи..., что я безпаспортная, что дипломъ у меня фальшивый и проч.“ Всѣ деревенскія событія, почему либо непріятныя администраціи—уменьшеніе волостнымъ сходомъ жалованья волостному писарю, несогласіе крестьянъ на невыгодную сдѣлку съ помѣщикомъ и т. п.,—все это ставилось въ вину Вѣрѣ Николаевнѣ. Начались наѣзды исправника, разслѣдованія, аресты крестьянъ—и все это въ связи съ ея именемъ, а затѣмъ и доносъ губернатору. И только благодаря участію и хлопотамъ предсѣдателя управы, ее оставили въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, положеніе дѣлалось очень тяжелымъ. „Вокругъ меня образовалась, говоритъ В. Н., полицейско-шпіонская обстановка. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобъ придти ко мнѣ въ домъ. Вотъ эти-то обстоятельства и привели меня къ вопросу: что я могу сдѣлать при данныхъ условіяхъ?“ Подобный вопросъ естественно вставалъ самъ собою предъ всякимъ, находившимся въ такомъ же положеніи. Нужно замѣтить, впрочемъ, что отношеніе В. Н. къ народу не измѣнилось. Она вовсе не разочаровалась въ возможности успѣшно работать въ народѣ, сохранивъ и впослѣдствіи самое хорошее воспоминаніе объ установившихся между нею

и крестьянами отношеніяхъ во время ея пребыванія въ деревнѣ. Неожиданное обстоятельство снова вторглось въ жизнь В. Н. и ускорило ту развязку, наступленіе которой было неизбѣжно.

2-го апрѣля 1879 г. совершилось покушеніе Соловьева. Передъ этимъ онъ довольно долго прожилъ въ Саратовской губ. въ качествѣ волостного писаря, видался и поддерживалъ постоянныя сношенія съ В. Н. Арестъ его обратилъ вниманіе петербургскихъ властей на Саратовскую губернію и на интеллигентную молодежь, проживавшую тамъ въ народѣ. Въ виду ареста, грозившаго почти неизбѣжно Вѣрѣ Николаевнѣ, какъ человѣку, поддерживавшему близкія отношенія съ Соловьевымъ, она была принуждена оставить мѣсто и скрыться. Съ этого момента и до самаго своего ареста, т.-е. цѣлыхъ четыре года, В. Н. жила уже въ положеніи „нелегальнаго“ человѣка.

Въ это время землевольческая организація, втянувшая въ свои ряды всѣ наиболѣе крупныя революціонныя силы Россіи, продолжала походъ, предпринятый ею для дезорганизаціи правительства. Борьба обострялась и обострялась.

Политическій элементъ получалъ все большее и большее преобладаніе надъ чисто экономическимъ. Политическія условія, въ которыхъ жила Россія, неизбѣжно выводили на эту дорогу всѣ живыя общественныя силы. Тѣмъ не менѣе, расширеніе политической сферы дѣятельности партіи вызывало расколъ въ рядахъ ея самой. Чтобы выяснить и разрѣшить эти вопросы, были созваны два революціонныхъ съѣзда—Липецкій и Воронежскій, исторія которыхъ уже хорошо всѣмъ извѣстна. На послѣднемъ съѣздѣ присутствовала и Вѣра Николаевна, приглашенная туда его организаторами.

Оставляя свое мѣсто въ Саратовской губ., В. Н. уносила съ собою убѣжденіе въ невозможности веденія пропаганды и организаторской дѣятельности въ народѣ, но не потому, чтобы проповѣдь идей соціализма и революціи не находила тамъ достаточнаго отклика, а исключительно въ силу внѣшнихъ, полицейско-политическихъ условій, отнимавшихъ всякую возможность даже чисто культурной работы. Для людей, столкнувшихся во очію съ печальной россійской дѣйствительностью и упершихся въ ея глухую стѣну, представлялась только одна дилемма: или совершенно бросить мысль о всякой дѣятельности въ народѣ и на этомъ успокоиться, или попытаться расчистить путь къ этой дѣятельности, вступивъ въ борьбу съ тѣмъ политическимъ режимомъ, который сковывалъ желѣзнымъ кольцомъ

всю Россію, обрекая ее на нищету, невѣжество и угнетеніе. Жизненный опытъ (свой и чужой), логика ума и чувства,—все это въ совокупности призывало В. Н. къ послѣднему. На Воронежскомъ съѣздѣ она объявила себя сторонницей политической борьбы, оставаясь въ то же время горячею противницей разрыва, предупредить который было однако уже невозможно. А затѣмъ, когда разрывъ этотъ совершился, В. Н. присоединилась къ партіи Народной Воли, къ партіи активной борьбы и вошла въ ея организацію въ качествѣ члена Исполнительнаго Комитета. Съ этихъ поръ, т.-е. съ середины 1879 г., имя ея тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ, что совершалось въ рядахъ партіи, почти со всею ея боевою дѣятельностью, развившеюся такъ послѣдовательно и энергично. Одно простое описаніе фактовъ, въ подготовленіи которыхъ В. Н. играла дѣятельную роль, подвергаясь одинаковой со всѣми прочими участниками опасности, а нерѣдко даже и большей, занялъ бы слишкомъ много мѣста (покушеніе подъ Александровскомъ, подготовленіе къ Одесскому покушенію, Московское покушеніе, участіе въ подготовленіи 1-го марта, дѣло Стрѣльникова, военная организація, организація типографіи и проч.). Было бы, однако, большой ошибкой думать, что въ этомъ именно и заключалось главное содержаніе четырехъ лѣтъ нелегальной дѣятельности. Кромѣ этой категоріи фактовъ, въ которыхъ В. Н. принимала непосредственное личное участіе, по мотивамъ чисто нравственнаго характера, о чемъ говорилось уже выше, у нея была еще другая сфера дѣятельности, гдѣ ея блестящія способности находили соотвѣтственное примѣненіе. Это была дѣятельность организатора, дѣятельность агитатора-пропагандиста. Всюду, гдѣ бы ни появлялась В. Н.,—а появлялась она въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, въ парадныхъ гостинныхъ, въ кружкахъ учащейся молодежи, въ квартирахъ рабочихъ,—она пользовалась не только успѣхомъ, но вызывала даже поклоненіе. Всѣ студентки, по выраженію Плеве, „были отъ нея безъ ума“. Въ литературныхъ кругахъ Петербурга, гдѣ собирались сливки русской передовой журналистики, ее встрѣчали съ величайшимъ уваженіемъ, съ любовью и прямо гордились ея посѣщеніями. Еще большее, пожалуй, впечатлѣніе производила она въ кружкахъ военныхъ, гдѣ ее положительно носили на рукахъ. Н. К. Михайловскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Революціонной Россіи“, случай, какъ одинъ молодой человѣкъ, вовсе не расположенный къ революціи, представленный на одномъ вечерѣ

Вѣрѣ Николаевнѣ, просидѣвъ съ ней рядомъ въ теченіе ужина, не имѣя однако настоящаго представленія, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, ушелъ съ вечера съ совершенно новыми взглядами и идеями. И такихъ случаевъ можно было бы привести не мало. Среди крупныхъ фигуръ личнаго состава народовольческой организаціи В. Н. занимала видное мѣсто.

Послѣ 1-го марта 1881-го года она переселилась изъ Петербурга въ Москву, а затѣмъ переѣхала на югъ въ Одессу и Харьковъ, гдѣ и прожила послѣдній годъ своей вольной, но печальной жизни. Наступившій тогда моментъ требовалъ особеннаго напряженія силъ для продолженія борьбы. Революціонная волна уже какъ бы отливала, между тѣмъ какъ правительство все усиливало репрессіи, стараясь задавить „крамолу“. Организація несла громадныя потери и мобилизировала всѣ силы, которыя можно было привлечь. Одинъ за другимъ, уходили съ арены дѣятельности на смерть и заточеніе прежніе дѣятели партіи. Кругъ старыхъ близкихъ друзей, съ которыми В. Н. начинала свою революціонную работу, постепенно рѣдѣлъ и рѣдѣлъ, и, наконецъ, насталъ часъ, когда она увидѣла себя одинокой, окруженной новыми людьми. Нѣсколько старыхъ друзей, товарищей по первому Исполнительному комитету, удалившихся за границу, звали ее туда, хотя бы для временнаго отдыха, звали настойчиво, но тщетно. Не въ характерѣ В. Н. было уходить съ поля битвы именно тогда, когда присутствіе опытнаго и закаленнаго бойца, какимъ являлась она, было особенно нужно, особенно важно, и не вдали отъ Россіи, а на самомъ мѣстѣ происходившей борьбы.

Въ моментъ возникновенія Народной Воли имѣлся на лицо значительный контингентъ революціонеровъ испытанныхъ и опытныхъ, сохранившихся отъ народническаго движенія прошлыхъ лѣтъ, благодаря тому, что движеніе это носило болѣе мирный характеръ и поэтому допускало извѣстное сбереженіе силъ. Да и полицейско-сыскная организація не была доведена тогда до такого совершенства, въ результатѣ чего опять-таки можно было просуществовать довольно долго. Изъ этого, такъ сказать, „запаса революціи“ (не говоря о землевольцахъ) составилась первая народовольческая организація, изъ него же по преимуществу пополнялась та громадная убыль ея членовъ, которая являлась неизбѣжнымъ результатомъ интенсивности борьбы и ея остраго революціоннаго характера. Этотъ личный запасъ былъ, наконецъ, исчерпанъ безъ остатка; все энергичное, активное вошло мало-по-малу

въ составъ дѣйствующаго отряда. А для накопленія новыхъ кадровъ то горячее, боевое время было болѣе чѣмъ неблагопріятно: слишкомъ сократилась тогда „продолжительность индивидуальной революціонной жизни“, и новымъ людямъ почти некогда было даже выработаться, не говоря уже о томъ, чтобы оставаться въ „запасѣ“. Ждать же періода сравнительнаго затишья, въ надеждѣ, что оно окажется болѣе благопріятнымъ для процесса новаго накопленія революціонныхъ силъ,—было вовсе не въ характерѣ В. Н., да и фактически невозможно. Нужно было продолжать работу, продолжать борьбу во что бы то ни стало; прекратить ее хотя бы на время—значило сложить оружіе и признать себя побѣжденнымъ.

Но послѣднее именно для В. Н. было невозможно. Вся ея жизнь, всѣ чувства и идеи были всегда настолько тѣсно связаны съ революціоннымъ дѣломъ, что мысль о прекращеніи работы была для нея совершенно невозможной. Говорю все это для того, чтобы пояснить, почему даже вся присущая ей энергія, весь громадный опытъ и упорная настойчивость, съ которою она пыталась поднять революціонное дѣло, призвать къ жизни новую организацію все же не приводили ни къ чему. Обстоятельства оказывались сильнѣе; единичный человѣкъ оказывался безсильнымъ бороться съ ними.

1882 годъ, послѣдній годъ вольной революціонной жизни Вѣры Николаевны, былъ отмѣченъ крупною попыткою поставить болѣе широко дѣло военно-революціонной организаціи. Иниціатива этой попытки исходила отъ В. Н., и она имѣла всѣ шансы на успѣхъ, если бы рука Дегаева не погубила дѣло въ самомъ его зародышѣ.

10 фев. 1883 г. В. Н. была арестована въ Харьковѣ на улицѣ, и не по какой-либо своей или чужой неосторожности, не благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, какъ это бываетъ часто, но преданная тою же братоубійственной рукой Дегаева. Для правительства арестъ В. Н. имѣлъ значеніе крупной побѣды. Впослѣдствіи жандармы утверждали, что Дегаевъ спеціально за выдачу ея получилъ 10,000 рублей.

Какъ ни странно это, но для В. Н. арестъ явился какъ бы избавленіемъ отъ непосильной, въ конецъ изнурившей ее работы. Впослѣдствіи она сама говорила, что желѣзная тюремная дверь, захлопнувшаяся за нею, дала ей своего рода отдыхъ и успокоеніе отъ того громаднаго напряженія силъ, котораго требовало отъ нея отвѣтственное положеніе, занимаемое ею въ организаціи, сложность и важность лежащихъ на

ней функціи и ея многолѣтняя нелегальность. Только тамъ, за тюремною стѣною, снова сдѣлалась она сама собою, могла зажить своею жизнью, подневольною, но все же своей, позабыть о тѣхъ заботахъ, которыми были полны каждый ея день, каждый ея часъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Нужно самому испытать, что такое положеніе нелегальнаго революціонера, испытать не въ теченіе одного — двухъ мѣсяцевъ, а въ теченіе цѣлыхъ годовъ, какъ это выпало на долю В. Н., чтобы понять то чувство физическаго и нервнаго покоя, которое охватываетъ человѣка, освобожденнаго, хотя бы даже тюрьмою, отъ узъ многолѣтней нелегальности.

Правительство торжествовало. Одна В. Н. стоила для него сотни другихъ. Въ лицѣ ея сходилъ съ арены борьбы послѣдній, находившійся въ Россіи, членъ 1-го Исполнительнаго Комитета Народной Воли,—того славнаго Исполнительнаго Комитета, дѣятельность котораго пронеслась грозою надъ самодержавной Россіей...

Послѣ ареста В. Н. была тотчасъ-же отправлена въ Петербургъ и заключена въ Петропавловскую крѣпость. Въ виду важности, придаваемой ей правительствомъ, слѣдствіе о ней и о другихъ причастныхъ къ ея дѣлу лицахъ было поручено особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ жандармскаго генерала Середы. Характерный эпизодъ сопровождалъ его первую встрѣчу съ нею. Когда генералъ Середа посѣтилъ въ первый разъ В. Н. въ Петропавловской крѣпости и остался на единѣ съ нею въ камерѣ Трубецкого бастіона, онъ обратился къ ней съ просьбой разрѣшить ему поцѣловать ея руку. Облеченный довѣріемъ высшаго правительства жандармскій генералъ приносилъ свою дань почтенія и уваженія той женщинѣ, смертный приговоръ которой онъ долженъ былъ подготовить...

Полтора года провела В. Н. въ предварительномъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, въ ожиданіи суда. Мысль о немъ вовсе не тревожила ее, и она спокойно подтвердила всѣ предъявленныя ей грозныя обвиненія, не задумываясь о послѣдствіяхъ этого.

Въ это время В. Н. много читала, занималась англійскимъ языкомъ, но все-же ея нервы подъ конецъ сильно разстроились. Страшно поразило ее предательство Дегаева, о которомъ она узнала лишь черезъ годъ послѣ своего ареста. Слишкомъ жестокимъ ударомъ было для нея извѣстіе о низкой, коварной измѣнѣ этого человѣка, уже давно принимавшаго участіе

въ революціономъ дѣлѣ, человѣка, обласканнаго ею, пользовавшагося безусловнымъ ея довѣріемъ въ послѣдній годъ ея жизни, и все же продавшаго себя врагу, выдавшаго сотни людей, въ томъ числѣ и ее, погубившаго все, надъ созиданіемъ чего они столько трудились. Долго, долго спустя не могла она оправиться отъ ужаснаго впечатлѣнія этой измѣны.

Окруженная кошмаромъ этого предательства, шла В. Н. на судъ, вспоминая съ „стѣсненнымъ сердцемъ“ о своихъ, давно уже погибшихъ друзьяхъ и товарищахъ, и скорбя о томъ, что не въ ихъ братскомъ кругу пришлось ей дать свой послѣдній отчетъ передъ судомъ. Много душевной боли и тоски о прошломъ, о своемъ одиночествѣ среди „новыхъ людей“ слышится въ ея стихотвореніи, посвященномъ Л. А. Волкенштейнъ, гдѣ она вспоминаетъ эти дни суда, воскресившіе въ ея памяти „славное братство“ прошлыхъ дней и все пережитое ею съ того времени.

«Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей,
Братство славное мнѣ вспоминалось.
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы—
Силы сердца ему отдавала:
Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла.
Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ,
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ часъ разсчета одной мнѣ предстать
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ,
Между новыхъ людей одинокой стоять
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...

На судѣ Вѣра Николаевна выглядѣла настолько больной и измученной (это не помѣшало сказать ей прекрасное заключительное слово), что Катковъ съ радостью поспѣшилъ объявить въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о тяжелой болѣзни „знаменитой революціонерки Фигнеръ“, находящейся, будто-бы, въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Защитникъ В. Н. въ своей рѣчи, произведшей на всѣхъ сильное впечатлѣніе, прямо заявилъ, „что ему, какъ защитнику, сказать нечего: его кліентка сдѣлала все возможное для самообвиненія, сказавши о себѣ все наиболѣе тяжелое“... Заключилъ онъ свою рѣчь тѣмъ, что его кліентка „не ждетъ и не желаетъ ни милости, ни снисхожденія“. Приговоромъ военно-окружного суда (процессъ 14-ти)

она была приговорена къ смертной казни, замѣненной ей по конфирмаціи безсрочными каторжными работами. Во время предварительнаго слѣдствія мать и сестры В. Н. посѣщали ее въ Петропавловской крѣпости, окружая нѣжной заботливостью, какую только можно было проявить въ тѣхъ условіяхъ крѣпостного режима, въ которыхъ она содержалась. Послѣ суда произошло послѣднее свиданіе ея съ матерью,—послѣднее, потому что онѣ не видѣлись уже никогда больше. Мать, цѣлые года мечтавшая еще разъ обнять свою мужественную дочь, свою любимицу, которою она гордилась, не дождалась ея выхода изъ Шлиссельбурга и умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до ея освобожденія. На послѣднемъ свиданіи, прощаясь съ матерью, В. Н. взяла съ нея слово, что та никогда не обратится ни къ кому ни съ какими просьбами объ ея освобожденіи. Говорятъ — и не безъ основанія, — что съ теченіемъ времени нравы постепенно смягчаются, пріемы правленія становятся гуманнѣе, и что именно XIX-й вѣкъ и, въ особенности, вторая его половина шагнули далеко впередъ и въ этомъ направленіи. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что наша родина является исключеніемъ изъ общаго правила. Когда за полвѣка передъ тѣмъ, въ грозное царствованіе Николая I, осужденныхъ декабристовъ ссылали на каторгу, по его распоряженью,

«Одѣли ихъ въ рубища, сняли кресты,
Но право свиданія дали».

А черезъ 50 лѣтъ русское правительство послало на каторгу людей, въ томъ числѣ и женщинъ, тоже одѣвши въ рубище, тоже снявъ кресты, но при этомъ отнявъ у нихъ, — у многихъ до самой смерти,—право свиданія даже съ женами, мужьями, дѣтьми и родителями!

Замѣна Вѣрѣ Николаевнѣ смертнаго приговора безсрочными каторжными работами повлекла, конечно, за собою заточеніе ея въ Шлиссельбургъ. Эта новая русская Бастилія, воскресшая въ концѣ XIX-го вѣка, должна была служить мѣстомъ пожизненнаго заточенія для наиболѣе опасныхъ противниковъ самодержавнаго правительства. Разумѣется, и для В. Н. тамъ было запасено мѣсто.

При отправкѣ въ Шлиссельбургъ Вѣры Николаевны и осужденной вмѣстѣ съ нею Л. А. Волкенштейнъ было найдено необходимымъ выполнить весь церемоніалъ, соблюдаемый въ такихъ случаяхъ, выполнить даже въ формѣ болѣе жесто-

кой и утрированной, чѣмъ то дѣлается обыкновенно. Послѣ суда обѣихъ женщинъ одѣли, дѣйствительно, въ „рубище“, въ полномъ смыслѣ этого слова: въ грубое, немытое арестантское бѣлье, въ засаленные, вытертые сѣрые арестантскіе халаты, забрызганные сукровицей и матеріей больныхъ; а передъ отправкой въ Шлиссельбургъ заковали въ наручники, чего до тѣхъ поръ никогда не практиковалось по отношенію къ политическимъ женщинамъ. Сама по себѣ заковка не имѣла никакого реальнаго смысла и дѣлалась не съ цѣлью предотвращенія бѣгства. Переѣздъ на пароходѣ до Шлиссельбурга длился только 6—7 часовъ, и многочисленный жандармскій караулъ служилъ достаточной гарантіей противъ всякой подобной попытки. Маленькія руки В. Н. свободно проходили черезъ браслеты наручниковъ, а болѣе узкихъ не оказалось. Но все-же ихъ оставили на ней. Всей этой церемоніей, очевидно, хотѣли произвести извѣстное впечатлѣніе на осужденныхъ, но цѣль не была достигнута. Бываютъ такіе моменты въ жизни людей, когда страданіе и условное униженіе вызываютъ не обиду, не боль, а напротивъ—только чувство самоудовлетворенія и гордости. Такъ было и тутъ: обѣ осужденныя побрякивали своими наручниками, гордясь тѣмъ, что и имъ привелось одѣть ихъ.

30 сентября 1884 г. въ арестантскомъ рубищѣ, закованная, переступила В. Н. порогъ Шлиссельбургской крѣпости, а покинула ее только черезъ 20 лѣтъ. Двадцать безконечныхъ лѣтъ, проведенныхъ во мракѣ этихъ угрюмыхъ стѣнъ! Цѣлая вѣчность въ жизни взрослаго человѣка!

Тамъ, въ стѣнахъ крѣпостныхъ замурованные,
Много лѣтъ были скрыты они;
Лишь одни палачи окровавленные
Сторожили ихъ ночи и дни.

То душевное настроеніе, которое испытывала В. Н. въ первое время своей Шлиссельбургской жизни, картинно рисуетъ она сама въ статьѣ, посвященной памяти Л. А. Волкенштейнъ. „Тотъ, кто былъ когда-либо подъ обаяніемъ образа Іисуса, говоритъ она, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданіе и смерть, кто въ дѣтствѣ и юности ставилъ его идеаломъ, а его жизнь — образцомъ самоотверженной любви, — пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, на-

строена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный, просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо. Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели безсознательно и сознательно прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытываются силы его любви и твердости его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній".

Но подобное настроеніе „христіанской мученицы" не могло продолжаться долго. Слишкомъ жестока была окружающая обстановка и безчисленны поводы къ столкновеніямъ съ тюремщиками, слишкомъ трагичны картины тюремной жизни, чтобы „противъ палачей окровавленныхъ, стерегущихъ ночи и дни" узниковъ, не возникло чувство отвращенія, негодованія и возмущенія. Началась продолжительная война изо дня въ день между заключенными и тюремной администраціей, выражавшаяся въ возможныхъ протестахъ, которые вызывали, въ свою очередь, новыя жестокости. Въ числѣ протестующихъ оказалась и Вѣра Николаевна, и на долю ея тоже пришлось сиживать по шести дней въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, спать на голомъ асфальтовомъ полу и выслушивать грубыя замѣчанія-окрики знаменитаго въ Шлиссельбургскихъ лѣтописяхъ „Ирода".

Положеніе двухъ женщинъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургѣ, не только не отличалось ничѣмъ къ лучшему отъ положенія товарищей-мужчинъ, но во многихъ отношеніяхъ было хуже и тяжелѣе. Двумъ женщинамъ, заключеннымъ въ „мужскую" тюрьму, отданнымъ днемъ и ночью подъ неусыпный надзоръ грубыхъ, отборныхъ по наглости и жестокости жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, приходилось отвоевывать себѣ самыя элементарныя права женщинъ, — хотя бы право имѣть минуты, свободныя отъ наблюденія наглаго мужского взгляда. И отвоевать себѣ это право было не такъ легко. Приходилось вести долгія препирательства съ „Иродомъ", приходилось выслушивать его цинично-наивныя фразы: „Вотъ что выдумали! Экая невидаль! Не видали, подумаешь, никогда унтеръ-офицеры голыхъ женщинъ". Трудно даже сказать, чего тутъ было больше: грубой наивности, цинизма или жестокости...

Не безъ труда удалось также добиться права получать

одинъ разъ въ недѣлю (!!)—по субботамъ—гребенки, чтобы расчесывать свои уцѣлѣвшіе волосы. И это разрѣшеніе считалось величайшею льготой, какимъ-то отступленіемъ отъ тюремной инструкціи. Не говорю уже о томъ, что и позднѣе, въ лучшее время, когда мужчины могли свободно видаться другъ съ другомъ, мѣняя пары какъ на гуляніи, такъ и работѣ въ мастерскихъ,—для женщинъ не могло быть такой смѣны. А съ увозомъ Л. А. Волкенштейнъ, Вѣра Николаевна осталась совсѣмъ одинокой. Но, кромѣ этой частной борьбы во имя нѣкоторыхъ спеціальныхъ правъ женщинъ, велась общая борьба во имя измѣненія всего строя тюремной жизни. Нужно было жить—и для этого отвоевывать шагъ за шагомъ необходимый minimum условій, при которомъ возможно существованіе, или умирать. И дилемма эта разрѣшалась въ обоихъ направленіяхъ. Съ одной стороны, шла неустанная, упорная война съ тюремщиками, приносившая въ концѣ концовъ кой-какіе результаты, борьба, въ которой В. Н. принимала всегда участіе. Съ другой стороны, смерть то и дѣло уносила свои жертвы, не дождавшіяся измѣненія къ лучшему условій существованія. Люди таяли, умирали на глазахъ товарищей, хотя и отдѣленные отъ нихъ стѣною. Этотъ процессъ умиранія и обстановка самой смерти были ужасны по глубинѣ своего трагизма и положительно раздирали душу у невольныхъ свидѣтелей этихъ сценъ, не имѣвшихъ никакой возможности облегчить хоть чѣмъ-нибудь муки умирающихъ. „Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ, говоритъ В. Н., описывая послѣднія минуты Исаева. Всѣ мы притаились, какъ будто сжались, и съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ полному затишью... Не было ни звука... и среди напряженнаго состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ. Тяжело быть свидѣтелемъ разставанія человѣка съ жизнью, но еще тяжелѣе и страшнѣе быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ слушателемъ такого разставанія“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили эти мучительныя картины на всѣхъ заключенныхъ, и тѣмъ болѣе на больные, расшатанные нервы В. Н. А такихъ картинъ проходило тогда передъ глазами слишкомъ много, и уйти, укрыться отъ нихъ было некуда,—ни у себя въ камерѣ, въ которой заключенный проводилъ подъ замкомъ 23 часа въ сутки, ни даже въ короткія минуты прогулокъ. В. Н. описываетъ, что̀ чувствовала она, замѣчая во время гулянья слѣды крови на снѣгу, оставляемые тутъ больными, умиравшими

товарищами, у которыхъ доставало еще силы дотащиться до мѣста прогулки. „На снѣгу справа и слѣва виднѣлась алая, только что выброшенная кровь... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человѣческая... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство клѣтки было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично выставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ же тогда не давали даже лопатъ".

Говорятъ, что нервы человѣка притупляются предъ однообразными, хотя бы и мучительными впечатлѣніями и, въ концѣ концовъ, могутъ огрубѣть и привыкнуть ко всему. Но для заключенныхъ въ Шлиссельбургѣ судьба не была такъ милостива. Нервы наши какъ бы изощрялись въ своей впечатлительности, напрягались и съ каждымъ разомъ реагировали все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе. Происходило это, вѣроятно, потому, что и отдохнуть имъ было не на чемъ...

Вереница сѣрыхъ, тусклыхъ дней, сливавшихся въ одно безформенное цѣлое, не имѣвшее, какъ казалось, ни начала, ни конца, прерывалась лишь тогда, когда въ жизнь тюрьмы врывалось что нибудь исключительное, жестоко-трагичное. И тогда безмолвіе каменной могилы нарушалось такими звуками, отъ которыхъ сердце холодѣло и сжималось отъ боли, печали и негодованія. Раздавался стонъ умирающаго, долетали звуки его агоніи, мучительной, иногда безконечно долгой. Доносился порою полувопль, полукрикъ сумасшедшаго, заглушаемый усиліями ворвавшихся къ нему жандармовъ, не желавшихъ признавать въ немъ больного. И когда все это прекращалось, затихало,—наставала та жуткая тишина, отъ которой сердце замираетъ въ тоскливомъ ожиданіи чего-то опять надвигающагося, неизбѣжнаго, еще болѣе жестокаго и ужаснаго.

Въ эти тяжелыя минуты безысходной тоски и ужаса единственнымъ утѣшеніемъ и отдыхомъ являлись для В. Н. короткія минуты свиданія съ Л. А. Волкенштейнъ, которыми онѣ могли пользоваться только черезъ день, на гуляньи. Но и эти свиданія съ живымъ человѣкомъ, товарищемъ сдѣлались возможными не съ самаго начала, а лишь года черезъ два—три послѣ привоза, т.-е. тогда, когда обстановка тюремной жизни и одиночество проявили уже свою разрушительную работу надъ

человѣкомъ. „Мои нервы и организмъ,—говоритъ В. Н.,—были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно... Общее самочувствіе мое было прямо ненормально... И вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня, и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности... Мы подружились дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы походили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было никого и ничего кромѣ другъ друга... Всѣ сокровища своей любящей души она щедрою рукою отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ-нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милаго лица разгоняли тоску и давали радость. Послѣ свиданія я уходила успокоенной, преображенной... Камера не казалась мнѣ такой суровой, и жизнь мрачной...“ „Когда въ тюрьмѣ,—говоритъ далѣе Вѣра Николаевна,—происходило какое-нибудь несчастье, когда умирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонію которыхъ мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчивой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ или сидѣли на землѣ, прислонившись къ забору. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни“...

Но наступила минута, когда и эта единственная радость, единственное утѣшеніе отнимались у Вѣры Николаевны. Въ виду того, что не всѣ товарищи сразу стали пользоваться льготою свиданій, и нѣкоторыхъ долго ея лишали, объ Шлиссельбургскія узницы не захотѣли, по иниціативѣ Л. А. Волкенштейнъ, находиться въ болѣе привилегированномъ положеніи и отказались отъ свиданій, столь важныхъ и насущныхъ для нихъ обѣихъ. И только черезъ 1½ года, когда вопросъ о свиданіяхъ для всѣхъ заключенныхъ разрѣшился въ положительномъ смыслѣ, онѣ снова увидали другъ друга.

Много горькихъ минутъ доставляли Вѣрѣ Николаевнѣ думы о матери, которую она горячо любила, объ отсутствіи надеждъ когда-либо увидаться съ нею и о томъ, какъ эта безнадежность должна убивать старушку.

Пріѣзжавшія изъ Петербурга высшія власти и мѣстная

тюремная администрація настойчиво подчеркивали ту мысль, что для безсрочныхъ нѣтъ и не можетъ быть выхода изъ Шлиссельбурга, и что только искреннее раскаяніе можетъ открыть предъ ними двери тюрьмы. „Отсюда не выходятъ живыми,—говорилъ тюремный врачъ, какъ бы въ утѣшеніе одному трудно больному, почти умиравшему товарищу Вѣры Николавны,—отсюда только выносятъ ногами впередъ. И не велика разница умереть раньше или позже". Даже относительно срочныхъ Шлиссельбуржцевъ вопросъ казался крайне сомнительнымъ. Такъ напр., отставному офицеру Лаговскому, заключенному въ Шлиссельбургъ на 5 лѣтъ безъ суда административнымъ порядкомъ, наканунѣ дня его предполагаемаго освобожденія было объявлено, что по высочайшему повелѣнію срокъ его заключенія продолженъ еще на 5 лѣтъ. Эта боль и тоска, питаемая мыслью о вѣчной разлукѣ съ матерью, вылилась у В. Н. въ прекрасномъ стихотвореніи, посланномъ ею съ однимъ увозимымъ товарищемъ для передачи матери:

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть въ жизни святого,
Чистаго, нѣжнаго, намъ дорогого,
Дай обо мнѣ ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удѣла иного,
Всѣмъ идеаламъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь въ первое время:
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломитъ меня.
Но не сломило... Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю
Мать дорогую обнять!..
Мать не прошу я любить: сердце чуетъ,
Что и безъ просьбъ она любитъ, горюетъ,
Образъ мой въ сердцѣ хранитъ.
Но пусть не плачетъ, меня вспоминая:
Я весела... Я бодра... Пусть родная
Горемъ себя не томитъ!
Пусть лишь въ молитвахъ меня поминаетъ,
Пусть лишь крестомъ издали осѣняетъ —
Дочь трудный путь да свершитъ!..

Нужно сказать, что до Шлиссельбурга В. Н. никогда не занималась поэзіей. Здѣсь случайное обстоятельство толкнуло ее на это. Одинъ товарищъ послалъ ей къ именинамъ въ

качествѣ привѣта, нѣсколько риѳмованныхъ строкъ, на которыя она и отвѣтила своимъ первымъ стихотвореніемъ:

Намъ выпало счастье—всѣ лучшія силы
Въ борьбѣ за свободу всецѣло отдать...
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дѣло народа терпѣть и страдать!..

Въ первое время форма и размѣръ не совсѣмъ давались Вѣрѣ Николаевнѣ, но она быстро справилась съ этимъ, какъ и со всѣмъ, за что когда-либо бралась. Впрочемъ, количество ея поэтическихъ произведеній не велико. Краткіе періоды творчества смѣнялись длинными періодами, годами, когда она ничего не писала.

Темную и еще мало изслѣдованную область представляетъ изъ себя психологія одиночнаго заключенія. Въ Шлиссельбургской практикѣ бывали случаи, когда люди, выносившіе всю тяжесть одиночнаго заключенія, налагаемаго на нихъ въ качествѣ наиболѣе тяжелаго наказанія, не довольствовались той почти идеальной его формой, въ какой оно примѣнялось въ Шлиссельбургѣ, и сами создавали себѣ на время еще болѣе совершенную систему одиночества. Это случалось обыкновенно, когда человѣка слишкомъ ужъ потрясало какое-нибудь исключительно трагическое происшествіе тюремной жизни, или когда на него находило по тѣмъ или другимъ причинамъ особое тоскливое настроеніе. Впрочемъ, часто это бывало первымъ симптомомъ надвигающагося психическаго недуга. Находили такія минуты и на В. Н., когда даже перестукиванье съ сосѣдями, которое въ обыкновенное время являлось жизненной необходимостью для заключеннаго, становилось тяжелымъ, невыносимымъ для ея расшатанныхъ, издерганныхъ нервовъ. И тогда, разсказываетъ В. Н., „больная, измученная, еле держась на ногахъ, съ полными слезъ глазами, я все-таки подходила къ стѣнкѣ и стучала“... Но затѣмъ ея силъ не хватало уже на это. Всякій шорохъ, стукъ заставлялъ ее вздрагивать, вскрикивать; это нервное вскрикиваніе звучало такъ болѣзненно, что слышать его становилось положительно жутко. Кончалось это тѣмъ, что В. Н. на время совершенно изолировала себя въ своей раковинѣ-камерѣ, замыкалась въ себя и просила сидѣвшихъ вблизи товарищей оставить ее наединѣ съ самой собою, не вызывать на разговоръ и не тревожить. И она уходила на недѣлю, на двѣ въ сторону отъ тюремной жизни, переживая одна надвинувшееся на нее тяжелое настроеніе. Не въ ея характерѣ было выносить наружу,

даже передъ товарищами, свои чувства, свое горе. Но вотъ проходилъ острый періодъ, и В. Н. снова появлялась въ товарищескомъ кругу.

Шли годы, одинъ за другимъ; самые трудные первые годы Шлиссельбургской эпопеи проходили и уносили одну за другою свои жертвы, находившія послѣднее успокоеніе у подножья крѣпостныхъ стѣнъ.

Пали всѣ лучшіе.. Въ землю зарытые,
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли...

Среди заключенныхъ происходилъ своего рода естественный отборъ: вымирали сначала больные, изнуренные уже предшествующимъ заключеніемъ, вслѣдъ за ними—болѣе слабые, организмъ которыхъ быстро разрушался подъ вліяніемъ какъ бы спеціально приноровленной для этого обстановки заключенія; а затѣмъ очередь дошла бы, навѣрное, и до остальныхъ, если бы начавшееся измѣненіе режима не пріостановило этого процесса вымиранія [1]).

Въ концѣ 1887-го года, послѣ самосожженія Грачевскаго, исчезъ съ Шлиссельбургскаго горизонта „знаменитый“ Иродъ, уволенный за то, что „проглядѣлъ“ и допустилъ совершиться этому факту самоубійства. Высшія власти, приспособивъ весь тюремный режимъ къ тому, чтобы онъ навѣрняка убивалъ заключенныхъ, не хотѣли, однако, допустить, чтобы тѣ сами налагали на себя руки и ускоряли такимъ образомъ то, что во всякомъ случаѣ должно было неминуемо случиться. Трудно объяснить это „охраненіе“ отъ самоубійства чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ утонченной жестокости, стремившейся продлить агонію обреченныхъ,—заставить ихъ испить до дна ту горькую чашу, которую имъ подносили, прежде чѣмъ они уйдутъ изъ жизни. Исчезновеніе Ирода не внесло, однако, какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ въ тюремную жизнь. Общій характеръ ея оставался прежній до начала 90-хъ годовъ.

Лѣтомъ 1888 года В. Н. пережила тяжелыя, горькія минуты. Умиралъ, сраженный скоротечной чахоткой, ея старый, близкій другъ Ю. Н. Богдановичъ (Кобозевъ), вмѣстѣ съ которымъ переживала она и движеніе въ народъ, и періодъ славнаго на-

[1]) Въ теченіе первыхъ 5-ти лѣтъ существованія Шлиссельбургской тюрьмы (1884—1889 г.) изъ 53 человѣкъ, переступившихъ за эти годы ея порогъ, трое были скоро увезены, 9 казнены, 5 сошли съ ума и 16 человѣкъ умерло отъ чахотки, цынги и самоубійства, т.-е. исчезло 57% заключенныхъ.

родовольческаго наступленія. Богдановичъ умиралъ, какъ умирали и другіе,—подъ замкомъ, одиноко, безъ всякаго ухода и призора, причемъ у Вѣры Николаевны отнято было даже утѣшеніе облегчить своею непосредственною близостью послѣднія минуты умирающаго друга. Порядокъ, въ которомъ заключенные располагались въ камерахъ, зависѣлъ отъ тюремной администраціи и былъ или случайнымъ, или преслѣдовалъ опредѣленную цѣль—изолировать другъ отъ друга тѣхъ, со стороны которыхъ можно было ожидать совмѣстнаго протеста. Умирающаго Богдановича и В. Н. раздѣляли 3 камеры. И вотъ, воспользовавшись посѣщеніемъ тюрьмы начальникомъ штаба корпуса жандармовъ ген. Петрова, они оба заговорили съ послѣднимъ о томъ, чтобъ ихъ помѣстили въ сосѣднихъ камерахъ. Происходило это за $1^1/_2$ мѣсяца до смерти Богдановича, когда въ исходѣ его болѣзни не было уже никакого сомнѣнія, и притомъ въ такой періодъ шлиссельбургской жизни, когда, послѣ упорной борьбы заключенныхъ за право стука, оно было уже признано администраціей. И, тѣмъ не менѣе, ген. Петровъ наотрѣзъ отказался удовлетворить даже и это невинное желаніе. Смерть Богдановича, ея медленная, мучительная агонія настолько потрясла В. Н., что она мѣсяца на 2—3 замкнулась въ себѣ, въ своей камерѣ, переживая наединѣ тяжелыя минуты горя. И гдѣ только находила силы эта миніатюрная, хрупкая женщина бороться со всѣми безпощадными, разрушающими духъ и тѣло вліяніями тюрьмы, которыхъ не выдерживали несравненно болѣе сильные организмы?!

Въ концѣ 1889 года произошла общетюремная 8—9-ти-дневная голодовка, вызванная тѣмъ, что послѣ посѣщенія тюрьмы двумя Дурново—министромъ внут. дѣл. и директоромъ департамента полиціи,—по ихъ распоряженію были отобраны у заключенныхъ тѣ немногія, принадлежавшія имъ лично книги, которыя незадолго передъ тѣмъ были имъ выданы на руки. На 9-й день, когда выяснилось, что продолженіе голодовки обрекаетъ на неизбѣжную смерть нѣкоторыхъ больныхъ, наиболѣе слабыхъ товарищей, она была прекращена. Но В. Н., упорная, какъ и всегда, въ своемъ рѣшеніи, продолжала голодовку еще нѣсколько дней и прекратила ее только по настойчивымъ мольбамъ товарищей.

Въ началѣ 90-ыхъ годовъ, произошли значительныя реформы въ тюремномъ режимѣ. Трудно сказать, чѣмъ были онѣ вызваны. Насытили-ль высшія власти свое мстительное чувство, уморивъ половину заключенныхъ, или просто не желали, чтобъ

это учрежденіе опустѣло и естественнымъ путемъ прекратило свое существованіе? Во всякомъ случаѣ, въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній, обстановка тюремной жизни сильно измѣнилась. Время гулянья было увеличено, пища улучшена, открыты мастерскія; тюремная библіотека стала пополняться, и приличное обращеніе на „вы“ окончательно замѣнило прежнее хамское „ты“ Ирода или обращеніе въ безличной формѣ. Общеніе между заключенными увеличилось, благодаря совмѣстной работѣ въ мастерскихъ (по двое) и праву перемѣнять по своему желанію товарища по гулянью и работамъ. Только двѣ женщины были лишены этого разнообразія; но послѣ продолжительной борьбы и для нихъ открылась возможность непосредственнаго общенія съ остальными товарищами-мужчинами. Верхнія половины заборовъ, раздѣлявшія огороды и мѣста прогулокъ, были замѣнены деревянными рѣшетками, и такимъ образомъ обѣ узницы получили возможность ежедневно во время гулянья видѣться черезъ рѣшетку съ товарищами, а также бесѣдовать съ ними у открытыхъ дверныхъ форточекъ мастерскихъ. Измѣненіе режима благотворно повліяло на разстроенное физическое здоровье и расшатанные нервы В. Н.: по-немногу она окрѣпла, и громадный запасъ присущей ей энергіи нашелъ себѣ примѣненіе даже въ тѣсныхъ рамкахъ Шлиссельбургской жизни.

Весь день В. Н. оказался заполненнымъ: огородныя работы смѣнялись работами въ мастерскихъ (переплетная, столярная, токарная) и домашними занятіями—шитьемъ, вязаньемъ фуфаекъ для товарищей и т. п. Обладая достаточною подготовкою, В. Н. начала, кромѣ того, проходить систематическій курсъ естествознанія, ботаники, зоологіи, минералогіи, физики, химіи, астрономіи, подъ руководствомъ одного изъ товарищей—Лукашевича, очень свѣдущаго въ этой области науки. Занималась В. Н. уже самостоятельно и общественными науками, поскольку это было возможно при наличности той нелѣпой департаментской цензуры, которой подвергались всѣ новыя, поступавшія въ тюремную библіотеку, книги по общественнымъ вопросамъ. По ея иниціативѣ и при ея непосредственномъ участіи, устраивались общія чтенія и дебаты, лекціи по естествознанію, философіи и другимъ общественнымъ вопросамъ, писались рефераты; однимъ словомъ, В. Н. была всегда въ фокусѣ того, что составляло общественную жизнь Шлиссельбургской тюрьмы и въ чемъ проявлялась совмѣстная дѣятельность заключенныхъ. Все это можетъ показаться, конечно, мелкимъ, незначительнымъ сравнительно

съ тѣмъ, чему была посвящена вся ея вольная жизнь и многолѣтняя революціонная работа. Но въ то же время все это рисуетъ образъ человѣка способнаго и умѣющаго во всякой обстановкѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, наполнять свою жизнь трудомъ, отыскивать возможное примѣненіе своимъ способностямъ и энергіи, побуждая къ тому же и другихъ своимъ примѣромъ.

Въ ноябрѣ 1896 года крупное событіе нарушило обычное теченіе Шлиссельбургской жизни. Совершенно неожиданно послѣдовало объявленіе о примѣненіи коронаціоннаго манифеста къ восьми человѣкамъ изъ 21-го, составлявшихъ тогда населеніе тюрьмы. Частичное примѣненіе манифеста лишь къ одной части Шлиссельбуржцевъ и непримѣненіе его къ десяти безсрочнымъ, въ томъ числѣ и къ В. Н., какъ бы съ умысломъ подчеркивало безнадежность положенія послѣднихъ.

Примѣненіе манифеста повлекло за собою немедленный увозъ изъ Шлиссельбурга пяти человѣкъ, въ томъ числѣ и Л. А. Волкенштейнъ.

Тюрьма сразу опустѣла, а въ ближайшемъ будущемъ ей предстояло еще болѣе опустѣть, благодаря предстоявшему увозу еще шести человѣкъ срочныхъ. Положеніе В. Н., потерявшей въ лицѣ Л. А. Волкенштейнъ того близкаго друга, о которомъ она вспоминаетъ съ такою любовью, сдѣлалось еще болѣе одинокимъ, и возможность общенія съ товарищами-мужчинами не могла, конечно, замѣнить ей интимную женскую близость и дружбу, которою были связаны обѣ Шлиссельбургскія узницы. По счастью, на помощь Вѣрѣ Николаевнѣ пришло одно обстоятельство, внесшее новое содержаніе въ ея жизнь и занявшее ея время и мысли работой, которой она отдалась со свойственными ей увлеченіемъ и настойчивостью.

Всякій шлиссельбуржецъ, навѣрное, вспомнитъ всегда съ чувствомъ сердечной признательности доктора Безроднаго, прослужившаго слишкомъ пять лѣтъ тюремнымъ врачемъ и относившагося все время съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ и вниманіемъ къ нуждамъ заключенныхъ. Какими-то путями ему удалось добиться въ департаментѣ полиціи разрѣшенія снабжать заключенныхъ разными коллекціями изъ подвижного музея техническаго общества — ботаническими, минеральными, физическими и др. Вслѣдъ за коллекціями стали поступать въ тюрьму различные заказы изъ музея, за исполненіе которыхъ съ полною охотою взялись заключенные. Изъ матеріаловъ, собираемыхъ ими самими, а также получаемыми изъ музея въ

видѣ массы сушеныхъ растеній, насѣкомыхъ, минераловъ и т. д., составлялись различныя коллекціи, гербаріи, отправлявшіеся въ музей, рисовались статистическія и ботаническія таблицы, изготовлялись ящики, футляры для присылаемыхъ физическихъ инструментовъ и т. д. Душой всѣхъ этихъ работъ, организаторомъ ихъ являлась В. Н., принимая въ нихъ и непосредственное личное участіе. Ея собственными руками изготовленъ былъ не одинъ десятокъ прекрасныхъ гербаріевъ, минералогическихъ и энтомологическихъ коллекцій и т. п.

Эти работы, которымъ она посвящала много времени, не мѣшали ей однако продолжать обычныя занятія—спеціальныя по естествознанію, чтеніе, изученіе англійскаго и итальянскаго языка, многочисленные переводы съ французскаго и нѣмецкаго и т. д. Вспоминая это время, можно лишь удивляться изумительной трудоспособности и трудолюбію В. Н., настойчивости и умѣнію, съ которыми она доводила до конца всѣ свои разнообразныя работы и научныя занятія, удѣляя при этомъ время и товарищамъ, общимъ чтеніямъ и дружескимъ бесѣдамъ съ ними.

Можетъ быть, именно эта напряженная работа и занятія и поддерживали В. Н., давая хоть какой-нибудь исходъ ея энергіи и спасая отъ тяжелыхъ вліяній тюремной жизни. Вѣдь не нужно думать, что въ теченіе этихъ 8—10 лѣтъ (1890—1900 г.) жизнь тюрьмы протекала уже вполнѣ тихо и безмятежно. Положеніе заключенныхъ, правда, улучшилось, сравнительно съ первымъ трагическимъ періодомъ шлиссельбургской жизни, но улучшилось именно только „сравнительно“, и тюрьма попрежнему продолжала носить характеръ замурованнаго склепа, какъ бы позабытаго всѣмъ міромъ, гдѣ заключеннымъ было суждено доживать свои дни, безъ надеждъ на что-либо лучшее, наблюдая, какъ разваливается и осыпается даже толща стѣнъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ жизни.

А внутри только стѣны обваливались,
Распадаясь на мусоръ и хламъ;
Каждый годъ разрастались и сваливались
Лопухи по забытымъ угламъ.

Продолжалась та же постоянная, упорная война за различныя мелкія льготы, отъ совокупности которыхъ зависѣла вся жизнь заключенныхъ, прерываемая время отъ времени моментами острыхъ конфликтовъ съ администраціей. Призракъ смерти и сумасшествія не царилъ надъ тюрьмою такъ властно, какъ прежде, но и за эти годы заключенные схоронили нѣсколькихъ

товарищей, и на ихъ глазахъ развивались, хотя и не такъ часто, какъ прежде, картины психическихъ заболѣваній, мучительныхъ и безнадежныхъ, какъ это было, напр., съ Похитоновымъ въ 1895 г. Трагическій элементъ убавился, но не исчезъ совершенно изъ Шлиссельбургской жизни. Тюрьма продолжала оставаться тюрьмою, и при этомъ исключительною, убивавшею у своихъ безсрочныхъ обитателей всякую надежду на будущее, отрывавшею ихъ навѣки отъ живого міра, отъ всего, что придавало цѣну и смыслъ ихъ жизни. И мысль о безцѣльности этого существованія невольно мелькала порою у многихъ, угнетая умъ и душу!

„Если бы хоть маленькая струйка вашего сочувствія, хоть маленькій притокъ вольнаго воздуха и свѣжихъ людей проникалъ къ намъ,—отвѣчаетъ В. Н. въ своемъ письмѣ архангельскимъ ссыльнымъ на ихъ привѣтствія,—намъ жилось бы легче! Но мы были оторваны всецѣло и безнадежно отъ всего милаго и дорогого, и это было, пожалуй, тяжелѣе всего... Часто,—говоритъ она далѣе,—воображеніе рисовало мнѣ картину Верещагина, въ натурѣ, впрочемъ, никогда не видѣнную мною: на вершинѣ утесовъ Шипки, въ снѣговую бурю, стоитъ недвижно солдатъ на караулѣ, забытый своимъ отрядомъ... Онъ сторожитъ покинутую позицію и ждетъ прихода смѣны... Но смѣна медлитъ... смѣна не приходитъ... и не придетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, воетъ и по-немногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ-подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца. Такъ жили и мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспоминанія, которыя тускнѣли, стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣли, изживали свою жизнь—а смѣны все не было и не было“.

Такъ рисуетъ сама Вѣра Николаевна картинно и глубоко вѣрно тѣ чувства и мысли, которыя переживала она, какъ и всѣ товарищи, находя лишь нѣкоторое забвеніе въ томъ неустанномъ трудѣ, которымъ наполнялась вся ея тюремная жизнь.

Но, при всемъ сознаніи безнадежности своего положенія, при всей душевной усталости, которая является неизбѣжнымъ удѣломъ продолжительнаго заключенія, В. Н. неизмѣнно сохраняла всегда глубокую вѣру въ правоту и грядущую побѣду той идеи, того дѣла, которымъ она служила прежде, служила и теперь, оставаясь на своемъ „забытомъ посту“ безъ

надежды, что увидитъ день этой побѣды. И она, конечно, испытала рѣдкія, но полныя высокаго счастья минуты, которыя выпадаютъ и на долю замурованнаго на вѣки человѣка, провидящаго духовнымъ взоромъ торжество его идеи, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ, и увѣреннаго, что и впредь выполнитъ его до конца.

Но, темницей глухой не подавленные,
Появлялись страдальцы изъ тьмы
И, давно всѣми въ мірѣ оставленные,
Говорили въ безмолвьи тюрьмы:
«Пусть насилья законы безсмысленные
Налагаетъ на насъ произволъ.
Не помогутъ вамъ казни безчисленныя
И падетъ угнетенья престолъ!
«Вы не страшны для насъ, угнетающіе,
Хоть умремъ мы въ глуши отъ меча...
Вѣчной жизни струи обновляющія
Не пресѣчь вамъ рукой палача!»
. . . . . .

И вотъ, въ 1901 году эта свѣжая, обновляющая струя вторглась въ жизнь В. Н. и ея товарищей и, поднявъ общій тонъ ея, внесла небывалое до тѣхъ поръ оживленіе. Въ маѣ этого года, въ первый разъ послѣ 13-ти лѣтняго промежутка, сильно порѣдѣвшая шлиссельбургская колонія пополнилась новымъ членомъ — Карповичемъ. Онъ явился первой ласточкой разгоравшагося движенія, первымъ желаннымъ вѣстникомъ изъ міра жизни и борьбы. Появленіе его, расшевеливъ жизнь тюрьмы, повлекло, однако, за собою цѣлый рядъ столкновеній съ тюремной администраціей, старавшейся, хотя и безуспѣшно, изолировать „новичка“ отъ „стариковъ“ и препятствовать, по возможности, ихъ сношеніямъ. Впрочемъ, для подобныхъ столкновеній назрѣвали уже и другія причины. Надвигавшаяся общероссійская реакція (министерство Сипягина и Плеве) неизбѣжно должна была отразиться и на положеніи заключенныхъ всевозможными репрессіями, какъ это бывало и раньше. Тюремная администрація не разъ уже намекала на возможность измѣненія къ худшему тюремнаго режима, поясняя, что сидящіе въ Шлиссельбургѣ связаны круговою порукою съ дѣйствующими революціонерами и являются отвѣтственными за то, что̀ совершаютъ послѣдніе. Нуженъ былъ только предлогъ, чтобы открыть походъ противъ шлиссельбургскихъ „вольностей“, и онъ скоро представился. Въ февралѣ 1902-го года М. Поповъ сдѣлалъ попытку переслать черезъ рядового жандармской

команды письмо къ роднымъ, перехваченное тюремнымъ начальствомъ. Въ этотъ же день заключеннымъ было объявлено, что они лишаются многихъ существеныхъ льготъ, которыми они пользовались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, тюремная администрація умышленно вызвала инцидентъ, воскресившій къ жизни прежніе порядки, очевидно съ цѣлью доказать свое твердое рѣшеніе идти до конца. Былъ пущенъ въ ходъ старинный излюбленный жандармами пріемъ — доводить людей до неистовства систематическимъ безпрерывнымъ заглядываньемъ въ дверной глазокъ, причемъ объектомъ этихъ манипуляцій избрали меня, человѣка завѣдомо нервнаго. Доведя меня, что называется, до бѣлаго каленія и принудивъ, въ концѣ концовъ, залѣпить дверной глазокъ бумагой, чтобы спастись отъ вызывающаго, назойливаго заглядыванья, шесть жандармскихъ унтеровъ, подъ предводительствомъ смотрителя тюрьмы и самого коменданта крѣпости, ворвались въ мою камеру и принялись вязать меня, надѣвая сумасшедшую рубаху. Дѣло кончилось тѣмъ, что со мной случился припадокъ глоточной спазмы, и въ безчувственномъ состояніи, связаннаго, меня унесли въ другую камеру.

Ближайшіе сосѣди, до слуха которыхъ долетѣлъ шумъ и возня, подняли на ноги всю тюрьму. Поднялся неистовый стукъ во всѣ двери, чѣмъ попало, крики и требованія допустить къ пострадавшему товарищу и позвать доктора, который и появился вскорѣ, но только черезъ часъ привелъ меня въ чувство, заявивъ протестъ противъ незаконнаго поведенія администраціи, которая, по тюремнымъ правиламъ, не имѣла права прибѣгать къ сумасшедшей рубашкѣ безъ его разрѣшенія.

Это былъ многознаменательный инцидентъ, указывавшій на то, къ какимъ пріемамъ борьбы и усмиренія предполагаетъ прибѣгать тюремная администрація. Не желая и не считая возможнымъ допустить, чтобы этотъ случай прошелъ для нея безнаказанно, съ перспективою повториться въ ближайшемъ будущемъ, В. Н. рѣшила дать надлежащій отпоръ, не предупредивъ никого о своемъ рѣшеніи, какъ всегда поступала въ такихъ случаяхъ. На другой день она пригласила смотрителя тюрьмы, жандармскаго ротмистра Гудзя, и передала ему для отправки въ департаментъ коротенькое письмо къ матери, въ которомъ просила послѣднюю побывать немедленно въ департаментѣ полиціи и обратить его вниманіе на то, что случилось недавно въ Шлиссельбургской тюрьмѣ и грозитъ опять войти въ обиходъ ея жизни. Черезъ часъ смотритель воз-

вратился и принесъ письмо обратно, сообщивъ, что оно не можетъ быть отправлено, а на сдѣланное ему указаніе, что по существующей инструкціи онъ обязанъ отправлять въ департаментъ все, что вручаютъ ему заключенные, объявилъ, что въ такомъ случаѣ тюремная администрація лишаетъ ее права переписки,—что опять таки превышало компетенцію мѣстной администраціи и зависѣло отъ департамента. Представлялось очевиднымъ, что тюремное начальство желаетъ замять дѣло, не доводя его до свѣдѣнія Петербурга. И вотъ, чтобы помѣшать этому, В. Н. самоотверженно рѣшилась совершить такой серьезный фактъ, скрыть который,—думалось ей,—администрація уже не сможетъ, что и поведетъ къ разслѣдованію всего происшедшаго. Неожиданнымъ, быстрымъ движеніемъ сорвала она съ плечъ смотрителя погоны и бросила ихъ на полъ. „Что вы дѣлаете! Что вы дѣлаете!“—повторилъ нѣсколько разъ растерявшійся смотритель и поспѣшно скрылся изъ камеры.

Только послѣ его ухода В. Н. сообщила товарищамъ стукомъ о томъ, что сейчасъ произошло.

Вся тюрьма страшно взволновалась, опасаясь, какъ бы жандармы не приняли противъ В. Н. какихъ-нибудь немедленныхъ репрессивныхъ мѣръ. Поднялся шумъ, стукъ въ двери, съ угрозами ломать ихъ и бить окна, если жандармы тронутъ ее хоть пальцемъ. Растерявшееся тюремное начальство принялось успокаивать заключенныхъ, увѣряя, что тревога ихъ напрасна, и ничто не грозитъ „одиннадцатой“, какъ они называли В. Н.

Почти цѣлый мѣсяцъ заключенные жили послѣ этого въ тревожномъ, напряженномъ состояніи, отказавшись отъ прогулокъ и карауля всякій шумъ, движеніе у камеры В. Н. Совершенное ею вполнѣ подходило подъ рубрику того, что въ „инструкціи“ называлось „оскорбленіемъ дѣйствіемъ лицъ тюремной администраціи“; а за это полагалась смертная казнь. Такъ было съ Мышкинымъ и Минаковымъ.

Недѣли черезъ три пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, жандармскій полковникъ, старшій адъютантъ корпуснаго штаба, чтобы произвести разслѣдованіе о происшедшемъ. Болѣе часа бесѣдовалъ онъ съ В. Н., настойчиво наводя ее на объясненія такого рода, что она совершила свой поступокъ безсознательно, подъ вліяніемъ аффекта. Но В. Н. упорно отклоняла это объясненіе и категорически заявляла, что она дѣйствовала въ полномъ разумѣніи, сознавая значеніе своего поступка, который являлся единственнымъ возможнымъ съ ея стороны отвѣтомъ на поведеніе

тюремной администраціи. Съ этимъ и ушелъ присланный министерствомъ слѣдователь. Еще нѣсколько недѣль продолжалось тревожное ожиданіе исхода этого дѣла, рѣшать которое пришлось, однако, уже не Сипягину, а Плеве. Но и этотъ ultra-реакціонный министръ не нашелъ возможнымъ или удобнымъ принять какія-либо суровыя мѣры противъ женщины, перенесшей уже 20 лѣтъ заключенія. Дѣло разрѣшилось для В. Н. только лишеніемъ переписки съ родными на одинъ годъ безъ иныхъ какихъ-либо послѣдствій.

Странно складываются иногда обстоятельства въ жизни человѣка. Тотъ самый поступокъ, который грозилъ Вѣрѣ Николаевнѣ такими серьезными послѣдствіями, повелъ къ совершенно неожиданному результату. Мать ея, до которой дошли черезъ одного увезеннаго изъ Шлиссельбурга (Поливанова) подробныя свѣдѣнія о происшедшемъ (правда, уже въ то время, когда дѣло о погонахъ было сдано въ архивъ),—сильно встревожилась. Материнское сердце не выдержало, и она, тревога за дальнѣйшую судьбу дочери, начала хлопотать за нее, нарушая слово, данное ею при послѣднемъ ихъ свиданіи. И вотъ, въ январѣ 1903 года комендантъ Шлиссельбургской крѣпости, явившись къ В. Н., съ видимымъ неудовольствіемъ прочелъ высочайшее повелѣніе о замѣнѣ ей, по просьбѣ матери, безсрочныхъ каторжныхъ работъ срочными — на 20 лѣтъ. В. Н. отбыла послѣ суда уже болѣе 18-ти лѣтъ заключенія, и такимъ образомъ передъ нею открылась перспектива черезъ два года покинуть Шлиссельбургъ.

Три послѣдніе года тюремной жизни тяжело отразились на здоровьи и душевномъ состояніи В. Н. Съ появленіемъ у власти Плеве вопросъ о сокращеніи тюремныхъ „вольностей“ былъ рѣшенъ окончательно. Проектировалось постепенно обратить Шлиссельбургскую тюрьму въ „первобытное состояніе“, и для проведенія этой реформы былъ присланъ новый комендантъ—жандармскій полковникъ Яковлевъ, человѣкъ въ такихъ дѣлахъ опытный, состоявшій въ былое время помощникомъ Прода въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ Шлиссельбургѣ. Несмотря на всѣ усилія, заключеннымъ удалось сохранить только часть такъ называемыхъ „льготъ“, отвоеванныхъ ими за долгіе годы, и тиски тюремнаго режима, воскресившаго во многихъ отношеніяхъ обстановку перваго періода шлиссельбургской исторіи, снова сдавили ихъ жизнь. Заключенные лишились очень многаго и существеннаго: лишились права полученія журналовъ за прошлый годъ, и многихъ такихъ книгъ,

которыя раньше допускались свободно (запретили, напр., даже крестный календарь Гатцука),- относительной свободы передвиженія, какъ въ тюрьмѣ, такъ и на прогулкѣ (камеры и огороды стали неукоснительно запираться на замокъ), тюремнаго двора, единственнаго мѣста, пригоднаго для парниковыхъ культуръ и проч. Само общеніе заключенныхъ сильно затруднилось, благодаря тому, что вмѣсто полузаборовъ - полурѣшетокъ, раздѣлявшихъ огороды, были теперь воздвигнуты высокія пяти-аршинныя стѣны, съ небольшими лишь рѣшетками наверху, да и то въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. Всего хуже приходилось въ этомъ отношеніи Вѣрѣ Николаевнѣ, для свиданія съ которой приходилось устраивать различныя громоздкія приспособленія, что́ опять-таки вызывало конфликты съ тюремной администраціей. Характеренъ отвѣтъ директора департамента полиціи на переданное ему желаніе заключенныхъ познакомиться съ новымъ уложеніемъ о наказаніи: „Положеніе ихъ исключительное, никакіе законы не имѣютъ къ нимъ отношенія, а потому и знакомство съ новымъ уложеніемъ о наказаніяхъ для нихъ совершенно излишне". Шлиссельбургская тюрьма объявлялась, такимъ образомъ, „внѣ закона". Измѣнились, наконецъ, къ худшему и физическія условія тюремной жизни: уменьшились часы гулянья, ухудшилась пища; даже топить начали скупо. Все это повліяло крайне неблагопріятно на здоровье В. Н.: у нея появились признаки цынги, не оставлявшей ея вплоть до самаго отъѣзда изъ Шлиссельбурга, а нервная система, на которую, кромѣ общихъ условій, повліяли отрицательно и другія причины, опять сильно расшаталась. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела, напр., казнь Балмашева, совершенная въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ тюрьмы. Объ убійствѣ Сипягина заключенные узнали изъ обрывка газеты, занесенной случайно въ огородъ или подброшенной туда какою-нибудь доброжелательною рукою. Смыслъ тѣхъ приготовленій къ казни (совершенной на заднемъ дворикѣ старой тюрьмы), которыя были замѣчены раньше, но не возбуждали еще опредѣленныхъ подозрѣній, выяснился для всѣхъ лишь тогда, когда Балмашева, привезеннаго въ Шлиссельбургъ рано утромъ, продержали цѣлый день въ канцеляріи, вмѣсто того, чтобы перевести въ старую или новую тюрьму. Самый пріѣздъ его случайно былъ замѣченъ однимъ изъ заключенныхъ, увидавшимъ въ окно, какъ по крѣпостному двору отъ воротъ провели высокаго блондина въ нагольной шубѣ, наброшенной на плечи, окруженнаго цѣлою толпою жандармовъ.

Когда же вечеромъ появились на крѣпостномъ дворѣ должностныя лица, прибывшія изъ Петербурга, и крѣпостной священникъ,—ни у кого не осталось уже сомнѣнія въ томъ, что предстоитъ казнь. Было что-то жуткое, гнетущее въ тяжелой увѣренности, что черезъ нѣсколько часовъ въ двухъ шагахъ совершится этотъ актъ холоднаго, обдуманнаго убійства, что тутъ же невдалекѣ незнакомый, но близкій по духу и чувствамъ человѣкъ переживаетъ одиноко послѣдніе часы своей жизни. А когда надвинулся полумракъ майской ночи, подъ покровомъ которой палачи какъ бы инстинктивно прячутъ свое позорное дѣло, когда раздался топотъ караула, проходившаго мимо тюрьмы на мѣсто казни, и затѣмъ внезапно, въ неурочное время ночи, загорѣлся въ камерахъ заключенныхъ электрическій свѣтъ, который понадобился для освѣщенія въ старой тюрьмѣ послѣднихъ приготовленій къ казни,—всѣ почувствовали, что ужасная минута приближается. Цѣлую ночь напролетъ простояла В. Н. на табуреткѣ у окна, карауля минуту, когда осужденнаго поведутъ черезъ тюремный дворъ, чтобы послать послѣднее прости товарищу, идущему на казнь. Но его провели какою-нибудь другою дорогою, или незамѣтно для заключенныхъ, воспользовавшись наступившимъ ночнымъ полумракомъ.

Такъ и не привелось ему услышать послѣдняго товарищескаго привѣта. Эта ночь, проведенная всѣми безъ сна, въ тревогѣ, въ мрачномъ ожиданіи, навсегда останется въ памяти у всѣхъ пережившихъ ее.

За два года до отъѣзда Вѣры Николаевны изъ Шлиссельбурга на нее обрушилось новое горе—смертельная болѣзнь матери, на благополучный исходъ которой не было никакой надежды. Извѣстія о ходѣ болѣзни, которыя получались Вѣрой Николаевной довольно часто отъ родныхъ черезъ департаментъ полиціи, держали ее въ постоянномъ напряженномъ состояніи тревоги, полунадежды и ожиданія. Она все ласкала себя мыслью, что болѣзнь можетъ протянуться, и она еще увидится съ матерью. Послѣ 19 лѣтъ разлуки одинъ остающійся годъ казался уже такимъ короткимъ. Но судьба рѣшила иначе. Мать В. Н. умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до ея освобожденія, не дождавшись того свиданія, о которомъ объ онѣ такъ страстно мечтали.

Но и въ тѣхъ неблагопріятныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ В. Н. прожила послѣдніе годы своей тюремной неволи, больная, разстроенная, она оставалась тою же, какою была

прежде, сохраняя бодрость, энергію и любовь и способность къ труду, въ которомъ находила успокоеніе и забвеніе.

Есть натуры, которыя не гнутся: ихъ можно только сломить, сломить на смерть, но не наклонить къ землѣ. Къ числу ихъ принадлежитъ Вѣра Николаевна...

Наступилъ, наконецъ, день отъѣзда, такъ давно и съ такимъ понятнымъ волненіемъ ожидаемый всѣми. Это напряженное ожиданіе и начавшіеся уже давно приготовленія и сборы въ дорогу истомили и уѣзжавшую, и тѣхъ, кто ее провожалъ. Наканунѣ уже увезли двухъ другихъ заключенныхъ—М. Ю. Ашенбреннера и В. Г. Иванова,тоже отбывшихъ свое 20-лѣтнее заточеніе, но отъ нихъ В. Н. почему-то отдѣлили. Въ послѣдній разъ вышла она сентябрьскимъ, осеннимъ утромъ на гулянье, а въ сосѣдній съ нею огородъ приходили по очереди всѣ заключенные на послѣднее свиданіе съ нею. Всѣ крѣпились, стараясь казаться веселыми, но разговоръ не клеился и шелъ неровно, скачками, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныя минуты. Каждому хотѣлось сказать такъ много, сказать что-нибудь очень теплое, сердечное, все, что было на душѣ у каждаго, но слова не сходили съ языка. Всѣмъ было тяжело, и не разъ слезы набѣгали на глаза В. Н., понимавшей настроеніе товарищей и съ трудомъ справлявшейся съ тѣмъ чувствомъ, которое охватывало ее. Наконецъ, передъ возвращеніемъ въ камеры, мы обмѣнялись послѣднимъ прощальнымъ объятіемъ и поцѣлуемъ...

Послѣ ранняго тюремнаго обѣда въ 12 часовъ В. Н. переодѣлась въ пустой камерѣ, выполняя процедуру, которую долженъ былъ продѣлать всякій, уѣзжавшій изъ Шлиссельбурга. Вотъ, хлопнула дверь камеры, и по галлереѣ раздались ея шаги. „Прощайте, прощайте!“ прозвучали въ тишинѣ ея послѣднія слова къ товарищамъ...

Не веселая и радостная покидала В. Н. тѣ стѣны, которыя окружали ее 20 лѣтъ, въ тиши которыхъ было пережито и перечувствовано такъ много. Изъ тюрьмы уходила она грустная, съ тяжелымъ чувствомъ, унося съ собою память о длинномъ рядѣ погибшихъ товарищей и подавленная мыслью о тѣхъ, кого она оставляетъ [1]).

[1]) Послѣдній манифестъ по случаю рожденія наслѣдника, вышедшій за два мѣсяца до увоза В. Н., также какъ и предыдущій коронаціонный, не былъ примѣненъ ни къ кому изъ оставшихся восьми безсрочныхъ шлиссельбуржцевъ, положеніе которыхъ представлялось поэтому безнадежнымъ. И въ тотъ, и въ другой разъ министры Горемыкинъ и Святополкъ-Мирскій, какъ бы въ насмѣшку

Наблюдавшіе изъ оконъ камеръ видѣли, какъ фигура В. Н., въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы, скрылась въ дверяхъ кордегардіи и затѣмъ появилась на крѣпостномъ дворѣ. Все время перехода до крыльца канцеляріи она оборачивалась и махала платкомъ, на что изъ оконъ тюрьмы ей отвѣчали тѣмъ же.

Въ канцеляріи ее задержали почему-то долго, и это вызвало даже опасенія у караулившихъ изъ оконъ ея отъѣздъ. Только черезъ часъ показалась на дворѣ группа жандармовъ съ офицеромъ въ походной формѣ, окружавшихъ В. Н. Еще двѣ-три минуты,—и всѣ они исчезли въ черной зіяющей пасти крѣпостныхъ воротъ...

Черезъ четверть часа рѣзкіе свистки полицейскаго парохода, присланнаго изъ Петербурга за В. Н., извѣстилъ товарищей, что крѣпостныя стѣны уже скрываются изъ ея глазъ.

Тюрьма какъ бы оспротѣла, замолкла и пріуныла. Изъ нея исчезло навсегда что-то свѣтлое, бодрящее, сильное...

Изъ Шлиссельбурга В. Н. попала прямо въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ ей пришлось провести болѣе мѣсяца въ мрачной обстановкѣ Трубецкого бастіона, пока разрѣшался вопросъ о ея дальнѣйшей участи. Мѣстомъ жительства для нея былъ назначенъ далекій сѣверъ, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1904 года В. Н. была водворена въ небольшой деревушкѣ на берегахъ Бѣлаго моря, въ 70 верстахъ отъ Архангельска. Предварительно ей пришлось еще протомиться и въ Архангельской тюрьмѣ двѣ-три недѣли.

Тяжелое душевное настроеніе переживала В. Н. въ первые дни и мѣсяцы своего освобожденія. Слишкомъ близко было еще позади ужасное прошлое, полное такихъ мучительныхъ картинъ и воспоминаній. Для того, чтобы дѣйствительно воскреснуть къ жизни, нужно было пережить трудный процессъ постепеннаго пріобщенія къ новой жизни, приспособленія къ ней, и у В. Н., съ ея больными, разбитыми нервами, процессъ этотъ протекалъ крайне медленно и болѣзненно. Ея мысли постоянно возвращались назадъ,—прошлое такъ властно царило надъ всѣми ея чувствами и воображеніемъ...

Тогдашнее настроеніе В. Н. прекрасно рисуется въ письмѣ ея къ Н. Ф. Якубовичу. Въ немъ картинно отражаются тѣ

надъ предоставленнымъ имъ въ манифестѣ правомъ—входить съ докладомъ о расширеніи примѣненія манифеста къ отдѣльнымъ лицамъ, дѣлали соотвѣтствующій докладъ на высочайшее имя о «непримѣненіи» манифеста къ безсрочнымъ Шлиссельбуржцамъ.

чувства, тѣ болѣзненныя переживанія прошлаго, которыя постоянно вставали въ ея душѣ. „Только истинный поэтъ, говоритъ она, — могъ бы воплотить въ звуки всѣ фазы ярости, остраго, какъ ножъ отчаянія и настоящей душевной агоніи, все, что было пережито въ разные періоды 22-хъ лѣтія. Чего-чего не было за это время! И настроеніе христіанской мученицы, готовой все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клѣтку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неутолимаго желанія свободы... и безконечная снѣжная пелена, когда все застыло, все успокоилось и началось существованіе „безъ настроенія", безъ остраго страданія, безъ мукъ отъ сознанія своихъ силъ и своего безсилія, когда думалось, что уже „свершилась судьба", и единственный исходъ—смерть, естественная, спокойная, съ блѣднымъ утѣшеніемъ, что ляжешь рядомъ съ тѣми, кто умеръ раньше, и заслужишь такое же теплое чувство, которое самъ питаешь къ дорогимъ покойникамъ. И вдругъ! опять ударъ въ замкнутую дверь... стукъ жизни, призывающій: „Возстань и гряди!" Ахъ, П. Ф., когда человѣкъ уже рѣшилъ, что все кончено, и примирился съ этимъ, отказался жить, то быть вновь разбуженнымъ крикомъ „живи"!—это цѣлая трагедія, мука, отъ которой даже и сейчасъ я не могу еще освободиться"...

Да, не легко освободиться отъ тяжести воспоминаній 22-лѣтней тюремной пытки, отъ призраковъ и кошмаровъ такого заключенія. И не удивительно, конечно, что самочувствіе В. Н., очутившейся, вдабавокъ ко всему, въ глухой деревушкѣ крайняго сѣвера, было очень плохо. Вывезенная ею изъ Шлиссельбурга цынга долго не оставляла ее, а дефекты нервной системы проявились въ острыхъ болѣзненныхъ симптомахъ. Появилась боязнь пространства, страхъ при видѣ широкой водной поверхности, сильная возбудимость нервовъ, реагировавшихъ слишкомъ болѣзненно на всякое новое впечатлѣніе. Для того, чтобы дать ей возможность оправиться, окрѣпнуть, необходимы были другія условія, другая обстановка.

Въ Архангельской губ. В. Н. прожила 6—7 мѣсяцевъ, окруженная заботами сестеръ, родныхъ и друзей, пріѣзжавшихъ къ ней и не оставлявшихъ ее въ одиночествѣ все это время.

Лѣтомъ 1905 года В. Н. получила, наконецъ, разрѣшеніе переѣхать на родину въ Казанскую губ., въ деревню, въ которой она провела свое дѣтство, въ тѣ мѣста, увидѣть которыя снова такъ мечтала за стѣнами Шлиссельбурга.

«Мудрено ли, что эти мѣста
Сердцу дороги, въ памяти живы?..
И въ душѣ не смолкаетъ мечта—
Еще разъ услыхать шелестъ ивы.»

Ея мечты, наконецъ, осуществились. Но и тутъ высшее правительство, въ лицѣ министра Дурново, не оставляло ее въ покоѣ. Къ ней приставили двухъ стражниковъ, которые должны были неотступно слѣдить за всякимъ ея шагомъ, и только разрѣшеніе переселиться въ Нижній Новгородъ избавило ее въ началѣ 1906 г. отъ этого почетнаго конвоя.

Я увидалъ В. Н. черезъ два года послѣ ея освобожденія. По внѣшнему виду она очень поправилась, пополнѣла, но нервы все еще не окрѣпли. Простой мало-мальски оживленный разговоръ или проведенный въ обществѣ вечеръ вызывали мучительныя безсонницы, постоянно ее преслѣдовавшія. Мнѣ привелось быть вмѣстѣ съ В. Н. въ одномъ общественномъ собраніи, гдѣ было много ея знакомыхъ. Съ интересомъ слѣдилъ я за ней и поражался непринужденностью ея обращенія, тактомъ и находчивостью, съ которыми она поддерживала общій разговоръ, умѣя сказать что-нибудь всякому,— обратиться съ вопросомъ къ одному, сказать другому любезную фразу, упрекнуть, похвалить, бросить улыбку... Казалось, у В. Н. не было позади 22-хъ лѣтняго отчужденія отъ жизни, казалось—она никогда не покидала этого общества и чувствуетъ себя въ немъ совершенно свободно...

Въ теченіе послѣдняго года В. Н. много работала, занималась переводами, писала оригинальныя статьи, напечатала сборникъ своихъ стихотвореній. Ея бодрость и энергія сохранились въ полной силѣ, и тяжелыя испытанія, выпавшія на ея долю, не пошатнули ея вѣры въ близкую побѣду добра и справедливости надъ темными силами русской жизни. Въ концѣ 1906 года В. Н. получила разрѣшеніе отправиться за границу для поправленія разстроеннаго здоровья, куда и уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ.

Много, много лѣтъ жизни В. Н. была оторвана отъ всего дорогого и близкаго, отъ жизни родины, для блага которой никакія жертвы не казались ей тяжелыми. Текли года, и въ тюремномъ одиночествѣ ей стало казаться, какъ и другимъ ея товарищамъ, „что все затихло... и на свободѣ та же пустыня, что и въ тюрьмѣ“. Ей чудилось это, но она оставалась на своемъ посту, вѣрная долгу, сохраняя въ душѣ неприкосновеннымъ все, что украшаетъ и возвышаетъ че-

ловѣка... „Нѣтъ,—заключаетъ В. Н. свое письмо къ архангельскимъ ссыльнымъ,—мы были отторгнуты отъ жизни, но жизнь не прекратилась и шла другими многочисленными руслами... И то, что нѣкогда было сравнительно небольшимъ теченіемъ, превращается нынѣ въ бурный и неудержимый потокъ. Только стѣны были слишкомъ непроницаемы и глухи, и мы лежали, какъ мертвый камень лежитъ на руслѣ, временно покинутомъ или обойденномъ большой рѣкой".

Пришло время, и рѣка опять залила этотъ „мертвый камень", подхватила и унесла его своимъ могучимъ теченіемъ. Потокъ жизни разбилъ двери тюрьмы и открылъ Вѣрѣ Николаевнѣ ту широкую арену, на которой ея умъ, энергія и самоотверженность, конечно, снова найдутъ достойное примѣненіе.

Сергѣй Ивановъ.

Содержаніе I части „Галлереи“.

СТРАН.

Отъ редакціи III
Шлиссельбургская крѣпость. *А. С. Пругавина*. . . . . V—XXVIII
Раскрытый тайникъ. *Л. Мельшина* . . . . . XXIX—XLV
Иванъ Ивановичъ Пущинъ. *В. Богучарскаго* . . . . . 1— 8
Николай Александровичъ Бестужевъ. *С. Венгерова*. . . . . 9— 12
Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. *С. Венгерова*. . . . . 13— 16
Іосифъ Викторовичъ Поджіо. *В. Семевскаго* . . . . . 17— 28
Валеріанъ Лукасинскій. *Симона Аскеназы* . . . . . 29— 36
Николай Ивановичъ Гулакъ. *В. Семевскаго* . . . . . 37— 55
Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. *Е. Тарле* . . . . . 56— 71
Александръ Васильевичъ Долгушинъ. *А.* . . . . . 72— 78
Егоръ Ивановичъ Минаковъ. *С. Щепотьева* . . . . . 79— 83
Михаилъ Федоровичъ Фроленко I. *Л. М.* . . . . . 84— 86
II. *В. Фигнеръ* . . . . . 86— 95
Николай Александровичъ Морозовъ. *В. Фигнеръ*. . . . . 96—107
Петръ Леонтьевичъ Антоновъ. *В. Фигнеръ* . . . . . 108—116
Николай Даниловичъ Похитоновъ. *В. Фигнеръ* . . . . . 117—131
Іосифъ Дементьевичъ Лукашевичъ. *В. Фигнеръ* . . . . . 132—141
Михаилъ Васильевичъ Новорусскій. *В. Фигнеръ* . . . . . 142—147
Михаилъ Федоровичъ Лаговскій . . . . . 148—151
Михаилъ Родіоновичъ Поповъ. *С. Сватикова* . . . . . 152—176
Людвигъ Варынскій. *Л. Василевскаго (Плохоцкаго)*. . . . . 177—181
Людвигъ Фомичъ Яновичъ. *Л. Василевскаго (Плохоцкаго)*. . . 182—184
Дмитрій Яковлевичъ Суровцевъ . . . . . 185—186
Михаилъ Петровичъ Шебалинъ . . . . . 187—188
Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ . . . . . 189—191
Германъ Александровичъ Лопатинъ. *Н. Е. Кудрина* . . . . . 192—199
Александръ Ильичъ Ульяновъ. *А. Ульяновой* . . . . . 200—213
Петръ Яковлевичъ Шевыревъ. *М. Новорусскаго*. . . . . 214—216
Василій Денисовичъ Генераловъ. *М. Н.* 217
Пахомій Ивановичъ Андреюшкинъ. *М. Новорусскаго* . . . . . 218—219
Василій Степановичъ Осипановъ. *М. Новорусскаго*. . . . . 220—221
Людмила Александровна Волкенштейнъ. *Серпья Иванова* . . . 222—233
Вѣра Николаевна Фигнеръ. *С. Елпатьевскаго* . . . . . 234—249
Вѣра Николаевна Фигнеръ. *С. Иванова* . . . . . 250—297